

9с1
Ф-33

В. А. Федоров

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ВРЕМЯ

ВФ164227

В. А. Федоров

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ВРЕМЯ

Издательство
Московского университета
1992

Рецензент: доктор исторических наук *Н. И. Цимбаев*

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского
совета Московского университета*

Федоров В. А.

Ф32 Декабристы и их время.—М.: Изд-во МГУ, 1992.—272 с.
ISBN 5-211-02205-X

В монографии освещаются ключевые проблемы декабристского движения: формирование декабристской идеологии, структура и деятельность декабристских организаций, тактические принципы и программные документы декабристов, подготовка и проведение восстаний 14 декабря 1825 г. в Петербурге и 29 декабря 1825 г.—3 января 1826 г. на юге России, следствие и суд над декабристами. Поставлены новые вопросы: место декабристов в европейском революционно-освободительном движении, декабристы и русская культура, декабристы и преемственность революционных поколений. Большое место занимают анализ источников по данной теме и характеристика различных направлений в декабристоведении.

Для широкого круга читателей.

Ф 0503020300—154 40—92
077(02)—92

ББК 63.3(2)47

ISBN 5-211-02205-X

© Издательство Московского университета,
1992

ВВЕДЕНИЕ

История освободительного движения в России начинается с декабристов. Именно они впервые создали революционную организацию, разработали политическую программу и осуществили вооруженное выступление против самодержавно-крепостнического строя.

Для стран Европы и Америки период конца XVIII — первой половины XIX в. был ознаменован кардинальными социально-экономическими и политическими изменениями, крупными революционными событиями. Это была эпоха подъема буржуазии и утверждения капитализма в западноевропейских странах и в Северной Америке, полосы буржуазно-демократических революций и национально-освободительных движений, «эпоха ломки отживших феодально-абсолютистских режимов». Хотя крепостническая Россия и отставала в своем социально-экономическом развитии от наиболее передовых европейских стран, в ней развивались те же процессы: назревал кризис феодально-крепостнической формации и все очевиднее становилась необходимость буржуазно-демократических преобразований — ликвидации крепостничества и самодержавия, сословного строя и феодально-абсолютистских учреждений. Во всех буржуазно-демократических революциях конца XVIII — начала XIX в. ведущую роль играла буржуазия, хотя в числе лидеров революции было немало и представителей передового дворянства. Особенностью же российского исторического процесса являлось то, что на раннем этапе освободительного движения руководство борьбой за объективно буржуазные преобразования всецело принадлежало дворянству, а не буржуазии. Это и определило своеобразие характера первого этапа освободительного движения в России.

Декабристы принадлежали к поколению дворянских революционеров. Это была небольшая часть наиболее образованного передового дворянства. В целом же русское дворянство оставалось крепостнически настроенным и верным престолу привилегированным сословием и в реально-жизненном плане представляло собой, по определению А. И. Герцена, «бесчисленное количество пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников» (38, т. 16, с. 171). Великая историческая заслуга декабристов заключалась в том, что они, «рожденные в среде палачества и раболепия», смогли подняться выше своих классовых интересов, презреть

свои сословные привилегии и пойти сознательно на явную гибель во имя высоких и благородных идеалов.

Как наиболее передовые и образованные люди своего времени декабристы поняли, что крепостничество и самодержавный политический произвол — главные причины бед и отсталости России. И ликвидация крепостного строя и самодержавия рассматривалась ими не в свете обретения абстрактного блага и справедливости, а в первую очередь как конкретная и глубоко патриотическая задача «спасения» России. Исторические и социально-экономические закономерности выступления декабристов ни в коем случае не должны затушевывать исключительность, своеобразие их движения в целом, ту печать избранничества, которая легла на их судьбы.

Русская культура, в самом широком смысле этого понятия, не только была духовной и нравственной почвой для декабристов, но она непосредственно воплощалась в них и ими была возведена на новую ступень. Репутация образованнейших людей своего времени, закрепленная за декабристами, — не «легенда» и не «поздний приговор потомков». Эта репутация сложилась еще при их жизни и была естественным следствием того авторитета и влияния, которыми они обладали среди своих современников.

Декабристы составляют целую эпоху не только в революционном движении в России, но и в истории общественной мысли и русской культуры. Их влияние на все стороны общественно-политической и культурной жизни было исключительно велико, причем не только в пору их активного действия на исторической арене, но и в последующие годы. Декабристы, по сути, воспитали новые поколения русских революционеров 30—50-х годов XIX века. Участники студенческих кружков Московского университета конца 20-х — начала 30-х годов, А. И. Герцен и Н. П. Огарев, петрашевцы — все они видели себя наследниками и продолжателями дела декабристов. Декабристские идеи горячо воспринимались и революционерами 60-х годов. «Когда я был студентом, — вспоминал Л. Ф. Пантелеев, — а затем и в последующие годы, дело декабристов всегда возбуждало огромный интерес, постепенно слагался особенный пиетет к личности декабристов. Мало того, чувствовалась, в известной степени, преемственная связь текущего общественного движения с политическими идеалами декабристов» (67, с. 85). Подвигом декабристов восхищался Н. Г. Чернышевский, подчеркивая их заслуги перед родиной и силу их патриотизма. Декабристские идеи воплотились в творчестве не только самих писателей и поэтов-декабристов, но и близких к декабристам А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, П. А. Вяземского, П. А. Катенина, В. И. Туманского, а впоследствии А. И. Полежаева, поэтов-петрашевцев.

Декабристская страница отечественной истории заключает в себе и большой нравственный смысл. Доселе больше всего обращалось внимание на их гражданский подвиг как первых

революционеров. Но нам дороги и те нравственные ценности, которые были поистине возвращены этими защитниками вольности и завещаны ими последующим поколениям революционеров и вообще всем честным передовым людям России, это — подлинный патриотизм и чувство интернационального братства, нетерпимость к всевозможным проявлениям деспотизма, сознание высокого гражданского долга и готовность на беззаветное, бескорыстное служение отечеству. Истинное рыцарство, душевная чистота и благородство, высоко развитые чувство чести и товарищества — отличительные черты декабристов. Декабристы жертвовали всем своим достоянием, которое давало им их происхождение и положение, и даже самой жизнью во имя великого, святого дела. «Не для наград, не для приобретения почестей хотим мы освободить Россию, — утверждали декабристы, — сражаться до последней капли крови: вот наша награда» (39, с. 28). Симптоматично удивление известного русского вельможи московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина: «Во Франции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями, а у нас же графы и князья хотели сделаться сапожниками и тряпичниками» (43, с. 6). «Дело» декабристов само по себе было великим нравственным подвигом, казавшимся, естественно, странным и непонятным остальной, консервативной части дворянства. И здесь нельзя не отметить, что именно этот нравственный фактор сыграл решающую роль в том, почему небольшая часть образованного дворянства встала на революционные позиции. Ведь в России было немало образованных и умных дворян, придерживавшихся своего кодекса чести, но они не вышли на Сенатскую площадь. Именно в силу нравственных принципов более высокого порядка, иных, чем было принято, отличающихся от официальных понятий о чести и патриотизме, во имя более высоких, передовых идеалов — подлинного блага России в том значении, как его понимали люди эпохи Просвещения, выступили декабристы.

Благородные идеалы и высокие нравственные ценности декабристов, значение их революционного подвига непреходящи. Они постоянно вызывают к себе живейший интерес не только специалистов-декабристоведов, но и самой широкой общественности, вдохновляют деятелей литературы и искусства на создание художественных произведений о них: «декабристская тема» широко представлена в художественной литературе, живописи, музыке, кинематографии. Интерес к этой странице нашей истории не ослабевает.

В предлагаемой монографии, составляющей содержание много лет читаемого ее автором в студенческой аудитории специального курса, ставится задача, опираясь на документальную и исследовательскую литературу о декабристах, широко используя архивные материалы, большинство из которых вводится в научный оборот впервые, рассказать в популярной форме об условиях формирования передовой, декабристской идеологии в

России, об эпохе декабристов, их окружении, о структуре и деятельности тайных декабристских организаций, проанализировать программные и уставные документы декабристов, рассмотреть кульминационные события в движении декабристов — восстания в декабре 1825 г. в Петербурге и на Украине. Многие известные факты трактуются по-новому. Наряду с широко освещаемыми в декабристоведении сюжетами автор обращает внимание и на темы недостаточно разработанные или поднятые исследователями только в последнее время: декабристы и Запад, место декабристов в общемировом революционном процессе, декабристы и русское масонство. Приводятся новые данные о малоизвестных ранее организациях, действовавших в России в эпоху декабристов, но слабо связанных с ними или действовавших независимо от них (например, Кавказское тайное общество, Общество военных друзей). Впервые дается обобщающая историко-ведческая оценка декабристских материалов. С привлечением нового архивного материала подробно исследуется трагическая страница в жизни декабристов — следствие и суд над ними, чему посвящена специальная глава. Необходимость детального рассмотрения этой темы диктовалась тем, что политический процесс над декабристами — важное событие в истории революционного движения в России и по сути дела — продолжение борьбы революционеров с правительством в экстремальных условиях следствия и суда. Именно этим сюжетом и завершается данная монография, хотя «декабристская тема» этим событием не кончается. Декабризм как идеология развивается и после 1825 года, воплотившись в многочисленных статьях, трактатах, публицистических письмах и мемуарах декабристов, в их просветительской деятельности в Сибири. Но это уже иная, не «декабристская» эпоха общественно-политической жизни России, с иной общественно-политической атмосферой, иными, поставленными жизнью, задачами. Данная монография хронологически ограничивается временными рамками активного действия декабристов на общественной арене, т. е. собственно движением декабристов, когда декабристы выступали как главная движущая сила освободительной борьбы.

Предлагаемая монография носит характер научно-популярного исследования, адресованного студентам и аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ
О ДЕКАБРИСТАХ

«О нас в истории страницы напишут!»— вдохновенно говорил на совещании у К. Ф. Рыльева накануне восстания поэт-декабрист Александр Одоевский. Он ошибся лишь в том, что не «страницы», а сотни книг, многие тысячи статей и документальных публикаций посвящены декабристам. К настоящему времени насчитывается уже свыше 15 тысяч работ и публикаций о декабристах, и поток их не ослабевает. Разумеется, вся эта литература неравноценна. Есть солидные, обобщающего характера монографии, большие статьи, освещающие крупные теоретические проблемы декабристского движения, но основной массив литературы о декабристах представлен небольшими сообщениями по частным вопросам, рецензиями, публикациями отдельных документов, однако и они имеют важное научное значение, ибо в совокупности дают богатый и разносторонний материал — необходимую базу для обобщающих теоретических исследований.

«Историография декабризма возникла сейчас же после того, как пропремели пушки на Сенатской площади», — отмечает М. В. Нечкина (151, т. 1, с. 6). Уже на следующий день после восстания в правительственных газетах появились сообщения об этом событии. Строго говоря, эти публикации следует отнести не к «историографии», а к категории источников по данной проблеме, но они содержат определенную, официальную, трактовку описываемых событий, которая, как увидим ниже, легла в основу и была развита в исследовательских работах некоторых историков дворянского направления. Суть ее сводилась к тому, что декабристы трактовались как «скопище кровожадных царевубийц», которые набрались иноземных «пагубных идей» и тщетно пытались осуществить свои «преступные» замыслы в России, но не нашли ни почвы, ни сочувствия в различных слоях русского общества. «Не в свойствах и нравах русского народа был сей умысел», — доказывала официальная версия. Отсюда дело декабристов представлялось «чуждым» духу русского народа, явлением «случайным», не имевшим почвы в России, «заразой, извне привнесенной», а сами декабристы назывались «отщепенцами» общества, «невеждами» и «злодеями». Восстание 14 декабря 1825 г. характеризовалось как «вспышка», «испытание», доказавшее якобы всему свету «верность» русского народа «престолу и закону». Ни словом в официальных заявлениях не упоминалось о настоящих, благородных целях декабристов. Широ-

ко пропагандировавшаяся в официальных материалах о декабристах версия о «спокойствии» в России, невозможности в ней революции, преданности народа православию и престолу впоследствии легла в основу так называемой теории «официальной народности».

Официальная трактовка декабристов в 40—50-х годах XIX в. нашла свое воплощение и наукообразную аргументацию в специально посвященной описанию дня 14 декабря 1825 г. книге барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Первоначально она называлась «Историческое описание 14-го декабря 1825 года и предшедших ему событий». С инициативой написания этой книги выступил наследник престола Александр Николаевич (будущий император Александр II). Это намерение горячо поддержал Николай I, который предоставил Корфу некоторые материалы из своего семейного архива (дневники, воспоминания, семейную переписку). В 1847 г. первоначальный вариант рукописи был готов. Николай I внимательно ознакомился с ним и внес исправления и дополнения. Корф заново переписал свой труд, который был по распоряжению императора издан в 1848 г. ограниченным тиражом (25 экз.) — только для членов царского дома и некоторых приближенных к нему лиц. В 1853 г. Корф представил новый вариант своей книги, одобренный Николаем I и изданный в 1854 г. под названием «Четырнадцатое декабря 1825 года» опять-таки тиражом в 25 экземпляров для узкого круга лиц.

В августе 1856 г. декабристам была объявлена амнистия. В конце 1856 — начале 1857 г. стали возвращаться из сибирской ссылки оставшиеся в живых герои декабрьских событий 1825 г. Интерес русской общественности к декабристам резко возрос, и правительству необходимо было противопоставить толкам, неблагоприятным для него, свою интерпретацию событий. В результате появилось третье («первое для публики») издание сочинения Корфа. В течение 1857 г. оно издавалось семь раз, было переведено на основные европейские языки и имело определенный резонанс в России и за рубежом. Надо сказать, что придворные круги были против ее публикации, требуя «сохранить семейную тайну» и «не ворошить прошлое», хотя вся книга была пронизана стремлением возвеличить самодержавие и лично Николая I и, одновременно, «развенчать» и принизить декабристов. Разумеется, Корф замалчивает истинные цели восставших, пытается изолировать их от общественной среды, в которой они действовали и которая им сочувствовала, противопоставляет «мятежников»-офицеров якобы «обманутым» ими солдатам. О самом восстании он говорит как о «большом зле», превозносит «милосердие» Николая I к декабристам («мятежники были преданы смягченной монаршим милосердием каре») (126, с. 197—198). Лесть и подбострастие Корфа вызвали возмущение передовой общественности России. А. И. Герцен назвал книгу Корфа «подлым произведением евнуха, достойным византий-

ского ратора или бонапартистского префекта», и обратился в «Колоколе» с открытым письмом к Александру II, протестуя против охаивания святой памяти декабристов (38, т. 13, с. 35—46).

Однако еще раньше против официально заявленной правительственной версии о декабристах выступили сами декабристы. Они считали необходимым восстановить историческую правду, хотя в условиях жестокой николаевской реакции сделать это открыто было практически невозможно. И все же в мемуарах, публицистических статьях, надеясь в перспективе на их публикацию, декабристы занялись этим благородным трудом. Д. И. Завалишин свидетельствует, что еще в Читинской тюрьме (т. е. в 1828 г.) среди узников возник замысел создания коллективной «истории 14 декабря». Была даже образована специальная комиссия из декабристов-узников, приступившая к собиранию материалов (в основном мемуарных свидетельств). Известно, что первые воспоминания декабристов были написаны уже в Чите и на Петровском заводе (они не сохранились). Новый цикл декабристских мемуаров стал формироваться в 30—50-х годах, когда декабристы вышли на поселение и уже не ощущали такого вездесущего полицейского надзора, как на каторге.

В историографическом плане среди мемуарного наследия декабристов особо надо выделить статьи М. С. Лунина — «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года» (1838 г.) и «Разбор донесения, представленного российскому императору Тайной Комиссией в 1826 году» (1839 г.), созданную совместно с Н. М. Муравьевым (60, с. 116—161). Обе статьи были написаны на французском и английском языках и предназначались для публикации за рубежом. Первая статья представляет собой сжатый очерк истории тайных обществ в России; в ней доказывается закономерность возникновения в России этих обществ, их глубоко прогрессивное историческое значение; статья завершается страстным осуждением судебной расправы царизма над декабристами. Вторая статья, развивая идеи первой, ставит задачу разоблачения тенденциозности царского следствия. Обе статьи, по замыслу Лунина, должны были быть включены в его будущий монографический труд о политическом процессе над декабристами. В связи с этим он просил свою сестру Е. С. Уварову, имевшую обширные связи в аристократических кругах, прислать ему все напечатанные в России и за границей материалы об этом процессе, достать протоколы судебных заседаний, а также «те устные рассказы», которые она сумеет собрать, «заставив болтать присутствующих на этом суде лиц». Однако замысел остался невыполненным: сестра не смогла добыть необходимых Лунину материалов, а сам он по доносу провокатора в марте 1841 г. был отправлен в новую ссылку, в Акатуй, где в 1845 г. умер при загадочных обстоятельствах.

В 1847 г. в Париже, Гааге и Брюсселе был опубликован на французском языке трехтомный труд находившегося в эмигра-

ции старейшего деятеля декабристского движения Н. И. Тургенева «Россия и русские», в котором в виде «воспоминаний и размышлений» была изложена история декабристских организаций, обрисовано состояние России того времени и предложен обширный план необходимых для России реформ (134). Как вспоминал известный славянофил Д. Н. Свербеев, когда в начале 40-х годов в Петербурге стало известно, что Тургенев «возымел намерение писать о России», то со стороны русского правительства автору были сделаны «довольно явные намеки оставить этот труд», даже дали почувствовать, что «за такое молчание может последовать прощение» (он был заочно приговорен к пожизненной каторге); на это Тургенев ответил, что он «в прощении не нуждается» (43, с. 53). В книге доказывалось, что в деятельности декабристских обществ не было ничего противозаконного и они фактически преследовали те же цели, что и правительство Александра I. Восстание 14 декабря, по мнению Тургенева, не было связано с деятельностью тайных обществ, вполне мирной. Хотя Тургенев и отрицал революционный характер декабристских организаций, но в принципе он оправдывал восстания и революции против тирании, с большой теплотой отзывался об участниках восстания 14 декабря 1825 г., подвергнувшихся суровому наказанию. Следствие и суд над декабристами он охарактеризовал как «чудовищный процесс», доказывал юридическую несостоятельность донесения Следственной комиссии и приговора Верховного уголовного суда. «Через сто лет эшафот послужит пьедесталом для статуй мучеников», — писал Тургенев. Но в своей книге он стремился не только «оправдать» себя и декабристские организации перед русскими официальными властями, а точнее, доказать юридическую неправомочность суровых кар декабристам, — его сочинение, глубоко патриотическое по своему духу, содержащее и воспоминания, и политический трактат, и программу либерально-буржуазных преобразований, было призвано «защитить Россию и русских» перед европейским общественным мнением.

Своеобразна оценка декабристов славянофилами и западниками. Некоторые из них (А. С. Хомяков, Д. Н. Свербеев, А. И. Кошелев, И. В. Киреевский) в молодости были тесно связаны со многими декабристами, даже присутствовали на некоторых их совещаниях. Славянофилы рассматривали декабристское движение как «копирование» западноевропейских образцов. Отсюда его осуждение за то, что в нем якобы не было «ничего русского», что в планах декабристов народ «не занимал никакого места». Хомяков, например, писал о «деле декабристов» как о «заблуждении очень достойных, воспитанных и благородных людей», но плохо знавших отечество и дух народный. Славянофилы указывали, что декабристы заслуживают памяти потомства как провозвестники свободы и самоотверженные борцы против деспотизма, произвола и беззакония, но отрицали революционные методы их действий. Всякую революцию, а особенно

«революцию военную», на которую ориентировались декабристы, славянофилы расценивали как «перерыв», «остановку» в развитии страны и народа. «Всякий военный бунт сам по себе безнравственен,—писал Хомяков,—из всех революций самая незаконная есть военная», ибо войско станет распоряжаться народом по произволу. Возникнет «тиранство вооруженного меньшинства» (81а, т. 2, с. 8). Неудачу декабристов славянофилы видели в том, что народ не поддержал их, ибо они замахнулись на самодержавную власть царя, которому русский народ предан изначально, и бунтовать против него не будет, а тем более не поднимется против царя вместе с дворянами. Сама неудача декабристов являлась у славянофилов важным аргументом в пользу того, что надо искать иные пути борьбы с тиранией (76а, т. 12, с. 450). В оценке восстания декабристов сходились со славянофилами и умеренные западники (например, Б. Н. Чичерин и Н. А. Мельгунов), которые считали его «печальным отголоском революционных бурь на Западе», «величайшей ошибкой», но они также не могли не воздать должного благородству и самоотверженности декабристов (82а, с. 74—75).

Трактовка движения декабристов с революционно-демократических позиций наиболее полно была дана А. А. Герценом, который считал себя их наследником и продолжателем. Естественно, Герцен стремился в первую очередь уяснить для себя самого смысл и значение дела своих предшественников. Здесь им руководила не только благородная цель защитить от потока официальной лжи доброе имя декабристов, но и ставилась практическая задача—учесть их революционный опыт, равно как и их ошибки. Характерно, что такие основные, ценные мыслями и выводами теоретические работы Герцена о декабристских революционных традициях, как «О развитии революционных идей в России» (38, т. 7, с. 193—204), «Русский заговор 1825 г.» (38, т. 13, с. 128—145), были написаны в годы начала общественно-политического подъема и складывания революционной ситуации в России. А. И. Герцен и Н. П. Огарев стали первыми издателями запретных материалов о декабристах—их мемуаров, писем, агитационных произведений, которые печатались в «Колоколе», «Полярной звезде», «Исторических сборниках», выходили отдельными изданиями. Герцен впервые опубликовал ценнейшие мемуары И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого, Ф. Ф. Вадковского, Н. Р. Цебрикова, статьи М. С. Лунина, мемуары братьев Бестужевых, художественные произведения декабристов. Большую помощь оказал Герцену младший сын декабриста И. Д. Якушкина Евгений Иванович, доставлявший эти материалы в Лондон. Он дважды приезжал в начале 50-х годов к отцу в Ялуторовск, где находилась наиболее значительная колония ссыльных декабристов, записывал их рассказы, по его настоятельной просьбе написали свои воспоминания И. И. Пущин и Е. П. Оболенский. На основе этих материалов Герцен и Огарев намеревались создать обширный труд «Исторические очерки о героях 1825 го-

да и их предшественниках». Уже были написаны этюды о Якушкине, Рылееве, Николае Бестужеве. Но этот замысел остался неосуществленным.

Концепция Герцена (ее разделял и его единомышленник и друг Н. П. Огарев) вкратце заключается в следующем. Герцен четко придерживался идеи о закономерном возникновении революционного движения в России, подчеркивал важное историческое значение движения декабристов для прогресса России и высоко оценивал роль декабристов для воспитания нового поколения русских революционеров. Герцен первым указал и на главную причину неудачи декабристов — их оторванность от народных масс («декабристам на Исаакиевской площади не хватало народа» (38, т. 13, с. 144).

Заметим, что впоследствии эти идеи были восприняты прогрессивными русскими историками, теоретически развиты и дополнены В. И. Лениным. Однако спорен выдвинутый Герценом тезис о «социализме» Пестеля, которого он называет «социалистом до социализма», основываясь на взгляде Пестеля на волю как коллективную хозяйственно-производственную и общественно-административную единицу.

Оценка декабризма с революционно-демократических позиций была дана профессором истории Казанской духовной академии А. П. Шаповым в лекциях, прочитанных им в Казанском университете в 1860—1861 гг. Сохранились конспективные записи одной из этих лекций, обнаруженной полицией при обысках у студентов среди «запрещенной литературы». Лекция называлась «Развитие и умножение тайных обществ в первой четверти XIX столетия. Попытка 14 декабря. Развитие политической свободы и народного самоуправления». По мнению Шапова, общественно-политическое движение в России проходило в своем развитии три последовательно сменявшие друг друга «формы»: «инстинктивно-революционную» (стихийные народные выступления — крестьянские войны и городские восстания), «народно-религиозную» и «сознательные» конституционные попытки и создание тайных обществ из среды «образованных классов, составлявших меньшинство народа» (к последним он относил декабристов). Используя зарубежные публикации Герцена о декабристах, Шапов подробно знакомил слушателей с историей и структурой тайных обществ, основными программными положениями декабристов. Неудачу декабристов Шапов, как и Герцен, видел в полном отрыве декабристов от народных масс, отмечал, что декабристы начали свое «дело» раньше, чем «проснулся народ». «Скоро ли придет то желанное время, когда Рылеев и Муравьевы подадут руку Пугачеву?» — вопрошал Шапов аудиторию. Слушатели поражались смелости лектора. В. И. Бervi (Флеровский), слушавший тогда Шапова, позже вспоминал: «Шапов увлекал студентов неслыханной своей откровенностью» (102а, с. 66). Так свободное слово о декабристах громко прозвучало тогда в студенческой аудитории.

С 1870 г. начал выходить исторический журнал «Русская старина» (издатель — М. И. Семевский), уделявший много внимания публикации материалов по истории освободительного движения в России и в особенности — движения декабристов. Практически почти все мемуары декабристов, часть их обширной переписки были изданы в «Русском архиве» и «Русской старине». Публикация декабристских материалов в то время приобрела важное общественное звучание. Их выход в свет вызывал горячий отклик со стороны современников и товарищей декабристов. Изданные материалы побуждали остававшихся в живых декабристов к созданию новых воспоминаний. Между мемуаристами рождалась деловая полемика, в результате которой уточнялись многие данные.

В 1870 г. видный русский публицист, историк и литературовед А. Н. Пыпин (двоюродный брат Н. Г. Чернышевского) опубликовал в журнале «Вестник Европы» серию «исторических очерков» под общим названием «Общественное движение в России при Александре I». В 1871 г. они вышли отдельным изданием; всего эта книга выдержала 9 изданий. В ней освещаются деятельность Александра I, взгляды И. М. Сперанского и Н. М. Карамзина; две больших главы посвящены декабристам. Книга написана на солидной для того времени источниковой основе. Ряд ценных материалов передал Пыпину его друг декабрист Н. И. Тургенев. Они были единомышленниками. Тургеневская интерпретация декабризма получила наиболее полное и развернутое отражение в этой книге Пыпина. Как и Тургенев, Пыпин считал декабристов продолжателями либеральных преобразований первого десятилетия царствования Александра I, последователями идей Негласного комитета и планов Сперанского. Он стремился доказать, что декабристы по сути дела не были революционерами. Они в его глазах — «невинные мечтатели» о реформах, о которых размышляло и само правительство. Поэтому, рассуждал Пыпин, декабристы и их тайные организации никакой опасности для правительства не представляли, и лишь не в меру суровые репрессии правительства дали основание говорить о «деле» декабристов как о революционном. Конституционные проекты декабристов рассматривались Пыпиным как простые рассуждения о формах правления, как мнения отдельных лиц, не обязательные для остальных членов тайных обществ. Восстание 14 декабря 1825 г. трактовалось им как «минутный взрыв отчаяния в немногочисленном кружке» (183, с. 474).

Декабристская тема не была обойдена историками дворянско-монархического направления — М. И. Богдановичем, Н. Ф. Дубровиным и Н. К. Шильдером в их обобщающих работах о царствованиях Александра I и Николая I. Специальная глава о декабристах, с использованием некоторых секретных материалов следствия, содержится в «Истории царствования императора Александра I и России его времени» М. И. Богдановича (98). Н. Ф. Дубровин в «Русской старине» (115) опубликовал

богатые по фактическому содержанию очерки об эпохе декабристов, отдельные документальные сборники писем и бумаг Александра I и деятелей его времени (в том числе и декабристов). В 1883 г. по особому разрешению Александра III Дубровин получил возможность ознакомиться с материалами следствия о декабристах и снять копию с «Русской правды» Пестеля. В описательно-апологетических биографиях Александра I (1898) и Николая I (1903) Шильдера приведен новый документальный материал об отдельных декабристах, обстановке междоусобицы в конце 1825 г., восстании 14 декабря, судебном процессе над декабристами (203, т. 4, с. 349—359; 204, т. 1, с. 642—779). Труды названных историков проникнуты консервативно-монархическим духом. Здесь, правда, нет того оголтелого охаивания декабристов, каким пронизана книга Корфа. Однако на декабристов сваливается вина за усиление реакционного курса Николая I. «Логика» авторов заключалась в том, что реакция Николая I есть ответная мера на восстание 14 декабря, в противном случае политический курс был бы менее «жестким» и более «либеральным».

14 декабря 1900 г. в честь 75-летия со дня восстания декабристов с ярким докладом о декабристах перед студенчеством Женева и русской эмиграцией выступил Г. В. Плеханов (в России его речь была опубликована лишь в 1906 г. под названием «14 декабря 1825 года»). Плеханов впервые с марксистских, «классовых позиций» дал оценку декабристам, определил их роль и значение в русском революционном движении. Он видел в декабристах в первую очередь революционеров, вышедших из *дворянского* сословия, порвавших со своим классом и выдвигавших буржуазные по своему объективному содержанию лозунги. Плеханов особо подчеркивал антикрепостнический и антицаристский характер декабристского движения, важность их борьбы за политическую свободу. Декабризм был представлен им как широкое политическое движение, отразившееся на всех направлениях русской общественной жизни, в частности на литературе (176, с. 3—31). Плеханов намеревался отвести декабристам специальный том в своей «Истории русской общественной мысли». Но этот замысел не был им реализован.

Существенное влияние на декабристоведение, как и вообще на изучение истории русского освободительного движения, оказала революция 1905—1907 гг. Революция стимулировала общественный интерес к истории революционного прошлого России. Вместе с тем создались и более благоприятные возможности для его исследования. С ноября 1905 г. формально была отменена цензура, открылись (хотя и временно) многие архивные материалы. Работа началась прежде всего с публикации ранее запретных документов о декабристах. Был образован кружок исследователей в составе В. Я. Богучарского, М. К. Лемке, Н. П. Павлова-Сильванского, В. И. Семевского и П. Е. Щеголева — знатоков архивов и истории русской общественной мысли.

В течение сравнительно короткого времени (1905—1907 гг.) они издали ряд ценных документальных сборников, среди которых «Русская Правда» П. И. Пестеля (по копии, снятой Н. Ф. Дубровиным) (68), «Общественные движения в России в первой половине XIX века» (мемуары В. И. Штейнгеля, Е. П. Оболенского, М. А. Фонвизина и некоторые другие материалы), «Мемуары декабристов» (сборник не только мемуаров, но и пространных извлечений из следственных дел декабристов, который подготовил М. В. Довнар-Запольский) (110). Н. П. Павлов-Сильванский в книге «Декабрист П. И. Пестель перед Верховным уголовным судом» (171) опубликовал практически все следственное дело Пестеля. В эти же годы появилось немало и других документальных публикаций о декабристах: «Процесс декабристов» (70), «Декабристы. Тайные общества. Следствие. Суд. Приговор. Амнистия. Официальные документы» (47), «Декабристы. Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевского» (46), «Полное собрание сочинений К. Ф. Рылеева» (75). Специально для публикации материалов о русском освободительном движении в 1906 г. был основан журнал «Былое». За 1905—1917 гг. в различных изданиях было опубликовано свыше 30 следственных дел декабристов.

За 1905—1917 гг. декабристоведение обогатилось многими исследовательскими трудами, в значительной мере основанными на новых документальных материалах. Среди них выделяются работы М. В. Довнар-Запольского, П. Е. Щеголева, Н. П. Павлова-Сильванского, М. О. Гершензона и особенно В. И. Севемского.

М. В. Довнар-Запольский поставил себе задачу создать большое обобщающее исследование о декабристах и их идеях, основу которого должны были составить три монографии: «История тайных декабристских обществ», «Декабристская революция 1825 года» и «Государственные и общественные идеи декабристов». При их подготовке ученый широко использовал недоступные ранее секретные материалы следствия и суда над декабристами. В 1906—1907 гг. им были опубликованы книги «Тайное общество декабристов», «Идеалы декабристов» и «Мемуары декабристов» (последняя является подборкой показаний наиболее видных участников движения) (110). Работа автором велась в спешке, что негативным образом отразилось на последовательности его доказательств и суждений. Основные положения концепции историка можно свести к следующему. Объясняя истоки декабризма, автор отдает приоритет «внутренним условиям русской жизни». Суть дела, по его мнению, заключалась в том, что «негибкое» правительство «не умело» установить правильные отношения с «либеральной частью общества», игнорировало общественные настроения и требования. Реакционная политика правительства вызвала протест со стороны передовых людей России — декабристов. Довнар-Запольский выделяет три этапа в декабристском движении: 1) ранние декабристские ор-

ганизации (Союз спасения и Союз благоденствия), занимавшие в основном культурно-просветительской деятельностью, 2) период размежевания между радикальными декабристами и теми, кто продолжал оставаться на просветительских позициях (1820 г.— до роспуска Союза благоденствия в январе 1821 г.), 3) 1821—1825 гг.— период «активной борьбы». В итоге, утверждает автор, реакционная политика правительства, усилившаяся как раз в 1821—1825 годы, «спровоцировала» декабристов на попытку совершить государственный переворот.

В те же годы П. Е. Щеголев опубликовал серию биографических очерков о В. Ф. Раевском, П. Г. Каховском, А. Н. Муравьеве, С. И. Муравьеве-Апостоле, Ф. П. Шаховском, А. О. Корниловиче (206—211). В этих очерках рассматривались и общие вопросы: формирование мировоззрения декабристов, деятельность декабристских организаций, анализ их программ. Щеголев был первым, поставившим вопрос о связи с декабристским движением А. С. Грибоедова и А. С. Пушкина, посвятив этой теме свои блестящие работы «Грибоедов и декабристы», «Пушкин и декабристы» (206, 208). Им было осуществлено факсимильное издание следственного дела Грибоедова, опубликованы интересные записки Николая I коменданту Петропавловской крепости о режиме содержания декабристов, издана большая статья «Николай I — тюремщик декабристов» (209). Впоследствии работы Щеголева о декабристах вышли в свет отдельным сборником «Декабристы» (207).

В 1908—1914 гг. с серией работ о декабристах выступил историк русской общественной мысли М. О. Гершензон. В 1908 г. в своем сборнике статей «История молодой России» он поместил большую статью о декабристе М. Ф. Орлове, в периодических изданиях за 1910—1915 гг. были опубликованы его статьи о влиянии декабристов на Московский университет и о Г. С. Батенькове (104; 105). В 1914 г. вышла его монография «Декабрист Кривцов и его братья (по семейной переписке)». В центре внимания Гершензона — проблемы личности, ее социально-политический и психологический портрет. Он с большим сочувствием относился к декабристам, видел причину их откровенных показаний на следствии в стремлении доказать свою искренность и благородство перед монархом, который уловил этот тон и «дьявольски» воспользовался им. Крах декабризма — это крах иллюзий революционера-дворянина, крах его надежд на преобразовательную миссию монарха, считал Гершензон (103).

Из дореволюционных декабристоведов первое место бесспорно принадлежит В. И. Семевскому. Хорошо известна его обширная монография «Политические и общественные идеи декабристов» (186), по богатству и ценности конкретного фактического материала не утратившая своего научного значения и по сию пору. В. И. Семевский, как принято считать, принадлежал к историкам либерально-народнического направления. Он известен также как крупный исследователь русского крестьянства —

автор капитальных трудов «Крестьяне в царствование Екатерины II» (т. 1—2. Спб., 1881, 1903) и «Крестьянский вопрос в России в конце XVIII — первой половине XIX в.» (т. 1—2. Спб., 1888). С 1905 г. Семевский приступил к исследованию темы русского освободительного движения и общественной мысли.

В своем основном труде о декабристах Семевский поставил задачу подробно исследовать истоки декабристской идеологии, начиная с «верховников» времен Анны Иоанновны, строивших планы ограничения самодержавной власти; сделать анализ программных установок декабристов. Историк широко использовал следственные дела декабристов. Опираясь на труды западноевропейских мыслителей века Просвещения, он привлек богатейший материал об их идейных предшественниках. Возникновение освободительных идей декабристов Семевский объяснял двумя группами факторов — «положительными» (являвшимися главными причинами «вольномыслия») и «отрицательными». К первым он относил условия воспитания будущих декабристов: влияние на них лекций передовых профессоров, чтение политической литературы (особенно западноевропейской), наблюдение за жизнью западноевропейских стран во время пребывания их за границей. Во вторую группу факторов он включал саму российскую действительность с ее крепостным правом, произволом самодержавия, аракчеевщиной. Таким образом, декабризм представлялся Семевскому течением общественной мысли, возникшим в результате этих двусторонних влияний и направленным на изменение политического и общественного строя в России. Развитие идей исследователь считал основной движущей силой исторического процесса. Корни декабризма он искал во влиянии на декабристов других идей, в первую очередь западноевропейских, исходя из своего тезиса «идея рождает идею». Преобразовательные планы декабристов Семевский рассматривал как продолжение и дальнейшее развитие реформистских замыслов правительства. Особенно детально в его монографии изложены программные воззрения декабристов по различным социальным и политическим вопросам, проанализированы конституционные проекты Пестеля и Никиты Муравьева. В программе Пестеля Семевский, как и Герцен, усматривал «социалистические» начала.

Своеобразную трактовку декабристам и декабризму дал В. О. Ключевский. Выясняя идейные истоки декабризма, он усматривает связь декабризма с теми настроениями, которые утвердились в умах русских вольнодумцев XVIII в., указывает, что новые взгляды и вкусы привили русским дворянам французская философия и французская литература. Несомненно этому способствовали также и французские иммигранты. Заграничный поход русской армии дал обильный материал для размышлений. Оригинально трактуется Ключевским связь между старым (конца XVIII в.) и новым (начала XIX в.) поколениями русских дворян. «Отцы были русскими, которым страстно хо-

телось стать французами, сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между этими настроениями поколения, которое сделало 14 декабря, и этим объясняется весь ход дела», — таков вывод Ключевского. Массонские ложи, рассуждал Ключевский, приучали русское дворянство к тайным обществам, «которые возникали так же легко, как акционерные концессии, и в них было не больше революционного, чем в последних». Хотя члены обществ собирались на секретные заседания, но сами они были всем хорошо известны, особенно полиции. Впрочем, по мнению историка, и само правительство не видело в этих обществах ничего преступного. Декабристы не вышли бы на улицу, если бы не «случайность» — неясность с престолонаследием, поэтому восстание 14 декабря стало возможным только благодаря стечению неожиданных обстоятельств. «Событию 14 декабря придается значение, какого оно не имело», считал Ключевский и трактовал его как «один из гвардейских дворцовых переворотов, какие происходили со смерти Петра». Однако, как замечал Ключевский, существовало и отличие этого движения от дворцовых переворотов XVIII в. Если раньше заговорщики действовали «во имя нового лица», то теперь — «во имя нового порядка». Декабристы хотели «воспользоваться замешательством при дворе для того, чтобы вызвать общество к деятельности» (122, т. 5, с. 220—235).

Дореволюционная литература о декабристах, как мы видели, была уже довольно значительной. Но основная заслуга в изучении декабристской темы принадлежит советской историографии. Это — одна из любимых тем советских историков, каковой она остается и до сих пор. Здесь уместно остановиться на работах В. И. Ленина, в которых трактуется «декабристская тема».

Ленинская оценка движения декабристов, их исторического места и значения наиболее полно была выражена в его хорошо известных статьях «Памяти Герцена» (т. 21, с. 225—261), «Роль сословий и классов в освободительном движении в России» (т. 23, с. 397—398), «Из прошлого рабочей печати в России» (т. 25, с. 93), «О национальной гордости великороссов» (т. 26, с. 107) и «Докладе о революции 1905 года» (т. 30, с. 315, 318), написанных в 1912—1917 гг. Революционный подъем в России вызывал у В. И. Ленина повышенный интерес к революционному прошлому нашей страны, изучению революционных традиций, позитивного (и негативного тоже) опыта первых поколений русских революционеров. Движение декабристов оценивается им как революционное, знаменовавшее собой начало истории русского освободительного движения. В. И. Ленин впервые установил периодизацию освободительного движения, подразделив его на основе классового критерия на три периода — «дворянский», «разночинский, или революционно-демократический», и «пролетарский». Им были поставлены и следующие проблемы

в изучении различных этапов освободительного движения в России: 1) роль передовой теории в революционном движении, 2) революционеры и народные массы, 3) взаимоотношения между революционерами и либерально-оппозиционным движением, 4) преемственность революционных поколений, значение революционных традиций.

Ленинские положения об особенностях и историческом значении движения декабристов явились определяющими для советского декабристоведения. Они воспринимались догматически, и всякий критический подход к ним или даже попытки выйти за их рамки, разумеется, безусловно исключались. Однако критический подход отнюдь не означает того, что следует подвергать сомнению все, что было высказано по той или иной проблеме В. И. Лениным (как это, к сожалению, сейчас модно в нашей публицистике и даже в исследовательской литературе). В. И. Ленин хорошо был знаком с историей освободительного движения в России, в том числе и с историей декабризма. Ко времени написания им названных статей уже существовала обширная декабристоведческая литература, основанная в значительной мере на богатых архивных материалах. Опираясь на нее, В. И. Ленин сделал ряд важных выводов и оценок, справедливость которых подтверждена не только советским, но и зарубежным декабристоведением. Другое дело — исследователь не должен ограничиваться заучиванием и повторением ленинских положений, а тем более превращать их в некую застывшую догму.

Так, вполне правомерны и другие критерии для периодизации революционного движения. В первую очередь — характер революционной идеологии на том или ином этапе («революционная теория»). На дворянском этапе (особенно в эпоху декабристов) в освободительном движении господствующее положение занимают идеи века Просвещения, теория «естественного права». Разночинский этап проходит под знаменем «русского социализма», пролетарский — марксизма-ленинизма. Существенным критерием служит и особенность эпохи. Каждый этап освободительного движения связан с определенным периодом социально-экономического и политического развития страны: дворянский целиком соответствует дореформенной, крепостной эпохе, разночинский совпадает с утверждением и развитием капитализма в пореформенной России, пролетарский — с эпохой империализма. Каждая эпоха, выдвигая свои задачи революционного преобразования страны, определяла и социальный состав участников движения, стратегию и тактику их революционной борьбы. Таким образом, новый подход к объяснению исторических явлений допускает и альтернативность. Необходимы новые, оригинальные, пусть даже и спорные, концепции, без чего невозможно никакое движение в науке.

Но вернемся к истории становления и развития советского декабристоведения. В первые годы советской власти литерату-

ра о декабристах в основном представляла собой либо переиздание старых, дореволюционных работ, либо публикации популярных брошюр, написанных по вышедшим ранее в свет источникам. Толчком к интенсивному изучению декабристов явился приближавшийся столетний юбилей со времени их восстания. Однако отношение к этому юбилею было неоднозначным, что отразили возникшие разногласия о целесообразности его празднования. Поводом к спору послужила статья в газете «Рабочая Москва» (18 декабря 1923 г.) известного литературного критика и публициста М. С. Ольминского «Две годовщины» (речь шла о 100-летию со дня восстания декабристов и 20-летию со времени Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г.). Ольминский решительно выступил против «празднования» столетия восстания 14 декабря 1825 г., рассматривая декабристов как «представителей чисто помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде» (117, с. 12). Он предлагал отметить «20-летие нашей первой (имеется в виду 1905-й год.— В. Ф.) пролетарской революции». Против Ольминского выступил М. Н. Покровский, который был согласен с оппонентом лишь в одном: «юбилей — буржуазный обычай», но горячо протестовал против резкой оценки Ольминским декабристов (178, с. 26—27). Покровского поддержали и другие историки и публицисты. Но и Ольминский не был одинок. В печати разгорелась острая полемика. Любопытно, что в споре с Покровским Ольминский в качестве аргумента ссылался на прежние оценки декабристов самим Покровским, трактовавшим их ранее как «обиженных самодержавием дворян», которые в силу своих сословных интересов предприняли попытку дворцового переворота.

В конечном счете возобладало мнение — «за юбилей», который проходил торжественно и ознаменовался появлением многочисленных публикаций документов, изданием ценных сборников статей и монографий по отдельным вопросам декабристского движения и по персоналиям.

С 1925 г. было начато издание известной документальной серии «Восстание декабристов», содержащей материалы Следственной комиссии и Верховного уголовного суда над декабристами. Первоначально серия мыслилась как своего рода документальное «учебное пособие» для семинарских занятий в вузах и по плану ограничивалось 8 томами. В них предполагалось в первую очередь опубликовать следственные дела наиболее видных участников восстания 14 декабря 1825 г. и руководителей тайных обществ. Специальные тома отводились для издания материалов о восстании Черниговского полка, научно прокомментированного издания «Русской правды» Пестеля и «Алфавита декабристов». Каждая книга серии готовилась очень тщательно, на высоком научном уровне, и издание в результате переросло рамки своего «учебного назначения», став важнейшей документальной публикацией о декабристах. Впоследствии (с

1950 г.) было решено продолжить серию, издав следственные дела всех декабристов, преданных Верховному уголовному суду, а кроме того посвятить отдельные тома протоколам и другим материалам Верховного уголовного суда, а также «Журналам» и «Докладным запискам» Следственного комитета. Когда и эта задача была выполнена, то приступили к изданию следственных дел тех декабристов, которые не привлекались к судебной ответственности. К настоящему времени вышло в свет уже 18 томов серии «Восстание декабристов» и это издание будет продолжено (36).

С середины 20-х до начала 30-х годов было опубликовано немало ценных документальных сборников о декабристах: «Памяти декабристов» (66), «Декабристы. Отрывки из источников» (42), «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи» (61). Целиком был посвящен публикации новых декабристских материалов 13-й том «Красного архива». В 1930—1933 гг. изданы мемуары Н. И. Лорера, А. В. Поджио, братьев Бестужевых (32; 35, т. 1; 59), сборники «Декабристы и их время» (41), «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов» (35), в более полном виде изданы сочинения декабристов-поэтов К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского (57; 64; 76), вышло много других документальных сборников в Ленинграде, Киеве, Харькове, Сибири. За сравнительно короткий срок в результате публикации ранее не известных документов советское декабристоведение обрело солидную документальную базу.

В 20-х — начале 30-х годов в советском декабристоведении господствовала так называемая «школа Покровского». Влияние М. Н. Покровского, талантливого ученого и публициста, блестящего полемиста, государственного и общественного деятеля, на историков было весьма велико. Занимая важные посты заместителя наркома просвещения (с 1918 г.), руководителя Коммунистической академии и Института красной профессуры, а некоторое время и ректора Московского университета, Покровский не стеснялся применять и методы административного нажима на неугодных ему историков, создавая себе монопольное положение в исторической науке, что, несомненно, не могло не сказаться отрицательно на ее развитии. Для Покровского были характерны вульгарный экономизм и схематизм, нигилизм к историческому прошлому нашей страны, стремление подчинить историю конъюнктурным политическим задачам. Он рассматривал историю как «политику, опрокинутую в прошлое». Покровский посвятил декабристам более тридцати работ, написанных в 1907—1926 гг. (основные из них переизданы в сборнике «Декабристы» (177)). Взгляды Покровского на декабристов менялись. Сначала, в 1907—1911 гг., он отрицал революционность декабристов, рассматривая их как дворян, преследовавших свои корыстные, помещичьи цели. В работах, написанных в 20-х годах, он уже признает революционный характер их выступления,

правда, лишь по отношению к определенному, «левому» крылу декабристского движения — деятелям Южного общества и Общества соединенных славян, которых он противопоставляет Северному. «Северное и Южное общества, — писал Покровский, — это в сущности два крыла заговора, соглашательское и революционное» (177, с. 56). Северное общество он характеризовал как либерально-реформистское, помещичье, видел в нем предшественника партии кадетов. Южное, наоборот, считал близким к позднейшим социал-демократам. Пестеля называл «якобинцем», «монтаньяром в полковничьем мундире» (177, с. 75). Покровский гипертрофированно подчеркивал пропрограмные тактические и организационные противоречия между декабристскими организациями, придавая им антагонистический характер и отрицая, по существу, общность у них революционных целей и задач. Само движение декабристов непосредственно выводилось им из экономических процессов, проходивших в начале XIX века в России. Взгляды Покровского оказали в то время определенное влияние на многие декабристоведческие работы, даже глуповатые по своему содержанию и выводам.

Серию обстоятельных статей о раннем декабризме в 20-х годах опубликовал в различных сборниках саратовский ученый С. Н. Чернов. В этих статьях, основанных на тщательном и скрупулезном анализе источников, Чернов осветил состояние армий в эпоху декабристов, структуру и деятельность Союза благоденствия, обстоятельства созыва в 1821 г. Московского съезда и борьбу течений на нем. Исследователь поставил своей целью раскрыть классовый характер декабристского движения и выявить его связи с развитием общих процессов эпохи. Возникновение декабристских обществ Чернов связывал со «всенародным движением» после войны 1812 г., а также с общей политической ситуацией после 1815 г. «По составу участников дворянское, по содержанию — революционное» — так характеризовал Чернов движение декабристов. Большое внимание он уделял источниковедению декабристского движения. В этом плане особенно ценны его этюды о «Зеленой книге» Союза благоденствия (198, с. 261—329), о слухах 1825—1826 гг., связанных с восстанием декабристов (198, с. 329—347). Основные труды С. Н. Чернова были собраны в отдельном сборнике «У истоков русского освободительного движения» (198). Сохранился его труд «Декабрист П. И. Пестель. Очерк личной характеристики», к сожалению, до сих пор не изданный. С. Н. Чернов умер в 1942 г. от голода в осажденном Ленинграде.

Заметным явлением в декабристоведении стали монографии А. Е. Преснякова «Восстание 14 декабря 1825 г.» (180) — наиболее обстоятельное, написанное на большом круге источников исследование об этом событии; Н. П. Парадизова «Очерки по историографии декабристов» (174) — до сих пор единственная монографическая работа по истории изучения декабризма; М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян» (157). Указанная

работа Нечкиной — первое монографическое исследование о декабристской организации, отличавшейся большой демократичностью своих взглядов, близостью к солдатской массе, выдвинувшей программу федерации славянских демократических республик. Но трактовка Нечкиной этого общества, якобы близкого по своей тактике к демократам-разночинцам (опора на народ), вызвала возражения декабристоведов, доказывавших, что члены этой организации не выходили за рамки «военной революции».

В 1925—1930 гг. М. В. Нечкина опубликовала несколько популярных статей о декабристах для широкого читателя (149; 152; 156), совместно с Б. В. Сказиным она подготовила «Семинарий по декабризму» — первое пособие для практических занятий по данной теме в вузах (161).

Серией серьезных исследовательских статей отметила столетний юбилей декабристов и русская научная эмиграция. Так, в журнале «Голос минувшего за рубежом» в 1925—1926 гг. были опубликованы статьи М. Алданова (87; 88), В. Мякотина (147) и С. Мельгунова (140; 141).

В 1933 г. Обществом политкаторжан и ссыльно-поселенцев была издана монография Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» (113), успешно защищенная в 1929 г. автором как диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Отличающаяся солидной документальной базой, тщательным анализом источников, широтой постановки проблемы, монография Дружинина стала заметным явлением в советском декабристоведении. Это — не только политическая биография выдающегося деятеля декабристского движения и его идеолога, рассматриваемая на широком историческом фоне и в контексте с историей тайных декабристских организаций. В монографии впервые детально, с глубокими научно-теоретическими выводами проанализирован важный программный документ декабристов — конституционный проект Н. Муравьева во всех его вариантах. Однако исследование Дружинина несет на себе печать экономико-социологических представлений советской историографии тех лет. Поиски автором непосредственного влияния экономики на идеологию оборачиваются прямолинейным сведением политической позиции Н. Муравьева к потребностям его материального положения.

В середине 30-х — начале 40-х годов изучение декабристской темы было заметно свернуто. Закрытие многих исторических журналов, печатавших материалы и исследования по истории русского освободительного движения, массовые репрессии, коснувшиеся и ученых-историков, жесткий идеологический контроль — все это не могло не сказаться и на декабристоведении. Внимание историков было обращено преимущественно на изучение литературного творчества декабристов, их взаимоотношений с выдающимися русскими писателями и поэтами. Наиболее широко была представлена тема «Пушкин и декабристы», инте-

рес к которой был также вызван и столетием со времени гибели поэта. Она стояла в центре внимания статей М. В. Нечкиной (156; 158; 159), А. Н. Шебунина (201), Б. С. Мейлаха (137; 138; 139), М. А. Цявловского (197) и др. Всего за 30-е годы было опубликовано свыше 200 статей и документальных материалов по данной теме.

Исследовательская и публикаторская работа в декабристоведении заметно оживилась в послевоенные десятилетия. В первую очередь получило продолжение, но уже в более широком плане, изучение литературного творчества декабристов и связей их с деятелями литературы и искусства, исследование роли декабристов в развитии передовой русской культуры. Были изданы монографии К. В. Пигарева о Рылееве (175), В. Г. Базанова о В. Ф. Раевском (94), К. Ф. Рылееве и В. К. Кюхельбекере (96), Вольном обществе российской словесности (95), связанном с деятельностью Союза благоденствия. Среди монографических работ по тематике особенно выделяется книга М. В. Нечкиной «Грибоедов и декабристы» (150). М. В. Нечкина — блестящий стилист. Ей присущ свой, индивидуальный стиль исторического повествования, характерный яркостью и эмоциональностью изложения, но вместе с тем строгой научностью, филигранной обработкой исторического источника. Именно эти качества историка и художника наиболее полно воплотились в указанной книге. М. В. Нечкина выявила, обобщила и тщательно проанализировала огромный документальный, в значительной мере архивный, материал о Грибоедове и его времени. Становление и развитие литературного творчества Грибоедова, его общественное содержание, взаимоотношения писателя с декабристами показаны на широком историческом фоне, в связи с деятельностью декабристских организаций. В своей монографии М. В. Нечкина более полно и глубоко, нежели это делалось ранее, раскрыла социальный смысл и общественное звучание комедии Грибоедова «Горе от ума».

В 40—50-х гг. продолжалась публикация литературного наследия декабристов. Были изданы сборники сверенных с оригиналами или вновь обнаруженных литературных произведений декабристов: «Стихотворения» В. Ф. Раевского (М., 1952), «Декабристы. Поэзия, драматургия, публицистика, литературная критика» (45), «Декабристы-литераторы», вышедшие в серии «Литературное наследство» (44), «Сочинения и письма» А. О. Корниловича (М., 1957), осуществлено переиздание всех выпусков «Полярной звезды» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева (69), сочинений М. Ф. Орлова (65). С 1950 г. после 20-летнего перерыва возобновилось издание серии «Восстание декабристов» (36, т. 9—18); были осуществлены новые, научно прокомментированные издания мемуаров, статей и писем И. Д. Якушкина (85), А. А., М. А. и Н. А. Бестужевых (32), И. И. Горбачевского (39). Публикации материалов по декабристской тематике появились в «Историческом архиве», «Археографических еже-

годниках», «Литературном наследстве», исторических хрестоматиях. Таким образом, существенно расширилась документальная база декабриствоведения.

В послевоенные годы в советское декабриствоведение пришли молодые исследователи: С. С. Волк, С. С. Ланда, В. В. Пугачев, И. В. Порох, Н. Я. Эйдельман, С. Ф. Коваль, Л. А. Медведская, Ю. М. Лотман, В. А. Дьяков. В это время история декабризма становится комплексной проблемой, разработкой которой занялись не только историки, но и литературоведы, философы, экономисты, юристы, искусствоведы. Выходят в свет статьи и книги, защищаются многочисленные диссертации о философских, правовых, экономических, военных, педагогических, эстетических взглядах декабристов. Нельзя не заметить, что научная ценность некоторых из этих диссертаций была невысока. Нередко они несли на себе печать конъюнктуры. В то время существовала тенденция во всем доказывать «приоритет» русского, его «превосходство» перед Западом, что вело к преувеличениям и искажениям действительности. Особенно это проявилось в стремлении если не отрицать, то свести на нет влияние передовой западноевропейской мысли на декабристов. И все же в целом декабриствоведение 40—60-х гг. обогатилось большим количеством ценных исследований по самым различным вопросам декабристского движения. Особо следует отметить монографии С. С. Волка (102), П. Н. Ольшанского (116), Р. Х. Яхина (218), И. Ф. Иоввы (118), Б. Е. Сыроечковского (192), сборники статей «Декабристы и их время» и «Очерки по истории движения декабристов» (170). За послевоенные десятилетия было издано также немало монографических исследований об отдельных декабристах, написанных на основе новых архивных данных: С. Б. Окуня и Н. Я. Эйдельмана о М. С. Луние (164; 213), С. Ф. Коваля о Ф. В. Раевском (123), В. Г. Карцова о Г. С. Батенькове (120), Л. А. Медведской о П. И. Пестеле и С. И. Муравьеве-Апостоле (134; 135), Л. Я. Павловой о М. Ф. Орлове (172), М. Ю. Барановской о Н. А. Бестужеве (97).

Характерной особенностью декабриствоведения 40—60-х гг. является стремление к поискам внутренних истоков декабристского движения, выявлению органической связи его с российской действительностью, с потребностями русского исторического процесса. В этом направлении исследователями было сделано немало, и надо сказать, что данная исследовательская задача актуальна и по сей день. Проблема органической связи декабристов с их эпохой сложна, многогранна и до сих пор еще недостаточно изучена.

Крупным обобщающим исследованием о декабристах и их эпохе бесспорно является двухтомная монография М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (151). Монография стала как бы итогом большой многолетней исследовательской работы ученого в области декабриствоведения, вместе с тем это и крупное событие в советской историографии вообще. Появлению этого тру-

да предшествовала публикация серии статей М. В. Нечкиной о Союзе спасения, программе Союза благоденствия, «Русской правде» Пестеля, о разработке декабристами планов государственного переворота, деятельности декабристов в Москве, а также ее исследования «Восстание 14 декабря 1825 года».

Основная задача монографии, как это определено ее названием, состояла в том, чтобы изучить непосредственно «движение» декабристов, его корни, выяснить, какие стадии прошло это движение, как развивалась его идеология, как происходила смена одной декабристской организации другой, как было подготовлено и проведено восстание. Анализируя истоки декабристской идеологии, М. В. Нечкина выводит их прежде всего из «российской действительности», а также из идейного наследства русских предшественников декабристов — просветителей XVIII в.: А. Н. Радищева, Н. И. Новикова и др. Не отрицая влияния на декабристов западноевропейской общественной мысли, она рассматривает его как фактор второстепенного значения. Заметим, что данное положение было в духе советской историографии, философии и литературоведения первого послереволюционного десятилетия. Однако принципиальное значение имеет вывод М. В. Нечкиной: «Политическое сознание будущих декабристов начало пробуждаться еще до войны 1812 года... Но огромнейшей силой этого формирования, его поворотным пунктом стала «гроза двенадцатого года» (151, т. I, с. 107—108). Ставшее уже хрестоматийным определение самих декабристов «мы — дети 1812 года» в монографии М. В. Нечкиной получило развернутое научно-документированное обоснование.

В монографии также впервые детально исследованы так называемые «преддекабристские организации» — дружеские кружки, «картели» и т. п., возникновение и деятельность ранних декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия. Программные документы декабристов («Русскую Правду» П. И. Пестеля и Конституцию Н. М. Муравьева) М. В. Нечкина рассматривает в контексте с историей тайных обществ и с той конкретной обстановкой, которая «питала конституционное творчество» декабристов. М. В. Нечкина при изучении не только декабристских, но и других организаций в России придает первостепенное значение анализу их программных положений, подчеркивая, что даже отсутствие у историка прямых документов не освобождает его от задачи в первую очередь исследовать идейную платформу того или иного политического направления, организации, кружка на основе тщательного анализа сохранившихся материалов. Монография М. В. Нечкиной «Движение декабристов» оказала большое влияние на дальнейшее развитие советского декабристоведения и получила широкую известность за рубежом.

Период 70-х — конца 80-х годов, несомненно, является важным этапом в декабристоведении. Он характеризуется возросшим интересом к декабристской теме как со стороны историков-

профессионалов, так и со стороны публицистики и самой широкой общественности. В значительной мере этому обстоятельству способствовал и столятидесятилетний юбилей восстания декабристов, широко отмечавшийся во всей стране, проведение в связи с ним научных декабристских конференций в Москве, Ленинграде, Киеве, Кишиневе, Ереване, Иркутске, Чите и других городах, открытием новых музеев декабристов, широким освещением в центральной и местной прессе этой даты. Но кроме того, существенно изменилась, особенно в последнее время, общественно-политическая обстановка в стране, которая позволила отрешиться от многих догм и стереотипов и взглянуть на весь исторический процесс более глубоко, всесторонне и объективно, поставила перед исследователями многие новые задачи в изучении нашего прошлого, и в частности в истории освободительного движения.

За указанные годы в научный оборот был введен широкий круг новых источников о декабристах: продолжалось издание серии «Восстание декабристов» (36, т. 9—18), мемуарной литературы (43; 62; 63), появились новые издания произведений К. Ф. Рылеева, А. А. и Н. А. Бестужевых, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского и других декабристов; массовыми тиражами издавались сборники декабристской публицистики, рассчитанные на широкого читателя.

С 1979 г. Восточно-Сибирское книжное издательство (Иркутск) приступило к изданию серии «Полярная звезда». Каждому декабристу посвящены один-два тома, содержащие его воспоминания, дневники, публицистику и письма. Материалы воспроизводятся по архивным оригиналам, многие документы публикуются впервые. Это научное издание, не уступающее по своей значимости известной серии «Восстание декабристов», снабжено обширным справочным аппаратом, вводными биографическими статьями о каждом декабристе, подробными научными комментариями. Уже издано 19 томов этой серии, в которые вошли сочинения и письма Н. В. Басаргина, Г. С. Батенькова, А. Ф. Бригена, С. Г. Волконского, Н. В. Лорера, М. С. Лунина, А. Н. Муравьева, П. А. Муханова, М. А. Назимова, А. В. Поджио, В. Ф. Раевского, А. Е. Розена, С. П. Трубецкого, М. А. Фонвизина, В. И. Штейнгейля. В перспективе предполагается издать около пятидесяти томов этой серии.

Для декабристovedческой литературы 70—80-х гг. характерно большое разнообразие исследуемых вопросов, постановка новых проблем. Среди них центральное место занимает проблема становления идейных воззрений декабристов. Здесь следует отметить работы С. С. Ланды (130), В. А. Дьякова (116), В. В. Пугачева (181), в которых содержатся новые аспекты и подходы в трактовке этой сложной темы: роль просветительства в формировании декабристских идей, соотношение революционных взглядов декабристов с различными течениями общественной мысли в первой четверти XIX в., в особенности российского

либерализма. В монографии Ланда и Дьякова рассматривается интересный вопрос о типологии тайных обществ. Ланда сравнивает структуру и программы декабристских тайных обществ с западноевропейскими, Дьяков — с тайными кружками и организациями в Польше и в самой России в рамках всего дворянского периода освободительного движения. Они выявили как в социальном составе организаций, так и в программно-тактических положениях ряд общих и специфических черт.

Тесно связана с проблемой формирования декабристской идеологии другая важная тема — «Декабристы и Запад». Она поднимается в главах, посвященных декабристам, в коллективной монографии И. К. Пантина, Е. Г. Плимака и В. Г. Хороса (173, с. 80—131), рассматривается в исследованиях О. В. Орлик (168), М. И. Ковальской (124), Н. Н. Болховитинова (99), М. А. Додолева (112). Авторами приведено много конкретных данных об идейном влиянии передовой Европы и Америки на декабристов, выявлены факты конкретных связей отдельных декабристов с некоторыми общественно-политическими деятелями и мыслителями Франции, Англии, Италии, германских государств. И если в советской историографии 40—50-х гг., как указывалось, проявлялось стремление как-то затушевать значимость влияния Запада на декабристов, то для последних лет характерна противоположная тенденция. Особенно четко она проявилась в названной выше монографии И. К. Пантина, Е. Г. Плимака, В. Г. Хороса, которые склонны вообще отрицать объективные, российские корни декабризма, рассматривая его как всецело продукт «западного» влияния.

В проблеме «Декабристы и Запад» входит и вопрос об отношении декабристов к Великой французской буржуазной революции. В этом плане несомненный интерес представляет сборник статей «Великая французская революция и Россия» (101). В сборнике освещается влияние идей и событий крупнейшей буржуазной революции на общественно-политическую и культурную жизнь России конца XVIII — начала XIX в.

Важная общетеоретическая проблема поставлена в статье М. В. Нечкиной «Декабристы во всемирно-историческом процессе» (153). Автором сделан сравнительно-исторический анализ революций и национально-освободительных движений в Европе и Америке конца XVIII — начала XIX в. Нечкина рассматривает декабристов в общем контексте этих движений. Заслуживает внимания следующее ее наблюдение: «во многих выступлениях той эпохи значительную, а иногда и руководящую роль играют дворянские революционеры». В связи с этим она указывает, что проблема дворянской революционности не ограничивается только российскими рамками, а более широка, чем представлялась ранее. Место декабристов в общемировом революционном процессе эпохи «великих мятежей» относится к числу тех проблем, которые предстоит еще исследовать декабристоведам.

М. В. Нечкиной поставлена и другая проблема, требующая

конкретного изучения,— значение движения декабристов как одной из предпосылок трех революций в начале XX в. (154). Исследовательница обращает внимание на значимость среди предпосылок Октябрьской социалистической революции 1917 г. фактора «накопления революционного опыта».

Интенсивно шло исследование структуры и деятельности тайных обществ. Истории наиболее значительной из ранних декабристских организаций — Союза благоденствия — посвятила серию статей А. В. Семенова (187—189). В 1990 г. ею защищена докторская диссертация об этой организации и подготовлен к изданию большой том следственных дел ее членов. В монографиях Л. Н. Оганян (163) и И. Ф. Иоввы (118) подробно освещена деятельность Кишиневской организации декабристов. Установлены тесные связи одного из руководителей организации М. Ф. Орлова с греческой Гетерией и приведены данные о планах совместного выступления их в 1821 г. Деятельность декабристов на Украине раскрывается в работах Н. Н. Лысенко (131).

Внимание историков привлекала и деятельность малоизвестных тайных организаций, существовавших в первой четверти XIX в. и функционировавших независимо от декабристов (что является показателем объективной закономерности возникновения в то время тайных политических организаций). Б. К. Сохвадзе (191) подробно исследовал вопрос о Кавказском тайном обществе 1820-х г. Н. К. Орлова на основе многолетнего следственного дела изучила «Общество военных друзей», возникшее в 1825 г. в Белоруссии (169), А. Б. Шешин установил существование самостоятельного тайного общества в гвардейском морском экипаже (203).

Взаимоотношения декабристов с видными государственными деятелями, известными своей оппозиционностью,— М. М. Сперанским, Н. С. Мордвиновым, А. П. Ермоловым и П. Д. Киселевым — подробно исследованы в монографии А. В. Семеновой (187).

Многократно описанное в литературе восстание 14 декабря 1825 г. вновь явилось темой детального, буквально по часам, повествования писателя Я. А. Гордина (105). Книга Гордина содержит ряд спорных положений. Движение декабристов сводится автором к заговору, без приведения конкретных данных доказываются существование связей между декабристами-заговорщиками и петербургским генерал-губернатором М. А. Милорадовичем. Спорны утверждения автора о якобы существовавшем «заговоре в заговоре» (внутри тайного общества декабристов), а также о том, будто бы большинство генералитета оппозиционно относилось к Николаю I. Донщик Я. И. Ростовцев представлен чуть ли не как «разведчик», посланный декабристами в Зимний дворец.

Теме следствия и суда над декабристами посвящены опубликованные в исторических журналах статьи С. А. Артемьева (91),

и В. И. Пороха (179), монографии Г. А. Невелева (148) и В. А. Федорова (194).

Большое количество работ, изданных в 70—80-х гг., было посвящено теме «Декабристы и русская культура». Отметим специальные сборники статей «Литературное наследие декабристов» (Л., 1975) и «Декабристы и русская культура» (Л., 1975). Весьма обширна литература о Пушкине и декабристах. Здесь особенно следует выделить монографии Н. Я. Эйдельмана (216), С. Я. Мейлаха (137), а также уже указанную выше монографию Г. А. Невелева. Связь декабристов с русским искусством, их роль и место в нем освещены в монографиях И. С. Зильберштейна (116), Н. В. Королевой (125), Н. А. Хотунцева (196), К. С. Куйбышевой и Н. И. Сафоновой (129).

Серия биографий декабристов пополнилась книгами Г. П. Шатровой о И. И. Горбачевском (199) и Д. И. Завалишине (200), И. А. Мироновой о И. Д. Якушкине (144), А. В. Шешина о К. П. Торсоне (202), В. В. Афанасьева о К. Ф. Рылеева (92), Ф. Ф. Бурлачука о В. Ф. Раевском (100), В. Г. Макарова о И. Г. Бурцове (133), новыми изданиями книг Н. Я. Эйдельмана (214) и С. Б. Окуня о М. С. Луние (164).

Сотрудниками Института истории СССР АН СССР подготовлен «Биографический справочник» о декабристах (М., 1988). При его составлении выявлены десятки новых имен декабристов (в основном членов ранних декабристских организаций), уточнены биографические данные остальных декабристов.

В последние десятилетия заметно возрос интерес к декабристам в зарубежной историографии. В ряде стран были изданы переводы материалов о декабристах, преимущественно их мемуары. В 1960 г. в Варшаве на польском языке вышли «Памятники декабристов» в трех томах. Первые два тома представлены переводами воспоминаний братьев Бестужевых, А. И. Горбачевского, М. С. Лунина, И. Д. Якушкина, П. Е. Анненковой и М. Н. Волконской, в третьем собраны воспоминания 58 польских общественных деятелей о декабристах и их связях с польскими революционными организациями (231). В 1966 г. Марк Раев опубликовал в переводе на английский язык подборку материалов о декабристах (232). В 1975 г. в Лейпциге на немецком языке вышел том «Декабристы: Сочинения и документы». В 1980 г. в Париже был издан сборник документов «14 декабря 1825 г. Происхождение и наследие движения декабристов» (223). В основном это хрестоматии, рассчитанные не на специалистов, а на интересующегося российской историей читателя.

В послевоенные десятилетия на Западе стала появляться исследовательская литература о декабристах. В 50-е гг. были изданы работы Леона Баумгартена (219; 220; 235), А. Адамса и Франко Вентури. Книга Баумгартена, основанная на широком круге источников, в том числе и архивных, представляет определенный интерес и для советских декабристоведов. Автор рассматривает роль Польши и польского вопроса в программных

документах декабристов, подробно освещает ход переговоров представителей Польского Патриотического общества с Южным обществом декабристов о совместных действиях в момент восстания. Статья Адамса — поверхностный обзор содержания «Русской правды» Пестеля. Монография Вентури, известного знатока истории русского революционного движения, представляет собой солидное научное исследование роли братьев А. В. и О. В. Поджио, итальянцев по происхождению, в декабристском движении.

В 60-е гг. опубликовали свои исследования Ганс Лемберг (224), Жорж Люсиани (225), Андре Мори (226), Адриан Гижицкий (222), Гернот Зайде (233). В 1963 г. была переиздана книга А. Мазура «Первая русская революция» (227). Эта работа получила широкую известность на Западе; она базируется на опубликованном в нашей стране материале и носит компилятивный характер. 1825 год историк считает «прологом 1917-го» и в этом видит его значение. Монография Лемберга содержит интересные наблюдения и суждения о «национальном сознании, мыслях и чувствах» декабристов, связанных с идеей служения России. Собственно, речь идет не о национальном вопросе как таковом во взглядах декабристов, а о роли патриотизма в формировании у них освободительных идей. Автор четко отделяет патриотизм декабристов от патриотизма «официальной народности» с ее лозунгом «православие, самодержавие, народность». «Национальная», а скорее всего интернациональная проблема славянского единения рассматривается в книге Люсиани на примере программы Общества соединенных славян, предусматривавшей создание федерации демократических славянских республик. Автор почему-то эту идею называет «панславистской», хотя четко отличает ее от реакционного панславизма, возникшего впоследствии. Книга Мори — ярко написанный в литературном отношении, увлекательный рассказ о декабристах и их эпохе. Большое внимание уделяется обстоятельствам неожиданной кончины Александра I, обстановке междоусобия, подготовке и проведению восстания 14 декабря 1825 г. Мори допускает возможность того, что декабристы могли бы быть «хозяевами положения», но потерпели поражение потому, что были «плохие конспираторы» и «неудачливые мятежники». Книга Гижицкого о Рылееве рассматривает два аспекта биографии декабриста: как одного из руководителей тайного общества и как крупного революционного поэта. Большой интерес для советского исследователя представляет статья Зайде, написанная на неизвестных ранее материалах и посвященная внешнеполитическим аспектам событий 1825 г. в России, отношению к ним австрийского двора. В статье приводятся три секретных донесения своему двору австрийского посла в Петербурге Людвигу Лебцельтерна.

Из работ последних лет, вышедших за рубежом, следует отметить книги Бригиты Йосифовой «Декабристы» и Патрика О'Мары о Рылееве. Эссе Йосифовой хорошо известно советско-

му читателю, так как оно дважды (в 1983 и 1989 гг.) издавалось в Советском Союзе. Книга представляет собой художественно-документальную повесть о декабристах — их идеологии, революционном подвиге. Книга Патрика О'Мары также переведена на русский язык (издана в Москве в 1989 г.). Автор рассматривает поэтическое творчество Рылеева в тесной связи с его деятельностью в тайном обществе.

У неискущенного читателя может возникнуть представление об «исчерпанности» декабристской темы вследствие обилия литературы о ней. На самом деле о декабристах есть еще что открывать и изучать. Так, несмотря на обилие публикаций документального материала, значительное количество его еще не издано. В первую очередь ждет публикации богатейший эпистолярный материал декабристов. Даже такие материалы, как следственные дела декабристов, до сих пор еще далеко не все изданы. И дело здесь заключается не только в том, что необходимо выявить и ввести в научный оборот тот или иной источник, обнаружить какой-либо новый факт в истории декабризма (хотя и это важно). Прогресс всякой науки состоит в том, что она в своем развитии постоянно ставит новые проблемы, выдвигает новые аспекты изучения «старых», казалось бы «исхоженных» тем. Отсюда возникает необходимость нового «прочтения» известных источников, более глубокой их интерпретации. Все это в полной мере относится и к изучению движения декабристов, их эпохи, их окружению, их месту в истории. И здесь необходимо следовать непреложному правилу — строгой научной объективности. Декабристы не нуждаются в «хрестоматийном глянце», в искусственном их «улучшении». Правдивый рассказ не только об их сильных, но и слабых сторонах (ошибках, непоследовательности, колебаниях, иллюзиях) нисколько не умаляет их великого пражданского подвига и его исторического значения.

* * *

Рассмотрим источники, какими располагает исследователь декабристской темы.

Основную и наиболее важную группу документов представляют материалы Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, составляющие специальный «декабристский» фонд Центрального государственного архива Российской Федерации в Москве (ф. 48). Из 509 единиц хранения этого фонда 365 являются следственными делами членов декабристских обществ (а также лиц, взятых случайно и затем освобожденных). По своему объему и содержанию они неодинаковы: здесь и обширные дела руководителей тайных обществ (например, П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола), но есть и дела в несколько листов, иногда одно дело заводилось на несколько лиц, давно уже оставивших тайное общество или особой роли в нем не игравших, разбирательство о которых следствие вело

заочно. В настоящее время опубликовано 121 дело тех из декабристов, кто был предан Верховному уголовному суду, и 26 дел лиц, не привлекавшихся к судебной ответственности и наказанных в административном порядке. Следовательно, более половины следственных дел (заведенных в большинстве своем на «второстепенных» участников тайных обществ или к этим обществам не принадлежавших) остаются пока еще неопубликованными.

Состав следственного дела таков. Оно открывается «описью» документов, содержащихся в деле, далее идет «формулярный» (послужной) список подследственного, затем протокол первого допроса, который снимал в Зимнем дворце с арестованного генерал В. В. Левашев (нередко в присутствии императора). Но основное содержание дела представляют материалы последующих допросов декабристов. Это письменные «вопросные пункты», которые доставлялись в каземат узнику, и его письменные ответы на них. Здесь же находятся и протоколы очных ставок одного подследственного с другим. Указанные документы подписаны подследственным лицом и скреплены визой одного из членов Следственного комитета (В. В. Левашевым, А. Х. Бенкендорфом, А. И. Чернышевым). В следственном деле нередко встречаются и письма декабристов на имя императора или председателя Следственного комитета А. И. Татищева. Кроме того, следственные дела содержат и некоторые программного характера документы: например, в деле С. П. Трубецкого находится один из вариантов конституционного проекта Н. М. Муравьева, в деле П. И. Борисова — «Правила» и «Клятва» Общества соединенных славян, в деле И. Ф. Шимкова — текст «Конституция Государственный Завет» (краткий конспект «Русской правды» Пестеля), в деле М. П. Бестужева-Рюмина — тексты договора с Польским Патриотическим обществом о совместных действиях. Завершается следственное дело анкетой «о воспитании» (данные о рождении, вероисповедании, образовании и о том, откуда подследственный набрался «вольнодумных мыслей»), сводом показаний на него других допрашиваемых следствием лиц и запиской о «силе вины».

Следственные дела содержат ценные сведения о формировании декабристской идеологии, возникновении, структуре и деятельности тайных обществ, разработке планов восстания, его хода и т. д. Однако никак нельзя полагаться на полноту и абсолютную достоверность этой информации. Несмотря на кажущуюся «откровенность» декабристов на следствии многое им удавалось скрыть или представить в «безобидном» виде. Нельзя не согласиться со справедливым замечанием М. В. Нечкиной, что следственные дела декабристов — «трудный исследовательский материал, требующий осторожного к себе отношения, всесторонней критической оценки» (36, т. 10, с. 10).

Своеобразной «летописью» следствия являются «Докладные записки» Николаю I и «Журналы» Следственного комитета.

В них день за днем фиксировались устные допросы и давалась оценка полученных от узников письменных ответов, заносились протоколы очных ставок, распоряжения царя о ходе следствия. Эти документы опубликованы в 16-м томе серии «Восстание декабристов» и, связывая воедино все следственные дела, как бы представляют собой «ключ» ко всему ходу расследования.

Важное место среди материалов Верховного уголовного суда занимают протоколы суда и его комиссий (опубликованы в 17-м томе серии «Восстание декабристов»), официальная переписка об учреждении суда и процедуре его деятельности, бюллетени голосования членов суда, трехтомное собрание бумаг М. М. Сперанского, касающихся его деятельности в суде.

К указанным материалам данного фонда примыкают собранные следствием документы об аресте декабристов и их содержании в крепости, их имущественном положении, многочисленные «справки» по различным вопросам, «дела» по доносам на декабристов, решения о «заковывании в железа» за «упорное заперительство», а также о выдаче «оправдательных аттестатов» лицам, освобожденным за отсутствием «улик», списки декабристов, понесших наказания без суда, с указанием «вины» каждого и меры административного наказания, особый том составляют письма декабристов на имя Николая I и Татищева¹.

Немало информации о декабристах содержат фонды Центрального государственного военно-исторического архива России. канцелярий Военного министерства, Главного штаба, Главного военно-судного управления, полевых аудиториатов (судных учреждений) армий. Здесь хранятся документы об аресте декабристов и пребывании их в крепостях и на гауптвахтах, о деятельности «провинциальных» военно-судных комиссий, в частности Белоцерковской, занимавшейся расследованием участия солдат в восстании Черниговского полка, и Белостокской, созданной по делу об обществе «Военных друзей»; здесь же находится многотомное дело «первого декабриста» В. Ф. Раевского.

Особую группу официальных источников представляют правительственные сообщения о восстании декабристов, следствии и суде над ними. Сразу же после восстания 14 декабря в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях», «Русском инвалиде», «Северной пчеле» и других изданиях, в том числе и на французском и немецком языках в расчете на западно-европейскую публику, появилось свыше 40 статей о событиях дня 14 декабря, 7 и 29 января 1826 г. были опубликованы сообщения о ходе следствия над декабристами. В июне — июле 1826 г. в печати появилось «Донесение Следственной комиссии», затем текст приговора декабристам и сообщение об исполнении его. Хотя этим публикациям присущи односторонность и ярко

¹ В этом томе содержатся письма декабристов, не включенные в их следственные дела.

выраженная тенденциозность, тем не менее и они не должны игнорироваться исследователем.

Следует отметить еще и публикации в немецкой, французской и английской прессе тех лет. В то время в Европе интерес к событиям 1825 г. в России был исключительно велик.

Несомненно, ценнейшим источником являются произведения самих декабристов. В первую очередь отметим декабристские мемуары. Сохранилось около 30 воспоминаний и записок мемуарного характера, написанных декабристами. Все они изданы, а некоторые неоднократно переизданы. В настоящее время осуществляется, как уже было сказано, новое, научно прокомментированное их переиздание в многотомной серии «Полярная звезда». Декабристы приступили к написанию своих воспоминаний в 30—40-е гг., будучи уже на поселении. Но основной комплекс мемуаров был создан в 50—70-х гг. XIX в., после амнистии декабристов. Воспоминания декабристов отличаются исключительной многогранностью содержания. Они рассказывают и о самом декабристском движении, и об эпохе в целом. В них — неповторимый колорит, мозаика взглядов, отражение идейной борьбы того времени. В силу своеобразия жанра мемуары декабристов нередко содержат такие сведения, которые отсутствуют в других исторических документах. В каждом произведении мемуарного характера ярко отражаются личность мемуариста, его гражданские симпатии (или антипатии), связи с ближайшим окружением. Но именно в силу своего субъективного характера этот тип источника нуждается также в строгом критическом к нему отношении. Налет предвзятости и субъективности особенно характерен для «Записок» Д. И. Завалишина. Из декабристских мемуаров наибольшую ценность представляют записки стоявших у истоков декабристского движения И. Д. Якушкина и С. П. Трубецкого, воспоминания В. И. Штейнгеля, Н. В. Басаргина, Н. И. Лорера, А. Е. Розена и И. И. Горбачевского, особенно отличающиеся точностью и высокой информативностью. Дневников декабристов сохранилось немного. Известны дневниковые записи Н. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера, С. П. Трубецкого и М. И. Муравьева-Апостола.

Богато представлено эпистолярное наследие декабристов, хранящееся в личных фондах декабристов в составе архивов, рукописных отделов крупных библиотек и музеев. Письма эти носят сугубо личный характер и по причинам конспиративного плана не содержат сведений, которые могли бы вызвать подозрения у правительства. Но в них раскрываются личные связи, общественные интересы и элементы мировоззрения декабристов, говорится об их научных и литературных занятиях, повседневной жизни. Письма — живой источник, вводящий исследователя непосредственно в дух и психологию эпохи. Подавляющее их большинство относится к периоду после 1825 г. — перед арестом декабристы, как правило, уничтожали свои бумаги и в первую очередь переписку. Значительная часть декабристских писем

еще не введена в научный оборот. Публикация их осуществляется, как выше указано, в серии «Полярная звезда».

Значительно и литературное наследие декабристов, среди которых было немало писателей, поэтов, ученых, художников. К. Ф. Рылеев, Н. А. и А. А. Бестужевы, А. О. Корнилович, П. А. Музанов, Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, М. Ф. Орлов печатали свои статьи в тогдашних журналах — «Сыне отечества», «Вестнике Европы», «Духе журналов», «Библиотеке для чтения», «Северном архиве» и других, издавали свои альманахи — «Полярную звезду», «Мнемозину», публиковали научные труды и сборники своих литературных произведений. Все это — свидетельство большого вклада декабристов в русскую культуру.

Следует отметить и такие источники, как письма к декабристам, сохранившиеся в их личных фондах, а также большую и многообразную мемуаристику о декабристах их современников. В первую очередь это воспоминания и рассказы ближайших родственников декабристов (их жен, детей, братьев, сестер, племянников). Другую группу составляют мемуары лиц, непосредственно общавшихся с декабристами, сотрудничавших с ними в журналах, альманахах и пр. Но наиболее многочисленна мемуаристика о дне 14 декабря 1825 г. Авторы этих воспоминаний, в большинстве своем очевидцы или прямые участники событий, представляют собой пеструю галерею лиц всех рангов и социальных положений — от мелких чиновников департаментов до представителей царствующего дома, включая самого Николая I. Вся эта мемуарная литература разбросана по многочисленным, преимущественно старым, периодическим изданиям. Немало материалов о декабристах и их эпохе еще не опубликовано и хранится в наших архивах.

Обилие всех вышеназванных, столь разнообразных источников еще не позволяет сделать вывод о благополучии в плане источниковой обеспеченности изучения декабристской темы. Так, мы располагаем весьма скудными данными о некоторых важных совещаниях декабристов (например, о петербургских совещаниях 1820 и 1824 гг., Московском съезде 1821 г., московских «заговорах» в 1817 г. и в декабре 1825 г.), о «Малороссийском» и «Кавказском» тайных обществах, о чем идут споры в декабристоведении. Лишь по счастливой случайности до нас дошли два первых варианта конституционного проекта Н. Муравьева, «Русская правда» Пестеля, черновой вариант «Манифеста к русскому народу».

Между тем установлено, что существовало множество других программных документов и уставов, конспиративных писем о делах общества, дневников, запретных сочинений агитационного характера. Часть их была уничтожена при реорганизации тайных обществ, но основная масса документов была сожжена в тревожные дни массовых арестов в конце декабря 1825 — января 1826 гг.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ДЕКАБРИСТОВ

Источники формирования декабристской освободительной идеологии сложны и многообразны, и их никоим образом нельзя сводить к двум-трем факторам, хотя и важнейшим. Разумеется, глубинной подосновой возникновения освободительного движения являлись социально-экономические процессы перехода от феодализма к капитализму, причем не только в России, но и в общемировом масштабе, но эти процессы оказывали воздействие на освободительное движение и общественную мысль не прямо, а опосредствованно — через множество других факторов и явлений. Идею борьбу нельзя непосредственно связывать с экономикой, как это свойственно вульгарному материализму. Необходимо учитывать всю совокупность как объективных, так и субъективных факторов.

В числе объективных условий формирования освободительных декабристских идей была сама российская крепостническая действительность во всех крайне неприглядных ее проявлениях. «Вольномыслие» декабристов возникло в первую очередь как протест молодого поколения передового дворянства против произвола самодержавия, засилия чиновничьей бюрократии, угнетенного, бесправного положения народных масс, в особенности крепостного крестьянства.

В своих показаниях на следствии, в письмах и позднее в мемуарах декабристы постоянно указывали на то, что главными причинами их «вольномыслия» были в первую очередь крепостное состояние крестьян (или, как они справедливо говорили, «рабство крестьян») и самодержавно-полицейский произвол, парализовавшие экономическое, политическое и культурное развитие страны. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», — показывал Пестель (36, т. 4, с. 90). «Несправедливости, насилия и угнетения помещиков, их крестьянам учиняемые, укрепляли в моем уме революционные мысли», — писал в своих показаниях П. И. Борисов (36, т. 5, с. 22). П. Г. Каховский писал Николаю I о «совершенном отсутствии закона и справедливости в судопроизводстве», «сжатом просвещении, задушенной свободе», которые вызывали особенное недовольство передовых молодых людей России (52, с. 8—21). На их товарищеских встречах, в дружеских беседах все разговоры неизменно сводились к обсуждению «язв» России. «Тут разбирались, — вспоминает И. Д. Якушкин, — главные язвы нашего отечества: за-

косность народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, служба у которых была каторгой, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще» (85, с. 11). Разумеется, на этих собраниях не только критиковались пороки существующей системы, но и шла речь о необходимости борьбы с ними. Декабристы считали, что, опираясь на всеобщее недовольство существующими порядками, можно в случае выступления надеяться на его успех. Так, Н. А. Бестужев отвечал следствию, что он вступил в тайное общество, «соболезнуя всем сердцем о неурядицах и злоупотреблениях в моем отечестве и всегда желая видеть средства к исправлению беспорядков, вкрадывавшихся беспрестанно в управление оною», а «надежда на успех основана была на всеобщем недовольствии против существующего управления и всеобщим желанием какой-либо утешительной перемены к облегчению тягостей всех сословий» (36, т. 2, с. 60). Г. С. Батеньков, перечислив все беды России, заключал: «Все, с одной стороны, расположило не любить существующий порядок, с другой же — думать, что революция близка и неизбежна» (36, т. 14, с. 95). А вот как объяснял в своей «Автобиографической записке» декабрист В. Ф. Раевский причины своего и его товарищей по тайному обществу свободомыслия и мотивы, заставившие их действовать: «Власть Аракчеева, ссылка Сперанского, неуважение к знаменитым генералам и таким сановникам, как Мордвинов, Троицкий, сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновления, улучшения, благоденствия, исцеления ран своего Отечества... Вот причины, которые заставили нас высказаться так решительно и безобоязненно: дело шло о будущности России, об оживлении [ее], спасении в настоящем» (36, т. 2, с. 461).

Во время следствия каждому декабристу задавался вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то есть от сообщества ли, или внушений других, или от чтения книг или сочинений в рукописях, и каких именно?» Ответы на этот вопрос дают богатый материал о круге чтения декабристов. В политических и философских сочинениях западноевропейских и русских мыслителей, в изучении политэкономии, древней и новой истории, конституционного устройства некоторых европейских стран, Северо-Американских Соединенных Штатов пытались они найти ответы на волнующие их вопросы о причинах бедственного положения России, уяснить себе возможные пути и средства необходимых преобразований, которые могли бы «спасти» Россию и обеспечить ее «благоденствие». Труды французских просветителей Руссо, Монтескье, Вольтера, Делольма, Бекария, Рейналя, английского экономиста А. Смита были настольными книгами многих будущих декабристов. «Чтение некоторых французских сочинений нечувствительно разливало во мне яд вольномыслия», — показывал Ф. Ф. Вадковский (36, т. 9, с. 230). «Все, что касается до составления

и управления общества, вообще все это я пожирал с умом жадным и любопытным», — писал А. В. Поджио (36, т. 11, с. 37). Декабристы не скрывали и своих впечатлений от запретных вольнолюбивых стихов Пушкина, Рыльева, Дениса Давыдова (тексты этих стихов цензура старалась изъять и уничтожить, в следственных делах декабристов они густо «вымарывались» председателем Следственного комитета А. И. Татищевым). В. И. Штейнгель показывал, что он читал Радищева наряду с Вольтером и Руссо, а также Пушкина и Грибоедова, но особенно интересовался книгами по истории России. «По совести сказать должен, — показывал он, — что ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением. Одни сто лет от Петра Великого до Александра I сколько содержат в себе событий к утверждению о том, что называется свободомыслием!» (36, т. 14, с. 177). И. Д. Якушкин вспоминает, что он и его товарищи «страшно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит были у каждого из нас почти настольными книгами» (85, с. 20). П. Г. Каховский, по его словам, «был воспламенен героями древности» (36, т. 1, с. 343). А. В. Поджио показывал следствию, что он много читал Делольма, Константа, Филанджиери и других французских авторов в оригинале и «стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество как бы каким волшебством стать [ему] наряду с просвещенными народами» (36, т. 11, с. 37). Великолепный материал о том, как складывалось «вольнодумство» декабристов, какой отклик находили в их умах внутренние и внешние события, как они оценивали их, каков был круг чтения русских молодых людей того времени, дают дневники Н. И. Тургенева. Из них мы узнаем, что уже в 17 лет Тургенев прочитал «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, зачитывался Вольтером и Мабли, изучал Адама Смита, с восторгом воспринимал известия о революционных событиях в Европе. Но, пожалуй, самым начитанным из декабристов был Пестель. Как вспоминал его друг Н. И. Лорер, у Пестеля «тянулись полки с книгами, более политическими, экономическими, вообще учебного содержания, и всевозможные конституции. Не знаю, чего этот человек не прочел на своем веку на многих иностранных языках» (59, с. 67). Богатые собрания книг на русском и иностранных языках были, как известно, у Н. М. Муравьева и М. С. Лунина. Молодой артиллерийский офицер К. Ф. Рылеев основную часть своего небольшого армейского жалования тратил на книги.

Следует отметить и высокий уровень образованности будущих декабристов. 37 из них являлись студентами и «вольнослушателями» Московского университета, 23 — учились в Университетском благородном пансионе, 24 — окончили Московское учебное заведение для колонновожатых (офицеров Генерального штаба), основателем и руководителем которого был прогрессивный общественный деятель и писатель, отец декабристов Алек-

сандра и Михаила Муравьевых, Н. Н. Муравьев. Будущие декабристы учились в Царскосельском лицее, Петербургском педагогическом институте (с 1819 г. университет), в которых преподавало немало профессоров с передовыми взглядами: К. И. Арсеньев, К. Ф. Герман, А. П. Куницын, Э. В. Раупах, А. А. Шторх. Некоторые декабристы (например, Пестель и Никита Муравьев) слушали на дому частные курсы по политэкономии профессоров Германа и Раупаха, которые, надо полагать, в неофициальной обстановке могли излагать свои воззрения более вольно и откровенно, нежели с университетской кафедры. Царскосельский лицей и Московский университет особенно отличались существовавшим в них духом свободомыслия. Так, из мемуарной литературы мы узнаем, что в Царскосельском лицее «был обычай злословить царя, называть его дураком, и положено жесточайше наказывать того, кто выдаст». «Правилом хорошего тона» в лицейской среде также считалось «порицать начальство, развивать идеи равенства, знать все дерзкие и возмутительные стихи или самому быть сочинителем оных, знать и толковать о конституциях, насмехаться над выправкой в войсках, презирать звание верноподанного, высоко чтить либерала» (80а, с. 657). О вольнолюбивой атмосфере в Московском университете свидетельствует состоявшийся в апреле 1815 г. и вызвавший переполох у властей диспут на защите магистерской диссертации В. Я. Малова (впоследствии одного из наиболее реакционных профессоров) «Монархическое правление есть самое превосходное из всех других правлений». Как вспоминал Д. Н. Свербеев, «молоденькие студенты открыли сражение восторженными речами за греческие республики и за величие Рима до порабощения его Юлием Кесарем и Августом». (Отметим, что в числе «молоденьких студентов» был и сам мемуарист.) За ними «вступила в бой фаланга наших передовых мужей, и тяжкие удары из арсенала философов XVIII века посыпались на защитника монархии самодержавной». Перепуганный декан Н. Н. Сандунов поспешил закрыть диспут (43, с. 56).

Огромное влияние на формирование освободительных идей декабристов оказала и Отечественная война 1812 года, вызвавшая невиданный патриотический подъем всего русского общества. Декабристы называли себя «детьми 1812 года», не раз подчеркивали, что 1812 год явился исходным моментом их движения. Среди участников Отечественной войны 1812 года — более ста будущих декабристов; 65 человек из тех, кого в 1825 г. власти поименуют «государственными преступниками», насмерть сражались с врагом на поле Бородина. Известно, что победа русского народа в Отечественной войне 1812 г. имела не только военное значение, но оказала огромное воздействие на все стороны социальной, политической и культурной жизни страны, способствовала росту национального самосознания, дала могучий толчок развитию передовой общественной мысли в России. Декабристы первыми указали на народный характер этой вой-

ны. Именно война 1812 г. глубоко и остро поставила перед будущими декабристами вопрос о судьбах родины, путях ее развития, выявила огромные возможности русского народа, который, как они верили, рано или поздно должен найти в себе силы для освобождения от внутренней тирании — сбросить ярмо крепостного рабства.

«Наполеон вторгся в Россию, тогда народ русский ощутил свою силу, тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия России», — писал А. А. Бестужев Николаю I из крепости (53, с. 35). «Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании», — отмечал И. Д. Якушкин (85, с. 7). «Народная война вызвала такую уверенность в народной силе и патриотической восторженности, о коих до того времени никакого понятия, никакого предчувствия не имели», — указывал А. Е. Розен (74, с. 56). После окончания Отечественной войны и заграничных походов вместо дальнейших политических преобразований, надежды на которые были внушены российскому обществу либеральными начинаниями Александра I в первые годы его царствования, установилась аракчеевская реакция. Реакционная внутренняя политика самодержавия оскорбляла национальное чувство и гасила надежды на лучшее будущее. Декабристы увидели в Александре I жестокого и мстительного самодержца. Престиж монарха — победителя Наполеона и вершителя судьб Европы — все более падал в их глазах. И. Д. Якушкин вспоминает характерный эпизод, свидетелем которого он был в 1814 г. во время царского смотра возвратившейся из Франции гвардии. Какой-то мужик, отнесенный толпой, перебежал дорогу перед самым конем императора. «Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет» (85, с. 9). Декабристы также видели, что народ, вынесший на своих плечах всю тяжесть войны, продолжал оставаться в крепостной зависимости, ратники ополчений снова возвращались в крепостную неволю.

В течение 1812—1815 гг. будущие декабристы оказались свидетелями событий мирового значения, они наблюдали, с какой легкостью рушились или воссоздавались троны, ломались старые порядки. Это внушало им надежду на возможность революционных перемен и в России. Пестель свидетельствовал: «Прокисшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, сколько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворо-

тов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами их производить» (36, т. 4, с. 105). Еще более определенно о возможности революционных перемен говорил М. П. Бестужев-Рюмин в своей яркой речи перед членами Общества соединенных славян: «Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе?» (36, т. 9, с. 117).

Таким образом, наряду с национальным освобождением страны от внешней опасности к будущим декабристам пришло осознание необходимости политических преобразований (уничтожения «внутренней тирании»). Собственно говоря, революционное настроение декабристов после войны 1812 г. и последующих заграничных походов поднялось на пределе их патриотизма. Отметим, что в движении декабристов более, нежели в других (например, разночинском), освободительные идеи были связаны с патриотическими настроениями и в значительной мере вытекали из них. Дело в том, что на ранних этапах освободительного движения значение национального возрождения, развития национального самосознания особенно велико, ибо возникновение освободительного движения совпадает со становлением буржуазной нации в условиях перехода от феодальной формации к капиталистической, а вернее, является органической частью становления буржуазной нации. У многих молодых складывающихся наций (например, находящихся под оттоманским игом на Балканах, под австрийским игом в Италии, в Чехии, Моравии, народов латиноамериканских колоний) борьба против феодально-абсолютистских режимов соединялась с национально-освободительным движением как главным направлением борьбы за возрождение нации. Поэтому патриотические настроения, тесно связанные с национально-освободительными движениями, весьма широко были распространены и в России, и в Западной Европе, и в Америке.

Все декабристы были горячими патриотами. Однако их патриотизм коренным образом отличался от официального. Лозунг «за веру, царя и отечество» использовался правящими кругами для сохранения социального мира, отвлечения народных масс от сложных социальных проблем, то есть в конечном счете для укрепления существующих порядков. Декабристы же главную свою задачу видели в борьбе с феодально-абсолютистскими порядками и считали, что прогресс нации может быть обеспечен лишь коренными политическими преобразованиями. Иначе говоря, борьба за эти преобразования рассматривалась ими в первую очередь как глубоко патриотическая задача «спасения» России. Характерно название первой декабристской организации — Союз спасения или Союз истинных и верных сынов Отечества,—

самим этим названием декабристы отмежевывались от ретроградов, называвших себя тоже «патриотами» и «сынами Отечества».

Отечественная война 1812 г. способствовала широкому распространению в русском обществе либерально-оппозиционных настроений. Тогда ими были охвачены даже будущие идеологи «официальной народности» М. П. Погодин и С. С. Уваров, будущий организатор провокации против петрашевцев И. П. Липранди (в 1826 г. привлекавшийся к следствию по делу декабристов и отделавшийся легким испугом), небезызвестные Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин. «Все мы тянули песню конституционную», — вспоминал о том времени Н. И. Греч. На собраниях у Рылеева изощрялся в «вольных речах» Булгарин. «В то время жалобы на правительство возглашались громко, — отмечал Греч. — Если бы сослать всех тех, которые слышали о сумасбродных замыслах и планах того времени, не нашлось бы места в Сибири. Меня первого следовало бы сослать в Нерчинск, а Булгарина, конечно, и далее» (40, с. 304). «В то время, — писал после И. Д. Якушкин, — свободное выражение мыслей было принадлежностью не только всякого порядочного человека, но и всякого, кто хотел казаться порядочным человеком». Немало людей из ближайшего окружения декабристов разделяли их взгляды и даже знали о существовании тайных обществ, хотя формально и не являлись членами этих обществ. Несомненно, к числу их можно отнести таких известных и авторитетных лиц, как генералы П. Д. Киселев и А. П. Ермолов, члены Государственного совета М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов. Как справедливо отметил Н. М. Дружинин, «декабристы имели сочувственную и солидарную аудиторию, которая отзывалась на их политические высказывания и поставляла им молодые кадры» (114, с. 68).

Таким образом, декабризм — одно из наиболее сложных идейно-политических движений в России. Он вобрал в себя не только революционные, но и либеральные идеи, среди декабристов были не только революционно настроенные, но и придерживавшиеся либеральных взглядов люди, особенно на раннем (1816—1820 гг.) этапе декабристского движения. Отсюда внутренняя противоречивость движения и пронизывающая всю историю декабристских организаций борьба в нем умеренных и радикальных элементов. Заметим попутно, что с течением времени среди декабристов усиливались именно радикальные тенденции, что нашло впоследствии выражение в отходе от движения умеренно настроенных членов тайных обществ, во все большем преобладании в нем убежденных республиканцев — сторонников насильственных революционных действий, а также в радикализации программы и тактики декабристов.

Проблема соотношения декабристской революционности и либерализма относится к числу наименее изученных в нашей историографии в первую очередь в силу крайне слабой иссле-

дованности самого либерализма, его истоков, характера, эволюции, исторического значения.

Либерализм — буржуазная по своему объективному содержанию идеология, возникающая в эпоху подъема буржуазии и направленная на ликвидацию феодально-крепостнических порядков, но исключительно мирными средствами: в форме просветительской деятельности, оппозиционных заявлений и протестов и, где для этого есть условия, методами парламентской борьбы. Либерал не мирится с феодально-абсолютистским режимом, но боится революции, делает ставку на реформы сверху.

В России возникновение либерализма как общественного течения (так же, как и декабризма) было связано не с буржуазией, а с дворянством. Он возник как дворянский либерализм. Даже в пореформенной России в либеральном движении преобладали представители не буржуазии, а дворянства, в то время как в революционном движении ведущую роль играли уже разночинцы.

К оценке российского либерализма, его характера и значения необходимо подходить строго исторически, ибо взаимоотношения либерализма с революционным движением и сам характер либерализма менялись в зависимости от изменения общественно-политической обстановки на разных этапах освободительной борьбы. Либерализм эпохи декабристов отличался от такового 50—60-х гг. XIX в. и тем более начала XX в. В эпоху декабристов либерализм не противостоял освободительному движению, а был тесно связан с ним и в значительной мере являлся его питательной почвой. Различие заключалось в том, что либерализм, как сказано, ориентировался на мирные, а декабризм на революционные средства борьбы ради достижения, по существу, одних и тех же целей. Отметим, что либерализм России начала XIX в. не был однородным течением. В нем существовали различные оттенки и направления: декабристоведа различают так называемый «правительственный либерализм» М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова и либерализм П. А. Вяземского, А. П. Куницына, К. И. Арсеньева.

Дворянская революционность и либерализм шли в одном «русле» освободительного движения вплоть до середины XIX в. Рубеж 40—50-х гг. XIX в. — начало размежевания между революционным движением и либерализмом, хотя и после реформы 1861 г. либерализм как идейное течение еще не утратил своего прогрессивного значения. Полный разрыв российского либерализма с освободительным движением, поворот его против демократии произошел в начале XX в., точнее, в годы реакции после поражения революции 1905—1907 гг., когда представители российского либерализма, напуганные революцией, пошли на сделку с правящими кругами. Однако и применительно к этим годам вряд ли будет правомерно трактовать российский либерализм как консервативное течение, ибо он отстаивал программу ре-

форм, направленных на «европеизацию» России, то есть превращения ее в буржуазную монархию с конституцией.

Проблема «декабристы и Запад» в плане исследования истоков декабризма в России всегда была предметом острых споров в декабристоведении. Как уже упоминалось, официальная, дворянско-монархическая и отчасти либерально-буржуазная историография рассматривала декабризм только как продукт влияния западноевропейской мысли. Речь шла даже не столько о заимствовании декабристами западноевропейских идей (этот факт очевиден), сколько в стремлении доказать «чуждость» этих идей для России и отсутствие в ней условий для возникновения революционного движения. Этот тезис с некоторой модификацией проводился также в 50—60-х гг. в ряде работ зарубежных историков. Советские историки в 40—50-х гг., как было сказано, потратили много усилий на его «опровержение», впадая, однако, в новую крайность — стремясь представить декабризм в России исключительно самобытным явлением, вне зависимости от воздействия Запада. Впрочем, на неправильность такой тенденции уже в 50-х гг. указывали видные ученые-декабристоведы Н. М. Дружинин и М. В. Нечкина (170, с. 8—9; 151, т. 1, с. 116). Конкретное и объективное освещение данной проблемы относится к 70—80-м гг. Не обошлось здесь и без следующего перегиба — утверждения «неправомерности» выводить декабризм преимущественно из российской «почвы», что по существу должно было доказывать, что в самой России не было объективных условий для возникновения освободительной идеологии, каковая могла быть «привнесена» только с Запада (Пантин И. К., Плимак К. В., Хорос В. Г.) (173, с. 81—84). В ряде других работ (О. В. Орлик, С. В. Романовой) внимание было обращено на выявление новых конкретных данных о личных контактах некоторых декабристов с представителями передовой Европы, об использовании декабристами в своих планах опыта европейских революций, об откликах в Европе на восстание декабристов (168; 184). Данные изыскания, несомненно, представляют большой научный интерес (и они должны быть продолжены), но это — лишь исследование одного из вопросов большой темы «декабристы и Запад», в которой, бесспорно, центральное место должен занять вопрос об идейном взаимодействии декабризма и передовой Европы, о выяснении объективной роли передовых идей Европы в формировании декабризма, о том, как преломлялись эти идеи в русском освободительном движении применительно к российским условиям, в каком взаимодействии они находились с передовой общественной мыслью.

Движение декабристов проходило в русле общеевропейского и мирового революционного процесса, составляя его органическую часть. Особенное значение имеет здесь факт идейной связи. Сначала воздействие на русскую общественную мысль идей просветительства XVIII в., затем немецкой философии и утопического социализма, наконец — марксизма. Отметим, что

не только лишь одной России было свойственно «заимствование чужих идей». Например, французский утопический социализм оказал существенное воздействие на общественную мысль других европейских стран, равно как английская политэкономия или немецкая классическая философия. Это взаимодействие — нормальное явление и важный фактор прогресса.

Необходимо подчеркнуть, что всякое идейное «заимствование» имеет под собой объективную основу. Можно спорить, насколько «отставала» Россия от Западной Европы, но развитие страны шло в том же самом направлении, что и во всех европейских странах. Следовательно, в России потребностями самой ее жизни были созданы объективные условия для восприятия передовых идей Запада.

Процесс воздействия передовых западноевропейских идей на декабристов можно подразделить на три этапа: 1) период до Отечественной войны 1812 г., характеризующийся влиянием идей века Просвещения и Великой французской революции (с учетом как положительных, так и негативных ее моментов), 2) период Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813—1814 гг., пребывания русского оккупационного корпуса графа М. С. Воронцова во Франции в 1815—1818 гг., 3) воздействие революций 1820—1821 гг. в южноевропейских странах.

Наибольшее влияние на декабристов оказывала передовая Франция. Французская политическая мысль XVIII — начала XIX в. была наиболее разработанной и самой передовой в Европе. Поэтому влияние ее не только на Россию, но и на другие страны Европы было весьма значительным. «Знаменитые французские мыслители... так же знамениты в России, как и у себя на родине», — писал Н. И. Тургенев. Их читали в подлиннике: знание французского языка являлось обязательным для каждого образованного человека в России.

Исключительно большое воздействие на ход политической истории, на умы людей всех стран Европы конца XVIII — первой половины XIX в. оказала Великая французская революция. Декабристы относились к ней неоднозначно. Они в своем большинстве приветствовали начало революции, одобряли ее принципы, провозглашенные в «Декларации прав» 1789 г., но решительно осуждали ее последствия, в особенности якобинский террор. «Мы ненавидели преступления и любили правила французской революции» — отмечал М. Ф. Орлов (65, с. 56). И все же, несмотря на отрицательные стороны революции, как представляли их себе декабристы («власть толпы», якобинский террор, завершившийся термидором и затем утверждением диктатуры Наполеона), а также и на реставрацию после 1815 г. в Европе абсолютистских режимов, наиболее проникательные представители декабристского круга не могли не усмотреть и конечных положительных последствий революции. П. И. Пестель показывал: «Возвращение бурбонского дома на французский престол и соображения мои о сем происшествии могу я

назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей, ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при [реставрации] монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции и я сам против нее всегда восставал. От сего суждения породилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений» (36, т. 4, с. 90). Таким образом, осуждение «ужасов французской революции» не мешало видным идеологам декабризма сознавать, что, говоря словами М. Ф. Орлова, «эпоха французской революции — великая эпоха, это эпоха человека и разума» (65, с. 55). Она разрушила немало «ложных идей и старых предрассудков» (65, с. 223), освободила (по словам С. И. Муравьева-Апостола) «умы от оков». Критика «крайностей» французской революции у декабристов согласовывалась с признанием положительных в конечном счете ее результатов.

Особое значение для формирования освободительной идеологии декабристов имеют годы заграничных походов русских войск, в составе которых находились многие будущие декабристы. Заграничные походы послужили важным «пропагандирующим фактором», воздействующим на всю армию — «от генерала до солдата», которые невольно сравнивали увиденные «порядки» в западноевропейских странах с «порядками» в России, и сравнение было не в пользу России. Отсюда неизбежно возник вопрос о причинах «неустройств» в России. «Войска от генералов до солдат, — писал А. А. Бестужев, — пришедши назад, только и толковали: «Как хорошо в чужих землях». Сравнение со своим, естественно, произвело вопрос: почему же не так у нас?».

Соприкосновение декабристов с передовыми людьми Западной Европы, с демократическими идеями, свободными политическими учреждениями заставляло их глубже задумываться над состоянием их родины. И. Д. Якушкин показывал, что именно пребывание за границей обратило его внимание «на состав общественный в России» (36, т. 3, с. 44). «Великие события Отечественной войны, — писал М. А. Фонвизин, — оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности. Двукратное пребывание за границей открыло мне много идей политических, о которых я прежде не слышивал. Возвратясь в Россию, продолжал я заниматься политическими сочинениями разного рода и дерзал в мечтаниях моих приношения оных к России» (36, т. 3, с. 71). Итак, не только «мечтания» о «благее» России, но и жажда деятельности. С. Г. Волконский мечтал о поездке в Северо-Американские Соединенные Штаты, которые «занимали умы русской молодежи своим самостоятельным бытом и демократическим политическим сос-

тавом». М. С. Лунин намеревался отправиться в Южную Америку «к взбунтовавшимся молодцам» (восставшим против испанского колониального ига), считая, что «бунт — священная обязанность каждого». Стремясь к «свободе мысли, свободе воли, свободе действия», он осенью 1816 г. приехал во Францию со своим другом, французом на русской службе, писателем Ипполитом Оже, познакомился с известным теоретиком утопического социализма Сен-Симоном, который высоко отзывался о нем, даже предполагал использовать его для распространения своих социалистических идей в России. Сам Лунин публично осуждал в Париже режим Людовика XVIII.

Большое воздействие на декабристов оказали также и революции 1820—1821 гг. в Испании, Неаполе, Пьемонте. Особенно им импонировала испанская революция 1820 г., опыт которой в плане разработки тактики «военной революции» они внимательно изучали.

Хотя декабризм возник на российской национальной почве и программные требования декабристов отражали коренные исторические задачи, поставленные в то время объективными условиями перехода России от феодализма к капитализму, однако в своих программных документах декабристы использовали и теоретическую мысль, правотворчество, опыт конституционного устройства стран Европы и Америки. И тот факт, что декабристы заимствовали передовые идеи Запада, творчески переработали их применительно к условиям России, следует рассматривать как их большую заслугу перед русским освободительным движением. Изучение западноевропейского опыта отнюдь не мешало декабристам критически относиться к политическим порядкам Запада. Так, П. И. Пестель указывал, что «во Франции и Англии конституции — одни суть покрывала, никак не воспрепятствующие министру в Англии, королю во Франции делать то, что пожелают». Он говорил о несправедливости европейских порядков, при которых «народы поставлены в насильственную зависимость от богатых», о господствующей на Западе «аристократии богатств» (власти капитала), которая «гораздо вреднейшая аристократии феодальной» (36, т. 4, с. 91).

Таким образом, не идеи Запада породили декабризм в России, а объективный ход исторического развития страны обусловил возникновение освободительного движения, в связи с чем возрос интерес к западноевропейским идеям. Иначе говоря, в России объективно была уже готова почва для восприятия этих идей, бесспорно сыгравших огромную роль в формировании мировоззрения декабристов, в возникновении и деятельности декабристских тайных организаций. На это указывали и видные деятели декабристского движения. «Распространение революционных мнений в государстве, — показывал на следствии С. И. Муравьев-Апостол, — следовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо если возбранить нельзя, чтобы общество не имело влияния на сие распространение, справедливо

также и то, что если б мнения сии не существовали в России до рождения общества, оно не только не родилось бы, но и родившись не могло бы ни укрепиться, ни разрастись» (36, т. 4, с. 273).

Заметим попутно, что идейное влияние Запада на русское общество шло и по другой, реакционной, линии: русская реакция в последнее десятилетие царствования Александра I немало заимствовала из арсенала европейской реакции. В этом контексте — и деятельность Библейского общества в России, и распространение мистицизма и обскурантизма, идей «Священного союза», «миссия» в России известного европейского обскуранта Жозефа де Местра. В Европе шла организационная и идеологическая консолидация реакционных сил, направленных на борьбу с национально-освободительным и революционным движением в разных странах. Консолидация общеевропейских реакционных сил была более успешной, нежели революционных. Международная реакция оказалась сильнее, чем европейское революционное движение в этот период. В начале 20-х гг. ей удалось, хотя и временно, подавить революционное движение в Европе. Данное обстоятельство нельзя упускать из виду, чтобы понять, в каких трудных условиях действовали возникшие в России тайные декабристские организации.

В контексте рассматриваемой в данной главе темы об истоках идейного формирования декабристов нельзя не коснуться и сюжета «декабристы и русское масонство». Многие видные деятели декабристского движения, как, например, П. И. Пестель, К. Ф. Рылев, С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев, С. Г. Волконский, М. С. Лунин, Н. И. Тургенев, Г. С. Батеньков, Н. А. Бестужев, В. Ф. Раевский, братья В. К. и М. К. Кюхельбекеры, М. А. и И. А. Фонвизины, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, до вступления в тайные декабристские организации и даже уже будучи их членами входили в различные масонские ложи, а некоторые занимали в них весьма высокие степени. Всего в масонских ложах числилось, по неполным пока данным, свыше 120 декабристов. Масонство оказало определенное влияние и на организационную структуру ранних декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия (ритуал приема, деление членов на различные степени и т. п.).

Как известно, масоны («вольные каменщики». — *фр.*) и их сообщества (ложи) впервые появились в 1717 г. в Англии и в XVIII в. существовали уже в ряде европейских стран, в том числе и в России, где они были представлены сначала иностранцами (купцами, фабрикантами, лицами «свободных профессий»), а во второй половине в масонские ложи стала вступать и молодая русская аристократия, которую привлекала в масонстве не столько сущность его идей, сколько его таинственность и некая оппозиционность.

По своему характеру масонство было разнородно. Здесь и разочарование в идеях просвещения, и поиски некоего абсолюта

(что выливалось в мистические искания), и практическая филантропия. Одни в масонстве искали успокоения своей смятенной души, другие — опору в сплоченной организации, третьи следовали моде. Общей чертой масонства были религиозно-нравственные искания его членов.

В начале XIX в. в России насчитывалось около 200 масонских лож, в которых состояло свыше 5 тыс. членов. Социальная база масонских лож была различной. Существовали ложи как с преобладанием лиц «третьего сословия» (купцов, ремесленников, промышленников, разночинной интеллигенции), так и включавшие преимущественно дворян-аристократов. Масонами несколько лет состояли великий князь Константин Павлович, М. М. Сперанский, более 60 видных царских генералов, в том числе В. В. Балашов и А. Х. Бенкендорф. Масонские ложи не носили политического характера. Главные их принципы — духовное совершенствование, верность Богу и государю. В уставах масонов обычно говорилось, что масон должен в точности повиноваться законам, не участвовать ни в каких предприятиях, тайных или явных, которые вредили бы государству и царю, не осуждать государя ни словесно, ни письменно. Каждый масон, узнавши об этом, обязан был донести о том властям. Отсюда видно, как это расходилось с деятельностью декабристов, направленной как раз против императора и существовавших политических учреждений. Будущих декабристов привлекали в масонские ложи идеи нравственного самоусовершенствования, своеобразная форма интеллектуального общения и сам ореол таинственности.

В большинстве своем декабристы состояли в масонских ложах недолго — несколько лет, порывая с ним после всякие связи. Многие относились к ним скептически. Так, когда в 1816 г. В. И. Штейнгелю предложили в Москве стать масоном, то, отклоняя предложение, он сказал: «Масоны разделяются на два рода людей: обманывающих и обманываемых. Я не хочу принадлежать ни к тем, ни к другим» (36, т. 14, с. 162).

* * *

Формирование декабристской идеологии — необходимое условие возникновения и деятельности тайных декабристских организаций, разработки ими программных политических документов, революционной тактики, планов восстания. Но проблема декабристской идеологии гораздо шире рассмотренного здесь вопроса о ее формировании. Декабристская идеология не стояла на месте. Совершенно прав С. С. Ланда, указывая, что «идеология декабристов развивалась вместе с движением — от первых тайных обществ, созданных в 1816 г., до вооруженного выступления на Сенатской площади», развивалась в направлении «от первых довольно расплывчатых революционных воззрений до развернутых конституционных проектов и политических

программ» (130, с. 8). Добавим к этому, что 1825 год, завершающий декабризм как *движение* (т. е. период активной деятельности декабристов), не является завершающей датой в истории декабристской идеологии, которая, сохраняя декабристские традиции, развивалась уже в иных исторических условиях, с учетом распространения в Западной Европе и в России новых философских направлений, социалистических теорий, внимательно изучавшихся ссыльными декабристами. «Сибирские сочинения» М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, Н. В. Басаргина и других сосланных революционеров составляют органическую часть общественной мысли и идейной борьбы в России эпохи 30—40-х гг. XIX в. Историки идейной борьбы тех лет обычно ограничиваются изучением разного рода философских, литературных и политических кружков и объединений, спорами западников со славянофилами, публицистической деятельностью П. Я. Чаадаева, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, не учитывая определенного вклада в идейную жизнь России того времени ссыльных декабристов.

**РАННИЕ ДЕКАБРИСТСКИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ:
СОЮЗ СПАСЕНИЯ
И СОЮЗ БЛАГОДЕНСТВИЯ**

«В [18]14 году существование молодежи в Петербурге было томительно,— вспоминает декабрист И. Д. Якушкин.— В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них: теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхвалявших все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед» (85, с. 9). В эти послевоенные годы в России, в обстановке большого общественного оживления и активности, в передовых кругах дворянства, в основном военной молодежи, не мирившейся с «болтовней» стариков-ретроградов, наблюдалась настойчивая тенденция к объединению в товарищеские кружки, которые не ограничивались рассуждениями о положении России, критикой существовавших в ней порядков, но стремились к деятельности.

В Петербурге среди гвардейских офицеров возникают так называемые «артели», которые были не только бытовыми, но и идейными содружествами. Ими даже предпринимались попытки выработки программных документов. Правда, такие «проекты», а точнее рассуждения о необходимости ликвидации деспотизма и введении «законно-свободных» учреждений, были далеки от тех, что легли в основу декабристских программных документов. Но именно в этих товарищеских содружествах возникла идея создания тайных обществ, и многие из участников этих содружеств впоследствии стали видными деятелями декабристского движения.

В середине 1814 г. в Петербурге возник кружок «молодых вольнодумцев» — «Священная артель» Александра Муравьева и Ивана Бурцова. Кружок объединил молодых людей, связанных родственными или дружескими узами: в него вошли Михаил Муравьев — брат Александра, основателя кружка, Петр и Павел Колошины, Иван и Михаил Пушкины, Владимир Вольховский, Вильгельм Кюхельбекер, Антон Дельвиг, Алексей Семенов, Александр Раич, Демьян Искритский и другие — всего 15 человек, преимущественно товарищей по лицу. С этим кружком был связан и молодой А. С. Пушкин. В кружке рассуждали на литературные и политические темы, увлекались «вечевым» строем древнерусских городов: в комнате даже висел «вечевой»

колокол, по «звону» которого участники кружка начинали свои заседания. Кружок просуществовал до 1817 г. (259, с. 155—188).

К 1814 г. относится попытка М. А. Дмитриева-Мамонова и М. Ф. Орлова выработать основные принципы нового государственного устройства России и создать тайную организацию под названием Орден русских рыцарей по принципу масонской ложи. К Ордену были причастны Н. И. Тургенев, М. Н. Новиков (племянник Н. И. Новикова), поэт Денис Давыдов, М. Невзоров. Орден выработал программный документ под названием «Пункты преподаваемого во внутреннем Ордене учения». Главными требованиями этого документа были «упразднение рабства в России» и «ограничение самодержавия». Последнее достигалось, по мнению авторов, аристократической конституцией. В 1816 г. М. А. Дмитриев-Мамонов выехал за границу, а участники его Ордена в 1817 г. объединились с декабристской организацией Союзом спасения (186, с. 378—389; 151, т. 1, с. 132—138).

Следует упомянуть об офицерской «артели» в лейб-гвардии Семеновском полку, образованной в 1815 г. Инициаторами ее создания были братья С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, И. Д. Якушкин, Ф. П. Шаховский и С. П. Трубецкой. «Человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе,— вспоминает Якушкин.— Обедали не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанностям службы приходилось проводить целый день в полку». Участники «артели», по свидетельству Якушкина, после каждого товарищеского обеда «громко читали газеты и следили за происшествиями в Европе», т. е. занимались обсуждением политических вопросов. «Такое времяпрепровождение было решительным нововведением»,— замечает Якушкин (85, с. 9). «Артель» просуществовала всего четыре месяца. Александр I, узнав об этих офицерских собраниях, выразил свое недовольство и приказал полковому командиру генералу А. Я. Потемкину «прекратить артель». «Артель» была «прекращена», но она послужила основой возникшей примерно через полгода первой декабристской организации Союза спасения.

Инициатором создания этого тайного общества был полковник пвардейского Главного штаба Александр Муравьев. Он предложил своему двоюродному брату Никите Муравьеву «составить общество с целью введения в России монархического представительного правления». Тот созвал на совещание своих близких друзей, служивших в лейб-гвардии Семеновском полку: С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина и братьев М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов. День этого совета, проходившего 9 февраля 1816 г. в казармах Семеновского полка, и является датой основания Союза спасения. С. П. Трубецкой показывал: «Предмет одного общества был еще не определен, но старались увеличить число сочленов елико возможно, имея в предмете выбирать оных с качествами душевными и с нравственностью твердою...

Члены между собою обязывались обратить все свое старание противиться незаконным действиям чиновников, приводя оные в известность» (36, т. 1, с. 9). В числе первоочередных задач тайного общества было «отстранение иноземцев от влияния в государстве» (36, т. 3, с. 49). Передовое русское офицерство было недовольно приверженностью Александра I к иностранцам, назначениям их на высшие военные и гражданские посты. Иностранцы, не связанные с русским обществом, обязанные своим благополучием только «служебной карьере при русском дворе, являлись верной опорой российского самодержавия и проводниками его реакционной политики. Главная же политическая цель созданного общества, как показывал И. Д. Якушкин, состояла в том, чтобы «склонить дворянство к освобождению крестьян и приготовить все сословия к представительному правлению» (36, т. 3, с. 42, 50). Таким образом, борьба за ликвидацию крепостного права и упразднение самодержавной власти монарха путем ограничения его конституцией определились как две основные задачи декабристского движения с самого начала основания тайных обществ. Отметим, что относительно будущей формы правления у членов Союза спасения не было единого мнения. М. А. Фонвизин вспоминает: «Большая часть членов желала для России монархического образа правления, ограниченного представительными институциями, по образцу Англии и Франции, но были приверженцы и республиканской свободы Северо-Американских Штатов» (36, т. 2, с. 186).

Союз спасения представлял собой узкую, замкнутую, строго законспирированную заговорщическую организацию, состоявшую первоначально из гвардейских офицеров. В год основания в ней насчитывалось не более 10—12 членов, и лишь к концу ее существования (осень 1817 г.) численность ее возросла до 30 человек. Организационное устройство Союза спасения окончательно оформилось к февралю 1817 г., когда был принят его устав («статут»), и организация получила новое название — «Общество истинных и верных сынов Отечества». Устав был составлен «комиссией» в которую вошли С. П. Трубецкой, П. И. Пестель и И. А. Долгоруков. В качестве «секретаря» был привлечен к работе Ф. П. Шаховской. Трубецкой брался написать раздел о правах и обязанностях члена тайного общества. Пестель — о правилах приема в него и о его организационном устройстве, Долгоруков — о цели общества и тактических средствах ее достижения. Но практически над этим документом работал один Пестель. Устав был уничтожен декабристами после роспуска Союза спасения. М. В. Нечкина на основании показаний декабристов и их мемуарной литературы проделала скрупулезную работу по восстановлению основных положений устава. Согласно этому уставу, первая декабристская организация строилась по типу масонской ложи, использовала масонскую обрядность в своих заседаниях и при принятии в нее новых членов. Организация делилась на три степени: 1) «боляр» (учредителей),

2) «мужей» (состоявших уже некоторое время в организации) и 3) «братий» (вновь принятых). Руководство организацией находилось в руках первой (высшей) степени — «боляр», составивших «Совет боляр», или «Думу». «Мужей» знали больше, чем открывалось «братьям», но не знали много такого, что было известно «болярам». «Брат» мог перейти в категорию «мужей», а «муж» — передвинуться в степень «боляр». Устав требовал беспрекословного повиновения «мужей» и «братий» «болярам». При вступлении в тайную организацию вновь принимаемый давал торжественную клятву, приносимую на кресте и Евангелии, быть верным принявшей его организации и не разглашать ее тайн. Текст клятвы содержал страшные угрозы ее нарушителю, грозя ему даже смертью от яда или кинжала. Было положено также ежемесячно из состава «Совета боляр», или «Думы» избирать главу («старейшину») тайной организации. Такая частая сменяемость «старейшины» необходима была, как указывал А. Н. Муравьев, «для того, чтобы никто не мог приобрести власти, верха и управления над другими и над обществом и чтобы не мог склонять и направлять членов к собственной цели» (36, т. 1, с. 159—162). Не все соглашались с уставом, основанным на делении организации на разряды (степени), слепом повиновении ее членов руководству и принятии «страшных клятв». Так, против этого «восставали» принятые в 1817 г. М. Н. Муравьев, И. Г. Бурцов и П. П. Колошин. И. Д. Якушкин, (36, т. 3, с. 306).

Хотя основная цель этой первой декабристской организации — введение конституции и уничтожение крепостного права — и была определена, но еще отсутствовала программа политических преобразований, не были разработаны методы борьбы. Признав неизбежность революционного переворота, декабристы еще не представляли себе его характер и формы в условиях тогдашней России. Предполагалось «исторгнуть» у правительства конституцию путем открытого выступления тайного общества в момент смены царей на престоле — не присягать новому царю, если он не согласится на принятие конституции. Разрабатывались и планы покушения на жизнь царствующего императора.

Ранней весной 1816 г. возник первый проект цареубийства, предложенный недавно принятым в тайное общество М. С. Луниным. М. С. Лунин — одна из самых ярких личностей среди декабристов, вызывавшая особый интерес у современников и впоследствии у исследователей. Отчаянная храбрость, острый ум, безупречная честность и многочисленные экстравагантные поступки Лунина породили о нем немало легенд. Примерно в сентябре 1816 г. состоялся разговор Лунина с Пестелем и Никитой Муравьевым, с которыми он поделился планом «о совершении цареубийства на Царскосельской дороге с партией в масках, когда время придет к действию приступить». Однако Лунин встретил несогласие со стороны Пестеля, считавшего необ-

ходимым основательную подготовку тайного общества для государственного переворота: «...приготовить наперед план конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием революции новый порядок мог сейчас быть введен» (36, т. 4, с. 179).

В августе 1817 г. царский двор вместе с гвардией переехал в Москву для проведения празднеств в связи с пятилетием победы в Отечественной войне 1812 г. Предстояла и торжественная закладка храма Христа Спасителя в память об этой победе. В составе гвардии в Москве оказались почти все члены декабристской организации. Квартира Александра Муравьева в Хамовнических казармах стала главным местом собраний декабристов. Здесь и возник «Московский заговор» против царя. До декабристов дошли известия о кровавой расправе над крестьянами Новгородской губернии, которые сопротивлялись переводу их в создаваемые в это время военные поселения. «Известия о новгородских происшествиях привели всех в ужас, — вспоминал И. Д. Якушкин. — Император Александр, в Европе покровитель и почти корифей либералов, в России был не только жестоким, но что хуже того — бессмысленным деспотом» (85, с. 15). Как показывал М. И. Муравьев-Апостол, на одном из заседаний тайного общества Александр Муравьев выступил с предложением «воспользоваться сопротивлениями, которые делали [крестьяне] в Новгородской губернии военным поселениям» (36, т. 9, с. 252).

Но особенное возбуждение у собравшихся в Москве декабристов вызвало письмо, полученное из Петербурга от С. П. Трубецкого, в котором он сообщал, что Александр I якобы имел секретный разговор с князем П. В. Лопухиным о своем намерении восстановить под своим владычеством Польшу, присоединив к ней обратно те земли, которые в конце XVIII в. в результате разделов Польши отошли к России. Далее Трубецкой писал о возможном плане Александра I освободить крестьян в этих присоединяемых к Польше землях, а для предотвращения волнений крестьян в других губерниях России создать кордон из учреждаемых недалеко от границ России военных поселений. Эти известия вызвали взрыв возмущения у декабристов, сильно уязвив их патриотические чувства. Александр Муравьев потребовал «начинать немедленно действие». Он указал, что «для отращения бедствий, упряжающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра», и предложил «бросить жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю» (85, с. 22—23). Но тут выступил И. Д. Якушкин, который заявил, что он «решился без всякого жребия принести себя в жертву» и «никому не уступит этой чести». Он предлагал совершить покушение на царя таким образом: явиться с двумя заряженными пистолетами к Успенскому собору и при выходе из него царя поразить его из одного пистолета, а из другого — самого себя. «В таком поступке я видел не убийство, а только поеди-

нок на смерть обоих», — указывает в своих «Записках» Якушкин (85, с. 18). На царевубийство добровольно «вызвались» также Никита и Артамон Муравьевы; горячо поддерживал необходимость этого Федор Шаховской. Но были и противники. Особенно горячо против царевубийства выступал С. И. Муравьев-Апостол, указывавший на недостаточность сил декабристов для переворота, если бы удалось осуществить царевубийство. Споры длились 5—6 дней. В это время из Петербурга вернулся в Москву Трубецкой и сообщил, что слухи, о которых он писал ранее, не подтвердились. Вследствие этого большинство членов общества признало нецелесообразность акта царевубийства в данный момент.

Отсутствие четкого тактического плана, необходимость разработки новых организационных форм заставили декабристов вместо узкого, по сути дела заговорщического кружка, каковым являлся Союз спасения, создать новую организацию. В сентябре 1817 г. деятельность Союза спасения была прекращена. Однако для создания нового тайного общества необходимо было осуществить ряд подготовительных мер: разработать его устав, подготовить новых членов. В гвардии, находившейся в Москве, служило немало молодых прогрессивно настроенных офицеров, из которых решено было образовать полуполицейское «приготовительное общество» с целью, как свидетельствует Якушкин, «приготавливать членов для главного общества, не имеющего еще тогда настоящего своего образования». Так было создано Военное общество, явившееся своеобразным «соединительным звеном» между Союзом спасения и Союзом благоденствия. Образовал его тот же основатель Союза спасения А. Н. Муравьев (поэтому в документах следствия Военное общество обычно значится как Общество Александра Муравьева). Оно состояло из двух «управ», которые возглавляли Никита Муравьев и Павел Катенин. Просуществовало Военное общество около четырех месяцев — с сентября 1817 по январь 1818 г. Следствие мало интересовалось этой «промежуточной» декабристской организацией; не говорится о ней и в мемуарах декабристов (за исключением упоминания в «Записках» Якушкина), поэтому никаких сведений о деятельности ее мы не имеем (36, т. 3, с. 307).

Н. М. Муравьев в справке-показании «Историческое обозрение хода Общества» сообщает, что после упразднения Союза спасения бывшие его члены занялись подготовкой устава нового тайного общества. Эта работа была поручена самому Никите Муравьеву, Михаилу Муравьеву и Сергею Трубецкому, которые составили «комиссию» по созданию устава. Затем к ним присоединились Петр Колошин и Павел Лопухин. Среди участвующих в разработке нового устава Трубецкой называет и Илью Долгоорукова (36, т. 1, с. 25). Работа продолжалась около четырех месяцев. В основу был положен устав прусского общества Тугендбунда (Союза добродетели, полное название — Общество развития общественных добродетелей, или Нравственно-научный

союз). Текст устава Тугендбунда (опубликованного в немецком журнале «Фреймюттиге Блеттер» Лолухин достал осенью 1817 г., а Павел Колошин перевел его на русский язык. Тугендбунд был создан в апреле 1808 г. в Кенигсберге представителями прусского либерального дворянства, чиновничества и буржуазной интеллигенции. По существу это была скорее не политическая, а нравственно-филантропическая организация, которая стремилась к патриотическому воспитанию народа в период, когда разгромленная Наполеоном Пруссия оказалась под его игом. Под давлением Наполеона указом прусского короля Фридриха-Вильгельма III 31 декабря 1809 г. Тугендбунд был распущен. Он, однако, сыграл важную роль в борьбе за освобождение Пруссии от наполеоновского ига.

Новый устав, получивший название «Зеленая книга» (по цвету переплета, в которой был заключен его текст), отнюдь не являлся копированием устава Тугендбунда. В «Зеленой книге», в отличие от немецкого текста, отсутствовали параграфы, в которых говорилось о преданности монарху, защите царствующего дома и вообще существующего политического строя, а также не упоминалось о требовании доносить правительству о злоупотреблениях и государственной измене. Значительно была расширена программа конкретных действий (преимущественно просветительского характера) и разработаны организационные принципы тайного общества.

Первая часть устава внешне носила благонамеренный характер «мирного» просветительства и содержала, по свидетельству Е. П. Оболенского, «ближнюю цель: распространение просвещения, улучшение нравственности молодых людей, занятие должностей гражданских» и пр. (36, т. 1, с. 239). Пестель, подчеркивая внешне легальный характер «Зеленой книги», с которой знакомили вступающих в тайное общество и которую в этом виде «можно было и правительству показать», рассматривал ее «как пустой отвод от настоящей (сокровенной.— В. Ф.) цели на случай открытия общества и для первоначального показания вступающим членам» (15, с. 17). Политические цели тайной организации предполагалось изложить во второй, «сокровенной» части «Зеленой книги». Она была составлена позднее и заключала в себе конечные программные цели общества. Как показывал Е. П. Оболенский, «дальняя цель общества — образование конституционного правления в государстве» (36, т. 1, с. 229). М. С. Лунин так определял основные программные задачи Союза благоденствия: «Общество имело две цели: явную — распространение просвещения и благотворительности, и сокровенную — введение конституции и законно-свободного правления» (36, т. 3, с. 121). Эта вторая часть «Зеленой книги» не сохранилась, и поэтому в разное время возникали сомнения относительно ее существования. Однако показания декабристов свидетельствуют, что вторая часть устава, написанная вчерне и поэтому не получившая еще силу программного документа, принятого общест-

вом, все же была написана. Так, А. Н. Муравьев отмечал на следствии: «Вторая часть устава «Зеленой книги» сочинена была в Москве на весьма отдаленный случай умножения общества. Подлинного экземпляра не было и быть не могло, потому что она не была утверждена и даже не всем известно ее содержание. Черновой экземпляр был у князя Трубецкого... о сей второй части я не упомянул в первом моем показании потому, что она не была утверждена, ни принята обществом, а была в виде проекта, в котором можно было делать перемены и даже совсем уничтожить. Она не была прошнурована как первая часть, и при ней не было ни печати, ни подписи» (36, т. 3, с. 24). А. Н. Муравьев имел с нее копию, которую при своем выходе из тайного общества в 1819 г. уничтожил. Уничтожил «черновой экземпляр» и С. П. Трубецкой. О наличии второй части «Зеленой книги» утвердительно говорил также М. И. Муравьев-Апостол (36, т. 9, с. 224—225). «Вторая часть «Зеленой книги», — читаем мы в его показаниях, — была составлена в 1818 году в Москве Александром Муравьевым, Бурцовым, Никитою Муравьевым. Она более клонилась к распространению мыслей о представительном правлении. Подлинный список хранился у Александра Муравьева» (36, т. 9, с. 244). Существование второй части «Зеленой книги» подтверждал Е. П. Оболенский. Спрошенный о ней С. П. Трубецкой дал уклончивый ответ. Он показал, что в бытность его в Москве часть «Зеленой книги» еще не была написана, «и занимались ли члены во время моего отсутствия сочинением сей второй части или определили ее написать, осталось мне неизвестным». Со второй частью «Зеленой книги», по-видимому, был знаком младший брат Никиты Муравьева Александр, принятый в тайное общество в 1820 г. В его воспоминаниях дано и краткое содержание основных положений этой части «Зеленой книги»: «Уничтожение рабства, равенство граждан перед законом, гласность в государственных делах, гласность судопроизводства, уничтожение винной монополии, уничтожение военных поселений, улучшение защитников Отечества, установление предела их службы, уменьшенной с 25 лет, улучшение участи нашего [церковного] клира, в мирное время уменьшение численности армии» (62, с. 126).

Итак, в январе 1818 г. в Москве была создана новая декабристская организация — Союз благоденствия (или Союз общественного благоденствия, называемый в документах следствия Союзом благотворения и Обществом «Зеленой книги»). Союз благоденствия представлял собой более многочисленную, нежели Союз спасения, тайную организацию (более 200 членов) с заранее разработанным, как мы видели, уставом, в котором были изложены организационно-тактические и отчасти программные принципы.

Рассмотрим организационную структуру Союза благоденствия. Члены-учредители, каковых насчитывалось 29 человек¹ — почти все бывшие члены Союза спасения — входили в так на-

зывается Коренной союз (Коренную управу). Он избирал из своей среды руководящий орган — Совет Коренного союза в составе 6 человек (пяти «блюстителей» и одного «заседателя»). Под руководством «блюстителей» сроком на два месяца избирался председатель Совета Коренного союза. Предполагалось, что каждые четыре месяца по жребию двое «блюстителей» выходят из Совета Коренного союза, а на их место избираются новые лица из состава Коренного союза. Частая сменяемость руководства преследовала две цели: избежать сосредоточения власти на более или менее длительное время в руках немногих членов Коренного союза и предоставить возможность всем членам-учредителям принять участие в управлении тайным обществом. Каждый член Коренного союза был обязан создать ячейку тайного общества — управу, главой которой он и становился. Ему предоставлялось право приема новых членов. Предполагалось таким образом создать до 30 управ (ячеек) тайного общества уже в ближайшее время. Однако в перспективе таких ячеек могло быть и больше, потому что каждой из них предоставлялось право самостоятельно образовывать подчиненные ей управы. В данном случае управа получала название «главной», а созданные ею — «побочными». Предполагалось также создание легальных или полуполигальных «вольных» обществ и управ (литературных, благотворительных, научных и пр.), находившихся под контролем Коренного союза. Член Коренного союза, отказавшийся учредить управу, выводился из его состава (всего было создано около 15 управ). Коренной союз по уставу должен был назначить из состава своих членов еще и «Временную законодательную палату». Не меняя основной цели Союза благоденствия, эта «палата» могла вносить организационные изменения в структуру Союза.

В отличие от Союза спасения вместо трех степеней членства здесь устанавливались две — «высший круг» (члены, входящие в Коренной союз) и остальные, «рядовые», члены. (Деление на две степени перешло впоследствии в Южное и Северное общества.) Прием в тайное общество уже не сопровождался масонской обрядностью с принесением «страшных клятв». Вступающий обязан был дать две расписки — одну до принятия в тайное общество, другую после вступления в него. Обе расписки потом сжигались, о чем вновь принятого не ставили в известность.

Вступивший в тайное общество обязан был представить ру-

¹ И. А. и М. А. Фонвизины, А. Н., М. Н. и Н. М. Муравьевы, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, П. Х. Граббе, М. Ф. Орлов, М. С. Лунин, П. И. Пестель, Ф. П. Шаховской, С. П. Трубецкой, Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, И. Г. Бурцов, И. Д. Якушкин, И. А. Долгоруков, И. П. и С. П. Шиповы, А. Ф. Бригген, А. В. и С. М. Семеновы, М. Н. Новиков, Петр и Павел Ивановичи Колошины, П. П. Лопухин, М. К. Грибовский и Ф. П. Толстой.

ководителю своей управы список потенциальных кандидатов в члены тайного общества с указанием их возраста, чина, рода работы, места жительства, деловых и нравственных качеств. С. П. Трубецкой в своих «Записках» вспоминает, что каждому члену-учредителю рекомендовалось заводить помимо управы уже принятых в тайное общество и «вспомогательную управу»; «цель вспомогательных управ была приготовить членов для Союза» (79, ч. 1, с. 225).

Устав предусматривал прием в тайное общество лиц всех «состояний» (сословий), за исключением крепостных крестьян. Не принимались в общество иностранцы и женщины («женский пол в Союз не принимается», но «должно однакож стараться нечувствительным образом склонять его к составлению человеколюбивых и вообще частных обществ, соответствующих цели Союза») (183, с. 556). Возраст принимаемых — не моложе 18 лет. Хотя в принципе и допускалось принятие в тайное общество лиц из недворянских сословий, однако Союз благоденствия (как и все другие декабристские организации) состоял всецело из дворян, причем преимущественно находившихся на военной службе.

Первоочередная задача нового тайного общества заключалась в расширении его состава за счет принятия новых членов. Члены-учредители должны были в этом проявлять инициативу: подыскивать подходящих кандидатов и, «разведав о их способностях и нравственных качествах», предлагать им вступить в тайное общество. Такое предложение по поручению С. П. Трубецкого было сделано поэту В. А. Жуковскому А. Н. Муравьевым. Жуковский вежливо отказался под таким предлогом: «цель общества настолько велика и благородна», что он «не надеется быть в силах их выполнить» (79, т. 1, с. 293).

Каждый член тайного общества должен был себе избрать определенный уставом род (или «отрасль») деятельности: «человеколюбие», «образование», «правосудие» и «общественное хозяйство». «Человеколюбие» рассматривалось как главная «добродетель», нравственное качество «истинного христианина и просвещенного человека» и считалась важнейшей нравственной заповедью каждого члена тайного общества. Те, кто избрал «отрасль человеколюбия» сферой своей основной деятельности в тайном обществе, должны были выполнять следующие предписания: стараться «склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению», убеждая их, «что поданные такие же люди и что никаких в мире отличных прав не существует, которые дозволили бы властителям жестоко с подвластными обходиться»; «снабжать празднующихся людей работами», а «для таких, которые уже не в силах кормиться трудами своими, устраивать пристанища»; заниматься «надзором за всеми человеколюбивыми заведениями и местами, где страждет человечество», самим устраивать таковые заведения, вспомоществовать бедным и т. д. (183, с. 565—566).

«Отрасль образования» (или просвещения) рассматривалась как одна из наиболее значительных сфер деятельности тайного общества, придававшего особое значение силе просвещения. В первую очередь предусматривалось распространение «словом» и «личным примером» правил доброй нравственности. Каждый член тайного общества обязан был собственным примером «во всех поступках оказывать благородство и высоту души, добродетельному человеку свойственные», быть настоящим патриотом своей страны («особенным образом быть привержену ко всему отечественному и доказывать то делами своими»), «отличным образом исполнять как семейные, так и общественные обязанности» (там же). Избравшие эту сферу деятельности должны были распространять правила нравственности «сочинением и переводом хороших нравственных книг», всячески осуждать безнравственные сочинения, «в своих речах превозносить добродетель» и «унижать порок», а также привлекать к этой работе лиц, не состоящих в тайном обществе. Так, предлагалось «приглашать в сей отдел духовных особ и всех тех, кои по положению своему в обществе могут более действовать на нравственность». Большое внимание уделялось воспитанию юношества — «укреплению молодого человека к правилам веры» и «нравственности», то есть «к приуготовлению молодого человека вообще к званию гражданина и добродетельного человека». Предусматривалось также «сочинение книг» специально «для юношества». Члены отрасли «образование» непременно должны быть сами высокообразованными людьми и стремиться к «распространению познаний» в различных сферах наук. Важное значение придавалось литературе и «изящным искусствам», при этом подчеркивалось, что назначение литературы заключается «не в пышном обличении незначущей мысли громкими словами», а «в приличном выражении полезных, высоких, живо ощущаемых помышлений», а искусства — «не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего» (183, с. 570—572).

Работа в сфере «отрасли правосудия» была тесно связана с «человеколюбием» и ставила своей задачей защиту обиженных и несправедливо осужденных, борьбу с разного рода злоупотреблениями, особенно судебными, — «клонить все на сторону справедливости». Предполагалось, что члены общества, избравшие эту «отрасль» своей основной деятельностью, «особенно нападают на дух раболепства и властолюбия», «обращают общее внимание на чиновников», которые нарушают свои «священные обязанности» и творят злоупотребления, и, напротив, «ставят в пример чиновников, ревностно свои обязанности исполняющих», и вообще «возвышают в общем мнении людей справедливых», достойных. Предполагалось, что это будет наиболее обширной сферой деятельности Союза благоденствия, требующей и наибольшего числа членов. «Члены сии,— говорится в

уставе,—почитаются от Союза поставленными блюстителями справедливости» (183, с. 572—573).

Наконец, деятельность в отрасли «общественное хозяйство» была направлена на содействие развитию промышленности и сельского хозяйства, создание страховых обществ и оказание помощи потерпевшим от стихийных бедствий. Члены общества призывались внедрять «строгую честность» в торговле, помогать разорившимся от неблагоприятной рыночной конъюнктуры и несчастных случаев, способствовать всему передовому в народном хозяйстве, составлять «описания» (то есть исследования) состояния земледелия, промышленности и торговли. Предполагалось привлекать к этой работе крупных промышленников, торговцев, сельскохозяйственных предпринимателей и «служащих по части государственного хозяйства» (183, с. 574—575).

Таким образом, согласно уставу, члены Союза благоденствия обязывались принимать самое активное участие в общественно-политической жизни страны. Все эти многообразные сферы деятельности в области «человеколюбия», «образования», «правосудия», «общественного хозяйства» были подчинены выдвинувшейся на первый план главной тактической задаче — формированию «общественного мнения», благоприятного для преобразовательных планов декабристов.

Тезис об «общественном мнении, правящем миром», выдвинутый еще в XVIII в. французскими просветителями, был широко распространен в европейском революционном движении конца XVIII — начала XIX в. Решающее значение общественному мнению в историческом процессе придавали не только революционеры (о нем говорил, например, М. М. Сперанский в своих проектах государственного преобразования).

Работа над распространением в стране прогрессивных общественных идей являлась для декабристов не самоцелью, а важным средством подготовки революционного переворота. Как показывал Е. П. Оболенский на следствии, общество стремилось к «занятию должностей гражданских с целью не только исполнения вполне своих обязанностей, но и уничтожения лихоимства... Постепенным улучшением нравственности и распространением просвещения... общество надеялось достичь тихого и не приметного переворота в правлении государства» (36, т. 1, с. 230). Такая работа была совершенно необходима, дабы, как говорил Пестель, «общее мнение революции предшествовало». Декабристы полагали, что потребуется примерно 20 лет, когда передовое общественное мнение овладеет умами всех слоев Российского общества и будут тем самым созданы условия для сравнительно безболезненного революционного переворота. Предполагалось, что к этому времени в каждом крупном городе России будут созданы отделения тайного общества, которые составят конспиративные городские «палаты», возглавляемые своим «советом». Они и явятся опорными пунктами революционного переворота. Члены общества рассчитывали и на между-

народную революционную конъюнктуру. Они внимательно следили за положением дел в странах Западной Европы, видели там нарастание революционного движения (которое в 1820—1821 гг. вылилось в серию революций в южноевропейских странах). В 1818—1820 гг. декабристы были убеждены, что в перспективе начнется революция в германских государствах против их монархов. К этому движению, считали они, примкнет Польша, а тайное общество в России, произведя у себя революционный переворот, подаст им руку помощи. Опираясь на отделения своего тайного общества в разных городах, декабристы надеялись овладеть всеми государственными учреждениями в стране. Предполагалось избрать руководящий орган революции. Революционный переворот мыслился декабристами как строго организованная акция, которая должна произойти быстро и безболезненно, «при всеобщем ликовании народа» и без «ужасов французской революции».

Надежды декабристов на возможность в перспективе безболезненного революционного переворота основывались на том, что процесс формирования передового общественного мнения в России уже развивался. Возникновение и деятельность Союза благоденствия проходили в обстановке общественно-политического подъема в стране, роста либерально-оппозиционного движения. Это была та общественная среда, на которую опирался Союз благоденствия, откуда пополнялись его кадры, которая в свою очередь оказывала на декабристов свои идейное влияние.

Принято считать послевоенные годы временем мрачной политической реакции, именуемой аракчеевщиной. Однако в полной мере она проявилась не сразу. Примерно до начала 20-х гг. наряду с проведением ряда реакционных мер (например, введением военных поселений) имело место и определенное «заигрывание с либерализмом»; в правительстве продолжались разрабатываться планы государственного преобразования, проекты освобождения крепостных крестьян. Так, в 1818 г. Александр I при открытии польского сейма в Варшаве произнес речь, в которой заявил, что учрежденные им в 1815 г. в Польше конституционные порядки он намерен «распространить» и на «страны (территории России.— В. Ф.), провидением попечению моему вверенные», хотя и оговорился: «когда они достигнут надлежащей зрелости». Его речь произвела сильное впечатление на прогрессивных людей России, в том числе и на декабристов, внушив им надежды на конституционные намерения царя. Н. М. Карамзин также отмечал, что речь Александра I «сильно отразилась в молодых сердцах: спят и видят конституцию» (54 с. 236). В том же году Александр I поручил Н. Н. Новосильцеву составить «государственную грамоту» в духе принципов польской конституции 1815 г.—наиболее либеральной в Европе того времени. Проект был готов в 1820 г. и даже получил «высочайшее одобрение», но, как это было характерно для Александра I, оказался положенным под сукно. В 1818 г. 12 сановников полу-

чили секретные поручения царя подготовить проекты отмены крепостного права. Один из таких проектов разработал А. А. Аракчеев, намечавший постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну. По собственному почину подготовил свой проект и декабрист Н. И. Тургенев — горячий поборник освобождения крестьян. Но Александр I, встретив сопротивление дворянства, оставил эти проекты без внимания.

Нужно отметить, что печать и просвещение до начала 20-х годов еще не подвергались тем суровым гонениям, какие начались позднее. В 1818—1820 гг. издаются книги К. И. Арсеньева «Российская статистика» и А. П. Куницына «Право естественное», в которых излагались просветительские идеи «естественного права» и открыто ставился вопрос о необходимости отмены крепостного права в России. В журналах печатались статьи, в которых говорилось о пользе конституционного устройства, публиковались тексты западноевропейских конституций. Все это создавало благоприятные условия для деятельности Союза благоденствия в плане «овладения общественным мнением» и дальнейшего распространения последнего.

По замыслу декабристов передовое общественное мнение еще до революционного переворота должно было уже оказывать давление на правящие круги и на правительство. Поэтому члены тайного общества должны были стремиться занять как можно больше мест в правительственных учреждениях и не только не отказываться от должностей на военной и гражданской службе, но и «искать их». Через сеть легальных и полуполигальных «вольных обществ», благотворительных организаций, литературных кружков и объединений, литературно-политические журналы и учебные заведения Союз благоденствия был тесно связан с прогрессивными кругами России и фактически превратился в идейный центр, объединяющий революционные и либерально-оппозиционные круги России в борьбе с самодержавием и крепостничеством. Таким образом, образование Союза благоденствия знаменовало собой коренной поворот от узкой заговорщической группы — Союза спасения — к широкой политической организации.

При этом особое внимание уделялось пропагандистско-агитационным, в значительной мере легальным формам деятельности с привлечением к ней широкого круга единомышленников декабристов. Выступления в периодической печати в защиту передовой науки и литературы, издание литературных альманахов и ученых трудов, защита обиженных и несправедливо осужденных, выкуп из крепостной неволи талантливых крестьян-самоучек, помощь голодающим крестьянам, критика печатно и устно крепостного права, палочных наказаний в армии, аракеевских военных поселений и т. д. — вся эта деятельность в конечном итоге преследовала цель «подготовить умы» к необходимости упразднения самодержавно-крепостнических порядков в стране. Задача «создания передового общественного мнения» выдвину-

ла на первый план пропагандистский характер деятельности Союза благоденствия, которая велась почти открыто и в печати, и в великосветских салонах, и в солдатской школе «взаимного обучения».

Хотя широко задуманная программа Союза благоденствия была выполнена далеко не полностью, но уже и то, что было им сделано за три года своего существования, свидетельствует о весьма интенсивной и плодотворной работе, которая еще не в полной мере исследована декабристоведами. Рассмотрим, как конкретно осуществлялась деятельность Союза благоденствия, какие управы и отделения удалось ему создать, как они функционировали.

Главными средствами распространения передовых общественных идей декабристы считали просвещение и печать. Они придавали исключительно важное значение «силе просвещения», рассматривая его как залог прогресса нации. Декабристы были убеждены, что никакие серьезные преобразования не могут быть осуществлены, если народ забит и безграмотен. Вспомним их ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина: «И просвещенный наш народ сберется под святое знамя», а также их широкую просветительскую деятельность в Сибири путем создания школ для местного населения. При этом декабристы стремились не просто к распространению среди народа элементарной грамотности, но к воспитанию его в духе высокой нравственности, подлинного патриотизма, любви к свободе.

В конце XVIII — начале XIX в. в Европе получила распространение разработанная английскими педагогами А. Беллом и Дж. Ланкастером система взаимного обучения, при которой старшие и уже имеющие определенные знания ученики под руководством преподавателя вели занятия с младшими учащимися. В России эту систему впервые, начиная с 1818 г., применили декабристы, главным образом в солдатских школах. В Петербурге декабристами было основано Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения, которым руководил активный деятель Союза благоденствия Ф. Н. Глинка, служивший адъютантом у петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича. Это общество координировало работу других «ланкастерских школ», возникавших в разных городах страны: в Москве, Туле, Полтаве, Одессе, Херсоне, Риге, Перми, Вологде, Оренбурге, Астрахани, Тифлисе и Иркутске. Полагают, что общее число занимающихся в этих школах составило более 5 тыс. человек, из них 815 (преимущественно солдатских детей) обучалось в Петербурге. Несколько «ланкастерских школ» было основано в Кишиневе М. Ф. Орловым. Создавались они и в именах некоторых декабристов: И. Д. Якушкина и П. П. Пасека, И. А. и М. А. Фонвизинных. Самое активное участие в деятельности «ланкастерских школ» принимали Ф. П. Толстой (известный правер-медальер) — председатель (с 1819 г.) Петербургского общества взаимного обучения, В. К. Кюхельбекер

(секретарь Общества) — поэт и преподаватель Петербургского благородного пансиона, С. П. Трубецкой, И. Г. Бурцов, Н. М. Муравьев, А. В. Семенов. Петербургское Вольное общество учреждения училищ по методу взаимного обучения выпускало учебные «таблицы», в которых использовались понятия «свобода», «воля», «раб», «цепи», «союз», «герой», «восстать», «гражданин», издавало книги для широких народных кругов, уже овладевших грамотой. К составлению и изданию учебных «таблиц» был привлечен и Н. И. Греч, который печатал их в своей типографии. Используя вполне благонамеренные учебные издания Греча, декабристы «дополняли» их своими определениями и понятиями. Так, В. Ф. Раевский в руководимой им в Кишиневе солдатской школе на уроках правописания в дополнение к печатным «прописям» Н. И. Греча давал и рукописные, в которых фигурировали имена тираноборцев и революционеров — Кассия, Брута, Джорджа Вашингтона, Антонио Квируги, Оноре Мирабо и других. Волнение в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г. вызвало у Александра I сильные подозрения, что семеновские солдаты были «подготовлены» существовавшей в том полку «ланкастерской школой». Позже процесс над В. Ф. Раевским окончательно убедил его в том, что эти школы использовались в целях антиправительственной пропаганды, и в 1823 г. по распоряжению царя они были закрыты.

Для пропаганды передовых идей Союз благоденствия широко привлекал «вольные» литературные общества. В сфере его деятельности находились известное Вольное общество любителей российской словесности, наук и художеств и «побочная управа» Союза благоденствия «Зеленая лампа» (с ней сотрудничал А. С. Пушкин). Вольное общество возникло в Петербурге в 1816 г. (95, с. 140). Оно просуществовало до 1825 г. и насчитывало свыше 240 членов (82 «действительных члена», 24 «члена-сотрудника», 39 «членов-корреспондентов» и 96 «почетных членов»). В составе этого общества находилось около 20 членов Союза благоденствия, которые, собственно, и «задавали тон» в данном литературном объединении. Возглавлял эту «декабристскую группу» Ф. Н. Глинка. С 1818 г. Вольное общество любителей российской словесности стало называться в узком кругу его членов «ученой республикой». Его литературные и ученые «упражнения» имели политический оттенок. В. Г. Базанов пришел к выводу, что это объединение «сыграло выдающуюся роль в подготовке декабристских кадров». После роспуска Союза благоденствия в 1821 г. «ученая республика» стала выполнять его функции «по отрасли просвещения, изящной словесности и ученых упражнений». Она превратилась в литературную организацию, в которой руководящую роль в начале 20-х гг. заняли К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев.

Литературным отделением Союза благоденствия являлось общество «Зеленая лампа» (1819—1820 гг.), которое возглавлял его основатель Никита Всеволожский. Из 21 участника

«Зеленой лампы» 11 были членами Союза благоденствия, в том числе Ф. Н. Глинка, С. П. Трубецкой, А. Я. Толстой, А. А. Токарев, П. П. Кавелин, А. Д. Улыбышев. Активными посетителями заседаний кружка и участниками его были А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг и Н. И. Гнедич. Все входившие в состав кружка должны были давать торжественное обещание сохранять его тайну. Заседания проходили в доме Никиты Всеволожского — в комнате, освещенной лампой с зеленым абажуром (отсюда и название кружка). Девиз его — «Свет и надежда». Члены кружка носили особые кольца, на которых была вырезана лампа. По словам А. С. Пушкина, здесь читали злые стихи «насчет глупца вельможи злого, насчет холопа записного», прохаживались «насчет небесного царя, а иногда насчет земного». На заседаниях не только рассуждали о литературе и театре, но и занимались обсуждением политических вопросов, как это убедительно доказали П. Е. Щеголев и Б. Л. Модзалевский в специальном исследовании истории этого литературного объединения (146; 208).

Другой литературный кружок, входивший в сферу влияния Союза благоденствия, существовал в Москве и носил характерное название Общество громкого смеха (1816—1820 гг.). Кружок собирался у его основателя и председателя М. А. Дмитриева. В кружок входили П. А. Новиков, М. А. Волков, А. Д. Курбатов, С. Е. Раич, А. О. Корнилович, Ф. П. Шаховской и еще несколько других неизвестных нам лиц. Первоначально это общество преследовало узкие литературные цели. Собрания заканчивались ужином, во время которого читались острые эпиграммы, сатирические рассказы, звучали шутки и пародии (отсюда и название, которое получило это литературное общество). Под влиянием вступившего в 1818 г. в кружок Ф. Шаховского характер общества изменился: оно, по словам М. А. Дмитриева, обрело «более серьезное направление». Был сочинен устав, приняты новые члены (М. А. Фонвизин и А. Н. Муравьев); Общество начало заниматься «политическими науками» и намеревалось «издавать журнал вроде французской «Минервы». Однако в связи с переводом на новое место службы Шаховского, затем Корниловича и Волкова кружок распался (107, с. 143—148).

Н. И. Тургенев выступил инициатором создания Журнального общества, которое задумывалось как «вольное общество» Союза благоденствия. Основной задачей его должно было стать издание политического журнала, который пропагандировал бы основные требования Союза благоденствия и концентрировал бы вокруг себя передовые общественные силы. Журнал («Россиянин XIX века») предполагалось издавать по самой дешевой цене для наибольшего его распространения. В январе 1819 г. члены редакции журнала, среди которых были Н. И. Тургенев и А. П. Куницын, провели несколько совещаний. Как свидетельствует Н. И. Тургенев, целью журнала было «распространение идей политических», «по возможности... писать против рабства»; все статьи должны были иметь целью свободомыслие» (151, т. 1,

с. 241). Известно, что уже были заказаны статьи и шла работа по созданию тайной типографии у одного из членов тайного общества, по всей вероятности, у М. С. Лунина, который приобрел для этого литографический станок (на следствии он пытался объяснить наличие у него такого станка тем, что хотел на нем печатать свои распоряжения по имению). Кроме журнала, планировалось печатать сатирические карикатуры и распространять их на толкучем рынке среди народа, в казармах среди солдат. Усиленная полицейская слежка в связи с событиями в 1820 г. в гвардейском Семеновском полку расстроила эти планы.

В 1818 г. Н. И. Тургеневым была опубликована книга «Опыт теории налогов», в основу которой были положены идеи Адама Смита. Посвящая книгу, казалось, сугубо научной проблеме, Тургенев сумел заклеить крепостное право «в достаточно сильных выражениях» (82, с. 70). Такая же цель — активизация общественного мнения против крепостничества — преследовалась и в работах других декабристов. Таков был цикл художественных и публицистических произведений В. Ф. Раевского (1817—1821 гг.), среди которых особенно выделяются «Рассуждения о солдате» и «Рассуждения о рабстве крестьян». «Кто дал человеку право называть человека моим и собственным? — гневно вопрошал Раевский. — По какому праву тело и имущество и даже душа одного может принадлежать другому? Откуда взят закон торговать, менять, проигрывать, дарить и тиранить подобных себе человеков? Не из источника ли грубого, неистового невежества, злодейского эгоизма, скотских страстей и бесчеловечья? Взирая на помещика русского, я всегда воображаю, что он вспоен слезами и кровавым потом своих поданных, что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных, что элемент его есть корысть и бесчувствие. Предки, наши свободные предки, с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков. Они в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что русские сделались рабами». Важен вывод Раевского: «Не человек созревает для свободы, но свобода делает его человеком и развивает его способности». «Рассуждения» В. Ф. Раевского в силу их резко обличительного характера могли быть известны лишь узкому кругу его единомышленников, но они весьма характерны для декабристских настроений и являются замечательными памятниками декабристской публицистики.

Участники Союза благоденствия предпринимали и попытки практически повлиять на решение крестьянского вопроса. В начале 1818 г. малороссийский губернатор князь Н. Г. Репнин (родственник С. Г. Волконского) во время дворянских выборов обратился с речью к местному дворянству, в которой призвал улучшить положение их крестьян. Предводитель калужского дворянства князь Н. Г. Вяземский отозвался ретроградной запиской в защиту крепостного права. Записка получила широкое хождение. Для декабриста А. Н. Муравьева это послужило

ло поводом к написанию остро полемического «Ответа сочинителю речи о защищении права дворян на владение крестьянами». В «Ответе» Муравьев доказывал незаконность института крепостного права в России. Через министра двора князя П. М. Волконского записка Муравьева была представлена Александру I. Ответом было: «Дурак! Не в свое дело вмешался!» (79, т. 1, с. 223).

В 1819 г. по поручению Коренного совета Н. И. Тургенев переработал составленную им в 1818 г. свою записку «Нечто о крепостном состоянии в России», в которой выразил не только свою позицию, но и мнение Союза благоденствия. Через посредство Ф. Н. Глинки записка была вручена графу М. А. Милорадовичу для передачи Александру I. В начале мая 1820 г. Николай и Александр Тургеневы, П. А. Вяземский, М. С. Воронцов и А. С. Меншиков подписали прошение на имя Александра I, предлагая «дать волю» без всяких условий принадлежащим им крестьянам и позволить «предложить другим» последовать их примеру. Этот поступок вызвал резкое недовольство Александром I (28, т. 5, с. 156).

Известно также, что И. Д. Якушкин в 1818 г. в своем смоленском имении Жуково хотел договориться с крестьянами об отпуске их на волю без земли. Но крестьяне воспротивились предоставлению им воли без земли, заявив Якушкину: «Пусть мы будем ваши, а земля наша». Материалы архива Министерства внутренних дел свидетельствуют, что Якушкин ходатайствовал перед Министерством об отпуске своих крестьян на основе указа от 20 февраля 1803 г. о свободных хлебопашцах. Однако ему было отказано, поскольку его ходатайство нарушало важное условие указа — предоставление крестьянам земли (хотя и за выкуп).

В 1817 г. после смерти отца получил в наследство 929 душ мужского пола в Саратовской и Тамбовской губерниях М. С. Лунин. Сохранилось два завещания М. С. Лунина об отпуске крестьян на волю — одно от 28 февраля 1818 г., другое от 27 марта 1819 г. Первое завещание носило характер «проекта»; по нему предполагался отпуск крестьян на волю с их надельной землей без выкупа. Второе завещание носило уже официальный характер юридического акта, сданного в запечатанном виде на хранение в Московский опекунский совет. По этому завещанию имение передавалось двоюродному брату Н. А. Лунину, с условием имение не раздроблять, никого из крестьян не продавать, не налагать на них новых поборов, «пещись» об их благосостоянии. Таким образом, второе завещание уничтожало намерение М. С. Лунина, изложенное им в первом. Историки — биографы М. С. Лунина — до сих пор строят догадки о причинах такого изменения его позиции (164, с. 38—44).

Следует отметить и то обстоятельство, что в своем большинстве декабристы были молодыми людьми и имениями распорядились не они, а их родители как юридические и фактические

собственники этих имений. Но те, кто вступал во владение имением, старались улучшить положение своих крестьян: уменьшали повинности, прощали недоимки по прежним оброкам, предоставляли деньги на поправку имущественного состояния крестьян, заводили школы, отпускали на волю дворовых и т. д.

Известен ряд случаев, когда декабристам и их друзьям удалось добиться свободы для отдельных талантливых крестьян-самородков. Так, в 1819—1820 гг. В. А. Жуковский и Н. И. Тургенев способствовали выкупу на волю крепостного поэта С. И. Серебрякова, К. Ф. Рылеев помог обрести свободу А. В. Никитенко. Благодаря ходатайству декабристов получил вольную известный актер М. С. Щепкин. Н. В. Басаргин в своих «Записках» рассказывает, как ему удалось добиться освобождения в 1820 г. двух крепостных девушек, жестоко страдавших от притеснений самодура-барина (29, с. 268—278). Декабристы широко проводили различные акции «благотворения» — помощи бедным и «страждущим» людям «простого звания». Так, член Союза благоденствия А. А. Кавелин показывал на следствии, что на заседании управы, в которой он состоял, каждый ее член должен был сообщить «о каком-либо честном, но несчастном семействе», и затем все вместе решали, как оказать ему помощь. С целью «пособить страждущим в нищете» Ф. Н. Глинка и Ф. П. Толстой устроили в 1819 г. в Петербурге «заведение для продажи разных вещей для бедных разного состояния». Сам Глинка, как он показывал, тратил немало времени для «посещения бедных в подвалах и на чердаках» (13, л. 16). Помощь страждущим Глинка считал важнейшим делом своей жизни. Широкою благотворительною деятельностью вела Кишиневская управа. Член ее К. А. Охотников, получая от отца большие суммы, тратил их «на бедных», чем завоевал себе широкою известность («все несчастные в Кишиневе знали его») (163, т. 1, с. 130). Гонорары и доходы от литературных изданий декабристы, как правило, тратили «в пользу людей неимущих учебного звания».

Осенью 1820 г. М. А. Фонвизин, возвращаясь с места своей службы в Москву, заехал к И. Д. Якушкину в его имение Жуковку Смоленской губернии. Фонвизин рассказывал другу об увиденном им по дороге бедственном положении крестьянства, произволе помещиков и местной администрации. Под впечатлением этого рассказа Якушкин составил «адрес» (обращение) к Александру I, полагая, что его подпишут все члены Союза благоденствия. В обращении «излагались все бедствия России», для прекращения которых монарху предлагалось «созвать Земскую думу по примеру своих предков». Фонвизин, ознакомившись с обращением, согласился подписать его одним из первых. Затем оба декабриста отправились в Дорогобуж, где со своим полком стоял член тайного общества полковник П. Х. Граббе. «К счастью,— вспоминал Якушкин,— Граббе был благоразумнее нас обоих; не отказываясь вместе с другими подпи-

сать адрес, он нам ясно доказал, что этим поступком за один день уничтожалось тайное общество и что это влечет нас прямо в крепость». Фонвизин и Якушкин убедились в справедливости доводов Граббе и уничтожили «адрес» (85, с. 35).

Успешной оказалась акция, предпринятая декабристами весной-осенью 1821 г. В 1820 г. Смоленскую губернию поразил неурожай. Начался голод. И. Д. Якушкин, П. Х. Граббе, П. П. Пассек, Д. А. Давыдов и другие смоленские декабристы организовали помощь голодающим крестьянам, собрав по подписке 30 тыс. рублей. Далее они направили министру внутренних дел О. П. Козодавлеву «записку» о голодающих крестьянах, добились сенаторской ревизии состояния в губернии и помощи нуждающимся от казны в размере 900 тыс. рублей. Впоследствии, когда готовился царский указ (в 1822 г.) о запрещении всех масонских лож и тайных обществ, министр двора П. М. Волконский попытался было успокоить царя, доказывая «незначительность» открытой в 1821 г. декабристской организации — Союза благоденствия. «Ты ничего не понимаешь, — ответил ему Александр I, — эти люди могут, кого хотят, возвысить или уронить в общем мнении... В прошлом году во время неурожая в Смоленской губернии они кормили целые уезды» (85, с. 57—61).

В конце 1818 — начале 1820 г. Союз благоденствия достиг наибольшего своего влияния. Быстро росло число его членов. Среди них были люди разных положений и убеждений — от представителей титулованной знати до разночинцев. В различных городах России возникли отделения (управы) Союза благоденствия. Некоторые из них промком назывались «обществами» и носили автономный характер, сохраняя лишь номинальную связь с Коренной управой Союза благоденствия. Наибольшее количество управ имелось в Петербурге (7 управ), главным образом в гвардейских полках. Известно о существовании управ в егерском, кавалергардском, Павловском, Семеновском и Измайловском гвардейских полках. В Измайловском полку значительная по численности своих членов управа получила название Общества Измайловского полка. Его член штабс-капитан Толстой основал свое Общество Добра и Правды. Привлеченный к деятельности этого общества А. А. Токарев (он состоял и в «Зеленой лампе») составил устав организации — «в духе» Союза благоденствия, с «ближней» и «дальней» целью. В середине 1820 г. в Петербурге возникло отдельное общество, основанное Ф. Н. Глинкой и Г. А. Перетцем, получившее название Общества Глиники-Перетца или Хейрут. Слово «хейрут» (по еврейски — свобода) служило паролем общества. В обществе значились, кроме основателей, С. М. Семенов, А. Ф. Дребуш, Ф. И. Корф, М. Д. Лаппа, Е. П. Немирович-Данченко, Н. И. Кутузов, Н. Д. Сенявин, Д. А. Искритский, П. М. Сажно-Устимович. По словам Перетца, целью общества было введение конституции, а средством — «распространение всеобщего неудовольствия, делая гласным несправедливость и ошибки прави-

тельства». На заседаниях общества толковали «о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота... о разорительных для России иностранных займах», вообще «о многих несправедливостях, особливо в делах, с казенным интересом сопряженных», и т. д. (186, с. 654—655). Общество существовало недолго и прекратило свое существование в связи с поступившими в конце 1820 — начале 1821 г. доносами на некоторых его членов и роспуском Союза благоденствия.

Две управы Союза благоденствия возникли в начале 1818 г. в Москве: одну возглавлял А. Н. Муравьев (с 1819 г. — Колошин), другую Ф. П. Шаховской. Видную роль среди декабристов-москвичей периода Союза благоденствия играли братья И. А. и М. А. Фонвизины, И. И. Пущин, Раич (С. Е. Амфитеатров), М. М. Нарышкин и особенно И. Д. Якушкин. Последний входил и в Смоленскую управу. С. П. Трубецкой, приехав в 1818 г. в Нижний Новгород, положил там основание местной управе Союза благоденствия. Управы Союза благоденствия возникли в Тамбове, Пензе, Полтаве, Симбирске.

Особенно значительными по численности членов и активной деятельности были Тульчинская и выделившаяся из нее Кишиневская управы, превратившиеся в самостоятельные тайные организации наиболее радикального направления.

Тульчинская управа была основана П. И. Пестелем, который в 1814—1818 гг. служил в Митаве в качестве адъютанта П. Х. Витгенштейна. Наезжая в Петербург, он в конце 1816 г., как ранее было сказано, вступил в Союз спасения, а в Митаве основал ячейку этого тайного общества. В начале 1818 г. он получил новое служебное назначение, в Тульчин. До прибытия на место своей новой службы он некоторое время жил в Петербурге, где познакомился с первой частью устава Союза благоденствия — «Зеленой книгой». «Мы ее («Зеленую книгу». — В. Ф.) приняли», — показывал Пестель, хотя его не устраивал чисто просветительский характер этой части (36, т. 4, с. 101). В сентябре 1818 г. Пестель прибыл в Тульчин — штаб-квартиру 2-й армии. Как полагают исследователи (М. В. Нечкина, И. В. Порох), Тульчинская управа была создана Пестелем в конце сентября 1818 г. Первыми членами ее были доктор («штабс-лекарь») Ф. Б. Вольф, Н. И. Комаров, А. Г. Непенин; несколько позже в нее были приняты П. В. Аврамов, В. П. Ивашев, И. Н. Хотяинцев. К началу 1820 г. в Тульчинской управе состояло уже около 20 человек. М. В. Нечкина к моменту образования Южного общества насчитывает в Тульчинской управе до 30 человек (36, т. 1, с. 219). «В Тульчине, — вспоминал И. Д. Якушкин, — члены тайного общества, не опасаясь никакого особенного над собою надзора, свободно и почти ежедневно общались между собой и тем самым не давали ослабевать друг другу. Впрочем, было достаточно уже одного Пестеля, чтобы беспрестанно одушевлять всех тульчинских членов» (85, с. 36). Руководство Тульчинской управой у Пестеля оспаривал И. Г. Бур-

цов. От пронизательного Якушкина не укрылось, что в Тульчинской управе существуют как бы «две партии: умеренные, под влиянием Бурцова, и, как говорили, крайние, под руководством Пестеля. Бурцов, бывши уверен в превосходстве личных своих достоинств, не мог не чувствовать на каждом шагу превосходства Пестеля над собой и потому всеми силами старался составить против него оппозицию. Однако это не мешало ему по нужности оставаться в самых лучших отношениях с Пестелем» (там же). И все же место лидера осталось за Пестелем. Побеждали его твердая воля, выдающийся ум, железная логика рассуждений, что привлекало к нему большинство членов Тульчинской управы.

Управа в Кишиневе была основана генерал-майором М. Ф. Орловым, принявшим летом 1820 г. командование над расквартированной там 16-й пехотной дивизией. Видную роль в организации и деятельности управы сыграл майор В. Ф. Раевский — командир егерской роты в составе дивизии Орлова. Поименно известно не менее 13 членов² этой управы, которая первая начала агитационную работу среди солдат. Сам командир 16-й дивизии повел борьбу против применявшихся в ней телесных наказаний и стремился улучшить положение солдат. В своих знаменитых приказах по дивизии Орлов призывал офицеров к гуманному обращению с солдатами, подчеркивая, что строгость и взыскательность по службе не должны превращаться в жестокость. «Строгость и жестокость суть вещи совсем разные, — отмечал в приказе Орлов, — одна прилична тем людям, кои сотворены для начальства, другая свойственна тем только, коим никакого начальства поручить не должно. Сим правилом я буду руководствоваться, и г.г. офицеры могут быть уверены, что тот из них, который обличится в жестокости, лишится в то же время навсегда команды своей» (42, с. 61). Вскоре Орлов доказал, что это не пустые его слова. Трое офицеров Охотского пехотного полка за жестокое обращение со своими подчиненными были преданы им военному суду и разжалованы в солдаты. В изданном по этому поводу приказе Орлов писал: «Да испытают они в солдатских крестах, какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания» (42, с. 62). Надо полагать, что эти приказы дивизионного командира оказывали сильнейшее воздействие на солдат и офицеров.

Сферой деятельности М. Ф. Орлова была и масонская ложа «Овидий». Она в отличие от других масонских лож объединяла прогрессивно настроенных офицеров, духовные искания которых не ограничивались только религиозно-нравственными проблемами. В целях пропаганды идей тайного общества Орлов

² Ф. А. Бистром, Ф. Г. Кальм, И. П. Липранди, А. Г. Непенин, М. Ф. Орлов, К. А. Охотников, П. С. Пущин, В. Ф. Раевский, Н. С. Таушев, И. М. Юмин, капитан Бучевский, майор Гаевский, штабс-капитан Мозевский.

использовал даже кишиневское отделение Библейского общества.

Большую агитационную работу развернул при поддержке Орлова В. Ф. Раевский, которому было поручено управление солдатской дивизионной и юнкерской школами. Раевский вступил на путь прямой антиправительственной агитации, вел с солдатами разговоры о правительстве «с невыгодной стороны», говорил о свободе, равенстве, о том, что «конституционное правление лучше всех правлений, особенно нашего, монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом», что «между солдатом и офицером должно быть равенство, ибо природа создала всех одинаковыми». Такие записи лекций Раевского были потом обнаружены у юнкеров школы, где он вел занятия. В бумагах самого Раевского найдены черновики статей, в которых он между прочим писал: «Император медлит дать конституцию народу русскому и миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры» (73, т. 1, с. 96).

Многое о деятельности Союза благоденствия нам неизвестно. Трудности восстановления истории этой декабристской организации и ее деятельности заключаются в том, что основная часть ее документации была уничтожена после роспуска Союза в 1821 г. Многие погибли в каминах после поражения восстания 14 декабря 1825 г., когда начались аресты участников тайных декабристских обществ. Однако и те сведения, что сохранили нам мемуары их участников, отдельные их показания, памятники литературной публицистики свидетельствуют о весьма обширной и разносторонней деятельности этой самой широкой по своему численному составу декабристской организации.

М. В. Нечкина справедливо отмечает, что «деятельность Союза благоденствия не может быть ограничена непосредственной работой самих членов: она пробуждала вокруг себя активность широкого круга сочувствующих, в известной мере направляла ее, а в иных случаях усиливала ее или содействовала ее деятельности, вызванной не их усилиями, а родившейся самостоятельно из «духа времени». Эта широкая сочувствующая среда, их окружавшая, была одновременно сферой их работы и влияния и в какой-то мере результатом этой работы» (151, т. 1, с. 223). Таким образом, Союз благоденствия не замыкался в себе, а выходил на широкую общественную арену. В литературные, просветительские общества и «побочные управы» был вовлечен значительный круг передовых представителей русского общества. Вместе с тем через сеть легальных и полуполегальных обществ и объединений Союз благоденствия тесно был связан с оппозиционными кругами России.

Просветительский характер первой части устава «Зеленой книги», обширная легальная и полуполегальная работа Союза благоденствия, скудость данных о его конспиративной деятельности дали основание дореволюционной либеральной историографии (а также и некоторым советским историкам) отрицать

революционность данной декабристской организации. Но этому неверному тезису противоречит уже сам конспиративный характер Союза благоденствия, а также и наличие в «сокровенной» части его программы (а она, как мы показали, действительно существовала) важных пунктов революционной ломки существующего строя. Из истории освободительного движения известно также, что использование той или иной революционной организацией наряду с нелегальными легальных форм борьбы, а также привлечение к своей деятельности оппозиционных сил отнюдь не может служить аргументом отрицания ее революционности.

Конечно, не все лица, входившие в Союз благоденствия, являлись революционерами. Было среди них немало либерально и оппозиционно настроенных членов, которые не шли в своей деятельности дальше требований первой части «Зеленой книги», т. е. ограничивались мирной пропагандистской работой, стояли за улучшение положения крепостных, выступали за развитие просвещения и усовершенствование правосудия и не поднимались до признания необходимости насильственного, революционного устранения феодально-абсолютистских порядков. И чем шире становился круг Союза благоденствия, тем более усиливалась разнородность его состава. На многочисленных собраниях кипели споры, рождались разнообразные проекты и планы, сталкивались различные, иногда противоположные мнения по программным и тактическим вопросам. Обозначились разногласия между умеренной, либерально настроенной частью Союза благоденствия, склонявшейся к мирным формам борьбы, и наиболее радикальной частью, которая не только допускала насильственные революционные действия, но и не видела иного пути для достижения основных программных требований тайного общества.

Эти разногласия обострились в «переломные» 1820—1822 гг. под влиянием внутри- и внешнеполитических событий и привели в конечном счете к роспуску Союза благоденствия в 1821 г.

«ПЕРЕЛОМНЫЕ» ГОДЫ (1820—1822)

1820—1822 годы следует рассматривать как «переломные» в истории декабристского движения. Они явились рубежом, гранью между «ранним» и «поздним» декабризмом, ибо именно в этот период декабристами была четко определена основная политическая цель — борьба за республику, была принята новая тактика революционной борьбы («военная революция»). Обострение разногласий в Союзе благоденствия привело к его самоликвидации, а точнее, к реорганизации уже на новых началах, в результате чего возникли и оформились два новых декабристских общества — Северное и Южное. В 1821—1822 гг. самодержавие наносит свои первые удары по декабристскому движению: несмотря на «упреждающий» действия правительства акт самороспуска Союза благоденствия, наиболее активных членов его увольняют со службы, берут под негласный полицейский надзор; в 1822 г. разгрому подвергается Кишиневская организация.

Этот «перелом» был в значительной мере обусловлен резко изменившейся внутри- и внешнеполитической обстановкой тех лет: фактами крупных, получивших большой резонанс антикрепостнических восстаний в России, серией революций в южноевропейских странах, а затем резкого поворота к реакции в России и странах Западной Европы. Эти события по-разному воздействовали на умы членов тайного общества: они испугали одних — умеренно настроенных, которые стали отходить от тайного общества, и радикализировали других, уже не удовлетворившихся тактикой «медленного действия на умы» и требовавших более решительных революционных действий.

В 1819 г. всю Россию поразила весть о кровавом усмирении Аракчеевым восставших поселян в Чугуеве. Учреждение с 1816 г. военных поселений было вызвано поисками иных форм комплектования армии и разрешения острых финансовых проблем путем перевода части армии на «самоокупаемость», когда солдаты наряду с военной службой занимались земледелием и тем содержали себя. На положение военных поселян были переведены сотни тысяч государственных крестьян и казаков, которых сверх земледелия заставили заниматься и военной службой. В военных поселениях был установлен жестокий военно-феодальный режим — соединение крепостной барщины с тяжелой военной службой. Недаром А. И. Герцен назвал учреждение

военных поселений «величайшим преступлением царствования Александра I». Это оказался худший вид крепостной неволи, повсюду встречавший упорное сопротивление со стороны крестьян и казаков, обращаемых в военных поселян. Среди этих выступлений наиболее значительным явилось восстание в Чугуевских военных поселениях близ Харькова, вспыхнувшее в конце июня 1819 г. В течение всего нескольких дней восстание охватило весь округ Чугуевского уланского полка, а в августе перекинулось в соседний округ Таганрогского уланского полка (но не в Таганрог, как долгое время неверно указывалось в учебной и исследовательской литературе). В восставших округах насчитывалось 28 тыс. человек, которые предъявили начальству требование, что «хотят быть на прежнем положении, как до поселения было». 11 августа на подавление восстания в Харьков прибыл сам Аракчеев. С помощью двух дивизий карательных войск и артиллерии к середине августа 1819 г. восстание чугуевских военных поселян было подавлено. 363 человека были преданы военному суду, который 273 из них приговорил к смертной казни (после замененной «прогнанием сквозь строй»), остальных — к различным телесным наказаниям. Кровавая расправа продолжалась с 18 до 28 августа. Половина наказанных была забита насмерть. За участие в восстании были высечены розгами 29 женщин. Ссылке в Сибирь, разжалованию в солдаты, с последующим полицейским надзором, подверглись 69 офицеров Чугуевского полка, обвиненные в причастности к восстанию или просто в «попустительстве». Карательные войска оставались в военных поселениях Чугуевского и соседнего округа до 1819 г. Жестокая расправа над чугуевскими военными поселянами вызвала взрыв негодования у всех передовых людей России. «В 1819-м году и в 1820-м много говорили, и не одни мы, о жестоком усмирении чулуевцев», — показывал на следствии декабрист А. В. Поджио (36, т. 11, с. 38). Аракчеев и другие наиболее «отличившиеся» при усмирении палачи сделались «предметом всеобщего осуждения», причем, замечает С. П. Трубецкой, «и имя самого императора не осталось без нареkania» (79, т. 1, с. 251). О «чугуевских зверствах» писали впоследствии В. И. Штейнгель, Н. И. Тургенев, Д. И. Завалишин, А. П. Арбузов, А. М. Муравьев и другие декабристы. Недаром декабристы, зная «о существующем остервенении в поселенных войсках» (195, с. 68—70), рассчитывали в перспективе найти в них поддержку.

Начало 20-х годов было отмечено многочисленными крестьянскими волнениями и восстаниями, среди которых наиболее значительное произошло на Дону в 1820 г. Оно охватило 256 селений с числом жителей 44 тыс. человек, в основном — выходцев из губерний Центральной России. В 1817 г. за казачьей старшиной, получившей права и привилегии великороссийских дворян, были закреплены осевшие на их землях крестьяне. Это и явилось причиной восстания. На его подавление было направ-

лено 6 казачьих и один пехотный полк. Крестьяне, превратив слободу Мартыновку в укрепленный лагерь, отчаянно защищались и были побеждены только после того, как по ним сделали несколько орудийных залпов картечью.

Но особенно опасными для самодержавия были начавшиеся волнения в армии. Солдаты требовали как «награду за 1812 год» сокращения срока службы, отмены телесных наказаний, улучшения содержания. Но вместо этого ужесточалась палочная дисциплина, усилилась изнурительная муштра, «неугодные» правительству командиры полков заменялись жестокими «скалозубами». С протестом против этих мер первым выступил гвардейский Семеновский полк, шефом которого был сам Александр I. Поводом к выступлению послужила жестокая муштра и телесные наказания, применяемые новым командиром полка полковником Е. Ф. Шварцем, которому было приказано «подтянуть полк».

Вечером 16 октября 1820 г. первая гренадерская («государева») рота, сплошь состоявшая из закаленных в боях ветеранов («стариков»), самовольно вышла якобы «на переключку» и от имени всего полка (о чем заранее было условлено между солдатами) предъявила требования «сменить Шварца», уничтожить в полку муштру и тяжелые телесные наказания. Надо заметить, что до назначения Шварца командиром полка телесные наказания в нем были отменены по согласию всех ротных командиров и с разрешения прежнего полкового командира Я. А. Потемкина. «Мыслимо ли было бить героев, отважно и единодушно защищавших свое отечество, несмотря на существовавшую крепостную зависимость, прославившихся за границей своей непоколебимой храбростью и великодушием» (63, с. 179), — писал служивший в этом полку М. И. Муравьев-Апостол. Утром 17 октября корпусное начальство обманом завело роту в манеж, где уже заранее был приготовлен вооруженный конвой из солдат Павловского полка. Рота была взята под арест и под этим конвоем отправлена в казематы Петропавловской крепости. Весть об аресте «головной роты», которая «о правде просила», всколыхнула весь Семеновский полк. В ночь с 17 на 18 октября начались волнения во всех трех батальонах полка (в полку насчитывалось около 4 тыс. солдат и офицеров). В 4 часа утра 18 октября полк, преодолев сопротивление своих командиров, призывавших солдат «к порядку», собрался на полковом дворе и потребовал от прибывших начальника штаба гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорфа, командира корпуса И. В. Васильчикова и генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича вернуть из-под ареста «государеву роту», сместить ненавистного Шварца и изменить жестокий режим в полку. Попытки «уговорить» семеновских солдат оказались тщетными. Перепуганное начальство подняло на ноги почти весь столичный гарнизон — конную артиллерию, конную гвардию и пехоту, снабдив их боевыми патронами. Из-под Петербурга были срочно вызваны

драгунский и уланский полки. Войска блокировали казармы Семеновского полка, окружили саму Петропавловскую крепость, дабы воспрепятствовать возможной попытке семеновцев освободить «головную роту» полка. Угрожая применить силу, начальство потребовало, чтобы семеновцы вернулись в казармы. Солдаты, в свою очередь, выдвинули ультиматум: либо освободить «головную роту», либо соединить с ней в крепости весь полк. Когда начальство согласилось на второе, то полк, со словами «где голова, там и ноги», отправился в Петропавловскую крепость. Солдаты шли спокойно, без оружия, конвоируемые казаками и сопровождаемые до самой крепости толпами людей.

Волнение Семеновского полка вызвало сильную тревогу в правительственных и военных кругах. Адъютант М. А. Милорадовича Ф. Н. Глинка позже показывал: «Мы тогда жили: точно на биваках — все меры для охранности города были взяты. Через каждые полчаса, сквозь всю ночь, являлись квартальные, через каждый час частные пристава привозили донесения изустные и письменные... отправляли курьеров, беспрестанно рассылали жандармов, и тревога была страшная» (13, л. 50). Само это событие произвело сильнейшее впечатление на Глинку, который увидел в нем чуть ли не начало революционных потрясений в России. «У нас начинается революция!» — восторженно передавал он Г. А. Перетцу весть о волнении Семеновского полка.

Возмущение солдат Семеновского полка получило широкий общественный резонанс и вызвало сильное брожение в гвардейских полках столичного гарнизона. Солдаты открыто выражали свое сочувствие семеновцам. Командиры почти всех гвардейских полков, как писал генерал-адъютант А. А. Закревский, «оказали неспособность и ненадежность на самих себя: каждый почти не был уверен в своих подчиненных и страшился, чтобы у него того же не произошло» (204, т. 4, с. 531). Если бы правительство в такой обстановке действительно решилось на применение вооруженной силы против семеновцев, могло бы случиться, что солдаты, направленные на их усмирение, отказались бы повиноваться.

В казармах соседнего гвардейского Преображенского полка была обнаружена прокламация, адресованная «к преображенцам» якобы от солдат Семеновского полка. Прокламация носила ярко выраженный антидворянский и антицаристский характер. В ней сурово осуждались «угнетатели-дворяне», а царь назывался «сильным разбойником». В прокламации звучал призыв к преображенцам идти «на выручку семеновцев» (42, с. 37—40). Волнения в Семеновском полку вызвало большое возбуждение и среди населения столицы, которое открыто выражало свое сочувствие семеновцам. «В том кризисе, в каком мы находились, — писал тот же Д. П. Бутурлин, — достаточно было одной отчаянной головы, чтобы произвести всеобщий взрыв. Стоило только даже одному из самых незначительных офицеров

встать во главе солдат и заставить их взяться за оружие, как все пошло бы к черту» (204, т. 4, с. 539).

Александр I жестоко расправился со своим «любимым» полком. Находясь в то время на конгрессе «Священного союза» в Троппау, он 2 ноября 1820 г. издал приказ о расформировании Семеновского полка и раскассировании его солдат и офицеров по различным армейским полкам. Солдатам запрещено было давать отставку по окончании установленного срока службы, за офицерами был установлен секретный полицейский надзор. Взамен «мятежного» Семеновского полка был сформирован новый. Над солдатами 1-го батальона была «наряжена» военно-судная комиссия. Военный суд приговорил 9 «зачинщиков» прогнать сквозь строй через 1000 человек 6 раз и затем сослать «навечно» в каторжные работы, 276 человек были отправлены в Оренбургский и 172 — в Сибирский корпуса, 35 — на Кавказ и 400 человек распределены по полкам 3-го пехотного корпуса, расквартированного на Правобережной Украине (впоследствии, как увидим, декабристы, члены Южного общества, привлекли их к антиправительственной пропаганде среди других солдат).

За причастность к волнению Семеновского полка были преданы военному суду офицеры этого полка капитаны И. Ф. Вадковский и Н. И. Кашкаров, майор И. Д. Щербатов и вышедший незадолго до событий в отставку полковник Д. И. Ермолаев. Их «дело» тянулось свыше шести лет. 27 февраля 1827 г. Николай I повелел отправить Вадковского и Кашкарова в Отдельный Сибирский корпус, предварительно «выдержав в крепости» первого — два с половиной, а второго — два года, а Щербатова и Ермолаева, «лиша чинов и орденов», определить рядовыми в тот же Сибирский корпус. Суду был предан и полковник Шварц — «за неумение поведением своим удержать полк в повиновении». Однако он фактически не понес наказания — был только временно отстранен от службы, но вскоре по ходатайству Аракчеева принят тем же чином в военные поселения (195, с. 153—157).

Волнение в Семеновском полку было исключительно солдатским выступлением без всякого участия в нем офицеров. Служившие в полку члены Союза благоденствия хотя и сочувствовали солдатам, но не поддержали их в этом протесте. Как вспоминает М. А. Фонвизин, в Семеновском полку «лучшие офицеры были члены Союза благоденствия, но они не только не имели никакого участия в бунте солдат, а, напротив, успели успокоить их и привести в повиновение» (81, т. 2, с. 187).

Почему же в то время декабристы не воспользовались столь «удобным случаем» — возмущением старейшего полка, на который «равнялась вся армия», тем более что многие члены тайного общества служили в этом полку и без труда могли бы поднять его на более решительные действия, привлечь на его сторону и другие гвардейские полки?

Г. С. Батеньков показывал на следствии, как К. Ф. Рылеев, говоря ему перед восстанием 14 декабря, что можно рассчитывать на столичную гвардию, добавил: «Один подобный случай, а именно неповиновение Семеновского полка, был пропущен... не должно повторять ошибок» (36, т. 14, с. 104). Известно также, что 9 декабря 1825 г. в разговоре между К. Ф. Рылеевым и А. М. Булатовым зашла речь о возмущении Семеновского полка в 1820 г. Булатов заметил Рылееву, что тайное общество упустило тогда «удобный случай». Рылеев ответил на это: члены тайного общества «тогда так не были сильны, но теперь совсем готовы» (44, т. 1, с. 214). Но, вероятно, главная причина того, что члены тайного общества не воспользовались ситуацией в Семеновском полку, кроется в том, что в тот период тактические установки Союза благоденствия ориентировали его членов на длительную подготовку революционного переворота посредством формирования передового общественного мнения.

Революционный подъем в западноевропейских странах, завершившийся в 1820—1821 гг. серией революций, оказал глубокое воздействие на декабристов.

1 января 1820 г. вспыхнула революция в Испании во главе с полковником Рафаэлем дель Риго и генералом Антонио Квируга (или Кирогга). На острове Леоне Риго поднял Астурийский батальон, находившийся в составе экспедиционного корпуса, отправляемого в Южную Америку для подавления национально-освободительного движения в колониях, освободил из-под ареста Квиругу и перед строем войск они провозгласили восстановление испанской конституции 1812 г. В феврале в ряде городов Испании возникли революционные хунты в поддержку революционного отряда из 300 солдат, которые во главе с Риго и Квиругой двинулись в глубь Испании. В начале марта восстал Мадрид, король Фердинанд VII присягнул конституции, а в июле были созваны кортесы, объявившие восстановление конституции и гражданских свобод.

Победа испанской революции послужила сигналом для начала в июле 1820 г. революции в Неаполитанском королевстве, которую возглавил генерал Гульельмо Пепе. 2 июля 1820 г. лейтенанты Доменико Морелли и Джузеппе Сильвати подали сигнал к восстанию против гнета Габсбургской монархии и местной феодально-клерикальной реакции. В августе 1820 г. также вспыхнула вторая революция (первая была подавлена в 1817 г.) в Португалии. 24 августа группа революционных офицеров подняла восстание в городе Порту и образовала революционную хунту. 29 августа к восстанию присоединился Лиссабон. В сентябре были созваны кортесы. Феодальный строй был упразднен, уничтожена инквизиция, церковные имущества пущены в продажу, преобразована администрация. В марте 1821 г. началось военное восстание в Пьемонте, подготовленное и организованное, как и в Неаполе, итальянскими карбонариями. И здесь, как в Неаполе и Португалии, восставшие выдвигали

нули требование установления конституции по образцу испанской 1812 года. Почти одновременно с восстанием в Пьемонте вспыхнуло восстание в Греции за независимость от османского ига. Во главе его встал офицер русской службы и грек по национальности, тесно связанный с декабристами Кишиневской организации, Александр Ипсиланти. Восстание было подготовлено гетерией — тайной греческой организацией, филиалы которой находились на юге России (в Одессе и в Кишиневе).

Эти революции декабристы считали показателями единого могучего революционного процесса, охватившего все страны, в том числе и Россию. Н. И. Тургенев рассматривал революции 1820—1821 гг. в Западной Европе как начало мощного освободительного движения народов, которое будет шириться, охватывать все более значительные массы людей и проникать во все сферы жизни государств. Отсюда и уверенность декабристов в успехе своего «дела».

В этих условиях радикальная группа Союза благоденствия, которая приобретала все больший вес и влияние, уже не могла удовлетвориться пропагандистской тактикой формирования «общественного мнения» и выступала за решительные действия. К тому же на практике выявилась неэффективность прежней тактики в плане подготовки революционного переворота и даже сколько-нибудь заметного воздействия на изменение тех вопиющих безобразий российской действительности, против которых так яростно выступали в своей пропаганде декабристы. Как остроумно заметила М. В. Нечкина, «члены Союза благоденствия давно и успешно «премели» в гостиных, клубах, театрах, кабинетах, в Летнем саду, на островах, на бульварах, одним словом, в любых местах дворянских сборищ, «премели» против палок и Аракчеева, крепостного права, неправедных судов и цензуры. Но палки продолжали применяться, Аракчеев имел полную власть, цензура все более свирепствовала, суды судили столь же неправедно и крепостное право не колебалось» (151, т. 1, с. 317). Радикально настроенные члены тайного общества все более приходили к выводу, что нельзя ограничиваться лишь юдним изобличением «язв отечества». «Граждане, тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар», — писал В. Ф. Раевский в «Рассуждении о рабстве крестьян» (73, т. 1, с. 97).

Следует отметить, что в 1819—1820 гг. определился окончательный поворот Александра I к реакции, причем наступление реакционного правительственного курса обозначилось по всем направлениям: в целом ряде официальных постановлений расширялась сфера крепостнических отношений в деревне, усилились гонения на просвещение и печать — цензура беспощадно преследовала всякую свободную мысль; наивысшего могущества достигла власть фаворита царя — «змия» Аракчеева, которого ненавидела вся Россия. В условиях усиления аракчеевской реакции, цензурных гонений, вездесущего полицейского надзо-

ра вести пропаганду, как это предусматривалось «Зеленой книгой», членам тайного общества становилось все труднее. Самой логикой вещей декабристы вынуждены были переходить к более строгой конспирации, разрабатывать иную, более действенную тактику революционной борьбы, рассчитанную не на длительную пропаганду, а на подготовку революционного выступления, причем в недалеком будущем. Идея военного восстания, не опирающегося непосредственно на силу народных масс, все более и более начинала овладевать умами наиболее радикально настроенной части декабристов.

Декабристы различали два типа революций: первый — французская 1789 г. — революция народных масс, революция «беспорядков, безначалия и террора», второй — испанская 1820 г. — революция «организованная, без крови и беспорядков», совершающаяся при содействии дисциплинированной военной силы, руководимой авторитетными начальниками — членами тайных организаций. Пример французской революции и последовавшей за ней военной диктатуры Наполеона показывал декабристам, что закономерный итог таковой революции — появление диктатора. Их страшили и ужасы якобинского террора, который они рассматривали как следствие «революции черни». Декабристы были убеждены в том, что народные революции неизбежно ведут к диктатуре и деспотизму, ибо на пребне стихийной волны «необузданности масс» всегда появляется диктатор. Поэтому они выступали за второй тип революции — революции военной, которая в их представлении была наиболее быстрой, бескровной, безболезненной, а главное — предотвращающей «пугачевщину» и «анархию». Выгоды такой революции они видели как раз в том, что «революция, — как говорил в своей речи «славянам» М. П. Бестужев-Рюмин, — на манер гишпанской не будет стоить ни одной капли крови, ибо произойдет одною армиею без народа» (39, с. 23). Декабристы внимательно изучали опыт западноевропейских революций 1820—1821 гг., особенно испанской 1820 г., происшедшей в стране, находившейся в сходных с Россией социально-политических условиях. «Испанский вариант» показывал декабристам именно тот путь, каким было желательно и возможно в данных условиях произвести революционный переворот, вселял в них уверенность в успех предпринимаемого ими дела. Характерно письмо П. Я. Чаадаева (в 1820 г. принятого в Союз благоденствия) к его брату Михаилу от 25 марта 1820 г. Восхищаясь успехом испанской революции, он отмечал: «Вот революция, завершившаяся в 6 месяцев, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом, ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело. Что вы скажете? Присшествие послужит отменным доводом в пользу революций. Во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся...» (82, с. 53).

Ориентация декабристов на «военную революцию» обуславливалась и рядом других факторов. Главный из них — отсутст-

вие в то время в забитой, крепостной России революционного класса, на который могли бы опереться восставшие. «Военная революция» в тех исторических условиях становилась единственно возможным средством революционного переворота. Несомненно, их как дворянских революционеров страшила и стихия народных масс, новая пугачевщина или, выражаясь словами А. С. Пушкина, «бунт слепой и беспощадный». Они не исключали в перспективе возможность такового бунта, и «военная революция» рассматривалась ими как средство его предотвращения. Но вместе с тем растущее недовольство народных масс своим положением представлялось декабристам важным обстоятельством, которое могло способствовать успеху революционного переворота. Начавшееся брожение в армии, ярким показателем которого явилось волнение в гвардейском Семеновском полку в 1820 г., а также участвовавшие случаи солдатских волнений (каковых в начале 20-х годов произошло не менее пятнадцати) показали декабристам, что в подготовляемом ими военном перевороте можно опереться и на недовольство солдатских масс. Немаловажное значение имел и тот факт, что подавляющее число членов декабристских тайных обществ были военными людьми или бывшими военными, вышедшими в отставку или же перешедшими на штатскую службу (как К. Ф. Рылеев, И. И. Пущин).

У декабристов не было единой точки зрения на то, как должна осуществляться «военная революция» в России. Если Н. И. Тургенев, П. И. Пестель и вообще большинство декабристов представляли себе ее как восстание войска, руководимого тайным обществом, то иначе смотрел на нее М. Ф. Орлов, который, кстати, первым выдвинул идею «военной революции». В планах М. Ф. Орлова «военная революция» — восстание войска под руководством популярного военачальника и при поддержке тайного общества. Однако такой вариант таил в глазах большинства декабристов опасность военной диктатуры, хотя некоторые из них (например, члены Общества соединенных славян) не исключали эту опасность и при любой военной революции. Поэтому декабристы так внимательно подходили к разработке мер, гарантирующих от возникновения военной диктатуры, стремились к созданию таких революционных временных органов власти, которые могли бы предотвратить посягательства на власть со стороны любого лица.

Отметим, что «военная революция», планируемая декабристами, отнюдь не имеет ничего общего с дворцовыми переворотами, совершавшимися с помощью войска. Совершенно несостоятельна трактовка восстания декабристов некоторыми дореволюционными историками как попытка «последнего дворцового переворота». Дворцовый переворот — переход власти от одной группы господствующего класса к другой при сохранении в неизменности старого порядка вещей. «Военная революция» декабристов ставила революционную задачу коренного социально-

го и политического переворота, свержения старого порядка. Это принципиальное различие подчеркивали и сами декабристы (например, М. С. Лунин, Г. С. Батеньков).

Таким образом, в тех объективных исторических условиях декабристы и не могли избрать иной тактики, как тактики военного восстания. Причина их поражения заключалась даже не столько в том, что они избрали именно эту тактику, но в первую очередь в *узости* самого движения, в которое был включен крайне тонкий слой передовой дворянской военной молодежи. Слишком неравны были силы этого слоя перед мощной самодержавной машиной. Новое после декабристов поколение революционеров осознавало, что «декабристам на Сенатской площади не хватало народа» (38, т. 13, с. 144). Но и тогда вопрос о народной революции был поставлен (Герценом) теоретически, а не практически. Пройдет еще немало времени, пока эта идея сможет реально воплотиться в жизнь.

* * *

По инициативе радикальной группы Союза благоденствия, в первую очередь П. И. Пестеля, на обсуждение Коренного совета был поставлен важный вопрос о формах правления России после революционного переворота. С этой целью в марте 1820 г. на петербургской квартире Ф. Н. Глинки было созвано совещание всех наличных в столице членов Коренной управы, на котором П. И. Пестель сделал доклад «О выгодах и невыгодах республиканского и монархического форм правлений». В следственных материалах и в литературе оно получило название Петербургского совещания 1820 г. Отметим здесь, что поскольку на нем речь шла об упразднении монархии, следствие живо заинтересовалось этим собранием, высказываниями его участников. Было заведено даже специальное дело «О совещании Коренной Думы в 1820-м году и о членах Коренного совета Союза благоденствия» (3, д. 5). Однако следствие собрало о нем очень мало данных, выявить всех участников совещания не удалось, неизвестным осталось содержание доклада Пестеля. Слабо отражено это важное событие и в мемуарной литературе. Однако весьма скудные сведения все же позволяют восстановить состав участников и контуры деятельности этого важнейшего совещания декабристов, имевшего в истории декабристского движения большое принципиальное значение.

Место совещания было выбрано весьма удачно. Квартира Глинки находилась в доме Конторы адресов, поэтому посещение дома многими людьми не могло вызвать подозрений у полиции. Кроме того, Глинка был холостяком, жил одиноко и ничто не могло помешать важному конспиративному совещанию. Наиболее полные и точные сведения о том, как проходило это совещание, содержатся в следующем показании Пестеля: «Наконец в начале 1820 года было назначено здесь, в Петербурге, собра-

ние Коренной думы Союза благоденствия. Так называлось собрание всех наличных в Петербурге коренных членов Союза. Сия Коренная дума по правилам «Зеленой книги» имела законодательную власть Союза. Коренными членами назывались те члены, которые присутствовали при учреждении Союза благоденствия и первоначально в оный вступили. Председатель Союза был тогда граф Толстой, а блюстителем князь Долгоруков. Присутствовали в то время в Коренной думе сверх председателя и блюстителя еще Тургенев, Лунин, Глинка, Иван Шипов, Сергей, Матвей и Никита Муравьевы и я, да еще некоторые другие, о коих не упомяну. Князь Долгоруков по открытии заседания, которое происходило на квартире у полковника Глинки, предложил Думе просить меня изложить все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правлений, с тем чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец после долгих разговоров было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил, чего желает — монарха или президента, а подробности будут со временем определены. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, тогда он сказал по-французски: «Le Président sans phases», то есть «Президент без дальних толков». В заключение приняли все единогласно республиканское правление. Во время прений один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну. Сие заключение Коренной думы было сообщено всем частным думам, в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими» (36, т. 4, с. 101—102).

Помимо перечисленных Пестелем 10 человек, на совещании у Глинки были еще Александр Бритген, Павел Колошин, Степан Семенов и Иван Якушкин, которых «запомнил» Пестель. Всего присутствовало не менее 14 членов, т. е. около половины Коренной управы Союза благоденствия.

Петербургское совещание руководящего органа Союза благоденствия приняло решение, обязательное для всей декабристской организации. Таким образом, как подчеркивается в декабристской литературе, впервые в истории русского освободительного движения была принята республиканская программа. По сути дела, речь шла не о программе как таковой, а о цели — бороться за республику, т. е. вопрос о республике, как будущей форме политического устройства революционной России, был поставлен в принципе, теоретически, а не в конкретных программных деталях («подробности будут со временем определены», как показывал Пестель) (36, т. 4, с. 102). «Определение подробностей», т. е. составление конституционных проектов, было возложена на Пестеля и Никиту Муравьева.

Голосовавший в 1820 г. за республику Никита Муравьев впоследствии разработал проект, предусматривавший будущее

политическое устройство России в форме конституционной монархии. Из числа остальных голосовавших за республику последовательными республиканцами можно назвать лишь Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола. Дело в том, что большинство декабристов между республикой и конституционной монархией видели различие лишь в *форме*, а не в принципе. «Мнением» М. С. Лунина, как следует из его показаний, «всегда было конституционное монархическое правление с весьма ограниченной исполнительной властью». Во время обсуждения формы правления на совещании 1820 г. он высказывался за «правление с ограниченной исполнительной властью при монархе или президенте, полагая того и другого в одинаковом виде» (36, т. 3, с. 129). По сути дела, аналогичной позиции придерживался и Н. И. Тургенев, прежде чем он высказался за «президента без дальних толков». Когда началось обсуждение доклада Пестеля, то, как свидетельствовал А. Ф. Бритген, «Тургенев объявил, что правление с президентом отменно хорошо, но что главное, на чем все основано, есть хорошее народное представительство», независимое при монархе или президенте (36, т. 14, с. 436). Таким образом, главное, в чем сходились все декабристы, — ликвидация самодержавия. Самодержавная власть, по их мнению, могла быть ликвидирована как путем ограничения власти монарха конституцией, введением представительных органов управления, широкой демократизацией, так и в принципе — вплоть до установления республики. В сущности, все декабристы предпочитали (в том числе и Никита Муравьев, когда он составлял монархический проект своей конституции) республику, но считали, что в данных условиях, при неразвитости народных масс, широком распространении среди них монархических иллюзий, целесообразно пока ограничиться введением конституционно-монархического строя. Пестель же считал невозможным «народное представительство» при монархах, ибо «государи всегда питают враждебное чувство к конституциям и думают, что оные, как тариф, можно переменять по произволу» (36, т. 4, с. 101). Отметим, что наиболее активно защищал позицию Пестеля Никита Муравьев. Пестель показывал, что «он (Н. Муравьев. — В. Ф.) был один из тех членов, которые наиболее в пользу сего последнего (республиканского правления. — В. Ф.) говорил» (36, т. 4, с. 102). По-видимому, логика Пестеля и поддержка его таким авторитетным членом тайного общества, как Никита Муравьев, и склонили остальных участников совещания к признанию необходимости введения республики.

На другой день после совещания на квартире Федора Глинки состоялось собрание у Ивана Шипова, на его «холостой квартире» в казармах Преображенского полка. Здесь присутствовали те же лица, за исключением Ф. Глинки, Ф. Толстого и Н. Тургенева. Если на совещании у Глинки обсуждался основной программный вопрос, то у Шипова — вопрос тактический. Собрание у Шипова открылось докладом Никиты Муравьева о способах

введения в России «народного правления» (т. е. республики). Здесь был поставлен вопрос о свержении Александра I с престола и о создании, во избежание «междоусобий», временного органа правления, облеченного диктаторской властью. Речь также шла о вооруженном восстании, первым актом которого должно было стать цареубийство. По вопросу о цареубийстве разгорелись острые споры, особенно между Никитой Муравьевым (сторонником этой меры) и Ильей Долгоруким (ее противником). За цареубийство горячо высказывался Пестель, который предусматривал необходимость «истребления всей августейшей фамилии», то есть ликвидировать всех возможных претендентов на престол и тем самым гарантировать страну от реставрации монархии. Эти споры продолжались на квартире Шипова и на другой день. Противники цареубийства говорили, что оно породит анархию и «гибель России». Пестель же доказывал, что тайное общество может отбросить анархию, назначив из своей среды «Временное правление», облеченное верховной властью, которое обеспечит порядок и введет новый образ политического устройства (36, т. 4, с. 290—292).

Начатая Петербургским совещанием 1820 г. работа по реорганизации тайного общества на новых программных и тактических основах, была завершена на съезде представителей управ Союза благоденствия, состоявшемся в Москве в январе 1821 г. Необходимость созыва съезда диктовалась углубившимися разногласиями в тайном обществе, преимущественно по тактическим вопросам, а также самой атмосферой усиления внутренней и международной реакции. В изменившихся условиях требовалась строгая конспирация и иные методы деятельности, предъявлялись иные требования к членам тайной организации. Как справедливо отметила М. В. Нечкина, если «ранее требовался проповедник и апитатор, пламенный оратор», то «теперь — осторожный конспиратор, военный человек, решительный, смелый... Член тайной организации теперь ценился не только качеством своего глубокого внутреннего убеждения в правоте дела, но и по количеству штыков под его командой» (151, т. 1, с. 317).

Главной задачей Московского съезда 1821 г. было организационное укрепление тайного общества, избавление от колеблющихся и ненадежных членов Союза, разработка мер строгой конспирации, утверждение новой тактики, ориентированной на вооруженное восстание, причем не в отдаленном, а в самом ближайшем будущем.

Инициаторами съезда выступила группа декабристов-москвичей во главе с И. Д. Якушкиным и братьями И. А. и М. А. Фонвизинными. До съезда ими был проведен ряд частных совещаний с отдельными членами тайного общества. Как вспоминает И. Д. Якушкин, он сам, М. А. и И. А. Фонвизины, П. Х. Граббе договорились «к 1 января [18]21 года пригласить в Москву депутатов из Петербурга и Тульчина для того, чтобы на общих совещаниях [они.— В. Ф.] рассмотрели дела тайного общества

и прискали средства для большей его деятельности» (85, с. 35). М. А. Фонвизин с братом отправились в Петербург договариваться о приезде на съезд петербургских «депутатов»; Якушкин с той же целью поехал в Тульчин, намереваясь затем побывать и в Кишиневе. Как вспоминает Якушкин, в Тульчине Бурцов уверил его, что «если Пестель поедет в Москву, то он своими резкими мнениями и своим упорством испортит там все дело», и просил «никак не приглашать Пестеля в Москву» (85, с. 37). На совещании Тульчинской управы противникам Пестеля в свою очередь удалось отговорить его от поездки под тем предлогом, что у него нет в Москве родственников, и поездка его без всякого повода вызовет подозрения властей. «Депутатами» таким образом выбрали Бурцова и Комарова, как бы поехавших в отпуск «по собственным делам». В Тульчине Якушкин получил от полковника П. В. Аврамова (члена тайного общества) подорожную «по казенной надобности» в Кишинев к М. Ф. Орлову, но встретился с ним уже по дороге и оба они отправились к В. Л. Давыдову в Каменку.

Из-за опоздания некоторых «депутатов» от управ съезд вместо намеченного срока открылся несколько позднее — 4 января. От Тульчинской управы на съезд прибыли И. Г. Бурцов и Н. И. Комаров, из Петербурга — Ф. Н. Глинка и Н. И. Тургенев, из Кишинева — М. Ф. Орлов и К. А. Охотников, московскую управу представляли И. Д. Якушкин и М. А. Фонвизин. Кроме того, на съезде присутствовали П. Х. Граббе и М. Н. Муравьев. Как видим, это было собрание немногих, причем умеренных по своим взглядам членов Союза благоденствия.

Заседания проходили в доме Фонвизиных на Рождественском бульваре. Обсуждались главным образом не программные, а организационно-тактические вопросы. Предлагалось «обозреть положение и способы общества и определить причины, до сих пор препятствующие распространению и успехам его». Подвергся острой критике прежний устав — «Зеленая книга». Как показывал на следствии И. Д. Якушкин, в уставе видели два недостатка: «во-первых, неограниченность (неопределенность. — В. Ф.) цели, изложенной в уставе Союза благоденствия, охлаждая многих членов, замедляла ход общества; во-вторых, положение относительно принятия, не довольно оправдая общество от вступления ненадежных членов, подвергало ход общества беспрестанным опасностям; сии две главные причины не только противились успехам общества, но даже угрожали ему совершенным уничтожением; вследствие сего и решено было вновь преобразовать устройство общества» (36, т. 3, с. 50). Таким образом, речь шла не только об изменении устава, но также «устройства» и «самого состава» тайного общества, т. е. о коренной его реорганизации.

На первом заседании присутствовали М. Орлов, К. Охотников, Н. Тургенев, Ф. Глинка, И. и М. Фонвизины, П. Граббе и И. Якушкин. Первым взял слово Михаил Орлов, который пред-

ложил «неистовые меры»: создать новое, тщательно законспирированное общество, руководимое «невидимыми братьями» — лицами, которых не должны даже знать члены тайного общества; одновременно он предлагал устроить «в лесах» тайную типографию для печатания «в большом количестве» статей и прокламаций против правительства, а потом распространять их по всей России, завести также «фабрику фальшивых ассигнаций» для того, чтобы «тайное общество с первого раза приобрело огромные средства и вместе с тем подрывался бы кредит к правительству». Но главное — Орлов предлагал начать немедленное вооруженное восстание, причем инициативу брал на себя: он обещал поднять свою 16-ю дивизию, которая должна была возглавить восстание в армии. Предложения Орлова, удивившие участников совещания («все смотрели друг на друга с изумлением», — вспоминает Якушкин), были отклонены. Тогда Орлов заявил о своем выходе из тайного общества и покинул собрание. Якушкин объясняет такой поступок Орлова тем, что он, «помолвленный на Раевской, в уподобие ее родным решился прекратить все сношения с тайным обществом» и якобы искал повод для этого, предлагая заведомо неприемлемые меры (85, с. 43—44).

Об «авантюристичности» плана Орлова начать немедленное вооруженное восстание силами его 16-й дивизии много писалось в декабристской литературе. С. С. Ланда утверждает, что намерения Орлова были вполне искренни и не являлись с его стороны предложением для выхода из тайного общества (130, с. 192—193). Исследования С. С. Ланды, И. С. Достяна, И. Ф. Иоввы и Л. Н. Оганяна показывают, что расчеты Орлова на немедленное вооруженное восстание на юге России имели реальные основания. М. Ф. Орлов уже в 1820 г. наладил связи с польскими и немецкими революционерами, но в первую очередь с греческой гетерией на территории России. Он был в личной дружбе с вождем греческих повстанцев Александром Ипсиланти и в случае начала восстания в Греции обещал ему вооруженную поддержку своей 16-й дивизии. Сроки и планы восстания греков, как теперь установлено, были согласованы с Орловым. Отсюда понятна интенсивная антиправительственная агитация среди солдат, которая велась в 16-й дивизии Орлова: необходимость создания революционной воинской части на юге ощущалась как первоочередная задача. Поэтому Орлов и добивался на Московском съезде санкции на немедленное вооруженное восстание на юге России. В это самое время, как говорилось выше, уже полыхали революции в Португалии, Испании, Неаполе, Пьемонте. Руки международной реакции были связаны. Но к моменту начала греческого восстания (25 февраля 1821 г.) силы греческих повстанцев и русских революционеров объединить не удалось. Весть о восстании греков была с восторгом встречена декабристами и вообще всей передовой Россией. Н. И. Лорер вспоминал: «Более всего воспламенило молодежь известие о

восстании в Греции. Все были уверены, что государь подаст руку помощи единоверцам и что двинут наши армии в Молдавию» (59, с. 60). Некоторые декабристы даже намеревались лично оказать помощь восстанию преков. И. Д. Якушкин и П. Г. Каховский начали изучать греческий язык и собирались ехать в Грецию. Однако Александр I отказался помочь прекам, видя в них «мятежников», восставших против «легитимного монарха». «Греки были оставлены своей судьбе»,— горько сетовал В. И. Штейнгель (36, т. 14, с. 188). Поведение Александра I, жертвовавшего в угоду реакционному «Священному союзу» своими национальными интересами, вызвало резкое недовольство декабристов.

Отклонением плана Орлова была упущена возможность оказать реальную помощь восставшим прекам со стороны русских революционных сил. Уход Орлова с Московского съезда знаменовал собою консолидацию на нем сторонников умеренных взглядов. «Для большего порядка выбран был председателем (заседаний.— В. Ф.) Н. Тургенев»,— вспоминает Якушкин. Вскоре поступили сведения, что правительство следит за тайным обществом. П. Х. Граббе сообщил, что с ним вел подозрительные разговоры бригадный командир И. В. Васильчиков. Затем узнали и о поступивших на тайное общество доносах. С. Г. Волконский вспоминает: «С самого начала съезда было получено из Петербурга от тамошней Думы сообщение, что правительство следит за действиями тайного общества и что будет осторожнее прекратить гласное существование общества и положить закрытие оною, а членам действовать по цели оною» (34, с. 411). Эти известия подтолкнули участников Московского съезда на принятие решения о формальном роспуске Союза благоденствия. Такое решение преследовало двоякую цель: во-первых, освободиться не только от колеблющихся попутчиков, но и от чересчур радикально настроенных членов— Пестеля и его единомышленников, во-вторых, самим фактом роспуска тайного общества погасить подозрения правительства. Якушкин вспоминает: «Решено было объявить повсеместно, во всех управах, что так как в теперешних обстоятельствах малейшей неосторожностью можно будет возбудить подозрение правительства, то Союз благоденствия прекращает свои действия навсегда. Этой мерой ненадежных членов удаляли из общества. В новом уставе цель и средства для достижения ее должны были определиться с большей точностью, нежели они были определены в уставе Союза благоденствия, и потому можно было надеяться, что члены, в ревностном содействии которых нельзя было сомневаться, соединившись вместе, составят одно целое и, действуя единодушно, придадут новые силы тайному обществу» (85, с. 44).

Утвердив это решение, участники съезда приступили «к сочинению нового устава». По свидетельству того же Якушкина, новый устав, так же как и прежний, разделялся на две части; в первой для вступающих предлагались те же филантропические

цели, как в «Зеленой книге». Составлением этой части занялся И. Г. Бурцов. Вторую часть, «для высшего разряда» членов, написал Н. И. Тургенев. «В этой части устава уже прямо было сказано, что цель общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России, а чтобы приобрести для этого средства, признавалось необходимым действовать на войска и готовить их на всякий случай» (там же). Как видим, требование конституционной монархии, записанное в «сокровенной» части нового устава, несомненно было отступлением от принятой на Петербургском совещании республиканской программы. Вместе с тем подчеркивалась ориентация на военный переворот. Новый устав (он получил название «Устав 1821 года» или «Московские правила») был написан в четырех экземплярах, все они были подписаны всеми участниками съезда и розданы руководителям вновь создаваемых управ тайного общества. Все экземпляры устава оказались впоследствии уничтоженными, и о содержании его мы знаем лишь из приведенного выше краткого его изложения в «Записках» Якушкина. По свидетельству Якушкина, обществу было дано название, но он «его не запомнил» (85, с. 44—45).

«На первый раз» решено было учредить «четыре главные думы», т. е. управы тайного общества: одну в Петербурге под руководством Н. И. Тургенева, другую в Москве, которую поручили И. А. Фонвизину, третью в Смоленске — ее должен был создать И. Д. Якушкин, четвертую «брался привести в порядок в Тульчине» И. Г. Бурцов. Последний заверил участников съезда, что «по приезде в Тульчин он первоначально объявит об уничтожении Союза благоденствия, а вслед за тем известит всех членов, кроме приверженцев Пестеля, о существовании нового устава», и тогда «они все к нему присоединятся под его руководством» (там же). Но никому из упомянутых четырех лиц не удалось выполнить своей задачи — создать управы (или «думы») нового общества. Важно отметить, что ни на юге (Тульчин), ни на севере (Петербург) не признали решения Московского съезда о роспуске Союза благоденствия, считая, что посланные на съезд представители от управ Союза превысили свои полномочия и не имели права решать вопрос о роспуске тайной организации.

Как видно из показаний Пестеля, по возвращении в Тульчин Бурцова и Комарова руководители Тульчинской управы узнали обо всем от Комарова, который независимо от Бурцова поставил их в известность о решениях Московского съезда, и потому были уже подготовлены к «объявлению» этих решений по поручению съезда Бурцовым. Кроме того, до этого Пестель уже успел переговорить с Юшневским, который сообщил ему, что «большая часть (Тульчинской управы.— В. Ф.) склонна не признавать объявленного уничтожения Союза» (36, т. 4, с. 108). Между Пестелем и Юшневским было положено «испытать» членов Тульчинской управы: Юшневский произнесет на заседании упра-

вы речь, расскажет обо всех «опасностях и трудностях», которые ожидают каждого члена тайного общества, и предложит тем, кто не захочет в нем остаться, покинуть его. Так и было сделано. Собралась Тульчинская управа, на которой Бурцов объявил о решении Московского съезда об уничтожении тайного общества. Его поддержал выступивший вслед за ним Комаров. «Тогда,— показывал Пестель,— Юшневский проговорил свою речь, которая не только никого не удалила от Союза, но напротив того, самолюбие каждого подстрекнула, и полковник Аврамов первый сказал, что ежели все члены оставят Союз, то он будет считать его сохраненным в себе одном. После сего все члены объявили намерение оставаться в Союзе, и тут было замечено, что Московская чрезвычайная дума имела поручение преобразовать Союз и потому преступила границы своей власти, объявляя Союз уничтоженным» (36, т. 4, с. 108—109). В силу этих обстоятельств было объявлено, что Тульчинская управа «признает Союз существующим с прежнею целью и в прежнем значении». Лишь были «сделаны некоторые перемены» организационного порядка. «Все тогда присутствующие члены,— далее показывал Пестель,— приняли название *бояр Союза* и выбрали в председатели Юшневского, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что он, подобно нам, не признает уничтожение Союза, ибо он не был в Москве». И действительно, вскоре руководство Тульчинской управы получило от Никиты Муравьева известие, что «многие члены в Петербурге точно так же поступили, как Тульчинская дума» (36, т. 4, с. 109).

Таким образом, Бурцову и Комарову не удалось изолировать Пестеля. Большинство членов Тульчинской управы не поддержало их, и они демонстративно покинули собрание. После их ухода Пестель произнес страстную речь, в которой говорил о высоких обязательствах, принимаемых на себя членами тайного общества, о необходимости бороться за республику, о подготовке военного выступления («решительном ударе посредством войска»), вновь выдвинул требование цареубийства. Все единогласно согласились с его предложением.

Так в марте 1821 г. в Тульчине было оформлено Южное общество. Руководящий орган общества получил название Директории. В нее вошли Пестель (председатель), Юшневский (блюститель) и заочно был введен Никита Муравьев. Этот руководящий орган обладал диктаторской властью над членами тайного общества. Каждый член Директории получал право единоличного решения от имени других членов Директории, но по существу вся власть над Южным обществом вручалась Пестелю. Сама Директория должна была в будущем явиться штабом восстания, а Пестель, следовательно, становился во главе восстания.

Южное общество начало свою деятельность с расширения своего состава. Однако прием новых членов был строго централизован; в каждом случае требовалась санкция Директории.

Сама процедура приема была несложной: расписки отсутствовали, достаточно было согласия и «честного слова» вступающего принимать активное участие в делах общества и хранить его тайну. Предполагалось ежегодно проводить съезды Южного общества, точнее руководителей его управ. Время и место для этих съездов были выбраны довольно удачно: решено было их проводить в Киеве, приурочив к традиционной, начинавшейся 6 января контрактной крещенской ярмарке. На ярмарку обычно съезжались военные из разных частей для закупки коней, фуража, продовольствия; помимо торговых сделок устраивались балы, увеселения, званые вечера. В этой деловой и праздничной суете можно было проводить разные собрания, не вызывая подозрения властей и полиции.

Первый съезд Южного общества состоялся в 1822 г. На нем присутствовали П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов и С. И. Муравьев-Апостол. Был приглашен, но не приехал Никита Муравьев. Все собравшиеся являлись руководителями созданных накануне съезда Тульчинской, Каменской и Васильковской управ Южного общества. Центральной была Тульчинская управа во главе с Пестелем и Юшневским. На первом съезде Южного общества обсуждали, а точнее, утверждали решения по тем вопросам, которые рассматривались на заседаниях Тульчинской управы в марте 1821 г.: отказ от признания решений Московского съезда, подтверждение полномочий избранных членами Директории Южного общества Пестеля, Юшневого и Никиты Муравьева, подготовка к революционному перевороту «посредством войска» и главное — разработка программы тайного общества. Доклад по последнему пункту был сделан Пестелем, который подробно изложил основные положения своего будущего конституционного проекта. Особое внимание он уделил аграрному вопросу и идее диктатуры Временного революционного правительства. Съезд принял решение предоставить каждому члену год на обдумывание этого проекта и способа его реализации (36, т. 4, с. 275).

К началу 1823 г. Южное общество окончательно оформилось. В нем царил атмосфера активной политической жизни. Член этого общества Н. В. Басаргин вспоминает: «Мы часто собирались вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу задушевные помыслы, желания; сообщали все, что могло интересовать общее дело, и натурально нередко очень свободно, скажу более, неумеренно говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца. Разумеется, в этих собраниях первенствовал Пестель. Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия» (29, с. 57—58).

Все, кто знал Пестеля или встречался с ним, единодушно отзываются о его незаурядном уме, широкой образованности, разнообразных дарованиях, умении покорить собеседника силой своих логических рассуждений. «Пестель говорил умно и упор-

но защищал свое мнение, в истину которого он всегда верил, как в математическую истину», — вспоминал И. Д. Якушкин (85, с. 23). «Пестель был человек высокого, ясного и положительного ума, — свидетельствовал Н. В. Басаргин. — Будучи хорошо образован, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния» (29, с. 54). «Ума он был необыкновенного, поведения безукоризненного» (Н. И. Греч) (40, с. 256). А вот впечатления А. С. Пушкина после беседы с Пестелем: «Умный человек во всем смысле этого слова. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Один из оригинальных умов, которых я знаю» (71, т. 6, с. 344). По отзыву Е. П. Оболенского, Пестель «отличался умом необыкновенным, ясным взглядом на предметы самые отвлеченные, редким даром слова» (62, с. 82).

Не случайно в начале 1821 г. по рекомендации Витгенштейна именно Пестелю была поручена важная секретная миссия исследовать в связи с греческим восстанием положение дел в Молдавии и Валахии. Трижды, с февраля по июнь 1821 г., Пестель выезжал «на турецкую границу», где не только собрал очень полные и ценные сведения, но выполнял и некоторые ответственные дипломатические поручения, исходящие от самого Александра I. Результаты своих исследований он изложил в обстоятельных секретных донесениях, направленных в Лайбах, а потом в Петербург через П. М. Волконского и К. В. Нессельроде самому Александру I. Император выразил удовлетворение содержанием донесения Пестеля. Н. И. Лорер вспоминает: «Когда государь прочитал это ясное изложение дела и передал Нессельроде, то сей последний просил государя назвать ему дипломата, который так красно, умно, верно сумел описать настоящее положение Греции и христиан на Востоке, и будто бы государь, улынувшись, сказал: «Не более и не менее как армейский полковник. Да, вот какие у меня служат в армии полковники!» (59, с. 72). Но чин полковника Пестель получил только в ноябре 1821 г., а вместе с ним и командование Вятским полком — несомненно за успешно выполненную миссию в Молдавии и Валахии. Пестель давно мечтал получить в командование полк. Иметь в своем распоряжении достаточно солидную воинскую единицу много значило для осуществления планов военного восстания. Вятский полк по своей выправке и дисциплине считался «худшим» в армии. Буквально через год Пестель добился того, что он сделался «подстать гвардейскому». Как армейский командир Пестель был очень строг, нередко применял телесные наказания за нерадивость и проступки, но его справедливость и внимание к нуждам солдат завоевали ему их привязанность.

В то время как Южное общество набирало силу и с самого момента своего образования жило активной политической жизнью, петербургские декабристы не были столь деятельны. Н. И. Тургенев, вернувшись с Московского съезда в Петербург,

объявил всем находившимся там членам Союза благоденствия, что «члены, бывшие на съезде в Москве, нашли необходимым прекратить действия Союза благоденствия», а затем лишь одному Никите Муравьеву рассказал о решении создать в Петербурге управу под своим руководством и прочитал ему новый устав, который «из предосторожности» надежно спрятал. Но как мы уже видели из приведенных выше показаний Пестеля, Никита Муравьев не принял решения Московского съезда. По свидетельству Якушкина, новое общество в Петербурге было создано из немногих членов Союза благоденствия благодаря инициативе Никиты Муравьева. «Труды с Никитою,— писал Якушкин,— разделил полковник князь Трубецкой и адъютант Бистрома князь Оболенский. Николай же Тургенев первое время по приезде своем в Петербург мало принимал участия в делах нового тайного общества, хотя и не прекращал сношений со многими из членов» (85, с. 45). В воссоздаваемое общество Никита Муравьев привлек М. Нарышкина, С. Семенова, М. Митькова и Я. Толстого, В марте—апреле 1821 г. состоялось несколько совещаний этой ячейки будущего Северного общества, но его оформление прервалось из-за царского приказа о выводе гвардии из Петербурга в поход. Тем самым на летних маневрах в Литве и Белоруссии преследовалась цель «проветрить гвардию» после «семеновской истории» и возникших подозрений на существование в военной среде тайных организаций. Предполагалось также, что гвардия войдет в состав армии, которую Александр I намеревался двинуть на подавление итальянских революций. Из Кавказа в Лайбах Александр I вызвал генерала А. П. Ермолова, которого поставил во главе этой армии. Но вскоре надобность в «итальянском» походе отпала: европейские державы, боясь усиления позиций русского царя в Европе, под благовидными предлогами воспротивились походу русской армии в Италию. Итальянские революции были подавлены силами австрийских войск. В Петербург гвардия была возвращена к осени 1822 г. Поэтому оформление Северного общества, основу которого составили группы Николая Тургенева и Никиты Муравьева, относится к ноябрю 1822 г. В этот период Северное общество было невелико: в нем насчитывалось не более десяти членов, которые составляли две «степени» — «убежденных» (знавших «сокровенную» цель организации и имевших право приема новых членов) и «согласных» или «соединенных» (остальных ее членов). Во главе общества стояла Северная дума (или просто Дума). В состав ее входили Никита Муравьев, Николай Тургенев и Сергей Трубецкой, но настоящим главой Северного общества (до 1823 г.) по праву считался Никита Муравьев. «Верхний круг» («убежденных») тайного общества мог пополняться из числа «нижнего круга» («соединенных»), если те доказали свою активность в делах общества. Вновь принятый в тайное общество знал только того, кто его принял. Принимающий должен был предварительно узнать о поведении и образе

мыслей принимаемого. Принятого в течение некоторого времени «испытывали», постепенно открывая ему цели общества. Сначала знакомили его с уставом (здесь фигурировала первая часть устава Союза благоденствия «Зеленая книга»), позже сообщали и о «сокровенной» цели и средствах ее достижения.

Никита Муравьев уже в марте или апреле 1821 г. был поставлен в известность об образовании Южного общества и о своем избрании в его руководящий орган — Директорию. Между ним и Пестелем поддерживалась переписка, в которой подчеркивалась общность задач и необходимость совместных действий. Особенно на этом настаивал Пестель. «В самой начальной переписке с Никитою Муравьевым мы себя признавали за одно общество,— указывал Пестель,— оба круга (Южное и Северное общества.— В. Ф.) имели твердое намерение не иначе действовать, как вместе» (36, т. 4, с. 115). Никита Муравьев показывал: «У нас было условлено, что член Северного общества, переселившись на юг, поступал в ведение Южного общества, а член, переселившийся на север, поступал в ведение Северного общества» (36, т. 1, с. 304).

Следует отметить, что период с 1821 по 1823 г. был особенно бесцветным в жизни Северного общества. Число его членов росло медленно, а некоторые даже выходили из него. Удаление более чем на год гвардии, где были преданные члены Союза благоденствия, перемещения по службе в другие города России, по-видимому, существенно мешали становлению и разветвлению деятельности Северного общества в 1821—1823 гг. Но главное заключалось в том, что члены прежних петербургских управ Союза благоденствия отличались умеренностью своих взглядов, были мало активны, нерешительны в действиях. В конце 1822 г. вышел из общества «из-за непостоянного и безуспешного хода занятий оного» М. С. Лунин (до этого перешедший на службу в Варшаву в качестве адъютанта великого князя Константина Павловича). М. Нарышкин писал, что в это время Северное общество было «почти разрушившимся». Сам Никита Муравьев признавал, что Северное общество находилось «без правления и в совершенном бездействии». Деятельность Северного общества оживилась лишь в 1823 г. с приходом в него К. Ф. Рыльева.

Как выше было указано, одним из существенных мотивов принятия Московским съездом 1821 г. решения о роспуске Союза благоденствия было известие о том, что правительство по поступившим к нему доносам осведомлено о существовании тайного общества.

Уже в начале 1818 г. до императора стали доходить отдельные сведения о существовании против него заговора. Впоследствии Николай I на полях книги М. А. Корфа о событиях междоусобицы 1825 г. написал: «По некоторым доводам я должен полагать, что государю (Александрю I.— В. Ф.) еще в 1818-м году в Москве после Богоявления (6 января.— В. Ф.) сделались

известными замыслы Якушкина на цареубийство; с той поры весьма заметна была в государе крупная перемена в расположении духа, и никогда я его не видал столь мрачным, как тогда» (61, с. 41). Несколько позже Александр I получил новые подтверждения о существовании тайного общества. В. Н. Карзин (просветитель и ученый, основатель Харьковского университета) в письме к императору от 21 апреля 1820 г. предупреждал его об опасности «со стороны распространяющихся тайных обществ», на которые следовало обратить «недреманное око» (183, с. 115). С осени того же года власти стали получать самую разнообразную информацию о Союзе благоденствия и об отдельных его членах.

В связи с волнением в лейб-гвардии Семеновском полку в октябре 1820 г. усилился тайный надзор, в первую очередь за военными. Александр I и его ближайшее окружение были убеждены, что возмущение солдат этого полка было инспирировано тайным обществом. «Никто на свете меня не убедит, чтобы сие выступление было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца,— писал Александр Аракчееву.— ...По моему убеждению, тут кроются другие причины... я его приписываю тайным обществам» (204, т. 4, с. 185). Начались усиленные поиски этих организаций. Развернувшая свою деятельность в октябре—ноябре 1820 г. тайная агентура собрала интересные сведения среди военных Петербурга о настроениях солдат и офицеров в связи с «семеновской историей». Однако военно-судные комиссии, расследовавшие причины выступления семеновских солдат, тщетно пытались выявить его связь с деятельностью тайного общества.

Первый донос на тайное общество поступил в сентябре-октябре 1820 г. от корнета лейб-гвардии Уланского полка А. Н. Ронова, который от поручика Финляндского полка Н. Д. Сенявина (с семьей которого Ронов хорошо был знаком) неожиданно узнал о существовании тайного общества. От Сенявина он получил и предложение вступить в это общество. Ронов немедленно направил донос о своем «открытии» петербургскому военному генерал-губернатору М. А. Милорадовичу. Но донос попал к адъютанту Милорадовича — заведовавшему секретной частью его канцелярии Ф. Н. Глинке, который сам являлся членом тайного общества. Глинка принял меры, чтобы не дать доносу хода: ему удалось убедить Милорадовича в «ложности» доноса. В результате Ронов получил отставку и был сослан в имение матери.

Гораздо серьезнее и опаснее для тайного общества был донос, отправленный в феврале или марте 1821 г. библиотекарем гвардейского штаба М. К. Грибовским, который входил в Коренной совет Союза благоденствия и, следовательно, немало знал о тайном обществе и его членах. Его донос содержал много конкретных и ценных для правительства сведений. Впослед-

ствии Грибовский был поставлен во главе полицейской слежки за военными Петербурга. Свою «Записку о Союзе благоденствия» Грибовский передал через Бенкендорфа, поэтому в литературе этот донос иногда приписывают самому Бенкендорфу. Сам Грибовский поставил перед Бенкендорфом условие хранить его имя как автора этого документа в строгой тайне. Александр I получил донос в конце мая 1821 г. по возвращении из-за границы, где он находился на конгрессе «Священного союза» в Троппау-Лайбахе.

В своей «Записке» Грибовский обстоятельно и довольно точно описал структуру, цели и задачи Союза благоденствия, назвал поименно 40 его членов, выделив из них 12 «важнейших» и указав их роли в тайном обществе. Доносчик сообщил также о состоявшемся в январе 1821 г. Московском съезде Союза благоденствия, о принятом там решении о роспуске тайного общества. Хотя Грибовский не был на съезде, но хорошо был осведомлен о нем из писем его участников. Он предупреждал правительство: «Весьма вероятно, что они (руководители тайного общества.— В. Ф.) пожелают освободиться от излишнего числа с малым разбором навербованных членов, коим неосторожно открыли все, чтобы составить скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее» (42, с. 109). Он писал также о нецелесообразности судебного преследования тех членов тайного общества, которые поименованы в доносе. «При судебном исследовании трудно будет открыть теперь что-либо о сем Обществе: бумаги оного истреблены и каждый для спасения своего будет заператься». Грибовский советовал установить наблюдение за поименованными им лицами, «их связями и пр., и вследствие того принять надлежащие меры». «Необходимо, однако, при сем сказать,— писал он,— что сего наблюдения вовсе не можно поручить настоящему господину с.-петербургскому военному генерал-губернатору, который окружен людьми, участвующими в Обществе или приверженными им» (42, с. 109—110). Здесь был явный намек на адъютанта Милорадовича Глинку и близкого к Милорадовичу Николая Тургенева. Их-то Грибовский и поместил в самом начале списка наиболее важных членов тайного общества, на которых, по его мнению, «наиболее должно быть обращено внимание».

Александр I по возвращении из-за границы получил еще одну информацию о тайном обществе. Командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков на приеме у императора в Царском Селе 25 мая 1821 г. после доклада о состоянии гвардейского корпуса передал ему донос о политическом заговоре со списком его участников. Васильчиков не назвал автора доноса, которым был тот же Грибовский, представивший этот донос Васильчикову раньше, чем он подал свою «Записку о Союзе благоденствия» Бенкендорфу. В доносе, попавшем к Васильчикову, речь шла о готовившемся в Москве в январе 1821 г. съезде декабристов. Но этот донос Васильчиков не смог послать в Троппау Александ-

ру I немедленно, как он говорил, «за неимением шифра», «формальных доказательств» верности доноса и полномочий «схватить, допрашивать и уличать обвиненных и их преследовать» (33, с. 343—346), тем более что Васильчиков ждал со дня на день приезда царя в Россию, надеясь вручить ему секретную бумагу собственноручно.

В дореволюционной литературе было широко распространено мнение, что Александр I, получив сведения о существовании Союза благоденствия, отказался преследовать его участников. Н. К. Шильдер приводит в своем труде об Александре I слова, будто бы сказанные императором Васильчикову: «Дорогой Васильчиков, вы, находясь на моей службе с начала моего царствования, знаете, что я разделял и поощрял эти иллюзии и заблуждения». Затем «после долгого молчания» добавил: «Не мне их карать» (и даже как будто бросил список членов тайного общества в пылающий камин, произнеся: «Не хочу знать имен сих несчастных») (204, т. 4, с. 204). Возможно, Александр I мог так сказать. Лицемерие его широко известно. Карать же он умел, и очень жестоко.

Однако отказ от открытого судебного преследования членов тайного общества был вызван отнюдь не «гуманностью» императора. Во-первых, справедливым был довод Грибовского, что такое преследование и не дало бы положительных результатов: тайное общество было распущено, а улики уничтожены. Но главное — громкий политический процесс был неудобен Александру I: он показал бы всей Европе непрочность феодально-абсолютистских порядков в России. Уже возмущение Семеновского полка вызвало неблагоприятное мнение реакционных кругов Запада о силе и могуществе «жандарма Европы». Александр I, по свидетельству хорошо знавшего его С. Г. Волконского, вообще не любил «гласно наказывать». Размышляя, «что воследовало бы с членами тайного общества, если бы Александр Павлович не скончался в Таганроге», Волконский писал: «Я убежден, что император не дал бы такой гласности, такого развития следствию о тайном обществе. Несколько человек сгнили бы заживо в Шлиссельбурге, но он почел бы позором для себя выказать, что была попытка против его власти» (34, с. 427—428). Но не желая карать явно, Александр I покарал ряд известных ему членов тайного общества скрыто, без суда и огласки. В октябре 1821 г. был уволен со службы А. Ф. Бригген, в декабре 1822 г. — М. А. Фонвизин. Получил отставку и был сослан в Ярославль с запрещением посещать обе столицы полковник П. Х. Граббе (по словам Грибовского, «готовый на все»). Все трое были указаны доносчиком в списке «важнейших членов тайного общества». Входивший также в этот список М. Ф. Орлов был поставлен под бдительный полицейский надзор и в апреле 1823 г. лишен командованием 16-й пехотной дивизией. Пострадал и Федор Глинка. В своих показаниях Следственному комитету он писал, что лишился тогда занимаемого

поста у Милорадовича, потерял квартиру, содержание: «всеми оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел я в загоне, как раздавленная муха» (13, л. 20).

1 августа 1822 г. Александр I обратился к министру внутренних дел В. П. Кочубею с рескриптом о запрещении всех тайных обществ и масонских лож. У всех лиц, находящихся на военной и пражданской службе, требовалось взять заявления о том, состоят ли или нет они в тайных обществах и масонских ложах; затем подписку, что впредь принадлежать к ним не будут: «...ежели кто такого обязательства не пожелает дать, тот не должен оставаться на службе» (204, т. 4, с. 251). Требование аналогичной подписки было повторено в апреле 1826 г. в связи со следствием над декабристами; им ставилось в вину и то, что, дав в свое время таковую подписку, они нарушили ее и продолжали состоять в тайном обществе или вновь вступили в него.

Факт роспуска Союза благоденствия, указанный в доносе Грибовского, отнюдь не рассеял подозрения правительства: власти полагали, что помимо этой тайной организации существовали и другие; вполне обоснованным было опасение властей о воссоздании членами самоликвидировавшегося Союза благоденствия новой тайной организации. Вследствие этого был установлен секретный надзор за лицами, поименованными в доносе Грибовского, и предприняты «поиски» тайных организаций.

Среди поднадзорных был и командир 16-й дивизии М. Ф. Орлов, значащийся у Грибовского в списке наиболее деятельных членов тайного общества под номером шестым. До командования давно уже доходили агентурные сведения о «неблагоприятном настроении духа» в 16-й дивизии, что приписывали ее командиру Орлову. Командующий 6-м пехотным корпусом, в состав которого входила 16-я дивизия, генерал-лейтенант И. В. Сабанеев поручил своему адъютанту подполковнику Я. И. Радичу наблюдать за деятельностью Орлова, который догадывался об этой слежке, как видно из письма его к поэту П. А. Вяземскому от 25 ноября 1821 г. Тайная слежка была установлена и за ближайшим другом Орлова — деятельным членом тайного общества майором В. Ф. Раевским, командиром егерской роты в 16-й дивизии и организатором школы взаимного обучения среди солдат и юнкеров. Для тайной слежки за Раевским завербовали двух учащихся этой школы. Назначенные следить за Раевским осведомители сообщили новые данные о криминальном содержании его занятий. Для дальнейшего расследования о «духе преподавания» В. Ф. Раевского был направлен командир 3-й бригады Я. Я. Черемисинов. Им было обнаружено, что на уроках географии для юнкеров Раевский давал развернутое определение конституционного правления, как «лучшего». 9 декабря 1821 г. Черемисинов доложил Сабанееву, что Раевский «вольнодумец и вредный для службы человек», а Орлов «человека сего ласкает, держит у себя и через то поощряет действие вольнодумства в других» (73, т. 1, с. 28—29). 10 января 1822 г.

Сабанеев известил начальника штаба 1-й армии П. Д. Киселева о своем намерении арестовать Раевского.

Раевский узнал о грозившей ему опасности, о чем написал 1 февраля 1822 г. своему другу А. Г. Непенину — члену Кишиневской организации. Письмо это, однако, было перехвачено тайной агентурой и попало к Сабанееву, что ускорило арест Раевского. О предстоящем аресте Раевскому сообщил вечером 5 февраля А. С. Пушкин, дав таким образом ему возможность уничтожить конспиративные документы. На следствии Раевскому обещали полное прощение, если он выдаст тайное общество. Но благодаря его выдержке и стойкости во время пяти (!) расследований в течение 1822—1825 гг. следователи так и не смогли получить от него никаких сведений. «Твердости его характера общество было обязано тем, что не было открыто прежде», — писал о Раевском Н. В. Басаргин (29, с. 62). На следствии Раевский отрицал свою антиправительственную агитацию среди солдат. Привлеченные к дознанию обучавшиеся в школе Раевского солдаты также не выдали своего командира.

Исследователи «дела» В. Ф. Раевского (В. Г. Базанов, М. К. Азадовский, Л. Н. Оганян, А. А. Брегман и Е. П. Федосеева) приходят к единому мнению, что ни Киселев, ни Сабанеев не были заинтересованы в раскрытии до конца дела о «заговоре» в их войсках. М. К. Азадовский и другие обратили внимание на ряд «упущений», которые допустил Сабанеев при расследовании дела. Так, он не провел дознания по сведениям, сообщенным ему Юминым в показаниях и в письменном доносе, «потерял» самый «криминальный» документ для следствия — список членов Союза благоденствия из 12 человек, входивших в Кишиневскую управу. По-видимому, следует согласиться с М. К. Азадовским, что Сабанееву и Киселеву «было невыгодно и даже опасно обнаружить гнездо заговорщиков во вверенном им корпусе» (44, т. 1, с. 56—57), ибо это означало доказать свои «близорукость» и «беспечность», в которых упрекал их Александр I. Поэтому из членов Кишиневской организации был арестован лишь один Раевский. Остальные были наказаны иным путем. Сабанеев добился отстранения Орлова от командования 16-й дивизией, а потом и удаления его из армии. Удалены были также генерал П. С. Пущин (командир бригады в составе 16-й дивизии) и полковник А. Г. Непенин, были вынуждены уйти в отставку К. А. Охотников и И. П. Липранди. Кишиневская организация, таким образом, оказалась разгромленной.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ
ДЕКАБРИСТОВ:
«РУССКАЯ ПРАВДА» П. И. ПЕСТЕЛЯ
И КОНСТИТУЦИЯ Н. М. МУРАВЬЕВА**

Важное место в деятельности декабристских организаций после 1821 г. занимала разработка конституционных проектов. Еще на Петербургском совещании 1820 г., как уже говорилось ранее, П. И. Пестелю и Н. М. Муравьеву было поручено приступить к их созданию. В течение 1821—1824 гг. было составлено несколько вариантов этих проектов — два Пестелем и, как полагают, пять вариантов Никитой Муравьевым (сохранилось три) причем ни один из вариантов не был завершен.

В основу декабристских проектов политического и социального переустройства России были положены принципы естественного права, выработанные мыслителями века Просвещения.— Локком, Руссо, Монтескье, Дидро, Гольбахом, с произведениями которых авторы декабристских конституций были хорошо знакомы. Под «естественными правами» понимались личная свобода человека, равенство всех перед законом, непризнание сословных различий, а также создание представительного образа правления при разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную, при независимости судебной власти и ответственности исполнительной перед законодательной. Эти положения своим острием были направлены против феодально-абсолютистских порядков и содержали большой для того времени революционный заряд. Они закладывали и основы буржуазного правового государства. При разработке своих проектов Пестель и Н. Муравьев опирались на конституционный опыт других государств — Северо-Американских Соединенных Штатов и некоторых стран Западной Европы.

П. И. Пестель первоначально разделял идею конституционной монархии, что нашло отражение в составленной им в 1819 г. на французском языке «Записке о государственном правлении». Однако «Записку» еще нельзя считать конституционным проектом, как и написанный в это же время «Любопытный разговор» Никиты Муравьева. В самом начале 1820 г. Пестель проделал довольно быструю эволюцию взглядов от монархических к республиканским. В своих показаниях на следствии он подробно изложил причины такого перехода. Особенно он подчеркивал влияние книги французского мыслителя Александра Дютю де Траси «Замечания на «Дух законов» Монтескье», вышедшей сначала в 1811 г. в Америке, а в 1819 г. и в Европе. Пес-

тель познакомился с книгой, по-видимому, в самом начале 1820 г. «Сочинение Детю де Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня,—показывал Пестель.— Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом» (36, т. 4, с. 91). Пестель видел положительный опыт в современных ему и исторических примерах «благотельности» именно республиканского образа правления. «Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления,—показывал далее Пестель.—...Я припоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей». К тому же он «находил неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные, достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции» в свежих примерах отказа монархов Португалии, Неаполя, Испании от конституций, которым они присягнули под давлением революционных сил. «Все сие произвело,—делает вывод Пестель,—что я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении» (там же). В марте 1820 г. на совещании Коренной управы Союза благоденствия, состоявшемся у Глинки в Петербурге, Пестель, как уже упоминалось ранее, сделал доклад о предпочтительности республики, и надо полагать, что он привел те же аргументы, что изложены выше.

Первые наброски конституционного проекта были сделаны Пестелем, по-видимому, уже в 1821 г. Основные положения этого документа обсуждались на первом съезде руководителей Южного общества в Киеве в январе 1822 г. Здесь было решено предоставить всем членам организации годичный срок для обдумывания предложений Пестеля. На следующем съезде в январе 1823 г. Пестель сделал более обстоятельный доклад о своем проекте, который был обсужден по всем пунктам и принят голосованием. Таким образом, конституционный проект Пестеля хотя и носил авторский индивидуальный характер, но все же являлся программным документом всего Южного общества.

Первоначально проект Пестеля назывался «Конституция Государственный Завет». Именно под этим названием фигурирует краткий конспект этого проекта в его первом варианте, который был прочтен М. П. Бестужевым-Рюминым на собрании Общества соединенных славян в сентябре 1825 г. и сохранился в следственном деле одного из членов этой организации прапор-

щика И. В. Шимкова. В 1824 г. Пестель дал своему проекту название «Русская Правда» — в честь законодательного памятника Киевской Руси — «Русской Правды» Ярослава Мудрого.

В предвидении своего ареста Пестель с помощью друзей принял необходимые меры к сохранению «Русской Правды», отлично зная, что в случае обнаружения ее следственными органами она может явиться для него серьезным обвинительным документом. Сначала он решил спрятать ее у своего друга майора Алексея Мартынова, квартировавшего в местечке Немирове. Денщик Пестеля Савенко зашил ее в полотно. Пестель сделал надпись на полотне «Логарифмы» и послал пакет к Мартынову. Но затем по поручению Пестеля к Мартынову отправился подпоручик Н. Ф. Крюков, взял у него пакет и отвез в Тульчин к А. П. Барятинскому. Тот выбрал как наиболее надежное место для хранения пакета село Кириасовку и поручил его там спрятать Н. Ф. Заикину и братьям Н. С. и П. С. Бобрищевым-Пушкиным, также состоявших в тайных обществах. Они зашили «Русскую Правду» в клеенку и сначала спрятали под полом хаты, в которой квартировали, но после известий об аресте Пестеля решили перепрятать ее в более укромное место. Пакет был зарыт «под берег» придорожной канавы близ Кириасовки. Несколько дней спустя П. С. Бобрищев-Пушкин показал младшему брату Николаю Заикина Федору место, где была зарыта «Русская Правда», и сказал при этом: «Тут лежит моя и брата твоего голы» (36, т. 4, с. 131).

Власти узнали о существовании «Русской Правды» из доноса капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды, который сообщил, что она хранится вместе с другими важными бумагами Пестеля в «зеленых портфелях», о местонахождении которых знает денщик Пестеля Савенко. Во время обыска квартиры Пестеля в Линцах «зеленые портфели» были найдены, но никаких бумаг в них не оказалось. Привезенный в Петербург Пестель в числе других показаний сообщил, что часть своих бумаг он передал на хранение Н. А. Крюкову, но тот на допросе категорически отрицал этот факт. Наконец следствие выяснило, что Крюков действительно получил бумаги Пестеля и передал их Н. Ф. Заикину. Оказав сильное давление на Заикина, следствие получило от него необходимые сведения и даже план местности, где была зарыта «Русская Правда». В результате долгих поисков пакет с «Русской Правдой» был открыт, опечатан и доставлен непосредственно Николаю I. После беглого просмотра Николай I приказал вновь запечатать этот опасный документ и сдать на хранение, не позволив ознакомиться с ним даже членам Следственного комитета. Лишь в 1883 г. к ней получил допуск по специальному разрешению Александра III Н. Ф. Дубровин, снявший с нее копию. По этой копии «Русская Правда» была издана в 1906 г. П. Е. Щеголевым.

Полное название конституционного проекта Пестеля — «Русская Правда или Заповедная Государственная Грамота велико-

го народа российскийского, служащая Заветом для государственно-го устройства России и содержащая верный Наказ как для народа, так и для Временного верховного правления». Как следует из заглавия, этот документ должен был служить «наказом» Временному революционному правительству, облеченному диктаторской властью сроком на 10 лет, в течение которых оно должно было провести все те преобразования, которые были записаны в «Русской Правде». Пестель указывал, что преобразования не могли быть проведены сразу — необходим был именно этот десятилетний переходный период. «Все происшествия в Европе, в последнем полувековии случившиеся, — указывал он, — доказывают, что народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и утвергнувшие постепенность в ходе государственного преобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония» (36, т. 7, с. 118). Историк С. С. Окунь, комментируя это указание, верно отметил, что «постепенность» в ходе государственного преобразования понималась Пестелем «не как постепенность ликвидации старого порядка, а как постепенность введения представительных учреждений, которые должны находиться во главе управления Россией» (165, с. 167). Отсюда и необходимость, по мысли Пестеля, на этот переходный период Временного революционного правительства, наделенного до установления в государстве прочного революционного порядка диктаторскими полномочиями. Временное революционное правительство должно было также служить гарантом от попыток реставрации старого режима. По окончании десятилетнего переходного периода оно слагает свои полномочия, принимается новая конституция, но на основе принципов «Русской Правды».

«Русскую Правду» декабристы предполагали обнародовать одновременно с «Манифестом к русскому народу», провозглашающим свержение старого режима и установление революционной власти. «Русская Правда» должна была показать народу, какие права он получил, а правительству — какие обязанности на него возлагались.

По плану Пестеля «Русская Правда» состояла из десяти глав: в первой главе речь шла о границах государства и его административном делении; во второй — о различных народах России и путях решения национального вопроса; в третьей — о сословиях, т. е. о ликвидации сословного строя и установлении единого гражданства на принципе всеобщего равенства перед законом; в четвертой — «о политическом или общественном состоянии народа», т. е. о политических правах граждан; в пятой — «о гражданском или частном состоянии народа, то есть о главнейших правилах и постановлениях гражданского частного права в отношении лиц, имуществ и различных взаимных между гражданами сношений»; в шестой — об устройстве и образовании верховной власти; в седьмой — о министерствах и местных органах власти; в восьмой — «о частях правления, устро-

ивающих государственную безопасность как внешнюю, так и внутреннюю, то есть об юстиции, полиции, внешних сношениях, военных и морских силах»; в девятой — об «управлении общественным благосостоянием», т. е. о финансах, народном хозяйстве, а также о просвещении и «духовных делах»; и, наконец, десятая глава — «долженствовала, — по словам Пестеля — содержать род наказа для составления общего государственного Свода законов или Уложения и представить главнейшие правила или, так сказать, оглавление сего полного и общего Государственного Уложения» (36, т. 4, с. 114). Однако разработать документ в предполагаемом объеме не удалось. На следствии Пестель показывал, что смог написать лишь не более половины задуманного им текста «Русской Правды»: «Первая, вторая и большая часть третьей главы были кончены, четвертая и пятая были начерно написаны, а последние пять состояли в разных отрывках» (36, т. 4, с. 115). Не завершив подготовку текста всего конституционного проекта, Пестель начал переработку первых его глав, при этом составляя второй вариант первой, второй и части третьей глав, он уничтожил первый вариант этих глав. Издатели «Русской Правды» 1906 г., не разгадав этого обстоятельства, представляли ее как один вариант. Тайна двух вариантов была раскрыта позднее советскими исследователями. Таким образом, сохранившийся текст «Русской Правды» представляет собой первую, вторую и половину третьей глав второго варианта, черновик части третьей главы, четвертой и пятой глав первого варианта, различные подготовительные материалы и мелкие заметки, относящиеся ко всем десяти главам.

Исходя из принципа верховенства не власти над народом, а народа над властью, права народа избирать свои органы власти и обязанность власти выражать волю народа, Пестель торжественно провозглашал: «Народ российский не есть принадлежность какого-либо лица или семейства. Напротив того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народного, а не народ для блага правительства» (36, т. 7, с. 116). Будучи убежденным республиканцем, Пестель требовал не только ликвидации самодержавия, которое он называл не иначе как «разъяренное зловластие», но и любой монархии, даже ограниченной конституцией. Более того, чтобы гарантировать будущую Российскую республику от реставрации монархии, Пестель выступал не только за цареубийство, но и вообще за «истребление всей императорской фамилии», т. е. за физическое уничтожение всех возможных претендентов на российский престол.

Будущая Российская республика объявлялась строго централизованным или, как выражался Пестель, «неразделимым» государством. Любая форма федеративного устройства им решительно отвергалась. «Невыгоды» федеративного образования государства Пестель усматривает в следующем. Верховная власть в таком государстве, по его мнению, «не законы издает,

но только советы», так как при самостоятельности отдельных частей в федерации у верховной власти не окажется «принудительных средств» к приведению законов «во исполнение». «Ежели же область не захочет повиноваться, то, дабы к повиновению ее принудить, надо междоусобную войну завести; из чего явствует, что в самом коренном устройстве находится уже семя к разрушению». В федерации областные интересы неизбежно будут брать верх над общегосударственными. Особый образ правления и особые законы в областях приведут к ослаблению связей между ними, а также к осознанию ненужности верховной власти, следовательно, к распаду государственной организации. «Каждая область, составляя в федеративном государстве, так сказать, маленькое отдельное государство, слабо к целому привязана будет и даже во время войны будет действовать без усердия к общему составу государства, особенно если лукавый неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких-нибудь особенных для нее выгодах и преимуществах». Особенно пагубным федеративное устройство будет, по мнению Пестеля, для России, состоящей из «разнородных частей», отличающихся по своему историческому прошлому, языку, вере, обычаям, «и потому, ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже, может быть, и бытие свое между большими и главными государствами». При этом Пестель ссылаясь на исторический пример удельной системы на Руси, которую называл «видом федеративного устройства», вследствие чего «она горькими опытами и долголетними бедствиями жестоко заплатила за сию ошибку в прежнем ее государственном образовании» (36, т. 7, с. 127).

Согласно проекту Пестеля, Россия подразделяется на десять областей и два удела, каждая область состоит из пяти округов (или губерний), губернии в свою очередь делятся на уезды, уезды — на волости. Пестель составил и карту нового административного деления России. Выделялись области: Чудская (областной город Петербург), Холмская (Новгород), Северская (Ярославль), Сибирская (Иркутск), Уральская (Казань), Славянская (Москва), Вершинная (Смоленск), Черноморская (Киев), Украинская (Харьков), Кавказская (Георгиевск); уделы: Донской (Новочеркасск) и Аральский (его административный центр не установлен). Столицей России Пестель определил Нижний Новгород, исходя из следующих соображений: этот город находился в центре государства, на выгодных речных путях (Оке и Волге), здесь ежегодно собиралась Макарьевская (с 1817 г. — Нижегородская) ярмарка — «всероссийское торжище» — важный центр торговли Европы с Азией; кроме того, «освобождение России от ига иноплемениного чрез Минина и Пожарского из сего города произошло» и «все воспоминания о древности Ни-

жегородской дышут свободою и прямою любовью к отечеству, а не к тиранам его» (36, т. 7, с. 129). Город по замыслу Пестеля надлежало переименовать во Владимир — «в память великого мужа, введшего в Россию христианский закон», а прежний город Владимир — в Клязьмин (ибо расположен на реке Клязьме). Столица вместе с Нижегородским округом (губернией) выделялась в особый «Столичный удел». Предусматривались необходимые ассигнования («издержки») для ее устройства (возведение правительственных зданий и пр.).

Управление страной, полагал Пестель, должно строиться по принципу разграничения функций властей. Высший законодательный орган власти — Народное вече. «Народное вече есть одно целое и на камеры (палаты.— В. Ф.) не разделяется. Вся законодательная власть в нем обретается». Оно «представляет волю в государстве, душу народа. Никто не может распустить Народной вечи» (36, т. 7, с. 214). Оно избирается путем двухстепенных выборов (сначала жители волости избирают представителей в Окружное наместное собрание, а те — депутатов в Народное вече) в числе 500 человек сроком на 5 лет, при этом впоследствии каждый год 1/5 часть его состава выбывает, а на ее место выбираются новые депутаты. Народное вече избирает на один год своего председателя из числа депутатов, «последний год заседающих». Народное вече объявляет войну, заключает мир, обсуждает и принимает все законы, кроме конституционных («заветных»). Последние «обнародываются и на суждение всей России предлагаются», и только после их обсуждения и одобрения народом (вероятно, Пестель имел в виду проведение плебисцита) они получают силу закона. Между сессиями Народного веча его функции исполняет Временная комиссия.

Высшая исполнительная власть сосредоточивается в Державной думе, избираемой также на 5 лет Народным вечем из числа кандидатов, представленных окружными наместными собраниями. Державная дума состоит из 5 человек. «Ежегодно один из Думы выходит и заменяется другим выбором. Председатель есть член, заседающий последний или пятый год». Державная дума ведет переговоры с иностранными государствами, руководит военными действиями в случае войны, но не имеет права ни объявлять войну, ни заключать мирные договоры и прочие трактаты. Она имеет свою канцелярию. «Все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и начальством Державной думы». Министерства иначе назывались «государственными приказами»: правосудия, просвещения, финансов, полиции, военный приказ (там же).

Дабы законодательная и исполнительная власти «не выходили из своих пределов», учреждается высший контрольный («блюстительный») орган — Верховный сбор из 120 членов («бояр» или «старцев»), избираемых пожизненно Народным вечем из числа кандидатов, выдвигаемых окружными наместными собраниями. На рассмотрение Верховного собора представляют

ся все законы, принятые Народным вече, и ни один из них не может вступить в силу без санкции этого контрольного органа. Однако Верховный собор рассматривает представленные ему законы лишь с точки зрения их соответствия конституции, не вникая в содержание («Собор не рассуждает о сущности предметов, а смотрит на одни формы»). Он посылает своих полномочных представителей в министерства и области. Прерогативой Верховного собора является и назначение главнокомандующего действующей армии. Пестель придавал большое значение Верховному собору как гаранту соблюдения законности. Предусматривалось, что в этот орган избирались наиболее заслуженные и авторитетные граждане страны.

По проекту предполагалось также, что распорядительную власть на местах будут осуществлять окружные, уездные и волостные наместные собрания, а исполнительную — окружные, уездные и волостные правления. Главами окружных и уездных наместных собраний должны стать выборные посадники, а главой волостного собрания — волостной предводитель. Местные органы власти согласно «Русской Правде», избираются сроком на один год. Выборы являются прямыми и производятся на волостных земских собраниях. Краткий срок полномочий местных выборных органов и принцип постоянного обновления состава высших органов власти (за исключением «блюстительной») рассматривались Пестелем как гарантия против узурпации власти. Имущественный ценз при выборах как в местные, так и в высшие органы власти Пестель решительно отвергал. «Каждый гражданин имеет право на занятие всех мест и должностей по государственной службе, — говорится в «Русской Правде». — Одни дарования, способности, познания и услуги служат поводом и причиной к прохождению службы» (36, т. 7, с. 202).

В «Русской Правде» намечена и широкая программа других демократических преобразований, в центре которых находится охрана прав личности и частной собственности.

«Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священнейшая обязанность каждого правительства, — говорится в «Русской Правде». — На ней основано все сооружение государственного здания и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия». Провозглашается неприкосновенность личности и жилища граждан: «Никто из граждан не должен быть свободы лишен и под стражу посажен иначе как законным образом и законным порядком. Всякое действие, сему противное, наводит строжайшую ответственность на нарушителей... В дом гражданина никто войти не может без его согласия» (36, т. 7, с. 199—200).

«Священным» и «неприкосновенным» «Русская Правда» объявляет право собственности граждан; определены гарантии защиты этого права. «Право собственности или обладания есть священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых, положительных и неприкосновенных основах быть утверж-

дено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества» (36, т. 7, с. 196). Категорически запрещается конфискация имущества в казну. В случае лишения какого-либо лица всех прав состояния за тяжкое преступление («политическая смерть») имущество следует отдавать его наследникам, но не конфисковывать. Допускается изъятие части имущества для уплаты долгов и «пеней» (36, т. 7, с. 197).

Провозглашается всеобщее равенство перед законом: все граждане имеют одинаковые права и несут одинаковые обязанности. Ликвидируется старый сословный строй, основанный на привилегиях одних сословий и бесправии остальных. Все сословные различия упраздняются, и прежние сословия (дворяне, духовенство, купечество, мещане, однодворцы, крестьяне) сливались в «единое сословие — гражданское». Все граждане впредь должны именоваться «благородными» («ибо рождены во благо»).

Объявляется полная и безусловная отмена крепостного права. «Обладать другими людьми как собственностью своею, — указывал в «Русской Правде» Пестель, — продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу, без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой Вере христианской, противное, наконец, заповедной воле Всевышнего, гласящего в Священном Писании, что люди перед ним все равны и что одни деяния их и добродетели разницу между ними поставляют. И потому не может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми... ежели бы паче чаяния нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то Временное верховное правление обязывается всякого такого злодея безизъятно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайшему наказанию, яко врага отечества и изменника противу коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление яко священнейшая и непрременнейшая его обязанность» (36, т. 7, с. 156—157).

И в первом, и во втором варианте проекта предполагалось, что освобождение крестьян от крепостной неволи будет сопровождаться обязательным наделением их землей. Безземельное освобождение по «остзейскому образцу» (проведенное в 1816—1819 гг. в Эстонии и Латвии) Пестель именовал «мнимой свободой». Поэтому освобождение крестьян связывалось им с решением аграрного вопроса, которому Пестель уделял особенно

большое внимание. При этом он исходил из двух противоречащих друг другу соображений: во-первых, Пестель считал землю безусловно общественным достоянием, из которого каждый гражданин имеет право на земельный надел, необходимый для обеспечения его жизненных потребностей, во-вторых, он признавал справедливым и существование частной собственности на землю, ибо «труды и работы суть источники собственности, и тот, который землю удобрил и оную способной сделал к производству разных произрастаний, исключительно должен на ту землю иметь право обладания», к тому же, «дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать согласится, который в полной своей собственности землю иметь будет», а «неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию».

Пестель стремился согласовать эти два противоречивых принципа путем деления всего земельного фонда страны на две части: землю общественную и землю частную. Общественная земля, согласно «Русской Правде», передается в распоряжение волостному обществу — первичной административной и хозяйственной единице в стране. Волостное общество предоставляет в пользование желающим земельные участки, размеры которых зависят от численности семьи. Поэтому общественная земля называлась «волостной». Она не могла быть ни продана, ни заложена, предназначалась для производства «необходимого продукта» и должна была стать гарантией от возникновения безземельной и бездомной бедноты. Каждый гражданин Российской республики, независимо от своего положения и рода занятий, имеет право на получение земельного надела. Для этого он должен приписаться к определенной волости. «Каждый россиянин, — говорится в «Русской Правде», — будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит и в коем он пропитание сие получать будет не от милосердия ближних и не отдаваясь в их зависимость, но от трудов, коих приложит для обработывания земли, ему самому принадлежащей, яко члену волостного общества наравне с прочими согражданами» Пестель считал также, что таковой «порядок», создавая уверенность гражданина в своем обеспечении, окажет «сильное и благодетельное влияние на нравственность народа» (36, т. 7, с. 182—183, 185).

В общественный земельный фонд, по Пестелю, должны были войти крестьянские наделы, часть казенных и все монастырские земли. Необходимость полной конфискации всех монастырских земель он мотивировал тем, «что ежели монашеский чин с усердием все свои обязанности исполнять будет, то ему не останется времени для управления поместьями» (36, т. 7, с. 154). Для пополнения общественного фонда предусматривалась и частичная конфискация помещичьих земель. Она затрагивала наибо-

лее крупных землевладельцев. Условия конфискации были изложены Пестелем в наброске — «дополнениях» к «Русской Правде» под названием «Дележ земель». По этому проекту конфискации подлежали земли помещиков, владевших от 1 тыс. и более душ мужского пола, при следующих условиях: если у помещика насчитывалось свыше 10 тыс. десятин земли, то половина ее «отбиралась для волости без всякого помещику возмездия»; если же у него было менее 10 тыс. десятин, но не более 5 тыс., половина отбиралась либо за денежное ее вознаграждение (по рыночной цене), либо компенсировалась предоставлением равноценного участка земли в другом месте (вероятно, надо полагать, в многоземельных местностях с редким населением). Реализация этого плана Пестеля на практике привела бы к следующему. По данным 8-й ревизии (1833 г.) из 109,3 тыс. помещичьих семей около 3% (3726 семей) владели в общей сложности более чем половиной всех крепостных крестьян, соответственно им принадлежала и такая же часть земельного фонда помещичьих имений. Накануне отмены крепостного права в помещичьей деревне насчитывалось 102 млн. десятин земли. Если принять во внимание, что размеры земельного фонда в помещичьих имениях в течение первой половины XIX в. практически не менялись, то согласно пестелевскому проекту у крупнопоместных владельцев, у которых было до 52 млн. десятин земли, следовало конфисковать полностью или с частичной компенсацией около 26 млн. десятин земли. Но вместе с тем следует учесть, что 97% помещиков сохраняли свои прежние земельные владения, за исключением крестьянской земли, предоставленной в надел. Следовательно, проект Пестеля не уничтожал полностью помещичье землевладение, хотя и наносил серьезный удар по крупным латифундиям.

Частная земля, согласно проекту Пестеля, должна была находиться в свободном товарном обращении и служить «к доставлению изобилия», т. е. способствовать развитию частной предпринимательской инициативы в сельскохозяйственном производстве. Земли этой категории могли принадлежать как казне, так и частным лицам. К последним на тот период могли быть отнесены преимущественно бывшие помещики, так как хотя указами 1801 и 1803 гг. и разрешалось купцам, мещанам, казенным крестьянам покупать землю, а помещичьим приобретать ее в собственность при переходе в «вольные хлебопашцы», практические результаты этих указов были незначительны и помещики сохраняли свое монопольное положение земельных собственников. Пестель полагал, что вследствие естественного прироста населения могут возникнуть затруднения в наделении землей из общественного фонда всех желающих. В таком случае «приобретение земель в частную собственность получит сильное поощрение». Иначе говоря, рост относительного аграрного перенаселения будет стимулировать развитие частного землевладения. Здесь важным источником пополнения частновладельческого зе-

мельного фонда должна была послужить и продажа той части казенных земель, которые не были ранее переданы в пользование волостям. Пестель считал необходимым поощрение частного сельскохозяйственного предпринимательства. Он предусматривал в каждой волости учреждение волостных банков, которые должны были давать ссуды желающим заниматься сельским хозяйством. Поощрялись и предпринимательские товарищества, но при условии, если они не стремятся занять монопольное положение. Вместе с тем Пестель предполагал, что в связи с ростом народонаселения возрастут и цены на землю, а это «послужит поощрением к направлению капиталов на устройство мануфактур, фабрик, заводов и всякого рода изделий, на предприятия разных коммерческих оборотов и торговых действий». «Умножение народонаселения» предоставит и рабочие руки для промышленности (36, т. 7, с. 186).

Пестель уделял большое внимание развитию промышленности и торговли, при этом особое значение он придавал свободе предпринимательской деятельности и конкурентной деятельности. Отсюда его требование упразднить все то, что стесняет свободу предпринимательства и конкуренцию, ликвидировать все монополистические компании, ремесленные цехи и купеческие гильдии, не допускать никакой регламентации, стесняющей свободу хозяйственной деятельности. Пестель отмечал в «Русской Правде»: «Лучший способ для доставления народному богатству возможности процветать состоит в даровании свободы, обращая внимание на промышленность народную... свобода есть главная необходимость для народной промышленности» (36, т. 7, с. 160). Он выступал также за то, «чтобы распространять познания и сведения, необходимые для промышленности, и вообще просвещение». Пестель считал необходимым всяческое покровительство отечественной промышленности, для чего рекомендовал меры, ограждающие ее от иностранной конкуренции, в первую очередь — продуманную тарифную политику.

Свое отношение к частной собственности Пестель строил исходя из разумного сочетания общественного и частного интереса (или «блага»). «Богатые всегда будут существовать, — указывал он, — и это очень хорошо», однако недопустимо «присоединять к богатству другие политические права и преимущества» в ущерб остальному населению. Разрабатывая ряд мер по защите частной собственности и поощрению частного предпринимательства, Пестель вместе с тем выступал против крупных собственников (или, как он говорил, «аристократии богатств»), которые, как он видел на примере развитых капиталистических стран (Англии и Франции), могут оказывать влияние и на политику правительства. «Аристократию богатств» он считал более опасной, нежели «аристократию феодальную», «ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатств, владея богатствами, находит

в них орудие для своих видов (т. е. целей.— В. Ф.), противу коих общее мнение совершенно бессильно и посредством коих она приводит весь Народ... в совершенную от себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство не только такого распределения народа не допускать, но даже все меры принимать, дабы такие сословия отдельным от массы народной составлением сами собою не устанавливались и не образовывались» (36, т. 7, с. 151—152).

«Русская Правда» содержала обширную программу преобразований в области суда, просвещения и печати, свободы совести и взаимоотношений государства с церковью, в военном деле, в сфере правовых вопросов семьи и брака, в национальном вопросе.

Судебно-процессуальная система строилась в проекте Пестеля на принципах строгого соблюдения законности и всеобщего равенства перед законом. Взятие под стражу и вообще лишение свободы за преступления, указывалось в «Русской Правде», возможно только при условии соблюдения точных законных правил: взять под стражу может только полицейское ведомство при наличии письменного предписания о причине ареста, а в случае необходимости («взятие с поличным») арестованному в течение 24 часов должно быть предъявлено такое «предписание», в противном случае по истечении этого срока он «должен быть немедленно освобожден». Предполагалось, что арестованные будут находиться в специальных «стражных домах, от правительства назначенных», и с ними следует поступать «законным образом под опасением строжайшей ответственности», которая должна гарантировать от произвола. «Содержащийся под стражей может принимать посещения от кого желает». Власти могут отказать в «посещениях» лишь «в самых важнейших только случаях» и обязательно «с письменным объявлением о причинах». Находящегося в заключении всегда можно взять на поруки. «Никто не может быть судим иным порядком, как обыкновенным законным судебным, и в том именно месте, которое законом определено и назначено; посему никогда не должны никакие чрезвычайные судебные комиссии или чрезвычайные суды быть учреждаемы», — говорится в «Русской Правде». Пестель указывал, что необходимо строго соблюдать правило, чтобы обвиняемый судился по законам, изданным «прежде преступления, в коем обвиняется», причем признавался виновным только тогда, «когда его преступление совершенно доказано». Отменяется смертная казнь. В случае каких-либо нарушений в судебном процессе волостное правление и наместные собрания «имеют право заступиться за членов своих волостей». В дальнейшем намечалось также принять меры к тому, чтобы «самоволье (т. е. нарушение закона в суде.— В. Ф.) решительно было устранено». Впоследствии предусматривалось разработать и судебно-процессуальный кодекс (36, т. 7, с. 199—200).

Обучение детей, согласно проекту Пестеля, должно прово-

даться преимущественно в правительственных учебных заведениях; допускается и домашнее образование, правда, под надзором правительства. Частным лицам категорически запрещалось «заводить пансионы и другие учебные заведения». Этот запрет Пестель мотивировал невозможностью контролировать частные учебные заведения со стороны правительства. Он придавал исключительно важное значение направлению воспитания: «...ничто столь сильно не действует на благоденствие царств и народов, как воспитание» (36, т. 7, с. 204).

В проекте содержится также категорический запрет на учреждение «частных обществ», «хоть открытых, хоть тайных», потому что «первые бесполезны, а последние вредны». Бесполезность первых Пестель видел в том, что их занятия входят «в круг действий самого правительства», вторые вредны потому, что сам факт тайной деятельности заставляет подозревать их в «зловредности», ибо новый общественный порядок «ничего доброго и полезного не принуждает скрывать, но даже, напротив того, все средства дает к их введению и обнародованию законным порядком» (там же).

«Русская Правда» объявляла широкую свободу «книгопечатания». Каждый гражданин, согласно проекту, имел право заводить собственную типографию, однако об этом необходимо было предварительно известить правительство. Требовалось, также чтобы «на каждой печатанной вещи находилось имя хозяина типографии». Запрещалась публикация сочинений, «проповедующих правила, противные законам и чистой нравственности». За нарушение этого порядка «сочинитель» должен был отвечать перед «уголовным судом присяжных». На Временное верховное правительство возлагалась обязанность разработать, принять и издать специальный закон о печати (36, т. 7, с. 205).

В «Русской Правде» провозглашалась свобода совести. Православие объявлялось «господствующею верою великого государства Российского», однако предоставлялась свобода и другим вероисповеданиям, «если только не противны они российским законам, духовным и политическим, правилам чистой нравственности и не нарушают естественных обязанностей человека» (36, т. 7, с. 205—206).

Своеобразно решался Пестелем вопрос о положении священнослужителей в будущей Российской республике: «духовенство не есть особое сословие, но есть особое звание, имеющее особые занятия, исполняющее особые должности». Все «духовные лица суть чиновные особы и вместе с тем российские граждане, как и все вообще чиновники, занимающие какие-либо должности в государственном правлении». Согласно проекту, монастыри сохранялись (как мужские, так и женские), но в монастыре разрешается постригаться лицам не моложе 60-летнего возраста. Черному (монашествующему) духовенству запрещается занимать какие-либо должности в церковном управлении, «исключая одних монастырей». Пестель предъявлял строгие тре-

бования к нравственному и образовательному уровню духовенства. Он указывал, что в «духовное звание» мог поступить любой гражданин, но с условием, чтобы он был безупречной нравственности и получил специальное образование в духовных учебных заведениях — «богословских лицеях» при университетах. Здесь помимо богословских предусматривалось преподавание и общеобразовательных дисциплин и среди них «непременно медицины», дабы «особенно сельские священники могли больных пользоваться, соединяя таким образом врачевание нравственное с врачеванием телесным». Каждому духовному лицу предоставлялось право выйти из духовного звания, если он этого пожелает. Временное правление должно было назначить духовным лицам «приличное содержание», избавляющее их от необходимости прибегать к другим занятиям (например, земледелию) и от требования платы за требы от прихожан (36, т. 7, с. 155—156).

Большое внимание в проекте Пестеля уделяется преобразованиям в армии. Ликвидируется старая рекрутская система ее комплектования. Вводится всеобщая воинская повинность, которую отбывали мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Срок воинской службы устанавливается не более 15 лет. Допускается и добровольное поступление на военную службу в качестве «вольноопределяющихся». Устанавливается ряд льгот по семейным обстоятельствам (например, освобождались от воинской службы единственные сыновья у родителей, кормильцы семей и т. д.). Немедленно ликвидируются аракчеевские военные поселения, как учреждение «бесчеловечное» и невыгодное с финансовой точки зрения, бесполезное для военного дела и опасное в социальном отношении. «Военные поселения суть самая жесточайшая несправедливость, какую только разъяренное зловластие выдумать могло» (36, т. 7, с. 163). Пестель предлагал: «отделить войско от поселян» и «причислить его к общему составу армии», «привести военные поселения в общее земледельческое состояние, составив из оного волости на основании общих правил» (36, т. 7, с. 164).

В «Русской Правде» детально разработаны гражданские и семейно-правовые отношения. Возрастом совершеннолетия предлагалось считать 15 лет, когда юноши и девушки приносили бы в торжественной обстановке присягу на верность отечеству. Для всей России, согласно проекту, назначается определенный день принесения таковой присяги. 15-летние юноши и девушки вместе со своими родителями и родственниками должны были собраться в приходской церкви, где по этому случаю священник служит молебен. После него он говорит собравшимся «приличную проповедь», «выставляя недорослям всю важность состояния, в которое они ныне вступают, и всю святость той присяги отечеству, которую они потом произносят». По окончании проповеди юноши и девушки приносят присягу. С этого момента девушки получают право вступать в брак, юноши же получают

такое право (равно как и политические права — избирать и быть избранным в органы государственного управления, поступать на военную и гражданскую службу) только по достижении 20-летнего возраста. В день принесения присяги «волостной предводитель» дает «обеденный стол», и весь этот день «посвящается празднеству и увеселениям так, чтобы и для всей волости случай был днем радости и веселия» (36, т. 7, с. 181—182).

Над несовершеннолетними детьми родители имеют полную власть, но и несут полную ответственность за их воспитание и поступки. «Дети обязаны родителей своих в старости покоить и пропитывать, обращаясь, когда нужно, к общественным вспоможениям» (36, т. 7, с. 194). Брак признается официально зарегистрированным «после церковного обвенчания, с уведомлением волостного правления о совершении оного». «Телесные недуги», «прелюбодеяние одного из супругов», «несходство нравов» служат каждый в отдельности достаточным основанием для развода. Если у расторгающих брак имеются дети, то им выделяется половина имущества их родителей (36, т. 7, с. 195).

Своеобразны предложения Пестеля по решению национального вопроса в будущей многонациональной Российской республике. Они отличаются противоречивостью и непоследовательностью. Пестель исходил из двух плохо согласующихся друг с другом принципов: «права народности» и «права благоудобства». Суть их заключалась в следующем. «Народы, подвластные большому государству,— писал Пестель,—и происходящие не от господствующего в оном, но от других племен, желают всегда для себя независимости и отдельного политического существования, утверждаясь на праве составлять особые государства и называя оное *правом народности* (т. е. правом на самоопределение.— В. Ф.). С другой же стороны, стремится всякое большое государство к установлению границ, крепких местным положением и сильных естественными оплотами, а вместе с тем стремится и к тому, чтобы силы маленьких народов, его окружающих, умножали силы собственные его, а не силы какого-либо соседственного большого государства, основывая сие стремление и старание на праве безопасности и называя оное *правом благоудобства*». Оба права Пестель называл одинаково законными и справедливыми, однако, по его мнению, право на самоопределение реально можно предоставить только тем народам, которые имеют силы и возможности «оное сохранить», в противном случае они не смогут «по слабости своей пользоваться самостоятельную политическую независимостью» и неизбежно подпадут под власть «какого-либо из больших соседственных государств». Поэтому это право для малых народов есть «мнимое и несуществующее». «К тому же маленькие народы, между большими находящиеся, служат всегдашним поприщем военным действиям, разорениям и гибельным бедствиям всякого рода». Поэтому, указывал далее Пестель, «лучше и полезнее бу-

дет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ». Исходя из этих посылок, Пестель считал, что по отношению к народам, населяющим Россию, должно действовать «право благоудобства». Исключение он делал лишь для Польши, которая получала политическую самостоятельность при условии, что в ней при помощи русской революции утвердятся демократическая республика и будут проведены те же преобразования, что и в России, с которой она вступит в тесный союз. Однако, отдавая явный приоритет «праву благоудобства», Пестель указывал, что в перспективе «не должно противиться враждебными чувствами и действиями правильному отдельному существованию народов, могущих пользоваться полною политическою независимостью» (36, т. 7, с. 121—122).

Осуществление «права благоудобства» означало бы ассимиляцию всех малых народов России с русским народом. Поэтому слово «русский» у Пестеля обозначало не столько принадлежность к русской национальности, сколько определяло гражданина Российской республики. Вхождение малых народов в состав Российского государства не связывалось им с насильственной христианизацией и русификацией. Не допустима, по мысли Пестеля, никакая дискриминация по национальному признаку: все народы пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности.

Разрабатывая план реализации «права благоудобства» Пестель не мог не считаться с национальными особенностями разных народов. Помимо «коренного народа русского» (куда он включал также украинцев и белоруссов) остальные народы были им подразделены на 10 «разрядов»: «1) племя финское, 2) племя латышское, 3) племя молдавское, 4) колонисты, в России поселенные, 5) народы кочующие, 6) племя татарское, 7) народы кавказские, 8) казаки, 9) восточные народы сибирские и 10) народ еврейский» (36, т. 7, с. 139—140), в отношении которых, считал он, Временным революционным правлением должны быть решены определенные задачи, связанные с будущностью этих народов в составе Российского государства. Эти задачи подробно излагались в «Русской Правде». Так, применительно к разряду угро-финских племен предлагалось распространить на Финляндию те же законы и тот же образ управления, что и в собственно российских губерниях (Пестель полагал, что «сей новый порядок будет для Финляндии благодетельнее и приятнее нынешнего финляндского», т. е. установленного в 1809 г.). По отношению к финно-угорским народам, населявшим северную часть России, «вменялось» в особенную обязанность Временного верховного правления все меры принять для избавления сих племен от частного ига их правителей и для доставления им средств к улучшению их состояния и к водворению между ними просвещения» (36, т. 7, с. 141).

Разряд, куда включалось население остзейского края («жители губерний Эстляндской, Лифляндской и Курляндской»), подразделялся Пестелем на два «рода»: «жителей коренных и пришельцев». «Пришельцы суть немцы, завоевавшие некогда сии страны и разделившие в то время между собою имущество и мызы (хутора.— В. Ф.) народа, им побежденного» (там же). Перед Временным верховным правлением ставилась задача «окончательного искоренения остатков феодализма», установленного пришельцами, и утверждения общероссийских порядков, обеспечивающих «благоустройство» края.

Новые общероссийские гражданские законы, говорилось в проекте, Временное верховное правление обязано распространить на жителей Бессарабии и колонистов юга России и За-волжья.

Особо был выделен Пестелем разряд «народов кочующих», которые подразделялись им на две категории: занимающиеся скотоводством и «звериной и рыбной ловлей». С помощью «кротких мер» и материальной поддержки намечалось в перспективе перевести их на «оседлость». Для этого же предполагалось посылать к ним миссионеров, «которые бы кротостью и убеждением мало-помалу несчастные сии народы просветили и успокоили». Кроме того, планировалось определить «удобнейшие места» для устройства «склада различных потребностей¹, в коих сии народы нуждаться могут». Пестель считал, что «сии склады могут со временем в волостные селения обратиться». «Когда меры сии достигнут своей цели и кочующие народы преобразуются в земледельные, тогда должны они волости составить на общих правилах и в общий состав государственного устройства на общих правилах поступить... Да сделаются они нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении» (36, т. 7, с. 142—143).

В разряд «племени татарское» Пестель включил народы, исповедующие мусульманство. «Им дозволяется оной (веры.— В. Ф.) держаться и всякое насилие (против нее.— В. Ф.) воспрещается». Рекомендовалось «дружелюбием и кроткими убеждениями их склонять к восприятию святого крещения, на каковой конец,— писал Пестель,— полезно посоветоваться с их духовными чинами». В будущем предусматривалось введение запрета на такой «вредный обычай», как многоженство.

«Народы кавказские» подразделялись Пестелем на два разряда — «мирных» (находившихся под властью России) и «буйных» (отказавшихся покориться этой власти и боровшихся за свою независимость). Первой группе кавказских народов, считал автор «Русской Правды», Временное верховное правление должно «дать российское правление и устройство», т. е. ввести на их территории российскую администрацию и распространить

¹ Вероятно, имелась в виду организация факторий с продовольственными и промышленными товарами.

на них общероссийские законы. Вторых предлагалось «силою переселить во внутренность России», чтобы сломить их сопротивление, однако не ставить эту категорию населения вне закона, а предоставить ей все права российского гражданства (36, т. 7, с. 144—145).

В отношении «народа еврейского» Пестель, видя бесперспективность его ассимиляции, выдвигал утопический план оказания «содействия евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии». Для этого Временное верховное правление должно назначить им «сборный пункт» и дать достаточно русского войска «в подкрепление». «Ежели все русские и польские евреи соберутся в одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей,— указывал Пестель,— ищущих отечество, нетрудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейдя в Азиатскую и там заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство». Впрочем, Пестель отдавал себе отчет в малой вероятности исполнения этого плана. «Так как сие исполинское предприятие,— писал он,— требует особенных обстоятельств и истинно гениальной предприимчивости, то и не может оно быть поставлено в непременною обязанность Временному верховному правлению, и здесь упоминается только для того об нем, чтобы намеку представить на все то, что можно было бы сделать» (36, т. 7, с. 146—148).

Будущий статус иностранцев в России Пестель определял следующим образом. Он подразделял их на две категории — «подданных» и «неподданных». «Первые суть те, которые постоянное пребывание в России основали и в подданстве присягнули. Вторые суть те, которые на время только в Россию приезжают или в подданстве не присягнули». К первой категории он относил остзейских немцев и немцев-колонистов Поволжья и юга России, поляков литовских и белорусских губерний, армян, греков и прочих «подданных иноземного происхождения», обосновавшихся в России. Всем им предоставлялся выбор: «желают ли они быть русскими или хотят быть иностранцами». В случае отказа «быть русскими» они обязаны подать Временному верховному правлению прошения об освобождении от подданства и тем самым перейти во вторую категорию. «Что же касается до второго разряда, то есть до неподданных иностранцев, то всегда будет Россия всяким гостям рада и будет им всякое покровительство и всякую любовь оказывать». Однако, говорится в «Русской Правде», они не могут иметь в России какое-либо недвижимое имущество, «пользоваться правами политическими, предоставляемыми одним только российским гражданам», не имеют права «вступать в государственную службу или какую-либо отрасль правления и продолжать оную, исключая министерства просвещения». В случае желания кого-либо из них получить все права гражданства требовалось подать

прошение о вступлении в подданство России и, «вступив в оное, будет он уже признаваться русским» (36, т. 7, с. 148—149).

«Право благоудобства», по мысли Пестеля, должно было служить «целостности и единству великого государства Российского», а также «безопасности границ». Пестель полагал, что границы России должны быть «раздвинуты» (как дипломатическими, так и военными методами) до ее «естественных пределов». Это означало бы закрепление за ней территорий Дальнего Востока, части Монголии, «киргизских земель» (т. е. южной части Казахстана и всей Средней Азии), черноморского побережья Кавказа, «воссоединение Молдавии»². «Далее же отнюдь пределов не распространять»,— писал Пестель. В то же время он подчеркивал, что Россия— не агрессивное государство, грозящее войной соседям. «Сильное государство,— указывал Пестель,— опирающееся на народ великий, должно всегда помнить, что могущество ему дано от Провидения не для утеснения соседей, но для действий праведных и согласных с чистою совестью» (36, т. 7, с. 122).

В целом, несмотря на отмеченные здесь некоторые черты ограниченности «Русской Правды» Пестеля, обусловленные в значительной степени самой эпохой, это был самый радикальный из конституционных проектов, разработанных декабристами, выдающийся документ декабристской идеологии, вобравший в себя лучшие достижения передовой общественной мысли того времени.

* * *

Теоретической основой программы Н. Муравьева, так же как и П. И. Пестеля, была просветительская философия, а сама программа объективно выражала задачи буржуазно-демократического переустройства страны.

Однако если Пестель после 1821 г. становится убежденным республиканцем, то Н. Муравьев проделал обратную эволюцию, став сторонником монархического образа правления, ограниченного конституцией, введения высокого имущественного ценза для занятия правительственных должностей. По всей вероятности, на изменение позиции Н. Муравьева оказали влияние внутренние и внешние события 1820—1821 гг., радикализировавшие взгляды одних декабристов и сделавших более умеренными других. Впрочем, как покажем ниже, и после 1821 г. Н. Муравьев не был последовательным защитником монархической формы правления, допуская правомерность установления республики.

К написанию своего конституционного проекта Н. Муравьев приступил осенью 1821 г. в Минске, где он находился в составе

² Пестель предполагал, что в предстоящей войне России с Османской империей удастся «воссоединить» с Бессарабской Молдавией и ту ее часть, которая находилась за Прутом.

гвардии. Этот первый «минский» вариант не сохранился. Второй вариант документа датируется серединой или концом 1822 г. Он найден в бумагах С. П. Трубецкого при его аресте и является первым сохранившимся вариантом проекта Н. Муравьева. Следующая редакция проекта относится к концу 1824 г. Написанная рукою К. Ф. Рыльева, она хранилась у И. И. Пущина, который вечером 14 декабря 1825 г. в ожидании неизбежного ареста передал ее вместе с другими своими ценными бумагами на сохранение своему другу поэту П. А. Вяземскому. Спустя 32 года, по возвращении Пущина из ссылки, Вяземский вернул бумаги их владельцу (хранятся в Российской Государственной библиотеке). На следствии Н. Муравьев показывал, что в 1825 г. им была написана новая редакция его конституционного проекта, но этот проект был им сожжен накануне восстания. Последний вариант был им написан в каземате Петропавловской крепости 13 января 1826 г. по требованию Следственного комитета.

Таким образом, сохранились три варианта конституционно-го проекта Н. Муравьева: найденный у Трубецкого и приложенный к его следственному делу, «пущинский» и так называемый «тюремный». Ни один из этих вариантов, в отличие от «Русской Правды» Пестеля, не был принят в качестве официальной программы Северного общества и отражал взгляды лишь умеренной группы единомышленников Н. Муравьева.

Первая редакция содержит «Вступление» и 13 глав, подразделенных в общей сложности на 93 параграфа. Более обширной по содержанию является вторая редакция, состоящая также из 13 глав, но содержащая уже 134 параграфа. Большой интерес в сохранившемся экземпляре этой редакции представляют замечания на полях В. И. Штейнгеля и приложенное к тексту «Рассуждение» К. П. Торсона с критикой отдельных положений проекта. В третьем варианте отсутствует подразделение на главы и параграфы, но выделены заголовками 15 вопросов о новых центральных и местных органах власти, о преобразовании полиции и судебных органов, а также о порядке изменения конституции (114, с. 295—304).

Рассмотрим содержание конституционного проекта Н. М. Муравьева с учетом тех изменений, которые им вносились в каждую редакцию.

Принципиальное значение имеет ярко, эмоционально написанное «Вступление» к первому варианту проекта, которое, как отметил Н. М. Дружинин, «составляет ключ к пониманию всего произведения в целом» (114, с. 143). Во «Вступлении» говорится:

«Опыт всех народов и времен доказал, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для общества, что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием Правительства произвол одного человека; невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанно-

сти на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, государи забыли, что они в таком случае вне законов, вне человечества! Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы,— тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным, или они несправедливы,— тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всех их народ русской заслуживает и то и другое.

Но какой образ правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей и не пользуются независимостию. Народы многочисленные пользуются внешнею независимостию, но обыкновенно страдают от внутреннего угнетения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствует одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств, страдают от своего бессилия. *Федеральное или Союзное Правление* одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило *величие народа и свободу граждан* (114, с. 253).

Итак, основными принципами, изложенными во «Вступлении» к Конституции, являются суверенитет народа, верховенство закона (в данном случае конституции) и необходимость федеративного устройства для такого обширного государства, как Россия. Эти положения и нашли свое развернутое воплощение в Конституции Н. Муравьева.

Конституция Н. Муравьева провозглашает: «Русский народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства» (ст. 1-я); «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя» (ст. 2-я) (114, с. 224). В этих статьях нашло свое выражение одно из основных положений естественного права — право народа самому устанавливать законы и определять тот образ правления, какой ему наиболее подходит и какой защищает его права и свободы. При этом подчеркивается, что не народ существует для правительства, а правительство для народа, исполняя его волю, воплощенную в законе. Надо отметить, что приоритет закона признавался в то время в России не только представителями либеральной, но и консервативной общественной мысли. Эта идея проводилась в преобразовательных планах М. М. Сперанского и в «Записке о Древней и Новой России» М. Н. Карамзина.

Согласно проекту Н. Муравьева, будущая Россия должна представлять собой федеративное государство³, состоящее из

³ Н. М. Муравьев именовал его «Славяно-Русской империей», или «Россий».

крупных административных единиц («держав»), обладающих определенной автономией,— со своими «столицами», законодательными и исполнительными органами власти, правом самостоятельно решать свои внутренние дела. В заключительной части «Вступления» к первому варианту проекта определены следующие взаимоотношения центральной власти и этих административных единиц: «Под надзором государя одно законодательное Собрание находится в столице и делает все распоряжения, общие для всего государства; частные распоряжения, касающиеся до областей, представлены областным законодательным собраниям, образованным наподобие Столичного, и таким образом достигается благосостояние целого и частей» (114, с. 253).

Федеративное устройство в такой обширной стране, как Россия, по мнению Н. Муравьева, явится противодействием чрезмерному усилению центральной власти, которая в централизованном государстве неизбежно выльется в деспотическое правление. Федерация гарантирует страну от деспотии, обеспечит сохранение свобод граждан.

По первому варианту проекта Россия должна состоять из федерации 14 держав и двух областей (уездов). Выделялись державы: Ботническая (столица Санкт-Петербург), Балтийская (Великий Новгород), Черноморская (Одесса), Заволжская (Ярославль), Днепровская (Смоленск), Бужская (Киев), Окинская (Москва), Низовская (Саратов), Камская (Казань), Обийская (Тобольск), Ленская (Иркутск), Западная (Вильно), Украинская (Харьков), Кавказская (Тифлис); уделы: Донской (Новочеркасск) и Столичный (Славянск). По второму варианту федерация состояла из 13 держав и двух областей⁴. Державы подразделялись на уезды (поветы). В среднем планировалось по 13—14 уездов в каждой державе (всего 569). Уезды в свою очередь делились на волости с числом жителей от 500 до 1500 мужского пола в каждой. Столицей будущей федерации по первому варианту предполагалось сделать Нижний Новгород, переименованный в Славянск, а по второму варианту столицей становилась Москва, которая вместе с прилегающим к ней округом выделялась в «столичную» Московскую область (114, с. 251, 271).

В Российскую федерацию по проекту Н. Муравьева, не вошла Польша, которой, по-видимому, предполагалось предоставить полную государственную самостоятельность. При разработке федеративного устройства страны Н. Муравьев исходил не из национальных, а хозяйственно-экономических особенностей

⁴ Центром (столицей) Ботнической державы становился Гельсингфорс, Балтийской — Рига, Черноморской — Киев. Упразднилась Бужская держава, Окинская преобразовывалась в Московскую область, сохранялись со своими прежними центрами Заволжская, Днепровская, Низовская, Камская, Обийская, Ленская, Западная, Украинская и Кавказская, а также Донской уезд. Роль Столичного удела играла Московская область.

ее регионов. Каждая держава должна была располагаться либо по крупным судоходным рекам, либо по берегам морей. Соответственно этому принципу они и получали свои названия (Ботаническая, Балтийская, Заволжская, Днепровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Камская, Обийская, Ленская и т. д.). Столицами держав Н. Муравьев выбрал крупные торгово-промышленные центры, речные или морские порты. Во втором варианте Н. Муравьев учитывает и национальные особенности Финляндии в составе России, которую выделяют в Ботническую державу.

В третьем варианте деление страны на державы внешне также сохраняется, но сущность федеративного устройства претерпевает значительные изменения. Прежние державы с самостоятельной законодательной и исполнительной властью фактически превращаются в «области, равные нынешним генерал-губернаторствам», а их столицы становятся обычными центрами административного управления и центрами судебных округов. Московская и Донская области занимают одинаковое положение с остальными административными единицами. Таким образом, державы и области преобразовываются в 15 автономных провинций, утративших предусматривавшиеся в предыдущих вариантах черты прежней самостоятельности (114, с. 296).

Н. Муравьев проводит строгое разделение власти — на законодательную, исполнительную и судебную. Согласно Конституции, высшим законодательным органом власти в федерации является двухпалатное Народное вече, состоящее из Верховной думы (верхней палаты) и Палаты народных представителей (нижней палаты). В Верховную думу избираются по три депутата от каждой державы и по два от области, т. е. 45 депутатов согласно первому варианту и 42 — по второму. В Палату народных представителей избираются по одному депутату от 50 тыс. жителей мужского пола (по расчету Н. Муравьева — всего 456 депутатов). Депутаты в обе палаты избираются на шестилетний срок, при этом каждые два года $\frac{1}{3}$ депутатов переизбирается. Народному вече предоставляется право законодательной инициативы, объявления войны и заключения мира, заключения других договоров с иностранными государствами, принятие решения о предании суду государственных чиновников.

По аналогичному принципу строится и законодательная власть в державах. Она вручается двухпалатному Державному вече, состоявшему из Державной думы и Палаты выборных. В Палату выборных избирается один депутат от 10 тыс. жителей мужского пола в державе, поэтому в зависимости от числа жителей в державе количество депутатов этой палаты колеблется от 15 до 265 человек. Численность депутатов Державной думы составляет $\frac{1}{3}$ от числа депутатов Палаты выборных, т. е. от 5 до 93 человек. Депутаты в обе палаты Державного вече избираются сроком на четыре года, при этом каждый год $\frac{1}{4}$ их часть переизбирается. Державное вече также обладает ис-

ключительным правом законодательной инициативы в пределах своей державы, кроме тех прерогатив, которые предоставляют-ся Народному вече, и с условием, чтобы утверждаемые законы и постановления не будут противоречить конституции и законам, принятым в Народном вече. Державное вече может «делать новое разделение края, более сообразное с нуждами и средствами жителей», выбирать место, время и порядок выборов в различные органы власти в державе, устанавливать размеры прямого налогообложения, отдавать под суд чиновников своей державы, «делать всякого рода общественные заведения, учебные учреждения, школы и пр.», «содержать и приводить в порядок [пути] сообщения». Державам запрещается заключать какой-либо союз, договор, трактат «не только с иностранными государствами, но даже и с другою державою Российского Союза», объявлять войну или заключать мир, чеканить монету, учреждать или раздавать знаки отличия, налагать пошлины на ввозимые товары без согласия Народного вече, содержать в мирное время войско без позволения Народного вече, «начинать войну или неприязненные действия, разве в случае неприятельского нашествия и когда опасность так близка, что никакое медление не может быть допущено», посылать послов или депутации в другие государства «под каким бы то предлогом ни было». Держава обязана выдавать укрывающихся в ней преступников по требованию судебной власти (114, с. 260—267, 283—286).

Заседания палат в Народном вече и Державном вече являются открытыми, содержание дебатов должно публиковаться в особых бюллетенях, за исключением тех вопросов, которые будут признаны составляющими государственную тайну. Депутаты обладают депутатской неприкосновенностью: взять под стражу и предать суду депутата можно лишь с согласия той палаты, членом которой он является, но ни в коем случае не во время заседаний палаты или по пути в город, где проходят заседания законодательного органа, или же во время возвращения оттуда. Депутаты пользуются полной свободой выражения своего мнения («Члены не отвечают за мнения, обнаруженные в палате, никто, нигде не вправе тревожить их и требовать от них объяснений сказанного ими во время их законодательного служения») (114, с. 263). В период службы в палатах депутаты получают денежное вознаграждение, им оплачиваются и их транспортные расходы.

Высшая исполнительная власть в федерации принадлежит императору. Функции и прерогативы его как главы исполнительной власти наиболее детально разработаны во втором варианте проекта Н. Муравьева. Подчеркивалось, что Россия — «общество людей свободных», а не «отчина» императора; «императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоянием» (114, с. 282). Император объявляется «верховным чиновником Российского правительства». Власть его наследственна — по

прямой линии от отца к сыну, «но не от тестя к зятю». Женщины не имеют прав на престол. Всякий законопроект, одобренный Народным вече, требует утверждения его императором. Если император утвердит его или в течение 10 дней не возвратит обратно, то он получает силу закона. Кроме того, император имеет право «суспенсивного» (отлагательного) вето. В проекте говорилось: «Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждать ее ко вторичному рассмотрению закона» (114, с. 277). Но если этот законопроект после вторичного его чтения в законодательных палатах вновь будет одобрен двумя третями голосов, то он получает силу закона. Согласно третьему варианту проекта, императору даже предоставляется законодательная инициатива: «Он предлагает Народному вече проекты законов, принуждает его ко вторичному рассмотрению принятого или отвергнутого им предложения» (114, с. 297). Император назначает «глав» (управляющих) «приказов» (министерств): «1) главу Казначейского приказа (министра финансов), 2) главу Приказа сухопутных сил (министра военного), 3) главу Приказа морских сил (морского министра), 4) главу Приказа внешних сношений» (114, с. 210). Хотя император является «верховным начальником» сухопутных, морских и внутренних сил государства, однако он не может использовать их для подавления «возмущений» внутри государства без санкции Народного вече. Ему предоставляется также право вести переговоры с иностранными державами, заключать трактаты «с совета и согласия Верховной думы», назначать послов и консулов в другие государства, принимать послов и других «уполномоченных» от «иностранных правительств», с согласия Верховной думы назначать судей «верховных судебных мест», назначать чиновников. Император в случае переговоров с другими государствами или суда имеет право созывать обе палаты Народного вече, может и отсрочить в случае необходимости их заседания, но не более как на три месяца. Ему дается титул «Его императорское величество». При вступлении на престол он должен принести следующую «присягу посреди Народного веча»: «Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России» (114, с. 281). Совершеннолетием считается достижение им 18-летнего возраста. При малолетнем императоре, или при «объявленной министрами неспособности (его.— В. Ф.) телесной или нравственной и признанной Народным вечем», назначается регент; в первом случае регентом становится председатель Верховной думы, а при болезни императора регентом назначается его наследник, если он не моложе 18 лет. «Император не подлежит суждению; если он лично совершит какое-либо преступление, то Народное вече приписывает это нравственному недугу и учреждает посредством особого закона регентство» (114, с. 283). Все ранее принадлежавшие императорской семье земли, заводы, про-

мысли и доходы с них, согласно всем трем вариантам конституционного проекта Н. Муравьева, поступают в казну. Взамен этого император получает по цивильному листу «жалованье» в размере 10 (в первом варианте) или 8 (во втором) млн руб. серебром в год. За счет этого «жалованья» он может содержать двор, но придворные на время своей службы у императора лишаются прав активного гражданства — избирать и быть избранными в какие-либо «общественные должности», «поскольку они находятся в частном услужении» (114, с. 281). Тем самым предусматривается устранение влияния придворной камарильи на управление и ход государственных дел. Императору запрещается покидать пределы России, дабы он не «сделался орудием злоумышлений против нее». Выезд императора из России автоматически влечет отречение его от престола.

Все назначенные императором чиновники, главы приказов, а также и «временный правитель» (регент) (назначенный высшим законодательным органом) могут быть смещены со своих должностей Народным вече, «если уличены будут в измене, расхищении общественной казны или сделали еще какие-либо преступления и, наконец, ежели окажутся неспособными» (114, с. 282). В случае преступлений уголовного характера Народное вече должно отдать их под суд.

Исполнительная власть в державе вручается державному правителю, его наместнику и совету. Державные правители избираются Народным вече на три года из списков лиц, представленных на эту должность Державным вече. Державный правитель так же, как и император, утверждает принятые Державным вече законопроекты, может вернуть их на вторичное рассмотрение, отсрочить заседания его палат до трех месяцев; он также «начальствует земским войском своей державы», но не может, «даже в случае возмущения, велеть земскому войску действовать против» жителей своей державы, пока Державное вече не издаст закона о военном положении в державе. По представлению своего совета он назначает державных судей и прочих чиновников. Державный правитель избирается сроком на 4 года, но может быть избран подряд на два четырехлетия. На такой же срок избираются его заместитель (наместник) и совет в количестве 5 или 9 человек (в зависимости от величины державы). Державный правитель получает 10 тыс., а его заместитель 5 тыс. руб. серебром годового жалованья (114, с. 286—287).

В уезде распорядительная и исполнительная власть вручается избираемому на год тысяцкому. Под его руководством созываются собрания избирателей, которые производят выборы депутатов в Державное и Народное вече; он обеспечивает нормальное ведение судопроизводства в уезде, приводит в исполнение решения уездного суда, составляет списки избирателей, подбирает себе двух или трех помощников, назначает писарей

и прочих мелких чиновников своей канцелярии. Тысяцкому полагается годовое содержание в размере 1500 руб. серебром.

В волости — первичной административной единице — главой является избираемый крестьянами-домохозяевами на сходе волостной старейшина. Волостные старейшины помимо своих административных обязанностей по управлению волостями должны собирать сведения о гражданах, имеющих движимую и недвижимую собственность, для включения их в списки избирателей и представляют списки уездному тысяцкому, которому непосредственно подчиняются.

В третьем варианте конституционного проекта Н. Муравьева подробно разработаны структура и функции нового суда. В основу судебной системы им были положены начала выборности и несменяемости судей всех уровней, введение института присяжных заседателей, профессиональных адвокатов и «блюстителей» (прокуроров), принцип состязательности сторон, гласность судопроизводства.

Низшей судебной инстанцией (в волости) является выборный «совестный судья», разбирающий дела по мелким гражданским и имущественным проступкам. Следующей инстанцией является «уездное судилище» по гражданским и уголовным делам. Оно состоит из выборного «уездного судьи» и «съезда совестных судей». Кассационной инстанцией служит «областное судилище» из 5—7 «областных судей» (по числу губерний, входивших в областной судебный округ). Эта инстанция принимает дело на апелляцию в том случае, если нижестоящие инстанции при решении дела применили «не надлежащий закон». Наконец высшей судебной инстанцией является «Верховное судилище», которое судит высших государственных чиновников, решает и международные споры. Оно состоит из 5—7 «верховных судей», избираемых Народным вечем. Состав присяжных в судах представлен «предварительными» и «окончательными» категориями. Первые рассматривают в уголовном деле обвинения, а в гражданском — жалобы, и большинством голосов либо закрывают дела, либо дают им ход; вторые решают дело по окончании состязания сторон («прений»), и решение их должно быть единогласным. Согласно проекту, вводится институт «стряпчих» (адвокатура). Ими могут стать лишь те, которые получают в университетах «аттестаты в том, что они имеют надлежащие сведения в юридических и словесных науках». «Они обязаны находиться при съездах совестных судов, в собраниях областных и верховных судей и за известную плату излагают дела вместо тяжущихся, обвиняющих или обвиненных». Вводится и должность прокурора («блюстителя»). «Блюститель есть истец по делам Правительства». Он обвиняет в уголовных делах от лица Правительства и от официальных лиц, находящихся на службе у государства (114, с. 299—301).

В «совестных судах», уездном и областном «судилищах» тяжущимся сторонам и их свидетелям могут задавать вопросы

не только судьи, присяжные и адвокаты, но и с дозволения суда присутствующие. Отчеты о судебных заседаниях надлежит публиковать «во всенародное известие». Дело, рассмотренное с участием присяжных заседателей, считается окончательным и не подлежащим апелляции.

В Конституции Н. Муравьева детально разработаны и социальные преобразования, относящиеся к правам и обязанностям граждан. Провозглашаются всеобщее равенство граждан перед законом, защита неприкосновенности личности и имущества, свобода слова, печати, вероисповедания, передвижения, свободный выбор занятий, отмена старой сословной структуры общества, в первую очередь — ликвидация крепостного права. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным», — торжественно объявлялось в Конституции Н. Муравьева (114, с. 269).

В Конституции детально разработан вопрос о гражданстве. Как и в «Русской Правде» Пестеля, понятия «гражданин» и «русский» в Конституции Н. Муравьева являлись синонимами. «Гражданство» в представлении Н. Муравьева — «есть право участвовать в общественном управлении». При этом он выделял две категории гражданства — пассивное, к которому относил право выбирать депутатов в представительные органы управления и должностных лиц, и активное — право «быть избранным в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти» (114, с. 268).

Гражданство первой категории, полагал Н. Муравьев, должно удовлетворять следующим условиям: возрастной ценз («не менее 21 года возраста»), ценз оседлости («известное и постоянное местопребывания»), «здравие ума», «личная и по имени независимость», «исправность платежа общественных повинностей», «непорочность пред лицом Закона», имущественный ценз — иметь личную собственность в размере: недвижимую на 500 руб. или движимую на 1 тыс. руб. серебром. Таким образом, малоимущие слои населения не могли быть включены в эту категорию гражданства. Но вместе с тем предполагалось, что любой «природный житель государства Российского», который своими трудами составил себе «требуемое состояние», при наличии прочих условий мог быть включен в эту категорию граждан. Права гражданства (избирать и быть избранными) должны были получить также представители черного и белого духовенства.

Российское гражданство, указывалось в проекте, может обрести и иностранец, если он, помимо указанных выше условий, прожил в России не менее 7 лет (или родился в России). Для получения российского гражданства он должен подать российскому правительству ходатайство об этом и «наперед клятвенно отречься от правительства, под властью которого прежде находился», т. е. отказаться от гражданства своей страны. Остальным иностранцам, проживающим в России, запрещается

занимать любую официальную гражданскую или военную должность, даже «служить рядовыми в войске российском». По истечении 20 лет (после революционного переворота) для получения гражданства предполагалось ввести для всех и образовательный ценз: «никто, не обучившийся русской грамоте, не может быть признан гражданином» (114, с. 268).

В Конституции объявлялось, что права гражданства могут быть утрачены на время или навсегда в силу следующих обстоятельств: 1) на время — в случае предания суду, или банкротства, или «общественной недоимки», или судебным решением, или же в случае «нахождения в услужении при ком-либо» (так, например, лишаются гражданства все придворные чины, как «находившиеся в услужении» у императора); 2) навсегда — вследствие «вступления в подданство иностранное», поступления на службу «в чужой земле без согласия своего правительства» или приговором суда «к бесчестному наказанию, влекущему за собой лишение прав гражданских» (114, с. 269).

Для получения активного гражданства, т. е. занятия государственных должностей по выбору или по назначению, в проекте устанавливался довольно высокий имущественный ценз, причем чем выше должность, тем более высокий имущественный ценз ей соответствовал. Сообразно размерам движимого и недвижимого имущества, полагал Муравьев, следует составить четыре списка граждан: 1-й включает владеющих недвижимым имуществом на 30 тыс. или движимым на 60 тыс. руб. серебром, 2-й — соответственно 15 и 30 тыс., 3-й — 2 тыс. и 4 тыс., 4-й — 500 руб. и 1 тыс. руб. Как видим, для владельцев недвижимой собственности (в основном земельных собственников, а ими были помещики) имущественный ценз понижался вдвое, т. е. они имели бы двойное преимущество перед владельцами движимости — денежных средств, которыми обладала в основном нарождающаяся русская буржуазия.

Граждане, помещенные в первый список, имели бы право на занятие самых высоких должностей в управлении: быть избранными депутатами в Верховную думу высшего законодательного органа, в правители держав и в тысяцкие — начальники уездов. Состоявшие во втором списке могли быть избраны в члены державных дум, быть судьями разных инстанций. Те, кто находился в третьем списке, должны были избираться в Палату народных представителей — нижнюю палату высшего законодательного органа, в члены державных палат выборных. И, наконец, относящиеся к четвертому списку, могли занимать должности присяжных в судах. Списки, указывалось в Конституции, следовало тщательно проверять, после чего они должны были быть опубликованы.

Отметим, что в Конституции Н. Муравьева предусматривалось участие в выборах бывших казенных и удельных крестьян. Им было предоставлено двухстепенное избирательное право без требования имущественного ценза и они составляли катего-

рию «общих владельцев». «Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить *одного избирателя* с каждых 500 жителей мужского пола, и сии *избиратели*, назначенные *общими владельцами*, подают голоса наравне с гражданами, как *уполномоченные целого общества*, лишь только они предъявляют *поверительные грамоты* своего общества, засвидетельствованные *волостными старшинами*» (114, с. 258). Следовательно, 500 голосов крестьян приравнивались к одному голосу обладателя движимого или недвижимого капитала.

Устанавливаемый Н. Муравьевым высокий имущественный ценз для участия в выборах и занятия должностей подвергся острой критике не только со стороны Пестеля и его единомышленников, но и ряда членов Северного общества: С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, Н. А. Бестужева, Г. С. Батенькова, М. А. Назимова, В. И. Штейнгеля, К. П. Торсона, И. И. Пущина, С. Н. Кашкина. «Как предупредить, чтобы купец или мужик с большим богатством не вошел в сонм верховных судей, тогда как умнейшему, опытнейшему и поседевшему в государственных делах человеку дверь в палату остается закрытою потому только, что он не имеет достаточного для сего капитала?» — резонно спрашивал Торсон.

Во втором и третьем вариантах своей Конституции Н. Муравьев хотя и снизил вдвое размер имущественного ценза при занятии должностей и снял его для избирателей, однако сам цензовый принцип остался неизменным. По меткому замечанию Н. М. Дружинина, этот принцип «заботливо обеспечивал политическое господство за торгово-промышленной и аграрной буржуазией», причем преимущество отдавалось крупным земельным собственникам (114, с. 182).

Защита интересов землевладельцев-помещиков наиболее полно отразилась в решении Н. Муравьевым аграрно-крестьянского вопроса. «Земли помещиков остаются за ними», — определенно заявлял Н. Муравьев (114, с. 256). Что касается проблемы освобождения помещичьих крестьян, то, согласно первому варианту проекта, им предоставлялась только личная свобода, а также право перехода к другому владельцу земли, но при этом крестьяне обязаны были выплатить своим бывшим помещикам «вознаграждение за прерывание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли» (114, с. 256). Н. М. Дружинин справедливо отмечает по поводу этого пункта проекта Н. Муравьева: «В лице освобожденного крестьянина помещик получал обеспеченную рабочую силу, экономически прикрепленную к району земледельческого имения... Вознаграждение со стороны крестьянина за уход от владельца — замаскированный выкуп личности. Муравьев не только обезземеливал крестьянство, но и не устранял и внеэкономического принуждения: создавая внешнюю видимость свободного договора, он со-

хранял, хотя и в смягченной форме, юридическую преграду свободному переходу. Это правило распространялось им и на арендные имения: размеры крестьянских платежей и работ должны были воспроизводить прежние размеры крепостного оброка или прежнюю барщину» (114, с. 171). Безземельный (или «остзейский») вариант освобождения крестьян встретил сильные возражения не только со стороны Пестеля, но и многих членов Северного общества. В следующих вариантах своего проекта Н. Муравьев сделал некоторые уступки освобождаемым крестьянам. Второй вариант предусматривал выделение крестьянину в собственность двора с живым и мертвым инвентарем и усадебной землей: «Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земельными земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащими» (114, с. 270). По третьему варианту крестьянам помимо усадьбы предоставлялся и небольшой участок полевой земли в размере двух десятин на двор («для оседлости их»), что также заставляло освобожденного крестьянина идти в кабалу к своему прежнему владельцу. Исходя из тогдашнего агротехнического уровня, для обеспечения потребностей крестьянской семьи за счет земледелия требовалось по 6 десятин на 1 душу мужского пола в черноземных и 8 десятин в нечерноземных губерниях.

Однако государственные и удельные крестьяне, а также военные поселенцы после упразднения военных поселений получили бы, согласно проекту, все те земли, которыми они владели прежде, т. е. оказались бы в более выгодном положении, нежели бывшие помещицы крестьяне.

Первоначально, согласно Конституции Н. М. Муравьева, земля предоставлялась крестьянам всех категорий в общинную собственность. Впоследствии она должна была перейти в собственность каждого отдельного крестьянского двора.

Сокращению подвергалось в проекте царское землевладение. Земли удела (принадлежавшие царскому дому) переходили удельным крестьянам, но так называемые «кабинетские земли» (находившиеся в личной собственности самого царя) оставались неприкосновенными. Проект Н. Муравьева не ущемлял церковного и монастырского землевладения. «Церковные земли остаются навсегда за ними», указывается во всех вариантах его Конституции (114, с. 256).

Как и в «Русской Правде» П. И. Пестеля, в проекте Н. Муравьева весьма радикально решался вопрос о введении демократических свобод и о правах личности.

Полностью упразднялись все сословные различия («названия и сословия *однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан* заменяются названием *гражданина* или *русского*») (114, с. 257). Отменялась петровская «Табель о рангах», упразднялись ремесленные цехи и купеческие гильдии как остатки средневековья и стесняющие торгово-промышленное предпринимательство («всякий имеет право заниматься тем промыслом, ко-

торый ему покажется выгоднейшим») (114, с. 255). Провозглашалась свобода слова и печати: «Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам (114, с. 255, 269). Всякая цензура также упраздняялась. Предусматривалось, чтобы в случае злоупотребления печатным словом виновный отвечал только перед судом присяжных. В отличие от проекта Пестеля, категорически запрещающего «заводить частные общества», Н. Муравьев провозглашал: «Граждане имеют право составить всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения, лишь только действия оных не были противузаконными» (114, с. 270). Запрет налагался только на образование какого-либо «иностранного общества» на территории России или подчиненного ему какого-либо русского общества.

Большое внимание Н. Муравьев придавал защите неприкосновенности личности, имущества и жилища граждан. «Подозреваемый в злоумышлении», говорилось в проекте, может быть взят под стражу только официальными властями и «учрежденным порядком», но в течение 24 часов задержанному должно было быть предъявлено письменное уведомление о причине задержания («в противном случае он немедленно освобождается»). Только на законном основании и с письменным распоряжением властей можно проводить «домовой обыск». «Всякое уголовное дело производится с присяжными». В результате судебного разбирательства «никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, обнаруженного *до преступления*, и правильно и законным образом приведенного в исполнение». Предлагалось уничтожить крепостные подземелья и казематы и все «государственные темницы»: «никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах» (114, с. 255—256). Обвиненных, считал автор Конституции, не следует содержать вместе с осужденными, так же как заключенных за долги или за «легкие проступки» с «преступниками и злодеями». Не только суды, но и полицейские чиновники, а также «тюремное начальство» должны избираться «из людей добросовестных». «Никакое нарушение закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается нарушитель закона, потом предписавшие противузаконное повеление» (114, с. 271).

Гражданам предоставляется право обращаться «со своими жалобами и желаниями» во все официальные учреждения — вплоть до Народного веча и императора.

В Конституции провозглашалась свобода совести: «Никто не может быть беспокоим в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности» (там же).

Конституция Н. Муравьева в большей степени, нежели «Русская Правда» Пестеля, несла на себе печать непосредствен-

ности и ограниченности. Тем не менее это — глубоко прогрессивный документ революционного преобразования тогдашней крепостной России, направленный на решительную ломку феодально-абсолютистских порядков и предусматривавший достаточно широкие для того времени демократические преобразования. Вот почему несмотря на критику отдельных положений этого проекта (в частности, имущественного ценза, решения аграрного вопроса) членами Северного общества, проект Н. Муравьева не встретил принципиального неприятия как со стороны петербургских, так и московских декабристов. Предлагаемые ими поправки и дополнения не затрагивали важнейших основ Конституции Н. Муравьева. Несмотря на различия с «Русской Правдой» (в вопросах о форме правления, административном устройстве, в решении аграрного вопроса, избирательной системы), в основном по многим положениям (идея гражданской свободы и народного представительства, уничтожение личного рабства и введение законного управления, ликвидация сословных перегородок и установление формального равенства всех граждан) эти проекты были сходными. Поэтому противопоставление одного проекта другому, встречающееся в литературе, неправомерно.

В своем показании на следствии Н. Муравьев рассказал о том, как он реально представлял себе введение своей конституции: «Я полагал: 1-е — распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей конституции, лишь только она будет мною окончена, 2-е — произвести возмущение войск и обнародовать оную, 3-е — по мере успехов военных во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению областных палат, а в случае великих успехов — и Народного веча, 4-е — если бы тогда императорская фамилия не приняла Конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение *республиканского правления*» (36, т. 1, с. 325). Следовательно, Н. Муравьев не был последовательным сторонником конституционной монархии, он допускал и республиканскую форму правления. Да и конституционный проект его легко можно было трансформировать в республиканский, передав функции императора избираемому на определенный срок президенту. Анализируя этот проект, Н. М. Дружинин с полным основанием делал вывод: «Конституция Н. Муравьева была монархической с формально-правовой точки зрения, но республиканской по своему внутреннему, реальному содержанию. Идея наследственной монархии была внесена в республиканское построение не из принципиальных соображений, а из особых тактических расчетов: она обеспечивала неразрывное преемство законно существующей власти и оставляла нетронутыми традиционные чувства повиновения и порядка» (114, с. 180). Младший брат Н. Муравьева Александр в своих воспоминаниях свидетельствует, что во время устного допроса в След-

ственном комитете от Н. Муравьева добивались признания в том, что Северное общество, которым он руководил, «желало республики». «Выведенный из терпения» нажимом Следственного комитета, Н. Муравьев отвечал: «Мой проект Конституции, который у вас в руках, — монархический, но если вам угодно это знать — познание укрепило во мне первоначальное направление моих политических убеждений и ныне я громко заявляю: сердцем и убеждением я республиканец!» (62, с. 134).

ДЕКАБРИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

в 1823—1825 гг.

В историю декабристских организаций 1823—1825 гг. вошли как период активизации их деятельности, связанной с непосредственной подготовкой к вооруженному восстанию. Быстро росла численность этих организаций за счет принятия в них новых членов, преимущественно военных. Так, подавляющая часть членов тайных обществ, преданных впоследствии Верховному уголовному суду (т. е. наиболее активно действующих) — 73 из 121 — вступила в тайные организации после 1823 г., причем наиболее интенсивный прием проходил накануне восстания — в конце 1825 г. Именно декабристы «второго поколения», более радикально настроенного, и явились той основной силой, которой в декабре 1825 г. удалось подготовить и осуществить восстание на севере и на юге России.

Деятельность тайных организаций в 1823—1825 гг. была разносторонней: разрабатывались и обсуждались новые варианты конституционных проектов, планы вооруженного восстания и даже предпринимались попытки осуществить эти планы, шли переговоры об объединении Северного и Южного обществ, устанавливались связи с другими тайными организациями, возникшими независимо от декабристских.

Наибольшей активностью отличалось Южное общество. Именно его руководство первым разработало план предстоящего вооруженного восстания, выступило инициатором переговоров с Северным обществом об объединении, установило связь с Польским Патриотическим обществом, пыталось связаться с Кавказским обществом, обнаружило и присоединило к себе Общество соединенных славян, а с лета 1825 г. начало интенсивную агитацию среди солдат, подготавливая их к предстоящему восстанию.

Северное общество до середины 1823 г., как отмечает Н. М. Дружинин вообще «не проявляло признаков живой политической энергии: революционные заседания были редки, воздействие на окружающую среду почти отсутствовало, количество членов не только не увеличивалось, но даже сокращалось (114, с. 105).

Заметное оживление деятельности Северного общества было связано со вступлением в него энергичного и талантливого организатора — поэта К. Ф. Рылеeva. В декабристских кругах Рылев был давно уже известен как «смелый стихотворец» и побор-

ник справедливости. В 1820 г. в 10-й книжке литературного журнала «Невский зритель» читатели увидели его сатиру «К временщику». В образе «надменного временщика», «неистового тирана», легко узнавали всесильного фаворита царя графа Аракчеева. Историки справедливо расценивают публикацию сатиры «К временщику» как первое проявление свободомыслия Рылеева.

Примерно за год до этого Рылеев покинул военную службу, переселился в Петербург и быстро вошел в круг петербургских литераторов. В 1821 г. дворянство Петербургского уезда избрало его заседателем Петербургской уголовной палаты. Находясь на этой службе до 1824 г.¹, он приобрел репутацию защитника обиженных и угнетенных, стал известен своим «нелицеприятием, пылкой справедливостью, неутомимым защищением истины». Даже скупой на похвалы Н. И. Греч писал, что Рылеев «служил усердно и честно, всячески старался о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей» (40, с. 259). Яркий пример тому — его позиция в деле преданных в 1822 г. суду крестьян, отказавшихся повиноваться своему помещику, влиятельному вельможе графу А. К. Разумовскому. Рылеев смело выступил в защиту крестьян, хотя их барина поддерживали не только судьи, но и царь с Аракчеевым. В тех условиях Рылеев не смог отстоять крестьян: суд приговорил восьмерых «зачинщиков» к наказанию плетью и ссылке в Сибирь. Протестуя против жестокого решения суда, Рылеев «остался при особом мнении», доказывая необоснованность обвинения (44, т. 1, с. 289—299).

В начале 1823 г. Рылеев познакомился с И. И. Пушиным — давним членом тайного общества. Пущин, желая показать, что «в службе государству и народу нет обязанности, которую можно было бы считать унижительной», покинул военную службу, хотя его ждала блестящая карьера, и поступил в Петербургскую уголовную палату, где и встретился с Рылеевым. Как показывал Пущин на следствии, хорошо узнав Рылеева «в короткое время», он без колебаний принял его в тайное общество, причем сразу ввел его в «высший круг» членов Северного общества — «разряд убежденных», которым предоставлялось право приема новых членов. Рылеев широко воспользовался этим правом: он привлек в тайное общество немало молодых и энергичных офицеров, составивших его радикальное ядро — рылеевскую «отрасль». На Рылеева и его «отрасль» и рассчитывал руководитель Южного общества Пестель, уже в 1823 г. поставивший своей целью добиться объединения обоих обществ.

Для Южного общества 1823 год ознаменовался рядом важных событий. На киевских контрактах в январе 1823 г. состоялся второй съезд представителей этого общества. Здесь, как уже

¹ В 1824 г. по рекомендации адмирала С. Н. Мордвинова Рылеев был назначен правителем дел канцелярии Российско-Американской торговой компании.

говорилось, был в принципе принят в первом варианте конституционный проект Пестеля. Был обсужден и важнейший тактический вопрос — план действий тайной организации в предстоящей революции. Тогда же произошло знакомство с представителями Польского Патриотического общества и было положено начало переговорам с ним. В 1823 г. в жизни Южного общества произошли и важные перемены организационного характера: рост численности членов этой тайной организации привел к созданию, помимо существующей Тульчинской управы, еще двух новых — Васильковской во главе с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым и Каменской во главе с С. Г. Волконским и В. Л. Давыдовым.

Рассмотрим основные положения «плана действий», предложенного П. И. Пестелем. Составными частями этого плана являлись: выработка общей программы будущего устройства России, пропаганда своих «мнений» и «усиленное расширение численности» членов тайной организации и, наконец, сами «действия». «Приступая к самой революции,— показывал Пестель,— надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело в армии или губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же оное могло бы произойти восстанием гвардии, а также флота, отправлением особ императорской фамилии в чужие края, исключая покойного государя (речь шла об Александре I.— В. Ф.), созванием Сената, дабы через него обнародовать новый порядок вещей» (36, т. 4, с. 102—103). Таким образом, данный план, как видно из приведенного показания, предусматривал координацию действий Южного и Северного обществ при решающей роли в восстании Северного общества (Южное, опираясь на значительные воинские силы, должно было оказывать восстанию поддержку). Поэтому объединение обоих обществ на общей организационно-тактической и программной основе стало для Пестеля одной из первоочередных задач, к решению которой он приступил уже в 1823 г.

Пестель надеялся на успех своего плана и был убежден в невозможности интервенции извне — со стороны абсолютистских режимов, участников «Священного союза». «Внешней войны мы не опасались,— показывал он,— во-первых, потому, что 1812 год отнял, наверно, у всех охоту в Россию входить, а во-вторых, потому, что при открытии революции в России чужестранные кабинеты слишком бы опасались собственных земель, где умы еще более к поворотам склонны, дабы о чем-нибудь помышлять ином, как о предупреждении революции у себя самих» (36, т. 4, с. 112). Он рассчитывал, что победа революции в России подтолкнет революционное движение в Западной Европе, в значительной мере сдерживаемое реакционным «Священным союзом», ведущую роль в котором играла царская Россия.

Васильковская управа (точнее, ее руководитель С. И. Муравьев-Апостол) выдвигала иной план, который предусматри-

вал более быстрые и энергичные действия. Не надеясь на решительность «северян» и даже «южан», «васильковцы» считали, что восстание следует начинать не в столице, а на периферии, воспользовавшись царским смотром войск. Предлагалось захватить и убить царя, поднять войска, участвовавшие в смотре, после чего одна часть войск направится на Москву, где московские департаменты Сената объявят о введении нового государственного устройства, другая — двинется к Киеву, присоединяя по пути к себе другие войска. Ведущая роль в восстании, как это нетрудно заметить, отводилась Васильковской управе, точнее ее руководству — С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину.

Необходимо отметить, что Васильковская управа являлась наиболее активной частью Южного общества. В самом деле, лишь благодаря ее инициативе Южное общество вступило в контакт с Польским обществом, именно эта управа «открыла» и присоединила к Южному обществу Общество соединенных славян, она же вела основную работу по подготовке солдат к восстанию летом 1825 г. и, наконец, в конце декабря 1825 г. ее руководству удалось поднять восстание Черниговского полка. И здесь следует отдать должное уму и энергии ее руководителей С. И. Муравьеву-Апостолу и М. П. Бестужеву-Рюмину. Не только товарищи по тайному обществу, но и лица, никак не симпатизировавшие С. Муравьеву-Апостолу, признавали его выдающиеся способности, широкую образованность, твердость характера, непоколебимую убежденность в правоте своего дела. «Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, он был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скретен и необыкновенно тверд», — такое суждение вынес о С. Муравьеве-Апостоле Николай I после первого его допроса в Зимнем дворце (61, с. 33). Небезызвестный Н. И. Греч отзывался о С. Муравьеве-Апостоле как о «человеке необыкновенного ума, познаний, учености и талантов», хотя «не очень общительном, но учтивом, приветливом и приятном в обращении». «Сергей Муравьев, — далее пишет Греч, — действовал решительно, твердо, по своим внутренним убеждениям и остался им верен до конца» (40, с. 268). Под стать ему был и его ближайший друг М. П. Бестужев-Рюмин. Он вступил в Южное общество в 1823 г. Обладавший блестящими организаторскими способностями и даром красноречия, Бестужев-Рюмин стал одним из активнейших членов тайного общества: он принял в него немало новых лиц, именно ему было поручено вести переговоры с Польским обществом, а затем и с Обществом соединенных славян о воссоединении его с Южным, он принял самое деятельное участие в подготовке и проведении восстания Черниговского полка.

С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин трижды пытались самостоятельно подготовить военное выступление, используя царские смотры войск. Первая попытка была предпри-

нята ими в середине 1823 г. в г. Бобруйске (так называемый «бобруйский заговор»). В том году для сооружения военной крепости в Бобруйск была направлена 9-я дивизия 1-й армии. В составе 9-й дивизии служили декабристы С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, В. С. Норов и И. С. Повало-Швейковский (члены Васильковской управы Южного общества), которые и разработали план выступления во время предстоявшего летом 1823 г. в Бобруйске смотра Александром I войск. М. П. Бестужев-Рюмин, хорошо осведомленный о всех деталях этого заговора, после показывал на следствии: «План в Бобруйске состоял в том, чтобы овладеть государем, великим князем (Николаем Павловичем.— В. Ф.), генералом Дибичем (начальником Главного штаба.— В. Ф.) и потом идти в Москву, увлекая за собой все встречающиеся войска. В то же самое время общество предприняло бы явные действия во 2-й армии и в Петербурге» (36, т. 9, с. 60). Предполагалось, что заговорщики, арестовав ночью царя и весь при нем генералитет, оставя гарнизон в Бобруйске, двинутся затем на Москву, которая, по их замыслу, должна была стать важным центром государственного переворота. М. И. Муравьев-Апостол далее показывал: «М. П. Бестужев-Рюмин был послан в Москву пригласить отставших членов присоединиться к обществу и уговорить нескольких молодых людей ехать в Бобруйск для исполнения их намерения. Накануне дня, предполагаемого к арестованию (царя.— В. Ф.), Швейковский должен был отдать в приказе о прикомандировании их к полку под именем вновь прибывших. В тот же день они с избранными солдатами должны были идти производить арест. Поездка (Бестужева-Рюмина в Москву.— В. Ф.) осталась без успеха, и предприятие было отложено» (36, т. 11, с. 181—182).

В декабристоведении долгое время существовало мнение, что «бобруйский заговор» 1823 г. не удался потому, что царь не приехал в Бобруйск и смотр не состоялся. Однако обнаруженные И. В. Порохом приказы и распоряжения царя и командования свидетельствуют о том, что Александр I в 1823 г. приезжал в Бобруйск и смотр войск был проведен. М. И. Муравьев-Апостол, как следует из приведенного его показания, видел причину неудачи заговора в том, что посланный в Москву Бестужев-Рюмин не получил поддержки со стороны тамошних членов тайного общества. С. И. Муравьев-Апостол объяснял, что план выступления остался «без исполнения за недостатком сил» (36, т. 12, с. 220). Но главная причина заключалась в том, что реализации этого плана решительно воспрепятствовал П. И. Пестель, считающий, что тайное общество пока еще не готово к перевороту. Об этом сообщил заговорщикам прибывший от Пестеля в Бобруйск В. Л. Давыдов.

Неудача в осуществлении «бобруйского заговора» 1823 г. не только не ослабила, но еще более усилила намерение руководства Васильковской управы Южного общества подготовить но-

вое выступление. На четвертом съезде Южного общества в январе 1825 г. в Киеве Сергеем Муравьевым-Апостолом и Михаилом Бестужевым-Рюминым был предложен план выступления, разработанный ими еще в конце 1824 г. и получивший в литературе название «первого Белоцерковского плана». В имении графини А. В. Браицкой Белой Церкви, где в 1824 г. останавливался Александр I, летом 1825 г. предполагался новый царский смотр 3-го корпуса. Обсуждаемый на четвертом съезде Южного общества план С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина подробно изложен в показаниях П. И. Пестеля на следствии. «Первое действие, — показывал Пестель, — должно состоять в насильственной смерти государя императора Александра Павловича. Потом издание двух прокламаций: одну войску, другую народу. Затем следование [3-го] корпуса на Киев и Москву с надеждою, что к нему присоединятся прочие на пути его расположенные войска без предварительных даже с ними сношений, полагаясь на общий дух неудовольствия. В Москве требовать от Сената преобразования государства. Между этими действиями 3-го корпуса надлежало всем остальным членам Союза (т. е. членам всех декабристских обществ. — В. Ф.) содействовать революции. Остальной части Южного округа (общества. — В. Ф.) занять Киев и в оном оставаться. Северному округу... препроводить в чужие края всех особ императорской фамилии. Потом ожидать от обстоятельств, что окажется нужным к дальнейшим действиям» (36, т. 4, с. 104). Сам Пестель решительно выступил против и этого плана, считая его неподготовленным и обреченным на провал. Но Васильковская управа стала готовиться к его реализации. Были обдуманы все его детали. Предполагалось, что переодетые в солдатские мундиры члены тайного общества, поставленные в караул при Александре I, ночью умертвят его, а утром С. И. Муравьев-Апостол, В. К. Тизенгаузен и И. С. Повало-Швейковский поднимут 3-й корпус и двинутся с ним на Киев. Однако намечавшийся в 1825 г. смотр 3-го пехотного корпуса в Белой Церкви был отменен. М. В. Нечкина полагает, что причина этого — поступивший к Александру I в июле того же года донос о готовящемся выступлении членов тайного общества, приуроченного к этому смотру (36, т. 2, с. 197). Тем не менее Васильковская управа приняла решение перенести исполнение своего замысла на новый смотр войск, который, как предполагалось, должен был состояться в следующем (1826-м) году. Но и этому плану, получившему в литературе название «второго белоцерковского», не суждено было осуществиться.

Как уже упоминалось, в 1823 г. Южное общество вступило в контакт с Польским обществом. В результате переговоров, которые велись в течение последующих двух лет, была достигнута договоренность о совместном выступлении русских и польских революционеров.

На территории Польши в начале XIX в. существовало нема-

ло патриотического характера организаций, выросших на базе масонских лож и ставивших задачу борьбы за национальное возрождение Польши, восстановление ее государственной независимости. Они объединяли учащуюся молодежь, чиновников, военных, мелкую шляхту, а также и прогрессивно настроенных магнатов. В мае 1819 г. возникло общество «Национальное масонство» во главе с Валерианом Лукасинским. На территории королевства Польского в составе России эта организация насчитывала 47 лож с 5 тыс. членов. 1 мая 1821 г. представители этих масонских лож собрались в Белянском лесу под Варшавой и основали новую политическую организацию — Польское Патриотическое общество. Носившее шляхетско-аристократический характер, оно поставило своей основной задачей восстановление независимости Польши. В его планы входила также ликвидация феодальных порядков, установление республиканского строя и отмена барщины, что должно было, как рассчитывало руководство общества, привлечь на его сторону и крестьянство. Уже тогда руководитель тайного общества Лукасинский, убежденный в существовании тайных политических организаций в самой России, попытался связаться с ними. В 1822 г. полиция напала на след тайного общества. Лукасинский был арестован, осужден на 7 лет тюремного заключения (но просидел он в Шлиссельбурге 46 лет — до самой своей смерти). После ареста и заключения Лукасинского руководство Польским Патриотическим обществом перешло к лицам с умеренными взглядами.

Первые контакты с представителями Польского Патриотического общества были установлены руководителями Васильковской управы С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. В январе 1823 г. в доме Н. Н. Раевского, где они квартировали, произошла их встреча с отставным генерал-майором польской службы графом Александром Ходкевичем. В беседе с ними Ходкевич заговорил о тайных обществах, существующих повсюду, и добавил: «Знаю, что и у вас такое же составилось». Когда он получил от собеседников подтверждение, что в России действительно существует тайное общество, то сказал, что сам он состоит в Польском обществе, которое «стремится к возвращению независимости отечества», а затем предложил учредить «посредствующее общество для связи между русскими и поляками» (170, с. 279—280). Ходкевич встретил сочувствие этой идее со стороны С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина и обещал прислать им в июне 1823 г. в Бобруйск представителя Польского общества. На втором съезде Южного общества в январе 1823 г. С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин доложили о своих переговорах с Ходкевичем. Отношение к этому известию было неоднозначным: некоторые возражали против переговоров, даже упрекали Муравьева и Бестужева в неосторожности, но большинство участников, в том числе и Пестель, высказались за продолжение переговоров.

Однако в обещанный Ходкевичем срок представитель Польского Патриотического общества не приехал. Тогда в сентябре 1823 г. М. Бестужев-Рюмин сам отправился в Вильну, чтобы найти след этого тайного общества. Поездка оказалась безрезультатной, но через месяц Ходкевич и видный деятель Польского общества Северин Крыжановский, подполковник польского гвардейского конно-егерского полка, сами встретились с представителями Южного общества. В январе 1824 г. на киевских контрактах состоялись три встречи Крыжановского с руководителями Васильковской управы. Эти встречи были санкционированы Пестелем. Он же разработал и условия, относительно которых должны были вестись переговоры: установление дружеских связей между русским и польским народами, гарантия независимости Польши, взаимное содействие на случай внешней войны, введение «одинакового образа правления, поддержание регулярных сношений между русским и польским тайными обществами» через особо назначенных от каждого общества представителей, которые обязаны были информировать друг друга о всех важнейших делах. Особо стоял вопрос о великом князе Константине и подчиненном ему Литовском корпусе. Пестель сомневался в искренности поляков, полагая, что они захотят воспользоваться переворотом, дабы возвести на польский престол Константина, а тот в благодарность поможет им восстановить Польшу в прежних ее границах до первого раздела. Отсюда и требование Пестеля к полякам в начале восстания убить Константина и нейтрализовать Литовский корпус.

В ходе переговоров 1824 г. был заключен предварительный договор, согласно которому каждая сторона брала на себя следующие обязательства.

«Обязательства русских.

1. Россия, предпочитая признательных союзников скрытым врагам, обещает (тотчас как кончится революция) предоставить Польше независимость.

2. Будет сделано новое начертание границ, и области, не настолько обрусевшие, чтобы слиться душой с интересами нашего Отечества, будут возвращены Польше.

3. Тем не менее будут соблюдены местные удобства таким образом, чтобы Россия имела хорошую военную границу.

4. Поляки могут, однако, рассчитывать на Гродненскую губернию, часть Виленской, Минской и Волынской.

5. С момента ратификации договора Общество будет оказывать покровительство всем полякам, которые будут иметь дела в России — если оные справедливы.

6. Общество будет также стараться уничтожить вражду, которая существует между двумя нациями, считая, что в просвещенный век, в который мы живем, интересы всех народов одни и те же и что закоренелая ненависть присуща только варварским народам.

7. Для дальнейших сношений будут назначены с той : дру-

гой стороны два комиссара, функции которых следующие: 1) комиссары будут передавать своим директориям обоюдно все то, что потребуется сообщить от одного общества другому; 2) польские комиссары будут постоянно осведомлять русское общество о том, что происходит в Европе; 3) строго запрещается всем комиссарам называть имена и требовать наименования членов обоих обществ; 4) если же вскрыют таких, то не должны сообщать им об отношениях, которые существуют между обществами обеих наций, но пусть все передается от директории к директории посредством комиссаров; 5) комиссары не могут ничего ни обещать, ни на что-либо соглашаться от своего собственного имени.

Обязательства поляков:

1. Поляки обязуются употребить действительные меры, каковы бы они ни были, чтобы помешать великому князю Константину прибыть в Россию, когда начнется революция.

2. Восстать в то же самое время, что и мы.

3. Выступить против Литовского корпуса в случае, если он объявит себя против нас.

4. Оказывать нам всякую помощь, какая только будет им возможна.

5. Поставить нас в сношения с тайными политическими обществами, существующими в Европе.

6. Ставить нас в известность о всех важных делах, о которых они будут осведомлены.

7. Действовать во все время продолжения революции таким образом, как им будет предписано нашим Обществом, которому они признают себя подчиненными.

8. Принять республиканский порядок» (36, т. 9, с. 72—73).

В числе этих пунктов важнейшими были: обещания поляков нейтрализовать во время революционного переворота действия Литовского корпуса под командованием Константина Павловича и ввести в Польше республиканскую форму правления, а со стороны членов Южного общества — содействовать восстановлению независимости Польши с присоединением к ней некоторых белорусско-литовских губерний. Отметим, что пока это были предварительные условия, которые еще предстояло утвердить. Необходимо указать также, что Северное общество не принимало никакого участия в этих переговорах и даже, по видимому, не было поставлено о них в известность.

С. И. Муравьев-Апостол показывал: «Непременным правилом постановлено было, чтобы сношения между Южным и Польским обществами производились все изустно, без всякого письма, а потому означенный договор не был написан и скреплен формальным порядком». Однако известно, что тут же в присутствии Крыжановского М. Бестужев-Рюмин составил «краткую выписку» договора, которая была представлена в Директорию Южного общества и после обсуждения ее в принципе одобрена. Сам текст договора, приведенный выше, был написан М. Бес-

тужевы-Рюминым по памяти на французском языке по требованию Следственного комитета.

Крыжановский также доложил содержание договора руководству своего общества, которое, по-видимому, его также одобрило. Во всяком случае М. Бестужев-Рюмин в своих показаниях на следствии говорил о «ратификации договора» обеими сторонами, после чего комиссарами со стороны поляков был назначены А. С. Гродецкий и А. Чарковский, а со стороны русских — С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин.

Переговоры были продолжены в январе-феврале 1825 г. На этот раз с русской стороны их вели П. И. Пестель и С. Г. Волконский, с польской — камергер Царства Польского князь Антон Яблоновский. Несмотря на стремление сторон к совместным действиям, переговоры проходили при больших спорах и разногласиях. Главной целью поляков было национальное возрождение Польши, восстановление ее государственности. Основные разногласия касались «начертания границ» между Польшей и Россией. Поляки настаивали на возвращении тех земель, «кои отняты Австриею и Пруссиию» (170, с. 303). Пестель же соглашался лишь на частичную «подвижку» границы с передачей Польше территорий, «не достаточно обрусевших» (170, с. 327). Кроме того, будущие социально-экономические реформы Польское Патриотическое общество предполагало проводить в соответствии с принципами Конституции 3 мая 1791 г., которая, по мнению Пестеля, не решала главного — аграрного вопроса. Пестель настаивал на коренном преобразовании социально-экономического строя в Польше в духе своей «Русской Правды» (36, т. 4, с. 85).

Как показывал он на следствии, при переговорах с поляками «было за правило принято поставить себя к ним в таковое отношение, что мы в них ни малейше не нуждаемся, но что они без нас успеть не могут, и потому [чтобы] никаких условий не предписывали они нам, а напротив того — показывали готовность на все наши требования согласиться, лишь бы мы согласились на независимость Польши» (36, т. 4, с. 119). Но Яблоновский также со своей стороны подчеркивал силу Патриотического общества и то большое влияние, которое оно оказывало на польские земли; говорил, что Общество особенно влиятельно в воинских частях и имеет «отрасли» во всех сословиях. Действительно, Польское Патриотическое общество имело свои филиалы не только в самом Царстве Польском, но и в княжестве Познанском (в Пруссии), в Галиции (Австрии), в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине. Окончательно договориться по всем спорным моментам предполагалось на новой встрече представителей польской и русской сторон, намеченной на январь 1826 г. (170, с. 306).

Хотя планам совместного выступления декабристов и польских революционеров и не суждено было осуществиться, однако значение этих переговоров нельзя недооценивать — тем са-

мым было положено начало русско-польскому революционному союзу. Декабристы впервые выдвинули идею единого фронта борьбы польских и русских революционеров против самодержавия и стремились реализовать ее на практике. Этим они завоевали глубокую признательность польского народа. Вполне закономерно первым актом восстания в ноябре 1830 г. в Варшаве явилась грандиозная панихида по пяти казненным декабристам.

К 1824 г. относятся попытки Пестеля установить связь с Кавказским тайным обществом. Вопрос о существовании этого общества до сих пор остается неясным и спорным. В свое время следствие по делу декабристов потратило немало усилий для выявления этого общества и в конечном счете признало его «мнимым». Скудость и неопределенность данных не позволяет положительно ответить на вопрос, существовало ли такое общество в действительности или нет.

Пестель в своем показании сообщил следствию, что он летом 1824 г. дал задание отправлявшемуся на Кавказ С. Г. Волконскому связаться с членами Кавказского общества и собрать о нем подробные сведения. Сам Волконский показывал, что еще до этой поездки он узнал «из разговоров» с Н. И. Комаровым и В. П. Ивашевым, что «в Кавказском корпусе есть тайное общество». Возможно, от них услышал об этом обществе и Пестель. Волконский показывал: «По приезде моем на Кавказ стараясь учредить тесное знакомство с Якубовичем» (36, т. 10, с. 125).

Александр Иванович Якубович — капитан Нижегородского драгунского полка — был сослан в 1818 г. на Кавказ в действующую армию за участие в качестве секунданта в дуэли графа А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым (Якубович стрелялся с секундантом Шереметева А. С. Грибоедовым). На Кавказе Якубович прославился своим бесстрашием и лихими набегами против горцев. За свои подвиги он был награжден орденом и повышен в чине. Возможно, Пестелю и Волконскому еще до поездки последнего на Кавказ, было известно, что Якубович — один из активных членов Кавказского общества. Однако, как видно из дальнейших показаний Волконского, Якубович вел себя крайне осторожно — даже тогда, когда Волконскому удалось войти с ним в тесное знакомство. Чтобы расположить к себе Якубовича, Волконский «открыл ему», что он и В. Л. Давыдов (приятель Якубовича) — члены тайного общества и желали бы «присообщить» это общество к Кавказскому. Волконский, по его словам, «объявил Якубовичу о пользе, ежели бы все общества в России, вероятно во многом числе существующие, могли бы состоять под одним управлением». При этом, как свидетельствует Волконский, Якубович «неизменно опровергал существование Кавказского общества, ограничиваясь общими разговорами о лучшем составе и способах тайных обществ». Отсюда Волконский заключил, что «он (Якубович) не хочет дать мне сведения о Кавказском обществе». Чтобы еще более располо-

жить к себе Якубовича, Волконский «объявил ему те правила, которые были приняты Южною управою» (36, с. 10, с. 154). По-видимому, речь шла об «объявлении» Якубовичу основных программных положений «Русской Правды». Но и после этого Якубович не сказал опять-таки о тайном обществе на Кавказе ничего определенного. Переговоры, показывал далее Волконский, «продолжались несколько времени довольно часто, но я, видев, что Якубович не делает мне точного открытия о минимом мною Кавказском обществе, прекратил даже всякие поиски к возобновлению оных» (там же). Однако незадолго до отъезда Волконского из Кисловодска Якубович сам пришел к нему и сообщил некоторые сведения о структуре Кавказского общества, не называя ни одного из его членов и не посвящая Волконского в планы тайного общества. Эти сведения Волконский включил в свой письменный «отчет» на французском языке для руководства Южного общества. Этот опасный конспиративный документ, надо полагать, был уничтожен декабристами. Но из показаний В. Л. Давыдова, принимавшего непосредственное участие в составлении «отчета» Волконского, следствие узнало, что Кавказское общество «управляется двумя советами: один из шестнадцати, другой из четырех членов», что «цель сего общества — основание независимого царства в Грузии» и что якобы «генерал Ермолов не чужд сему предприятию» (36, т. 10, с. 204). Сам же Волконский показывал: «Я слышал от Якубовича, что есть общество в корпусе, разделенное на три разряда. Первый разряд не известный двум последним, а второй — не известный третьему. Два первые разряда составлены из малого числа членов, последний же, говорил, многочислен. Определительного ничего не сказал, почему на слова его основаться не могу» (36, т. 10, с. 105).

При последней встрече с Волконским Якубович выразил надежду увидеться с ним снова, при этом они обменялись адресами. «Такое его желание продолжить разговор и сношение по сему предмету меня еще более утвердили в моих мыслях, что есть общество и что он не может взойти в сношения без разрешения на то директории их общества», — заключил свои показания о Кавказском обществе Волконский (36, т. 10, с. 154).

Во время следствия Якубович категорически отрицал свою принадлежность к Кавказскому обществу и даже сам факт его существования. «Князь Сергей Волконский, — показывал Якубович, — в бытность свою на водах познакомился со мной, предлагал быть в обществе и хотел знать, есть ли в Грузии такое же, ибо видел общее уважение ко мне войска и доверенность начальства. Я, желая знать подробности и с кем буду иметь дело и в чем будут состоять намерения, для сего, чтобы выведать, лгал князю. Но я не принадлежу к обществу и не знаю, есть ли оно в Грузии, и рад, что высокий Тайный комитет знает о существовании такового в Грузии, ибо, открыв членов, увидит мою невинность». Якубович уверял следствие, что он «смеял-

ся над князем Волконским, бредил ему вздор, который давно истребился из моей памяти», и если ранее об этом не показал Следственному комитету, то только потому, что «разговор был ничтожный» (4, л. 2—3). Допросы десятков других членов Северного и Южного обществ также не дали ничего определенного: все показания основывались на слухах и предположениях, в конечном счете опрошенные отсылали к Волконскому и Якубовичу. Проблема Кавказского общества — одна из исторических загадок.

Еще одна тайная организация — Общество соединенных славян была неожиданно открыта членами Южного общества в конце лета 1825 г. во время лагерных сборов в местечке Лещине (в 15 километрах от Житомира). Произошло это так. Член Общества соединенных славян капитан Пензенского пехотного полка А. И. Тютчев встретился со старыми товарищами, служившими с ним в прежнем Семеновском полку, С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. Разговор велся откровенно «о бедах Отечества». В результате С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин сделали Тютчеву предложение: «Нам надо отыскивать свободу. Не хочешь ли вступить в тайное общество?» Со своей стороны Тютчев, полностью доверяя своим старым товарищам, открыл им существование Общества соединенных славян, членом которого он состоял. По его словам, Общество преследовало цель «достижения революции и уничтожения законов» (имелось ввиду упразднение действующих царских законов). С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин попросили Тютчева принести им «правила» тайного общества и познакомить их с некоторыми из его участников (151, т. 2, с. 168).

Тютчев в свою очередь об открытии тайного общества С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина известил секретаря Общества соединенных славян И. И. Иванова, а тот — видных его деятелей И. И. Горбачевского и П. И. Борисова. По свидетельству Горбачевского, «сие известие поразило всех славян», которые отнеслись к нему по-разному: одни чрезвычайно обрадовались и желали немедленного соединения с Южным обществом, другие требовали «примерного наказания» Тютчева «за нескромность и нарушение правил Славянского общества», настаивали на том, чтобы «пресечь все дальнейшие сношения с Муравьевым» (39, с. 7—8). В результате бурных споров победило мнение И. И. Иванова и П. И. Борисова, которые предложили либо попытаться присоединить Южное общество к Славянскому, либо «взять с Муравьева честное слово, что существование Славянского общества останется тайною для других членов Южного общества и уверить его, что все Славяне готовы принять участие в перевороте, когда он начнется, и будут споспешествовать оному всеми силами» (39, с. 8). Решено было также собрать находившихся на лещинских сборах членов Общества соединенных славян, пригласить С. Муравьева-Апостола

и М. Бестужева-Рюмина, чтобы обсудить условия возможного объединения обоих обществ.

Что же представляло собой Общество соединенных славян? В мае 1818 г. в местечке Решетилловке Полтавской губернии трое молодых людей (каждому из них было не более 20 лет), юнкера братья Борисовы и их товарищ Волков, организовали небольшой кружок под громким названием Общество первого согласия. «Целию сего общества, — показывал Петр Борисов, — сначала были одни правила Пифагоровой секты²: усовершенствовать себя в науках, художествах и добродетелях, любовь и дружба» (36, т. 5, с. 52). Потом прибавились «усовершенствование нравственности» и «очищение религии от предрассудков». Вскоре к этим целям присоединилось и «основание известной Республики философа Платона»³. Общество получило другое название — «Друзей природы». Петром Борисовым был придуман и девиз общества: «две руки, соединенные вместе над жертвенником», с надписью по-французски: «Слава, любовь и дружба». В сущности, это были юношеские мечтания о справедливом обществе, главной же ближайшей практической задачей участников кружка являлось нравственное самоусовершенствование. Заметим, что и в других преддекабристских кружках и районных декабристских организациях нравственное самоусовершенствование и просветительство выдвигались на первый план. Основанное в 1818 г. Борисовым и Волковым общество в строгом смысле еще нельзя квалифицировать как тайную политическую организацию, но оно стало основой будущего Общества соединенных славян.

Образование Общества соединенных славян относится к 1823 г. В тот год братья Борисовы стояли со своей 8-й артиллерийской бригадой в Новоград-Волинске, куда под надзор полиции за участие в студенческом кружке был выслан студент Варшавского университета Юлиан Люблинский. Борисовы быстро познакомились с ним, так как хорошо знали его родственников. Близкие с Люблинским по своим взглядам и настроениям, Борисовы открыли ему существование своего кружка. Люблинский справедливо раскритиковал их незрелые мечтания и предложил организовать тайное общество, преследующее цель объединения славянских народов в федеративную демократическую республику. Эта идея была горячо воспринята братьями тогда же. Положили назвать эту политическую организацию Обществом соединенных славян. В том же 1823 г. в общество вступил

² Имелись в виду «пифагоровы братства» существовавшие во времена Великой французской революции конца XVIII в., боровшиеся против всякой тирании, за всеобщее равенство и нравственное самоусовершенствование. «Пифагоровы братства» стремились воплотить идеи французского поэта и публициста Сильвена Марешаля, изложенные им в книгах «Путешествие Пифагора» и «Пифагоровы законы и нравственные правила» (отсюда и название этих братств).

³ Обращение к учению древнегреческого философа Платона Афинского об идеальном государстве.

подпоручик 8-й артиллерийской бригады И. И. Горбачевский, впоследствии изложивший в своих замечательных по информативности «Записках» историю этого общества.

По замыслу основателей общества предполагаемая всеславянская федерация должна была объединить 10 «славянских» республик: Россию, Польшу, Богемию, Моравию, Венгрию с Трансильванией, Сербию, Молдавию, Валахию, Далмацию, Крoацию. Как видим, в число «славянских» народов Борисовы и Люблинский включили венгров, румын и молдаван, не имея, по-видимому, четкого представления об их национальной принадлежности. «Славянская федерация», должна была занимать обширную территорию Восточной Европы. Предусматривалось основание на берегах Черного, Адриатического, Балтийского и Белого морей четырех крупных торговых портов. Каждая из славянских республик имела бы собственную столицу, но предполагалась и общая столица, место которой еще не было определено.

У Общества соединенных славян не было разработанной программы, однако его политические цели можно определить на основании сохранившихся «Правил» общества (созданных Юлианом Люблинским и Петром Борисовым), показаний на следствии и мемуарных записок Горбачевского. «Правила», состоящие из 17 пунктов, содержали преимущественно морально-этические требования к членам общества: следовать принципам товарищеской взаимопомощи, «простоты, трезвости и скромности»; быть образованным человеком («Богиня просвещения пусть будет пенатом твоим»), почитать «науки, искусства и ремесла» («возвысь даже к ним любовь до энтузиазма»); быть веротерпимым и «добродетельным», презирать «гордость», «невежество» и «суетность», защищать «невинность» и «добродетель». Вместе с тем выдвигались и требования социально-политического порядка: бороться против «рабства и тирании», «разрушать все предрассудки, а наиболее до разности состояний касающиеся», и, разумеется, выступать против «крепостного рабства» («Не желай иметь раба, когда сам рабом быть не хочешь») (36, т. 5, с. 12—13). Заметим, что члены Общества соединенных славян в своем большинстве были мелкопоместными или беспоместными дворянами, служившими в небольших чинах. Некоторые из них из своего скудного армейского жалованья откладывали средства на выкуп крепостных крестьян.

И. И. Горбачевский в своих записках так определяет цели Общества соединенных славян: «Общество имело главную целью освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства, ввести у всех народов форму демократического представительного правления, составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих

коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений». Основу благоденствия народов должны были составить «три основания»: «промышленность, отвращающая бедность и нищету», «нравственность, исправляющая бурные наклонности, смягчающая страсти и внушающая человеколюбие», и «просвещение — вернейший сподвижник противу зол», присущих «невежеству». «Развертывать, распространять сии три основных начала общественного блага поставлялось в первую и неизменную обязанность Славянина» — говорит далее Горбачевский (39, с. 13). Эти требования и явились основой «Правил» данного общества, о которых упоминалось выше.

Таким образом, основные программные требования Общества соединенных славян сводились к ликвидации крепостничества и всякого деспотизма (самодержавия) и борьбе за всеобщее гражданское равенство, веротерпимость, свободу (и даже всяческое поощрение) хозяйственной деятельности, за создание республиканской демократической федерации славянских народов.

В литературе существуют разные мнения о тактических принципах Общества соединенных славян. Горбачевский в своих записках указывает, что «славяне» в разработке своих тактических установок исходили из следующих соображений: «Никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации: посему прежде всего должно приготовить народ к новому образу гражданского существования и потом уже дать ему оный; народ не иначе может быть свободным, как сделавшись нравственным, просвещенным и промышленным» (39, с. 14). Иначе говоря, речь шла о повышении материального, образовательного и нравственного уровня народа как необходимой предпосылке социально-политических преобразований. Военный же переворот при отсутствии готовности к нему народных масс не мог, по мнению членов общества, решить задачи этих преобразований. «Хотя военные революции, — рассуждал Горбачевский, — быстрее достигают цели, но следствия их опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются». Отсюда, заключает Горбачевский, «славяне» для приведения своего плана в исполнение «считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно; собственным же своим положением убеждались, что частная воля, частное желание ничтожны без сего мощного двигателя в политическом мире» (39, с. 14).

М. В. Нечкина, основываясь на этом свидетельстве Горбачевского, пришла к выводу, что члены Общества соединенных славян отвергали тактику «военной революции» и делали ставку на народные массы (157, с. 208—210). Однако ее вывод оспорен рядом декабристоведов (А. Е. Пресняковым, С. Б. Оку-

нем, Б. Е. Сыроечковским, Л. А. Сокольским и особенно И. В. Порохом). Они указывали, что оценки Горбачевским тактики Общества соединенных славян — «явление более позднего времени, перенесенное на иную эпоху», и к тому же это сугубо личное и индивидуальное мнение мемуариста, не совпадающее с показаниями других членов данного Общества (39, с. 302; 170, с. 120). Их доводы в свою очередь подверглись критике со стороны С. С. Ланды, который поддержал тезис М. В. Нечкиной (130, с. 257).

В этом споре скорее всего правы оппоненты М. В. Нечкиной. Ни в одном следственном деле членов Общества соединенных славян (в том числе и в следственном деле Горбачевского) нет никаких упоминаний о том, что они ориентировались на «народную революцию». Зато очень много данных об их работе среди солдат в плане подготовки их к восстанию. Записки Горбачевского — единственное свидетельство критики «военной революции» и ориентации на народные массы. По-видимому, это позднейшая интерпретация, перенесенная мемуаристом на более ранний период.

Первоначально Общество соединенных славян было незначительным по своему составу. Заметный рост его членов происходил в 1824—1825 гг. До 1824 г. общество насчитывало не более 10 членов; в 1824 г. в него было принято еще 9 человек, весной 1825 г. — 7 человек, к осени того же года — 6 человек. К моменту объединения его с Южным обществом в нем насчитывалось свыше 30 членов, а в конце 1825 г., согласно списку, составленному М. В. Нечкиной, в этом обществе числился 51 человек, в основном военные. Каждый вступающий давал «клятву», сходную с клятвами карбонариев:

«Вступая в число Соединенных славян для избавления себя от тиранства и для возвращения свободы, столь драгоценной роду человеческому, я торжественно присягаю на сем оружии на взаимную любовь, что для меня есть Божеством и от чего я ожидаю исполнения всех моих желаний. Клянусь быть всегда добродетельным, вечно быть верным нашей цели и соблюдать глубочайшее молчание. Самый ад со всеми своими ужасами не вынудит у меня указать тиранам моих друзей и их намерения. Клянусь, что уста мои тогда только откроют название сего союза пред человеком, когда он докажет несомненное желание быть участником оного; клянусь до последней капли крови, до последнего вздоха вспомоществовать вам, друзья мои, от этой святой для меня минуты. Особенная деятельность будет первою моею добродетелью, а взаимная любовь и пособие — святым моим долгом. Клянусь, что ничто в мире тронуть меня не будет в состоянии. С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, — пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян. Если же нарушу сию клятву, то пусть угрызения совести будут первою мстью гнусного клятвопреступления, пусть

сие оружие обратится острием в сердце мое и наполнит оное адскими мучениями, пусть минута жизни моей, вредная для моих друзей, будет последняя, пусть от сей губельной минуты, когда я забуду свои обещания, существование мое превратится в цепь неслыханных бед. Пусть увижу все любезное моему сердцу издыхающим от сего оружия в ужасных мучениях, и оружие сие, достигая меня, преступного, пусть покроет меня ранами и бесславием, собрав на главу мою целое бремя физического и морального зла, выдавит на челе печать юродивого сына сей природы» (36, т. 5, с. 17—18).

Вплоть до конца лета 1825 г. деятельность Общества соединенных славян не была отмечена чем-либо примечательным. Во многом это было связано с тем, что относительно небольшое число членов его были рассеяны по разным местам Южной Украины. В начале декабря 1824 г. П. И. Борисов и И. И. Горбачевский «после долгого совещания» решили, что «для единства в действиях к скорейшему достижению предназначенной цели необходимо ускорить ход Общества, дать новое образование оному — учредить порядок в делах и подвергнуть членов ответственности пред Обществом» (39, с. 5). Борисов назначил время и место собрания членов общества, а Горбачевский взялся оповестить их. Заранее были подготовлены проекты устава и реорганизации Общества. В марте 1825 г. состоялось собрание большинства его членов в местечке Чернихове (Чернихове) в 25 верстах от Житомира. Устав и принципы реорганизации были приняты единогласно. Текста устава не сохранилось. Из следственных дел членов этого общества мы узнаем, что председателем (президентом) тайного общества был избран Петр Борисов, чиновник провиантского ведомства Илья Иванов — секретарем общества, поручик Пензенского пехотного полка Петр Громницкий — заместителем председателя. Были установлены членские взносы в размере $\frac{1}{10}$ части дохода. Секретарю «дозволялось» пускать «капитал» общества «в оборот для приращения оного». Окончательное оформление общества отложили до летних лагерей в Лещине. Здесь, как уже сказано, и произошла встреча членов Южного общества и Общества соединенных славян.

3—13 сентября 1825 г. в Лещине состоялось пять собраний членов Общества соединенных славян, на которых в присутствии представителя от Южного общества М. П. Бестужева-Рюмина шли переговоры об условиях объединения Общества соединенных славян с Южным. Характер этих переговоров детально описан в «Записках» Горбачевского и в показаниях других членов Общества соединенных славян. Первое собрание, на котором присутствовала большая часть Общества славян, состоялось 3 или 4 сентября в доме, где квартировали П. Борисов и подпоручик А. С. Пестов. Слово взял М. Бестужев-Рюмин. Он говорил о силе Южного общества, о «готовности Москвы и Петербурга начать переворот», о возможной поддержке его со сто-

роны 2-й армии, рассказал о республиканской конституции, принятой обществом, «копию» которой обещал вскоре доставить. На другой день он действительно передал Пестову конспект программы южан «Конституция Государственный завет» и просил «сообщить» его «всем славянам». Тогда же сделано было несколько списков с этого документа, с которым ознакомились все члены Общества соединенных славян. «По прошествии двух или трех дней» (т. е. 5, либо 6, либо 7 сентября) состоялось второе собрание на квартире Я. М. Андреевича в селе Млынищи. Сюда прибыли почти все «славяне». М. Бестужев-Рюмин начал разговор требованием «неограниченной доверенности» к руководству Южного общества и просил «славян» соединиться с Южным обществом без дальнейших объяснений». Однако «громкий ропот и изъявление негодования служили ему ответом». «Славяне» требовали «доказательств» и «объяснений», что заставило М. Бестужева-Рюмина рассказать о структуре Южного общества и назвать несколько десятков имен. Далее он подробно рассказал о связях Южного общества с Польским, называл даже эмиссаров последнего. Как сообщает Горбачевский, «откровенность Бестужева обворожила славян, немногие могли противиться всеобщему влечению... Каждый требовал скорейшего окончания дела». Только осторожный Петр Борисов был против соединения без всяких условий. Он настаивал на включении в условия объединения основной задачи Общества соединенных славян — борьбы за создание федерации славянских государств. Он высказывал также опасения о возможности «произвола» со стороны руководства Южного общества, выступал против слепого и беспрекословного подчинения его указаниям. М. Бестужев-Рюмин старался рассеять эти сомнения, доказывая, что именно в первую очередь «преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию, что соединенные общества удобнее могут произвести сие преобразование, что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто споспешествовать цели Славянского союза — освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободное правление и соединить всех федеративным союзом» (39, с. 10—11). Таким образом, доказывал М. П. Бестужев-Рюмин, объединение Общества соединенных славян с Южным обществом не отменяет идею борьбы за славянскую демократическую федерацию, наоборот, эта идея может быть воплощена в жизнь не иначе как при содействии революции в самой России. Своим красноречием и убежденностью Бестужев-Рюмин произвел сильное впечатление на «славян». Он предложил избрать из среды «славян» посредника, который должен был сноситься с Южным обществом через посредство его, Бестужева-Рюмина, и С. Муравьева-Апостола (39, с. 12).

Третье собрание состоялось также у Андреевича на следующий день. М. Бестужев-Рюмин известил запиской славян, что

прибыть не сможет, и собрание решили провести без него. Оно началось с того, что Петр Борисов, как сообщает И. И. Горбачевский, «представил собранию отчет, содержащий в себе цель и правила Славянского общества, проект нового образования Славянского союза, мнения и действия членов, и присовокупил к сему общий список всех славян, с означением настоящего их местопребывания и рода службы» (39, с. 13). Письменный отчет П. Борисова, а также проект нового образования Общества соединенных славян со списками его членов решено было представить руководству Южного общества. Этими документами оговаривалась «автономия» Общества соединенных славян при соединении его с Южным обществом. Затем приступили к избранию посредника, которым стал майор Пензенского пехотного полка Михаил Спиридов. Он же известил сразу же после собрания о его решениях С. И. Муравьева-Апостола.

«Славяне рвались к действию». Горбачевский даже предлагал С. И. Муравьеву-Апостолу воспользоваться тем, что весь 3-й корпус, в котором служило большинство членов Общества соединенных славян, собран в Лещине для предстоящего смотра. «Почему общество не начинает действовать немедленно, ведь корпус в сборе? — спрашивал Горбачевский С. Муравьева-Апостола. — Я и мои товарищи можем ручаться за себя и за своих подчиненных; вы сами сему свидетели. По вашим словам, большая часть полковых командиров разделяют ваши мысли и готовы на все; все остальные более или менее склонны последовать их примеру» (39, с. 20). С. Муравьев-Апостол оставил вопрос Горбачевского «без ответа». Отметим, что в приведенном тексте важно свидетельство самого Горбачевского, что он в данный момент надеялся на успех военного переворота без поддержки народных масс.

Через несколько дней после третьего собрания состоялось четвертое (его дату Горбачевский не запомнил) на квартире братьев Алексея и Аполлона Веденяпиных в селе Пески. М. Бестужев подробно говорил о предполагаемой «военной революции», которая «будет подобна гишпанской, она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею» (39, с. 23). Датой переворота определили август 1826 г., когда должен был состояться императорский смотр 3-го пехотного корпуса, «и в это время решится судьба деспотизма, тогда ненавистный тиран падет под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдем на Москву, провозглашая конституцию» (там же). Свои «сомнения» относительно плана Бестужева-Рюмина высказал Петр Борисов. Борисов требовал гарантий от «похищения» руководителями новой власти «самовластия». М. Бестужев-Рюмин мог сослаться лишь на «честность» и «порядочность» членов «Временного правления». Однако этот ответ не удовлетворил Борисова, который остался при своем мнении.

Пятое, последнее, собрание «славян» состоялось 13 сентября у Андреевича. Здесь был окончательно решен вопрос об

объединении их с Южным обществом. Этот день особенно запомнился «славянам». М. Бестужев-Рюмин произнес страстную речь. Он говорил о бедственном положении России, об успехах тайного общества, о счастье «пожертвовать собою для блага своих сограждан». «Взгляните на народ, как он угнетен! Торговля упала. Промышленности почти нет. Бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах нетрудно было нашему обществу распространиться и прийти в состояние грозное и могущественное. Почти все люди с просвещением или к оному принадлежат или цель его одобряют. Многие из тех, коих правительство считает вернейшим оплотом самовластия — сего источника всех зол, — уже давно ревностно нам содействуют. Самая осторожность ныне заставляет вступить в общество, ибо все люди, благородно мыслящие, ненавистны правительству: они подозреваемы и находятся в беспрестанной опасности. Общество по своей многочисленности и могуществу — важнейшее для них убежище. Скоро оно восприимлет свои действия, освободит Россию и, может быть, целую Европу. Порывы всех народов удерживает русская армия. Великое дело совершится, и нас провозгласят героями века» (36, т. 9, с. 117).

Эта речь М. Бестужева-Рюмина сильно воспламенила «славян». Как вспоминает Горбачевский, «после сего каждый хотел произнести требуемую клятву. Все с жаром клялись при первом знаке явиться в назначенное место с оружием в руках, употребить все способы для увлечения своих подчиненных, действовать с преданностью и самозабвением». Далее М. Бестужев-Рюмин, сняв с себя образок, благословение его покойной матери, поцеловал его пламенно, «призывая на помощь Провидение, с величайшим чувством произнес клятву умереть за свободу», затем передал его «славянам». «Невозможно изобразить, — вспоминает Горбачевский, — сей торжественной, трогательной и вместе с тем страшной сцены. Воспламененное воображение, поток бурных и неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страшные клятвы смешивались с криками: Да здравствует конституция! Да здравствует республика! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!.. Образ переходил из рук в руки: славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга с горящими на глазах слезами, радовались как дети, одним словом, это собрание походило на сборище людей иступленных, которые почитали смерть верховным благом, искали и требовали оной» (39, с. 28).

М. Бестужев-Рюмин был поражен и тронут «сими чувствами, сим бурным порывом энтузиазма» и среди всеобщего возбуждения бросил слова о предстоящих «щедрых наградах», «почестях и достоинствах», которые получают борцы за свободу Отечества. Но эти слова встретили взрыв возмущения «славян». Со всех сторон раздались голоса: «Говоря о наградах, вы обижае-

те нас! Не для награды, не для приобретения почестей хотим освободить мы Россию! Сражаться до последней капли крови, вот наша награда!» (там же).

Общество соединенных славян было объединено с Южным на следующих условиях: оно составило отдельную управу Южного общества, принимало его программу и тактические установки «военного переворота». Что же касается основной цели Общества соединенных славян — создания демократической федерации славянских государств, то она не отвергалась руководством Южного общества, которое указывало, что эта цель может быть достигнута в перспективе, причем залогом ее реализации должно явиться военное восстание, подготовленное всеми тайными организациями.

15 сентября С. Муравьев-Апостол вызвал к себе Спиридова, Горбачевского и Пестова. Речь шла о работе среди солдат. Горбачевский говорил, что «от солдат ничего не надобно скрывать, но стараться с надлежащею осторожностью объяснить им все выгоды переворота и ввести их постепенно, так сказать, во все тайны Общества, разумеется, не открывая им сего». Ему возражал С. Муравьев-Апостол, утверждавший, что все открывать солдатам не только бесполезно, но и опасно, «что республиканское правление, равенство сословий и избрание чиновников будет для них загадкою «финкса». Он предлагал действовать на солдат «религиозно», считая, что чтение Библии «может внушить им ненависть к правительству». «Некоторые главы, — указывал С. Муравьев-Апостол, — содержат прямые запрещения от Бога избирать царей и повиноваться им. Если русский солдат узнает сие повеление Божие, то, не колеблясь ни мало, согласится поднять оружие против своего государя» (39, с. 29). Как после мы увидим, С. Муравьев-Апостол попытается воплотить свой замысел, составив вместе с М. Бестужевым-Рюминым «Православный катехизис», рассчитанный на антицаристскую агитацию среди солдат. Горбачевский в своих воспоминаниях утверждает, что С. Муравьев-Апостол давал ему читать эту «бумагу» (39, с. 30). Таким образом, вполне вероятно, что «Православный катехизис» был составлен задолго до восстания Черниговского полка.

На этой же встрече 15 сентября обсуждался и вопрос о создании «отряда обреченных» в числе 15 человек, которых предполагалось направить в Таганрог для совершения покушения на Александра I. Добровольно согласились войти в этот «отряд» 12 членов Общества соединенных славян.

После объединения Общество соединенных славян образовало особую Славянскую управу в составе Южного общества. Впоследствии «славяне» сыграли большую роль в агитации среди солдат, в подготовке и проведении восстания Черниговского полка.

Кроме Польского Патриотического общества, Кавказского тайного общества, Общества соединенных славян, в России в

годы деятельности декабристских организаций существовали и другие тайные кружки и общества, появившиеся независимо от декабристов и даже не связанные с ними.

Так, около 1815—1816 гг. в Оренбурге возник кружок, громко именуемый Оренбургским обществом, основателями которого были П. Е. Величко и П. М. Кудряшов. В нем насчитывалось до 20 членов, поставивших своей задачей «изменение монархического правления в России». Общество просуществовало до 1827 г. и было выдано провокатором И. И. Завалишиным (младшим братом декабриста Д. И. Завалишина). В 1822 г. как «филиал» Оренбургского общества майором А. П. Кучевским было основано Астраханское общество. К сожалению, сведения об этих двух организациях крайне скудны, чтобы можно было установить их программно-тактические принципы.

Большое количество различных кружков и организаций, преимущественно просветительского характера, существовало на территории Литвы и Белоруссии. В состав их входила в основном учащаяся молодежь, а также мелкие чиновники, местное мелкопоместное или беспоместное дворянство, военные. Из наиболее значительных следует отметить организации студентов Виленского университета: Общество филоматов, основателями которого были А. Мицкевич, Т. Зан и Я. Чечет (существовало с 1817 по 1823 г.), Общество Промейстов (или Лучистых), основанное Т. Заном (действовало с 1820 по 1823 г.), на базе этого общества в 1821 г. Т. Заном было создано Общество Филаретов, включавшее до 40 членов. В 1822 г. среди офицеров Волынского уланского полка возникло Общество друзей, а в 1823 г. в гимназиях городов Белостока и Свислочи появилась тайная организация Согласных братьев, переименованная затем в Общество зорян, в котором состояло около 20 членов. Все эти кружки и организации считали своей первоочередной задачей распространение просвещения и морально-нравственного воспитания — необходимых условий для подготовки молодых членов этих организаций к революции, наступление которой мыслилось в отдаленном будущем.

Многие лица, состоявшие в указанных кружках и организациях, вошли в основанное летом 1825 г. близ Белостока Общество военных друзей — организацию несомненно декабристского типа. Активную роль в создании этого общества сыграли «шляхтич» М. И. Рукевич и капитан Литовского пионерного батальона К. Г. Игельстром, который встал во главе общества. В составе Общества военных друзей числилось 37 младших офицеров и 8 гражданских лиц (студенты, учителя, местные чиновники). Общество просуществовало всего полгода и не успело создать четкой политической программы. Но, как можно судить по материалам следственного дела этого общества, оно имело две цели — ближайшую — «бороться за просвещение», и отдаленную — «добиваться вольности». Под последним имелась в виду борьба за ликвидацию крепостничества и самодержавия.

Таким образом, политические цели общества соединялись с задачами нравственного характера. Общество военных друзей ориентировалось на военное выступление. Организационно оно подразделялось на три «степени» — аналогично структурному делению ранних декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия. Определенных данных о связях Общества военных друзей с декабристскими организациями не сохранилось, однако некоторые косвенные сведения, содержащиеся в материалах следственного дела его участников, указывают на наличие таковых связей. Так, сохранилось письмо, полученное К. Г. Игельстромом 22 декабря 1825 г. за подписью «К:х:л:б:к:р». Автором этого письма, в котором сообщалось о восстании 14 декабря 1825 г. в Петербурге, считают декабриста В. К. Кюхельбекера. Впрочем, в литературе подлинность этого документа оспаривается (169; 190). Общество военных друзей, как будет сказано ниже, подготовило и осуществило в конце декабря 1825 г. открытое выступление Литовского пионерного батальона в Белостоке, пытаясь воспрепятствовать присяге Николаю I. До этого, начиная с 13 декабря, члены общества активно готовили к восстанию солдат в воинских частях, расквартированных в Белостокской и соседних губерниях.

* * *

Хотя Северное и Южное общества и рассматривали себя как «продолжение» Союза благоденствия, как его две «управы», однако они были сформированы на совершенно новой организационно-тактической основе. Кроме того, это были две вполне самостоятельные, не зависящие друг от друга организации, со своими существенно отличавшимися программами. Не говоря уже об умеренной части Северного общества во главе с Никитой Муравьевым, даже наиболее радикальная его группа — рылеевская «отрасль» — не признавала пестелевской идеи диктатуры Временного революционного правительства, его плана «дележа земель», выступала за Учредительное собрание, которое должно было определить форму правления после революционного переворота.

В 1823 г. вплотную встал вопрос об организационном объединении двух обществ. С этой инициативой выступило Южное общество и в первую очередь его руководство в лице П. И. Пестеля и А. П. Юшневского, которые были горячими сторонниками такого объединения. Пестель был прекрасно осведомлен о состоянии дел в Северном обществе, о возрастающей роли в нем радикально настроенной рылеевской «отрасли», на которую рассчитывал опереться в предстоящих переговорах. Сведения из Петербурга доставлял Пестелю вышедший в начале 1823 г. в отставку М. И. Муравьев-Апостол, переселившийся на некоторое время в столицу. Отметим, что в течение 1823 г. для предварительных переговоров с руководством Северного общества

Пестель посылал в Петербург наиболее доверенных ему членов тайного общества. В начале 1823 г. он передал с С. Г. Волконским письмо к Никите Муравьеву. В нем он кратко сообщал о принципах своей программы, просил уведомить о деятельности Северного общества и прислать проект конституции, который Н. Муравьев незамедлительно ему отправил. В качестве эmissара Пестеля дважды ездил в 1823 г. в Петербург Василий Давыдов. В первый свой приезд в феврале 1823 г. он привез Никите Муравьеву пространное письмо Пестеля, который оспаривал ряд положений проекта Муравьева (аграрную программу, принципы федеративного устройства будущей России, наличие в проекте имущественного ценза при занятии должностей), разъяснял главные положения своего проекта. В начале 1823 г. в Петербурге находился А. В. Поджио, который затем привез «бумаги к Пестелю от Никиты Муравьева». Таким образом, между двумя руководителями тайных обществ в течение 1823 г. шла деятельная переписка, в которой обсуждались программные документы обоих обществ, велись споры по ряду принципиальных вопросов этих документов. В. Давыдов и А. Поджио на киевских контрактах в январе 1824 г. сделали подробные доклады о своих поездках в Петербург и о результатах этих поездок.

Большие надежды Пестель возлагал на поездку в июне 1823 г. в Петербург своего друга А. П. Барятинского, главной задачей которого было побудить «северян» и в первую очередь Никиту Муравьева к более активной деятельности. В своих показаниях на следствии Барятинский подробно рассказал об этой поездке. По его словам, он имел от директории Южного общества поручение «упрекнуть Северное общество в его бездействии, стараться дать им (членам Северного общества.— В. Ф.) высокое понятие о Южном обществе и его деятельности, сказать им, что непременно решились действовать в сей год (речь шла, вероятно, о «бобруйском заговоре» 1823 г.— В. Ф.), и требовать от них решительного ответа, могут ли и хотят ли содействовать нашим усилиям» (36, т. 10, с. 284). Барятинский привез Н. Муравьеву и письмо от Пестеля, который писал: «Лучше совсем разойтись, нежели бездействовать и все-таки опасностям подвергаться» (36, т. 4, с. 162). По словам Барятинского, Никита Муравьев умолял южан никоим образом не предпринимать каких-либо действий. Показательно, что Барятинский вместе с находившимся в это время в Петербурге А. В. Поджио создали там «управу» Южного общества (из офицеров кавалергардского полка), которая в 1824 г. получила директивы Пестеля, как действовать на случай открытого выступления. Создание такого «филиала» Южного общества в Петербурге вызвало сильное недовольство со стороны руководства Северного общества. В 1824 г. все члены этой ячейки были «переприняты» вновь и включены в состав Северного общества.

В марте 1824 г. Пестель, захватив с собой манускрипт «Русской Правды», поехал в Петербург, чтобы окончательно дого-

вориться с Северным обществом об основных положениях общей программы, планах совместного выступления, о принципах объединения двух обществ. Перед отъездом в Петербург Пестель говорил С. М. Муравьеву-Апостолу, «что он намерен все средства употребить, чтобы совершенно связать в одно оба общества, что для сего намерен он предложить Северному обществу признание над собою директората Южного, обещая им такое признание и со стороны Южного» (36, т. 4, с. 353). Пестель предвидел также, что главным преткновением в переговорах будут разногласия как раз по программным вопросам.

Пестель пробыл в Петербурге до конца апреля 1824 г. За это время состоялись десять его встреч с руководителями Северного общества (так называемые Петербургские совещания). Первым делом Пестель встретился с Е. П. Оболенским, которому «открыл все намерения Южного общества» и подробно изложил содержание своего конституционного проекта (36, т. 1, с. 265). Пестель произвел сильное впечатление на Оболенского, который вполне одобрил конституционный проект его и, как свидетельствует М. И. Муравьев-Апостол, «обещал ему склонить всех членов Северной управы на принятие всех предложений, сделанных Пестелем, и соединить Северное общество с Южным» (36, т. 9, с. 260). Сам Пестель нашел Оболенского «более всех на республику согласным». Во время второй беседы с Оболенским Пестель рассказал ему о тактических намерениях Южного общества, посвятил его в планы царевубийства, подчеркивая, что это явится «первым действием революции» (36, т. 1, с. 265). При этом речь шла об истреблении всей царствующей фамилии. Оболенский одобрил план южан и сочувственно отнесся к идее царевубийства.

Следующей была встреча Пестеля с С. П. Трубецким. Как показывал сам Трубецкой, Пестель открыл ему «намерение ввести в России республиканское правление с покушением на жизнь всей императорской фамилии». Трубецкой не следствием доказывал, что он не соглашался с Пестелем, Пестель же утверждал, что «Трубецкой решительного образа мыслей не показывал: то был согласен на республику, то опять оспаривал ее», но больше спорил против диктатуры Временного правления. В другом своем показании Трубецкой объяснял свою позицию тем, что, подозревая Пестеля в стремлении стать диктатором, он вынужден был «иногда показывать» ему, что «входит в некоторые его виды» (36, т. 4, с. 162—163).

Большие надежды Пестель возлагал на Рылеева, который, как свидетельствовал М. И. Муравьев-Апостол, находился в полном революционном духе» (36, т. 9, с. 255). В долгой беседе с Рылеевым обсуждались основные программные положения. По программным вопросам Рылеев, однако, далеко не во всем был согласен с Пестелем. Так, по вопросу о республике Рылеев заявил, что хотя он в принципе за республику, но в данных условиях Россия «еще не готова» к ней и ей более подходит кон-

ституционно-монархическое правление. На следствии Рылеев показывал: «В частных же разговорах моих я всегда был того мнения, что Россия еще не созрела для республиканского правления, и потому в то же время всегда защищал ограниченную монархию, хотя душевно и предпочитал ей образ Северо-Американских Соединенных Штатов, предполагая, что образ правления сей республики есть самый удобный для России по обширности ее и разноплеменности населяющих ее народов» (36, т. 1, с. 178). Отстаивал Рылеев и идею Великого собора (Учредительного собрания), не соглашаясь на предлагаемую Пестелем диктатуру Временного правительства. Надо сказать, что в этом вопросе ради объединения обоих обществ Пестель пошел на уступки. Подробно обсуждался аграрный вопрос. Пестель изложил свою идею о разделении всего земельного фонда на общественную и частную земли с предоставлением необходимых наделов крестьянам из общественного фонда в пользование в рамках общины-волости. Рылеев высказал свое желание наделить крестьян как огородною, так и полевою землею, при этом «как та, так и другая должны поступить в их собственность». Несмотря на эти расхождения, произошло сближение двух видных деятелей декабристских тайных обществ. Влияние Пестеля на Рылеева было несомненно, о чем с определенностью говорит в своих воспоминаниях Оболенский: «Павел Иванович, познакомившись через нас с Кондратием Федоровичем, сблизился с ним и, открыв ему свои задушевные мысли, привлек его к собственному воззрению на цель общества и на средства к достижению оной. Кажется, это сближение имело решительное влияние на дальнейшие политические действия Рылеева» (62, с. 831).

Для обсуждения предложений Пестеля на квартире Рылеева состоялось совещание ряда наиболее видных членов Северного общества: С. П. Трубецкого, И. И. Пущина, Е. П. Оболенского, Н. И. Тургенева и М. Ф. Митькова. На совещании присутствовал и М. И. Муравьев-Апостол. Участники совещания, за исключением Трубецкого, пришли к соглашению, что «соединение (обществ.— В. Ф.) полезно и необходимо». Было поручено членам Северной думы «произвести окончательные переговоры по сему с Пестелем» (36, т. 1, с. 265, 221). Об этом решении было сообщено Никите Муравьеву, который вскоре встретился с Пестелем. Об этой беседе подробно рассказывают в своих показаниях и Пестель, и Н. Муравьев. Основное внимание во время этой встречи уделялось обсуждению проектов программ обоих собеседников. В заключение беседы Н. Муравьев высказал свое несогласие на объединение двух обществ. Он стремился склонить участников совещания отменить их решение по этому вопросу.

На следующем совещании на квартире Н. И. Тургенева присутствующие Н. Муравьев, Трубецкой, Оболенский, Митьков, Нарышкин и Рылеев предложили вынести это решение «на утверждение всех членов общества». Н. Муравьеву все же удалось

настоять на том, чтобы объединение обществ было отложено. Энергичные усилия Пестеля, пытавшегося повлиять на членов Северного общества и добиться от них положительного решения об объединении обществ, не дали результатов. Н. И. Тургенев и С. П. Трубецкой, с которыми он встретился еще раз, не согласились на объединение обществ на основе пестелевской программы.

Последнее совещание Пестеля состоялось на квартире Оболенского, где присутствовали Трубецкой, Никита Муравьев, М. И. Муравьев-Апостол и Нарышкин. Совещание было бурным. Пестель настаивал на немедленном слиянии обществ. При обсуждении «нового порядка вещей» Пестель, раздосадованный несогласием присутствующих ввести республиканское правление, ударил по столу и сказал: «Так будет же республика!» (Эти слова запомнил М. И. Муравьев-Апостол.) В конечном счете все-таки было решено отложить объединение Северного и Южного обществ на два года, а до этого «действовать заодно, друг другу во всем вспомоществуя, и принимать взаимно приезжающих членов как членов единого общества» (36, т. 9, с. 260). Пестель согласился на созыв после восстания Великого собора народных депутатов для решения вопроса о форме правления при условии учреждения на период до созыва Верховного собора Временного правления с ограниченным сроком полномочий. В 1826 г. предполагалось собрать уполномоченных от обоих обществ для выработки общих правил и для избрания правителей в оба общества». Указывалось, что при обстоятельствах, «не терпящих промедления», каждое тайное общество имело право предпринять самостоятельное открытое выступление, «всеми наличными силами». М. И. Муравьев-Апостол был назначен «посредником» между Северным и Южным обществами (170, с. 113).

Таким образом, хотя Пестелю и не удалось добиться объединения Южного и Северного обществ, но в результате петербургских совещаний был сделан важный шаг к этому объединению. Пестель и руководители Северного общества договорились о необходимости разработки общей программы и совместного плана действий, которые предстояло потом поставить на обсуждение обоих обществ и утвердить на съезде уполномоченных этих обществ в 1826 г.

* * *

В начале 1824 г. руководством Васильковской управы была предпринята попытка самостоятельно завязать связи с Северным обществом. Руководители управы С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин стремились занять главенствующее место в Южном обществе и нейтрализовать Пестеля. Самому Пестелю недвусмысленно намекали, что опасаются его «диктаторства», видя в нем «нового Наполеона». Но Пестель уверял,

что, как только произойдет революция, он сложит с себя все полномочия и «удалится» в Киево-Печерский монастырь. С. П. Трубецкой и его единомышленники в Северном обществе рассматривали С. И. Муравьева-Апостола как человека, способного противостоять Пестелю, а Васильковскую управу — как своеобразный «опорный пункт» оппозиции Пестелю в Южном обществе. Сам С. Муравьев-Апостол был недоволен медлительностью руководства Южного общества, не видел конкретных результатов его деятельности, выступал за «скорые действия», ибо, как он говорил, «бездейственность умножает опасность, на каждом шагу нам угрожающая». Воспользовавшись служебной командировкой И. С. Повало-Швейковского в Петербург, С. Муравьев-Апостол отправил с ним письмо Трубецкому, Оболенскому и Никите Муравьеву с предложением о совместных действиях. Трубецкой ответил согласием, но остальные члены Северного общества, уклонившись от переговоров с Повало-Швейковским, ссылаясь на ожидавшийся скорый приезд в Петербург Пестеля.

В декабре 1824 г. С. П. Трубецкой был назначен в Киев дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса оставаясь одновременно в прежней должности старшего адъютанта Главного штаба. Это давало ему возможность в любое время приезжать в Петербург. По-видимому, квартира Трубецкого в Киеве была местом совещаний декабристов и пунктом связи Васильковской управы с Северным обществом. Здесь в начале 1825 г. жили С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин. Сюда приезжали П. А. Муханов, А. С. Грибоедов и другие декабристы. Здесь был принят в члены тайного общества А. О. Корнилович. Через посредничество Трубецкого к ноябрю 1825 г. между Южным и Северным обществами было достигнуто соглашение о конкретных совместных действиях. Был определен и срок восстания — май 1826 г., когда должен был состояться летний смотр войск 3-го и 4-го пехотных корпусов. Трубецкой как старший адъютант Главного штаба был осведомлен о назначенном смотре. Убийство Александра I должно было явиться сигналом к восстанию. Центром государственного переворота намечался Петербург, как «средоточие всех властей».

В 1824—1825 гг. деятельность Северного общества заметно активизировалась. Еще в 1823 г. наиболее активные члены Северного общества сочли необходимым, как свидетельствует Оболенский, «дать правлению Общества сильнейшее действие и потому решили дабы вместо одного правителя выбрать трех». Поэтому к «правителю» Никите Муравьеву «причислили» еще Трубецкого и Оболенского. После отъезда Трубецкого по служебным делам в Киев его место занял Рылеев, а в связи с отъездом в бессрочный отпуск в свое имение Никиты Муравьева в состав Думы был введен Александр Бестужев. Таким образом, ведущее место в обществе заняла рылеевская «отрасль» — группа единомышленников Рылеева — молодые офицеры гвардии и флота, литераторы и служащие «по граждан-

ской части»: В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский, П. Г. Каховский, К. П. Торсон, А. П. Арбузов, Д. И. Завалишин, братья А. П. и П. П. Беляевы, А. А., М. А. и Н. А. Бестужевы, принятые в тайное общество главным образом самим Рылеевым. Это были люди решительных действий. Именно благодаря их усилиям удалось осуществить восстание 14 декабря 1825 г. Единомышленниками Рылеева в Северном обществе явились и декабристы старшего поколения: принявший его в тайное общество И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, В. И. Штейнфельд.

Рылеев набирал силу и как поэт: расцвет его поэтического творчества совпадает со временем его активной деятельности как члена и одного из руководителей тайного общества. Свое поэтическое творчество Рылеев подчинял борьбе за свободу и справедливость; он неоднократно подчеркивал: «Я не Поэт, а Гражданин». В 1823—1825 гг. Рылеевым были созданы его лучшие произведения — «Войнаровский», «Наливайко», «Волынский» в которых на историческом материале развивалась тема героизма и гражданской доблести борьбы против тирании и деспотизма. Современники Рылеева прекрасно понимали смысл, «подтекст» его поэтических произведений на исторические темы. Поэзия Рылеева, утверждая патриотические идеи, тесно связанные с вольномыслием, призывала читателя к действию.

В 1823 г. Рылеев вместе с А. А. Бестужевым предпринял издание литературного альманаха «Полярная звезда». За 1823—1825 гг. они успели издать три книжки альманаха, имевшие большой успех. Альманах стал печатным органом, объединившим передовые литературные круги, важным средством идеологического воздействия на передовую молодежь. Помимо стихотворений и поэм самих издателей альманаха, в нем были помещены произведения писателей, представивших цвет русской литературы того времени: А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова, Н. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера, И. А. Крылова, Н. И. Гнедича, А. А. Дельвига, П. А. Вяземского.

В конце 1823 г. на одном из конспиративных заседаний Рылеев предложил «воздействовать на русское общество путем сочинения и распространения песен на манер народных» (36, т. 1, с. 456, 458). Вместе с А. Бестужевым он занялся их сочинением. В написанных ими в течение 1824—1825 гг. агитационных стихах «Ты скажи, говори», «Подгуляла я», «Ах, где те острова», «Царь наш — немец русский», «Ах, тошно мне и в родной стороне», в цикле так называемых «подблюдных песен» в остро сатирической форме бичевались лихоимство чиновников, неправый суд, сам царь с его придворной камарильей, звучали призывы «вить веревки на барские головки», готовить «ножи на сиятельных князей», «вместо фонарей поразвешивать царей». Однако эти крайне «крамольные» стихи и песни декабристы не решались распространять в народе. Во всяком случае на следствии они категорически отрицали это. Александр Бестужев

показывал: «Мы более всего боялись народной революции, ибо она не может быть ни кровопролитна, ни долговременна, а подобные песни могли бы оную приблизить. Вследствие сего, дурачась, мы их певали только между собою, а в народ и между солдатами их не пускали» (36, т. 1, с. 458). И все-таки каким-то непостижимым образом агитационные песни декабристов оказались известными солдатам и матросам, о чем свидетельствует в своих воспоминаниях Н. А. Бестужев. «В тот самый день,— пишет он,— когда исполнена была над нами сентенция и нас, морских офицеров, возили для того в Кронштадт, бывший с нами унтер-офицер морской артиллерии сказывал нам наизусть все запрещенные стихи и песни Рылеева, прибавя, что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева» (32, с. 28). Сочинение этих песен Рылеевым и А. Бестужевым было квалифицировано следствием (как преступление и явилось одним из серьезных против них обвинений).

К 1824 г. определилась руководящая роль Рылеева в Северном обществе. С этого времени активно ведется подготовка к «решительным действиям», тайное общество значительно пополняется за счет приема в него офицеров гвардейских полков — гренадерского, Измайловского Финляндского, кавалергардского. Серьезным успехом Рылеева было включение в Северное общество группы офицеров Гвардейского морского экипажа (А. Б. Шешин доказывает, что среди гвардейских моряков еще в 1824 г. «составилось» тайное общество, которое и было включено в Северное Рылеевым) (203). Эта группа морских офицеров была введена в состав Северного общества в начале 1825 г. По плану Рылеева на них после успешного восстания возлагалась задача отправить на кораблях императорскую фамилию «в чужие края». 2 июня 1825 г. Рылеев вместе с А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером и А. И. Одоевским предпринял «инспекционную» поездку в Кронштадт, который они рассматривали как опорный пункт восстания,— своего рода «русский остров Леон» (с острова Леона в Испании начали свой революционный поход в 1820 г. испанские революционеры Р. Риго и А. Квируга). Предполагалось, что Кронштадт может послужить и надежным убежищем в случае неудачи восстания. Большие надежды Рылеев возлагал на Н. А. Бестужева и К. П. Торсона. Капитан-лейтенант Н. А. Бестужев — талантливый писатель, ученый и художник, кристально честный и великолепный организатор — пользовался огромным авторитетом среди моряков-офицеров. Капитан-лейтенант К. П. Торсон, принятый в тайное общество через Н. А. Бестужева, занимал важный пост адъютанта начальника Морского штаба и отличался своими дарованиями и военным опытом.

В начале 1825 г. в Петербурге появился «храбрый кавказец» А. И. Якубович, приехавший с Кавказа в отпуск «для излечения раны, полученной в сражении пулею в голову». Сосланный

Александром I в 1818 г. на Кавказ за участие в качестве секунданта в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым Якубович затаил обиду на императора и жаждал мести. Якубович близко сошелся с Рылеевым, А. Бестужевым, Оболенским, но отказался вступить в тайное общество. Однажды на квартире Рылеева (дело было в июне 1825 г.) Якубович предложил совершить покушение на Александра I во время летнего петергофского праздника. Исполнить его он вызвался сам. Предложение Якубовича было совершенной неожиданностью для Рылеева и его товарищей, они сочли эти действия преждевременными, и предприняли немало усилий, чтобы уговорить Якубовича отложить свое намерение до более удобного времени. (Впоследствии, когда Якубович узнал о смерти Александра I, то «скрежетал зубами» от досады, что его друзья помешали ему совершить этот акт мести.)

Отметим, что несколько ранее (в 1824 г.) имел намерение совершить покушение на Александра I корнет кавалергардского полка Ф. Ф. Вадковский.

В конце сентября 1825 г. произошло событие, взволновавшее весь Петербург. Подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Константин Чернов, член Северного общества и родственник Рылеева, защищая честь своей сестры, отвергнутой ее женихом флигель-адъютантом Владимиром Новосильцовым, вызвал на дуэль обидчика. Это был вызов незначительного дворянина отпрыску аристократического рода. Рылеев вызвался быть секундантом. Условия дуэли были жестокими: противники должны были одновременно выстрелить друг в друга с расстояния восьми шагов. Оба были смертельно ранены. Похороны Чернова вылились в настоящую общественную демонстрацию, организованную Рылеевым и его друзьями. За гробом Чернова шла длинная процессия: почти все члены тайного общества, находившиеся в это время в Петербурге, товарищи Чернова по Семеновскому полку, гражданские лица, его друзья, да и люди, вовсе не знавшие его. В. И. Штейнгель, оглядывая процессию, сказал: «Поразительно. Это какой-то новый, доселе небывалый дух общей идеи». Александр Бестужев возбужденно воскликнул: «Напрасно полагали, что у нас нет общего мнения. Вот оно!» Декабристы справедливо расценивают это событие как первую политическую манифестацию в России. Возмущение передовых людей Петербурга против засилия аристократии Рылеев выразил в стихотворении «На смерть Чернова». Декабристы рассматривали его как «стихотворную прокламацию» (151, т. 2, с. 106; 167, с. 224—229).

В конце декабря 1824 г. в Петербург из Москвы приехал И. И. Пущин (за год до этого он был переведен в Московский надворный суд). В Петербурге состоялось несколько встреч его с Рылеевым и Оболенским, во время которых обсуждался вопрос об «оживлении» деятельности московской управы, жизнь которой практически замерла после 1821 г. Напомним, что вид-

ные ее члены М. Ф. Орлов, братья И. А. и М. А. Фонвизины отошли от участия в обществе, И. Д. Якушкин уехал в свою смоленскую деревню. Остальные деятели московской управы также не проявляли никакой активности.

Возвратившись в Москву, Пущин приступил к возрождению Московской управы. В конце января в Москву приехал в 28-дневный отпуск Е. П. Оболенский. Вместе с Пушиным он посетил своих старых товарищей по конспиративной деятельности и пригласил их на совещание. Оно состоялось в начале февраля на квартире Оболенского. На совещании присутствовали двоюродный брат Оболенского С. Н. Кашкин, свиты отставной подпоручик А. А. Тучков, титулярный советник И. Н. Горсткин, полковник Бородинского полка М. М. Нарышкин, отставной капитан А. В. Семенов, титулярный советник П. И. Колошин и сам Пущин. «Таким образом,— вспоминает Пущин — соединившись, составили управу, в которой я поименованными членами избран председателем для сношения с Петербургом».

Через два или три дня состоялось второе собрание, уже на квартире Тучкова, посвященное вопросу о «введении конституции»; текст конституционного проекта Н. Муравьева привез с собой из Петербурга Пущин, вероятно, этот вариант и обсуждался на данном заседании, вызвав оживленные дебаты.

Отметим, что к деятельности возрожденной управы не удалось привлечь старых членов Союза благоденствия, проживавших в Москве,— братьев И. А. и М. А. Фонвизиных и М. Ф. Орлова. Они держались особняком, не изъявили желания участвовать в работе управы. Вскоре Московская управа пополнилась новыми членами: в Москву перевелся С. М. Семенов, приехали М. Ф. Митков и В. И. Штейнгель. В начале 1825 г. в Москву под предлогом своих издательских дел приехал Рылеев. В доме М. М. Нарышкина состоялась его встреча с московскими декабристами. Здесь он читал свою новую поэму «Войнаровский», здесь же, несомненно, обсуждались и насущные вопросы дальнейшей деятельности Северного общества, филиалом которого являлась воссозданная Московская управа.

В начале 1825 г. И. И. Пущину пришла мысль учредить из числа членов Московской управы Северного общества и близких им по духу лиц «союз, имевший целью личное освобождение дворовых людей». Как впоследствии показывал сам И. И. Пущин, «обязанность члена (союза.— В. Ф.) состояла в том, чтобы не иметь при своей услуге крепостных людей, если он вправе их освободить, если же он еще не управляет своим имением, то при вступлении в управление оного через пять лет должен непременно выполнить обязанность свою. Сверх сего при всяком случае, где есть возможность к освобождению какого-либо лица, оказывать должен пособие или денежное, или какое-либо другое по мере возможности» (36, т. 2, с. 213). Оформление Практического союза произошло на третьем собрании Московской управы, состоявшемся на квартире Горстки-

на. В Практический союз вошли не только члены Московской управы; к нему привлекли и лиц, связанных с этими членами личной дружбой: князя П. Д. Черкасского, В. П. Зубкова, бывших лицеистов, однокашников Пущина — Б. К. Данзаса, А. П. Бакунина, В. П. Пальчикова. Зубков и Данзас впоследствии подверглись аресту и предстали перед Следственным комитетом по делу декабристов. Сведения о деятельности Практического союза крайне скудны. Известно лишь, что Нарышкин, получив после смерти отца имение и «будучи сам в стесненных обстоятельствах, сделав много долгов во время службы» (36, т. 1, с. 258), простил крестьянам 100 тыс. руб. недоимки и уплату оброка за следующее полугодие. А. Семенов половину получаемого с крестьян оброка израсходовал на покупку для них рогатого скота, кроме того, он отпустил 15 дворовых, занимавшихся ремеслами и приносивших ему 1500 руб. годового дохода.

Видные деятели Северного общества регулярно наезжали в Москву, чтобы упрочить свое влияние в Московской управе и активизировать ее деятельность. Помимо Е. П. Оболенского и К. Ф. Рылеева в Москву приезжали А. А. Бестужев (в апреле), А. И. Якубович (в мае-июне), осенью 1825 г. проездом в свое имение в Москве побывал Никита Муравьев, который «по поручению Думы» встречался с Пущиным, Нарышкиным, Митьковым, С. Семеновым и братьями Фонвизинными, пытался вернуть в тайное общество М. Ф. Орлова. В ноябре 1825 г. в Москву приезжал Д. И. Завалишин.

* * *

Важное место в планах декабристов отводилось подготовке солдат к вооруженному восстанию. Солдаты должны были под руководством передовых офицеров, членов тайного общества, сыграть решающую роль в предстоящем революционном перевороте, стать, по словам декабриста И. В. Киреева, «главную пружину действий к достижению предпринятой цели».

Начало агитации среди солдат было положено, как уже упоминалось, в 1820 г. членами Кишиневской организации — В. Ф. Раевским и Д. А. Охотниковым. В 1822 г. эта деятельность была прервана арестом Раевского.

В 1824—1825 гг., в период непосредственной подготовки к военному выступлению, пропаганда среди солдат стала необходимостью. Эта работа осуществлялась продуманно и осторожно. По предложению члена Южного общества штабс-капитана И. Ф. Фохта решено было выделить из состава солдат так называемых «гласных», т. е. наиболее проверенных из заслуженных ветеранов, пользовавшихся авторитетом у остальной солдатской массы и доверием у членов тайного общества. Уже через них предполагалось вести пропаганду среди остальной солдатской массы — «негласных». По планам декабристов, надо было сначала «стараться привязать» заслуженных ветеранов к

себе, т. е. расположить хорошим обращением, затем заводить с ними разговоры об их положении, наконец, рассказывать им о том, что среди офицеров есть люди, которые стремятся покончить с каторжными условиями солдатчины: отменить телесные наказания, ввести гуманное с ними обращение, улучшить их материальное положение, бороться в перспективе за сокращение срока службы. Именно в таком ключе и велась агитация декабристами, при этом они не раскрывали перед солдатами свои планы, старались избегать политических разговоров.

На юге, в войсках 1-й и 2-й армий, на которые распространило свою деятельность Южное общество, агитация среди солдат развернулась летом — осенью 1825 г., начиная с летних лагерных сборов войск в местечке Лещине. Сосредоточение многих воинских частей в одном месте облегчало эту работу, способствовало установлению новых контактов и знакомств между офицерами.

Агитация велась через надежных и доверенных унтер-офицеров, но в особенности через бывших семеновских солдат, раскассированных после волнений 1820 г. по полкам 1-й и 2-й армий. Бывшие семеновцы оказались в этом деле наиболее надежной опорой декабристов-южан. Эти солдаты уже имели опыт борьбы против аракчеевских порядков в армии и были более восприимчивы к пропаганде. Тяжелое положение, в которое попали раскассированные семеновцы, — бессрочная служба, всевозможные притеснения со стороны начальства, смотревшего на них как на опасных государственных преступников, и глубокое убеждение в несправедливости примененного к ним сурового наказания — все это не могло не вызывать у них чувств ненависти к существовавшим порядкам и симпатии к офицерам, которые в своих с ними разговорах горячо осуждали эти порядки, обещали облегчить их положение. Сами семеновцы заметно выделялись среди остальной солдатской массы, пользуясь у нее авторитетом и уважением. В семеновцах армейские солдаты видели не только героев Отечественной войны 1812 г., солдат одного из старейших и привилегированных полков гвардии, но и людей, пострадавших за защиту солдатских прав. Пестель показывал, что руководство Южного общества особенно возлагало надежды на 3-й пехотный корпус 1-й армии — там больше, чем в других воинских частях, было как членов тайного общества, так и «семеновских солдат, которые своим жребием весьма недовольны и притом влияние имеют на других солдат» (36, т. 4, с. 113).

Напомним, что среди членов Южного общества находились и офицеры раскассированного Семеновского полка, тоже пострадавшие за «бунт» 1820 г. (С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, М. М. Тютчев). Теперь они активно включились в агитационную работу среди семеновцев, когда-то служивших под их командой. По словам М. Бестужева-Рюмина, в течение сентября 1825 г. «за исключением разве немногих, приходили к

Муравьеву все солдаты Семеновского полка, находившиеся в 8-й дивизии, какие были в лагере». Бестужев-Рюмин рассказывает о том, как велась агитация среди семеновцев: «У семеновских солдат расспрашиваемо было о их положении, и как все на оное жаловались, то мы им говорили, что все скоро переменится, если они пристанут к нам, когда мы начнем возмущение. Ибо, прибавляли мы, многие уже готовы за нами последовать, да время еще не пришло, а когда придет, то мы им скажем, [а] пока до тех пор, чтобы они ничего не предпринимали, но тогда чтоб все делали, когда мы прикажем» (36, т. 9, с. 83—84). С. И. Муравьев-Апостол, зная преданность к нему старых семеновцев, отваживался и на более рискованные с ними разговоры. Так, старый семеновец Петр Малафеев, рассказывая ему о тягостях солдатской службы, привел случай, когда один из его товарищей «от таковых утеснений застрелился». На это С. Муравьев-Апостол сказал: «Это большое дурачество стрелять себя и он глуп — не дождал времени». Затем, сняв со стены пистолет «и сделав оным пример как бы кого застрелить», многозначительно добавил: «Вот так надобно». Старому семеновцу Федору Николаеву, который давно уже отслужил свой срок службы, но в наказание за бунт 1820 г. продолжал тянуть солдатскую ляжку, С. Муравьев-Апостол намекнул, что ему «теперь не грех из чистого ружья⁴ застрелить государя» (36, т. 6, с. 231). Как показывал другой семеновец, А. И. Тютчев, С. Муравьев-Апостол внушал приходившим к нему солдатам «ненависть к начальству и роптание к самой службе». Деятельную агитацию среди солдат вел и сам Тютчев. Он прямо связывал события 1820 г. в Семеновском полку с предстоящим выступлением. «Мы было начали в Петербурге дело, — говорил он семеновцам, — но не кончили. Здесь надо кончать. А вы постарайтесь подготовить своих товарищей к сему» (36, т. 5, с. 354).

Среди старых солдат-семеновцев особенно выделяется яркая личность Федора Анойченко, находившегося в службе с 1812 г., служившего в роте С. И. Муравьева-Апостола в бывшем Семеновском полку с 1817 г. Он один из первых откликнулся на «внушения» С. Муравьева-Апостола, оказав ему неоценимую услугу в пропаганде среди солдат. При этом он прекрасно понимал антиправительственный характер своих действий и смысл агитации С. Муравьева-Апостола. Анойченко показывал на следствии, что давал обещание «склонить прочих армейских чинов, лучших в полку, чтобы они пристали к его, Муравьева, делу, которому он, однако же, названия никакого не давал, но я, как и все семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое через Муравьева, понимал, что это должно клониться к бунту против царской власти» (36, т. 6, с. 227—228). Анойченко по указанию С. Муравьева установил связи с чле-

⁴ Имеется в виду что по окончании срока службы солдат освобождался от присяги царю.

нами Общества соединенных славян. Так, одному из них, М. М. Спиридову, он «изъявлял готовность к содействию». На слова Спиридова, чтобы солдаты «надеялись на своих начальников (офицеров-декабристов.— В. Ф.), которые их не покинут и готовы за них пропасть», Анойченко ответил: «Мы за таких начальников готовы лечь» (36, т. 6, с. 248).

С. Муравьев-Апостол перед своим отъездом из Лещина создал своеобразное «совещание» из 15 наиболее преданных ему бывших семеновских солдат, чтобы дать им соответствующие наставления на будущее. Он поддерживал с ними связи и по отъезде из Лещинских лагерей.

Активную агитацию среди солдат вели члены Общества соединенных славян. Сферой их деятельности были Черниговский, Саратовский и Пензенский пехотные полки, 8-я и 9-я артиллерийские бригады—в этих частях больше всего было членов данной организации. Член Общества соединенных славян поручик Я. М. Андреевич показывал, что он и его товарищи по обществу подготавливали солдат «к решимости» «путем возбуждения» в них ненависти к правительству, приводя им многочисленные примеры «несправедливости оного» (36, т. 5, с. 381).

В то время как декабристы вели подготовку к революционному перевороту, над ними была уже занесена карающая рука самодержавия. Как мы видели, под впечатлением возмущения солдат Семеновского полка и поступающих из доносов сведений о существовании Союза благоденствия правительство приняло ряд мер: 1 августа 1822 г. был издан указ о запрещении тайных обществ и масонских лож и о взятии от военных и гражданских чинов подписки в том, что они не принадлежат и не будут принадлежать впредь к таковым организациям, создана централизованная и разветвленная сеть тайной полиции в гвардии и армии. В эти годы активизировала свою деятельность и штатская тайная полиция. «Недостатка в шпионстве тогда не было,— вспоминает А. И. Михайловский-Данилевский,— правительство было подозрительно и в редком обществе не было шпионов, из коих, однако же, большая часть были известны; иные принадлежали к старинным дворянским фамилиям и носили камергерские мундиры» (64, с. 503). Следили и за высшими государственными лицами, в том числе и за Аракчеевым (у которого была и своя тайная полиция). Служивший у него декабрист Г. С. Батеньков вспоминает, как Аракчеев во время прогулки с ним по Фонтанке указал на шпиона, который был «приставлен за ним наблюдать» (кстати, Аракчеев отнесся к этому как к должному). Были созданы «черные кабинеты», занимавшиеся перлюстрацией частных писем. Это было «классическое» время доносов. Доносили на лиц не только с передовыми взглядами, но даже на влиятельных вельмож и ретроградов, например, на министра полиции А. Д. Балашова, министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына, митро-

полита Филарета, на Аракчеева. М. Л. Магницкий подал донос даже на великого князя Николая Павловича.

Не сомневаясь в том, что тайные политические организации в России продолжают действовать, правительство через разветвленную сеть полицейской агентуры предпринимало тщетные усилия к их обнаружению. Декабристы знали, что правительство усиленно выслеживает их. Так, П. С. Бобрищев-Пушкин после показывал на следствии, что еще в 1824 г. среди членов тайного общества «носились слухи, что правительство подозревает существование общества» (36, т. 12, с. 400). М. И. Муравьев-Апостол в конспиративном письме к брату Сергею от 3 ноября 1824 г. предупреждал его, что «правительство теперь постоянно настороже. Юг сильно привлекает его внимание, оно знает, какой там царит дух» (36, т. 9, с. 210). О существовании тайных обществ говорил в 1824 г. своему сыну П. И. Пестелю И. Б. Пестель, призывая его «остерегаться» А. П. Юшневского, в котором предполагал руководителя одного из таких обществ. С. Г. Волконский позднее вспоминал один эпизод, происшедший с ним после смотра 2-й армии в октябре 1823 г. Александр I подозвал его и предупредил, что ему будет «гораздо выгоднее» продолжать исправно вести свои обязанности по службе, «а не заниматься управлением империи». «Многое о тайном обществе было известно государю,— писал Волконский,— и сказанное им было предостерегательным намеком и мне и моим сообщникам по тайному обществу» (34, с. 435).

В причастности к тайным обществам Александр I подозревал и некоторых видных военачальников, генералов. В их числе — А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский, П. Д. Киселев, Д. А. Столыпин, М. Ф. Орлов. В 1826 г. при разборе бумаг покойного императора была обнаружена его записка, датированная 1824 годом, в которой говорилось: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или по крайней мере разливается, между войсками, что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том миссионеров для распространения своей партии» (193, с. 48). Далее в записке перечисляются имена указанных генералов. Как видим, Александр I был осведомлен о существовании тайных обществ и после роспуска в 1821 г. Союза благоденствия подозревал многих лиц командного состава в связи с ними, но еще не располагал конкретными сведениями об этих обществах.

Однако летом 1825 г. правительству наконец удалось получить достоверную информацию о том, что против него существует заговор в войсках, расквартированных на юге России. И на этот раз, как и в 1820—1821 гг., эти сведения поступили не от тайной полиции, а от «добровольных» доносчиков, которые узнали о заговоре в войсках совершенно случайно, в основном из-за неосторожности молодых и неопытных членов Южного общества — декабристы были неважными конспираторами. За-

метим, что среди самих декабристов не было ни одного доносчика. Благородство, долг чести и товарищества заставляли, по их словам, «гнушаться доносительством». Даже те из них, кто порывал с тайным обществом, считал бесчестным «прослыть доносчиком». Даже Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, связанные многими декабристами, знавшие о существовании тайных обществ и даже бывавшие на некоторых конспиративных собраниях, не решились на доносы.

В начале 1825 г. унтер-офицер южных военных поселений И. В. Шервуд познакомился через своего приятеля с членом Южного общества прапорщиком Ф. Ф. Вадковским. Когда Вадковский узнал, что Шервуд служит в военных поселениях и имеет там большие связи, то предложил ему вступить в тайное общество. Шервуд охотно согласился на это предложение, столь легкомысленно сделанное ему Вадковским, и 18 мая 1825 г. отправил в Петербург лейб-медику Я. В. Виллие, с которым был хорошо знаком, пакет с доносом на имя Александра I. Шервуд писал императору об обнаруженных им «важных обстоятельствах», о которых желает доложить ему лично. Для этого он просил арестовать его под каким-нибудь предлогом и доставить в Петербург, где он мог бы доложить императору лично «о чрезвычайной важности государственном деле». Александр I поручил исполнить это А. А. Аракчееву, который 25 июня отправил за Шервудом специального курьера. 12 июля унтер-офицер был доставлен в имение Аракчеева Грузино под Петербургом. Здесь Аракчеев попытался выяснять у Шервуда, какие сведения он привез Александру I, и тот в конце концов вынужден был ему признаться: «дело в заговоре против императора» и об этом он лично желает ему сообщить. Вызов Шервуда в Петербург возбудил подозрения у пронизательного Г. С. Батенькова, в то время уже члена тайного общества, служившего при Аракчееве. Батеньков «шесть раз спрашивал» Шервуда о причине его приезда, но не сумел от него ничего добиться.

После аудиенции у Александра I Шервуд получил «высочайшее повеление» отправиться на юг и продолжать свои «разыскания». Ему предоставлены были годичный отпуск и необходимые денежные средства. Всю корреспонденцию Шервуд должен был через нарочных отправлять Аракчееву, которому поручено было возглавить все дело розыска тайной организации. Предателю удалось войти в доверие к Вадковскому и узнать о руководителе Южного общества П. И. Пестеле, о составленном им пропраммном документе «Русская Правда», о готовящемся выступлении и о надеждах заговорщиков на военные поселения. Обо всем этом Шервуд сообщил в своем «отчете» Аракчееву 20 сентября. «Отчет» Аракчеев в конце сентября отослал в Таганрог к Александру I. Император, будучи уже тяжело больным, отдал 10 ноября приказ находившемуся при нем начальнику Главного штаба И. И. Дибичу отправить для ареста Вадков-

ского и «его сообщников» полковника лейб-гвардии казачьего полка С. С. Николаева, опытного в делах сыска. Таким образом, приказ о начале арестов декабристов был отдан еще Александром I. Однако исполнение приказа задержалось примерно на месяц в силу ряда обстоятельств, не связанных, на наш взгляд, с болезнью, а затем со смертью императора. Полковник Николаев прибыл в Харьков 13 ноября, через два дня состоялась его встреча с Шервудом. Опытный в сыском деле Николаев понял, что полученных Шервудом от Вадковского данных недостаточно для его ареста. Необходимо было «добыть» письменные «улики». Но главное, арест Вадковского мог бы «вспугнуть» главных «заговорщиков», а задача Николаева состояла в том, чтобы через Вадковского «выйти» на руководителей заговора.

Наконец провокаторам выпала удача. Им помогла доверчивость Вадковского, который 3 декабря передал Шервуду (уже принятому им в тайное общество) важное конспиративное письмо для пересылки Пестелю. Письмо было спровоцировано Шервудом, который сумел убедить Вадковского в том, что ему удалось завести отделение тайного общества в военных поселениях. В письме, нарушая правила конспирации, Вадковский довольно откровенно говорил о замыслах тайного общества, упомянул ряд его членов — П. Х. Граббе и М. Ф. Орлова, С. П. Трубецкого, А. П. Барятинского, М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов. Николаев, заполучив это письмо, счел целесообразным все же оставить до времени Вадковского на свободе. Он логично рассудил: «Вадковский всегда в руках, а круг действий его так мал, что до времени бояться нечего. Теперь надобно поспешить, чтобы предупредить и остановить действия высших (т. е. руководителей тайного общества.— В. Ф.). Я начал бы с Пестеля» (194, с. 35). 8 декабря Николаев прибыл в Таганрог, был принят Дибичем, которому показал письмо Вадковского Пестелю, изложил свой план захвата Пестеля и мотивы, почему он «до времени» оставил Вадковского на свободе.

К этому времени в распоряжении Дибича имелись материалы еще двух доносчиков — украинского помещика А. К. Бошняка и капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды. Бошняк был тайным агентом начальника южных военных поселений графа И. О. Витта, возглавлявшего слежку за «настроением умов» на юге России. Как сообщает сам Бошняк в своей записке «О сношениях моих с некоторыми из заговорщиков», представленной им в марте 1826 г. в Следственный комитет, он уже с апреля 1825 г. начал пристальную слежку за «подозрительными» лицами из офицеров. Наконец ему удалось «сблизиться со служившим в военных поселениях членом Южного общества подпоручиком В. Н. Лихаревым, через которого он узнал о существовании тайного общества, а затем и познакомился с руководителем Каменской управы В. Л. Давыдовым. О своих переговорах с Лихаревым и Давыдовым Бошняк доложил Витту,

который отправил 3 августа 1825 г. донос Александру I об открытом им тайном обществе и просил аудиенции для личного доклада. Бошняку было приказано рассказать заговорщикам о якобы «готовности» Витта вступить в тайное общество и даже его «предложении» передать в распоряжение заговорщиков около 40 тыс. находившихся под его начальством «недовольных своим положением военных поселян (194, с. 38).

18 октября Витт в Таганроге был принят Александром I, которому сообщил, что «тайное общество увеличилось в обеих армиях (то есть в 1-й и во 2-й), что «18-я дивизия особенно заражена сим духом и что в одной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель». Витт назвал также в числе «деятельнейших членов общества» Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, Н. А. Крюкова и самого В. Н. Лихарева. Витт с Бошняком представили императору и разработанный ими провокационный план: организовать в январе 1826 г. конспиративный съезд Южного общества и на нем захватить его участников «с бумагами и архивами». Этот план получил «высочайшее одобрение». Однако деятельность Бошняка и Витта была парализована бдительностью руководства Южного общества. Предложение Витта о его вступлении в тайное общество было категорически отвергнуто, а Лихареву и Давыдову был сделан «словесный выговор за неосторожность». Не осталась незамеченной декабристами и поездка Витта в октябре 1825 г. в Таганрог. Все сношения с Бошняком Давыдова и Лихарева были прекращены. Есть сведения о том, что члены Южного общества были извещены о доносах Витта начальником штаба 2-й армии генерал-адъютантом П. Д. Киселевым, близким к декабристам (34, с. 414).

Наиболее опасным для тайного общества был донос на него А. И. Майбороды. Он служил в Вятском полку командиром его 1-й гренадерской роты и своей усердной службой расположил к себе Пестеля. Поначалу Пестель полностью доверял Майбороде и в августе 1824 г. даже принял его в члены тайного общества. Но в конце 1825 г. Пестель, по словам самого Майбороды, стал подозревать его «в шпионстве». Подозрение возникло из-за того, что Майборода начал под разными предлогами уклоняться от поручения Пестеля «осторожно действовать на умы солдат». Вскоре случилась и денежная нехватка в 1-й гренадерской роте по вине Майбороды. Пестель приказал немедленно внести эту сумму, грозя Майбороде судом. Это и подтолкнуло последнего к доносу на своего полкового командира. Под предлогом собрать необходимые деньги Майборода отправился в Житомир к командиру 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенанту Л. О. Роту и 25 ноября представил ему донос на тайное общество. К доносу он приложил и список 46 членов Южного и Северного обществ. Рот переслал записку Майбороды Дибичу в Таганрог, которую тот получил 1 декабря.

4 декабря 1825 г. Дибич направил подробное донесение об

открытом заговоре (составленное на основании данных всех трех доносов) цесаревичу Константину в Варшаву и Николаю Павловичу в Петербург, а 5 декабря отправил генерала А. И. Чернышева в Тульчин для ареста Пестеля, Юшневского и других поименованных Майбородой членов Южного общества. 10 декабря Дибич также отдал приказ полковнику Николаеву взять под арест Вадковского.

Донесение Дибича от 4 декабря о раскрытом заговоре было доставлено в Варшаву 11-го, а в Петербург 12-го декабря. Характерно, что и Константин и Николай узнали о заговорах и поступивших о нем доносах только из этого донесения Дибича. Александр I не посвящал своих братьев в дело слежки за тайными обществами. О нем первоначально знали лишь Аракчеев, а на последнем этапе Дибич.

Итак, уже до восстания декабристов правительство было достаточно осведомлено о заговоре и готовилось к разгрому декабристских организаций. Поскольку руководство Южного общества было также осведомлено о том, что на него поступили доносы, оно приняло следующее решение: как только последуют первые аресты, немедленно «начинать свои действия». Но в силу ряда причин, о которых будет сказано ниже, восстание на юге поднялось спустя две недели после ареста Пестеля, хотя уже при первом известии об этом аресте С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и А. В. Поджио приложили немало усилий к тому, чтобы договориться с оставшимися на свободе членами Южного общества о немедленном выступлении, которое предполагалось начать с захвата главной квартиры 3-го пехотного корпуса в Житомире и освобождения Пестеля. Однако события разворачивались по-иному.

«В 1825 ГОДУ РОССИЯ ВПЕРВЫЕ ВИДЕЛА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА...»

Выступление декабристов, намеченное на лето 1826 г., было ускорено неожиданной смертью Александра I 19 ноября 1825 г. в Таганроге и создавшимся в течение последующего месяца междуцарствием вследствие неясности вопроса о престолонаследии.

При вступлении Александра I в 1801 г. на престол его наследником, согласно «Общему акту о престолонаследии» от 5 апреля 1797 г., становился Константин Павлович, еще в 1799 г. получивший от отца титул цесаревича. Родившиеся у Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны в 1797 и 1806 гг. дочери Елизавета и Мария умерли в младенчестве. Состояние здоровья Елизаветы Алексеевны больше не давало надежды на появление у нее детей. Однако и Константин Павлович, фактически разошедшийся со своей женой Анной Федоровной (принцессой Саксенкобургской), был также бездетным.

Рождение в 1818 г. у другого брата царя, Николая Павловича, сына Александра (будущего Александра II) определило выбор. Летом 1819 г. Александр I предупредил Николая и его жену Александру Федоровну, что они «призываются в будущем к императорскому сану», ссылаясь на «упадок» своих сил и якобы нежелание Константина принимать престол. В том же году, возможно еще до этого разговора с Николаем, Александр нанес визит Константину в Варшаву. Во время этой встречи Александр дал Константину устную санкцию на официальный развод с женой и разрешение вступить в мorganaticкий брак с Иоанной Грудзинской (дочерью небогатого польского помещика Калишского воеводства) при условии передачи своих прав на престол Николаю. Позднее, в 1825 г., Константин говорил, что он сам отрекся от своих прав в пользу Николая. Мемуаристы свидетельствуют, что в узком семейном кругу Константин заявлял о своем нежелании когда-либо царствовать («удушат, как отца удушили»). Однако документы, связанные с отречением Константина (да и само его поведение в дни междуцарствия 1825 г.), о чем речь пойдет ниже, свидетельствуют о том, что отречение с его стороны едва ли было добровольным актом.

20 марта 1820 г. был издан манифест, разрешавший Константину развод с его женой. К манифесту прилагалось «дополнительное постановление», в котором указывалось, что член царской семьи при вступлении в брак «с лицом не из владетельного

дома не может сообщить ему прав, принадлежащих членам императорской фамилии, рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола». 15 мая 1820 г. Константин заключил брак с Иоанной Грудзинской, которой Александр I присвоил по этому случаю титул княгини Лович. Хотя манифест 20 марта 1820 г. формально и не отнимал у Константина права на российский престол, но ставил его в такие условия, при которых он был вынужден отречься от этих прав, что и было сделано Константином в письме к Александру от 14 января 1822 г. 2 февраля того же года Александр дал письменное «согласие» на это и распорядился составить «особый акт», оговорив, что «акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для того нужная пора».

Составление «акта» (манифеста) было поручено митрополиту Филарету. Написанный им текст манифеста был исправлен по указанию Александра I, затем переписан министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным. 16 августа 1823 г. Александр подписал окончательный вариант манифеста и вложил его вместе с письмами Константина от 14 января и своим от 2 февраля 1822 г. в конверт, на котором была сделана его собственноручная надпись: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия» (180, с. 59). По настоятельному совету Филарета с находившихся в пакете документов были сняты по три копии, запечатаны в пакеты с такой же надписью царя и положены на хранение в Сенат, Синод и Государственный совет.

Ни текст манифеста, ни сам факт его составления не были сообщены ни Константину, ни Николаю. Впрочем, впоследствии Николай узнал от матери, что существует акт об отречении Константина в пользу его, Николая, и что этот документ «хранится в надежном месте», но о его содержании Николаю не было сообщено. Историк А. Е. Пресняков, посвятивший в своей книге «14 декабря 1825 года» специальную большую главу династическому кризису того времени, основываясь на словах Александра I «до востребования моего», полагает не без основания: «Быть может, Александр и не считал своего решения окончательным», т. е. в предвидении возможного изменения обстоятельств мог и «востребовать» (180, с. 59) эти акты, приняв другое решение.

27 октября 1825 г. Александр I во время своей поездки в Крым сильно простудился. 5 ноября он возвратился в Таганрот уже тяжело больным. Лейб-медики констатировали лихорадку. 7 ноября болезнь обострилась. Через два дня наступило временное облегчение. 10 ноября Александр отдал приказание начать аресты выявленных по поступившим к нему доносам членов тайной декабристской организации. Это было его последнее прика-

зание. 14 ноября царь впал в беспамятство, врачебный консилиум установил, что надежд на выздоровление нет. В бреду он несколько раз повторял по адресу заговорщиков: «Чудовища! Неблагодарные!» 16 ноября Александр «впал в летаргический сон», который сменился конвульсией и агонией, 19 ноября в 11 часов утра наступила смерть.

Первые известия о заболевании царя пришли в Петербург 17 ноября — об этом он сообщал сам в письме к своей матери от 5 ноября. 22 ноября был получен первый бюллетень от 12 ноября о состоянии здоровья царя, которое подавало некоторые надежды на благоприятный исход. Но 25 ноября из Таганрога пришло донесение начальника Главного штаба И. И. Дибича, что болезнь приняла опасный характер. От Трубецкого, который приехал 10 ноября в Петербург из Киева и был вхож в Зимний дворец, об этом сразу же стало известно членам Северного общества.

25 ноября Николай Павлович, узнав об опасном положении Александра I, вечером собрал к себе князей П. В. Лопухина и А. Б. Куракина и петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича и «представил им возможность упразднения престола и свои на оный права», при этом он ссылаясь на хранившееся завещание Александра о передаче ему престола «как законному наследнику». Милорадович решительно воспротивился этому, аргументируя свою позицию тем, что невозможно «заставить присягнуть войско и народ иначе, как законному наследнику» (Константину), отказ Константина был сделан в частном порядке, не объявлен официально, и воля Александра I, «изъявленная в запечатанной бумаге, не может служить законом, потому что русский государь не может располагать наследством престола по духовной». Далее Милорадович говорил, что если Константин не захочет принять престола, то он должен объявить это официально изданием манифеста от своего имени и только на этом основании Николай может стать законным наследником (79, т. 1, с. 233).

На следующий день был получен новый бюллетень из Таганрога, в котором отмечалось некоторое улучшение здоровья царя. На 27 ноября в Зимнем дворце был назначен задравный молебен об Александре I, но он был внезапно прекращен в связи с прибытием курьера, известившего о его смерти. Трубецкой был свидетелем, как Милорадович уже начал отдавать приказания своим адъютантам немедленно привести караулы Зимнего дворца к присяге Константину. Собрали Государственный совет. Принесли «золотой ковчежец», в котором хранилось завещание Александра I, оно было вскрыто и оглашено. Николай Павлович вновь предъявил свои права на престол согласно оглашенному завещанию. Однако выступил и Милорадович, также повторивший свои доводы в пользу передачи престола Константину. Его поддержал Н. С. Мордвинов, внесший предложение идти «присягать императору Константину Павловичу». Николай

вынужден был первым принести присягу Константину. Его примеру последовал двор, Государственный совет, Сенат и Синод. Началась присяга в войсках. Вскоре в магазинах Петербурга были выставлены портреты «императора Константина I», была даже отчеканена небольшая партия серебряных рублей с его изображением.

Константин Павлович получил донесение о смерти Александра I вечером 25 ноября. Он собрал военных и объявил им о своем отречении от престола согласно обещанию, данному покойному брату. В поведении Константина в дни междуцарствия много странного и непонятного. Он в своем ближайшем окружении запрещал относиться к нему как к императору, грубо обрывал тех, кто называл его «величеством», но не делал никаких официальных заявлений о своем отказе от престола.

Ни у находившихся в Таганроге И. И. Дибича и П. М. Волконского, ни в придворных кругах не было ясности, кто будет царствовать. Дибич и Волконский составляли важные донесения в двух экземплярах — один направляли в Варшаву, другой — в Петербург. Сам Николай вел себя де факто как император: переселился из Аничкова дворца в Зимний и отдавал приказания от своего имени.

Известие о смерти Александра застало членов Северного общества врасплох. В Петербурге членов этого общества было немного, и они вначале надеялись на то, что Южное общество, располагавшее большими силами, воспользуется моментом и начнет выступление первым, а петербургские и московские общества окажут им поддержку. Вечером 27 ноября к Рылеву приехал Трубецкой и, как показывал Рылеев, заявил ему, что «надобно приготовиться, сколько возможно, дабы содействовать южным членам, если они подымутся, что очень может случиться, ибо они готовы воспользоваться каждым случаем, что теперь обстоятельства чрезвычайные и для видов наших решительные» (36, т. 1, с. 184).

Вероятно, в тот же день 27 ноября вечером к Рылеву прибыли Е. П. Оболенский и А. А. Бестужев, также возглавлявшие Северное общество. Им уже было известно, что на следующий день назначена присяга гарнизона, учреждений и жителей Петербурга Константину. Знали они, несомненно от Трубецкого, и о завещании Александра I, передававшего права на престол Николаю Павловичу. На совещании было решено, что если Константин примет престол, то надлежит формально «объявить общество распущенным», а на деле тщательно законспирироваться на два — три года. «Действовать сколько возможно осторожнее, стараясь в два или три года занять значительнейшие места в гвардейских полках», и ни в коем случае не выходить в отставку — на этом особенно настаивали Трубецкой и Оболенский (там же).

Между тем в Петербурге стали распространяться упорные слухи о том, что Константин отказывается от престола. У чле-

нов Северного общества вновь «появилась надежда на немедленное выступление». Трубецкой в своих воспоминаниях указывает, что эти настроения подогревались в данном случае тем, что «в России никогда не бывало, чтобы законный наследник престола добровольно от него отказывался, и должно было предполагать, что в войсках с трудом поверят этому отказу» (79, т. I, с. 243). Кроме того, Николая не любили («особенно военные») и, «наконец, члены тайного общества уверены были в содействии некоторых из высших сановников государства, которые, опасаясь действовать явно, когда еще общество не оказывало своей силы, являли себя готовыми пристать, как скоро увидели бы, что достаточная военная сила может поддержать их» (79, т. I, с. 244).

Активную роль в переломе настроения северян и в подготовке самого восстания сыграл энергичный И. И. Пущин. «Из Москвы прискакал к нам Иван Иванович Пущин разделить с нами горе и радость, — вспоминает Е. П. Оболенский. — Тут все пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах» (62, с. 89). Пущин сумел убедить всех воспользоваться благоприятным моментом.

С этого времени начались «решительные и каждодневные совещания» членов тайного общества. Местом совещаний стала квартира Рылеева, которая превратилась в «штаб восстания». «Отсюда исходили все приготовления и распоряжения к возмущению», — показывал после сам Рылеев (36, т. I, с. 184). Руководил «совещаниями» Трубецкой, который по два — три раза приезжал к Рылееву, привозил известия, давал советы. Сам Рылеев был болен и не мог выходить из дому. Разрабатывая планы восстания, решили избрать мотивом выступлений якобы защиту законных прав Константина, верность «первой присяге». Декабристы знали о неприязни офицеров и солдат к Николаю, об их надеждах на Константина, в войске которого солдаты служили не 25, а 15 лет, и с которым связывалось улучшение условий службы. «Разведование, — вспоминал Трубецкой, — произведенное офицерами, принадлежащими к тайному обществу или содействовавшими ему, убедило их, что солдаты не будут согласны дать новую присягу и что только изустное объявление Константина, что он передает брату престол, может уверить их в истинном отречении от него» (79, т. I, с. 288). Такое «разведование» члены общества провели в семи гвардейских полках, морской гвардии и частично в артиллерии. «На упорстве солдат остаться верными императору» (Константину) и был основан весь «план действий». Рылеев предложил распустить накануне восстания среди солдат слух, будто в Сенате хранится духовное завещание Александра I о сокращении срока службы до 10 лет. Это предложение было единогласно принято, и офицерам разных полков, принадлежащим к тайному обществу, было поручено «привести оное в исполнение».

Однако и Николай также принимал со своей стороны меры

для «перемены присяги» в войске. По свидетельству В. И. Штейнгеля, «приказано было солдат не выпускать из казарм, даже в баню, и наблюдать строго, чтобы не было никаких разговоров между ними. Полковым и батальонным командирам лично было сказано, чтобы на случай отказа цесаревича приутопляли людей к перемене присяги». За успешные действия штаб-офицерам и генералам было «обещано генерал-адъютантство и флигель-адъютантство» (84, с. 150).

Приготовления правительственной стороны не укрылись от членов тайного общества, также активизировавшего свою деятельность. На одном из собраний Рылеев произнес знаменитые, воодушевившие всех слова: «теперь или никогда!» (62, с. 218). Для успеха дела «находили достаточным шесть полков». Особенно надеялись на гвардейские полки Московский, Измайловский, гренадерский, Финляндский, в которых служили наиболее решительные члены тайного общества и где зрело недовольство их дивизионными командирами — великими князьями Николаем (претендентом на престол) и Михаилом Павловичами.

10 декабря на квартире Рылеева обсуждались два плана выступления. Первый план разработал Трубецкой. Он предлагал не вооруженное восстание, а вооруженную демонстрацию — «без кровопролития». Суть его плана заключалась в том, чтобы еще до отречения Константина поднять один за другим гвардейские полки, затем собрать все неприсягнувшие полки и артиллерию в одно место за городом и, опираясь на эту вооруженную силу, потребовать от правительства согласиться на принятие конституции и представительного правления. Трубецкой полагал, что правительство, увидев противостоящую ему вооруженную силу, пойдет на эти уступки. Он также считал, что все «сочувствующие конституции» также пристанут к восставшим (36, т. 1, с. 36).

Отметим, что проект Трубецкого, при четком его исполнении, был вполне реалистичен. Однако он не получил поддержки и был принят другой план, предложенный Рылеевым и Пуцциным: рано утром, когда начнется присяга новому императору, вывести неприсягнувшие войска на Сенатскую площадь и принудить Сенат (помешав ему присягнуть Николаю) объявить манифест о создании Временного революционного правительства и созыве Верховного собора. Декабристы хотели использовать Сенат как наиболее авторитетный орган старого государственного аппарата, чтобы придать «законную» форму революционному перевороту. Намечалось захватить Зимний дворец, Петропавловскую крепость, другие правительственные учреждения. Предполагалось также убить Николая, а царскую семью вывезти «в чужие края» (изгнать из пределов России). Совершить цареубийство Рылеев сначала предлагал А. И. Якубовичу. Тот отказался под тем предлогом, что ранее он был готов на акт личной мести против Александра I, а к Николаю у него нет никакой неприязни. Тогда обратились к П. Г. Каховскому. «Открой нам ход, —

говорил ему Рылеев, — ты сир (сирота) на земле, убей императора» (36, т. 1, с. 182—188). Такое же предложение было сделано и полковнику А. М. Булатову. «Диктатором» восстания (т. е. военным командиром) был избран как старший по воинскому званию (полковник Главного штаба) С. П. Трубецкой. Кроме Булатова, все остальные члены тайного общества «были люди молодые, никто не был чином выше ротного командира», и было «нужно имя, которое бы ободрило». Сам Трубецкой не возражал против своего назначения, только он поставил условие — выход достаточного количества войск на площадь, хотя бы «одного полка». «Начальником штаба» он назначил себе поручика Финляндского полка Е. П. Оболенского, на квартире которого в эти дни проходили совещания по «военным» вопросам. Впоследствии Трубецкой доказывал следователям, что он не хотел брать на себя командования, «но не имел духу» отказать товарищам, во всяком случае имел намерение «сохранить и посреди самого бунта и мятежа тишину и спокойствие», не доводить дело «до пальбы» (36, т. 1, с. 39). Таким образом, уже в те дни у Трубецкого проявились неуверенность в успехе и колебания.

Впрочем, уверенности в успехе не было и у Рылеева. Н. А. Бестужев в своих воспоминаниях передает его слова: «Я уверен, что погибнем, но пример останется. Принесем собою жертву будущей свободы отечества» (32, с. 34).

Дни 12—13 декабря для Николая Павловича, по его признанию, были самыми критическими. В столице шли толки о скором приезде Константина, говорили также, что он и (как полагали, «его сторонник») Михаил Павлович арестованы, даже распространялись слухи об «убийстве» Константина. Все это подогревало и без того возбужденное состояние различных кругов Петербурга. Наконец 12 декабря в полдень из Варшавы прибыл фельдъегерь и доставил последние письма Константина, который возлагал всю ответственность за происходящее на Николая и его советников и отказывал ему в содействии в мирном и спокойном восшествии на престол. Утром того же дня из Таганрога прибыл полковник барон Б. А. Фредерикс, который привез донесение И. И. Дибича о раскрытом заговоре на юге России. В тот же день Николаю подал донос о заговоре в Петербурге и готовящемся восстании молодой подпоручик лейб-гвардии егерского полка Я. И. Ростовцев, вступивший недавно в Северное общество. В своих воспоминаниях он объясняет свой поступок обязанностью «исполнения священного долга». Три дня он носил текст доноса во дворец, пока не добился аудиенции у Николая Павловича. Ростовцев не назвал ему имен, но сообщил претенденту на престол самое важное — что выступление заговорщиков приурочено ко дню присяги.

Поступившие доносы о заговоре и готовившемся выступлении заговорщиков заставили Николая принять решение немедленно объявить себя императором, приведя к присяге армию, Сенат, Синод и Государственный совет, не дожидаясь от Кон-

стантина официального акта об отречении от престола. День присяги был назначен на 14 декабря. Николай в эти драматические дни находился в полном смятении. «14-го числа я буду или государь, или мертв. Что во мне происходит, описать нельзя», — писал он в Таганрог П. М. Волконскому 12 декабря. В тот же день был вызван Сперанский, которому было поручено составить манифест о восшествии на престол Николая Павловича. Николай принял решение издать манифест не от имени Сената (дабы не создать на будущее прецедента Сенату распоряжаться престолом), а от своего собственного имени. К манифесту предполагалось приложить «завещание» Александра I (т. е. его секретный манифест от 16 августа 1823 г.) и письма Константина об отказе от своих прав на престол (так впоследствии и было сделано). Манифест был готов 13 декабря, но подписан претендентом на престол задним числом — 12 декабря. Начало царствования Николая I в манифесте указывалось с 19 ноября 1825 г.

Первым делом предусматривалось привести к присяге войска, дабы заручиться военной поддержкой. Полковым командам заранее дано было указание лично проводить «переприсягу»; они были предупреждены, что понесут строгое взыскание, если «возникнут упорства» при принесении присяги в их полках. Генерал-губернатор М. А. Милорадович, ранее воспрепятствовавший Николаю занять престол, теперь решил оказать ему содействие, убедившись в том, что Константин не примет престола; но главное, несомненно зная о заговоре декабристов, он надеялся тем самым упредить их выступление. Предполагают, что в его записной книжке (она не обнаружена) были записаны имена всех заговорщиков.

Итак, 12 декабря членам тайного общества определенно стало известно, что в ближайшие дни состоится присяга Николаю Павловичу как императору, а 13-го вечером их оповестили и о дне присяги — 14 декабря. Эта дата хранилась правительством в строгой тайне, но о ней от М. М. Сперанского узнал член тайного общества сенатор С. Г. Краснокутский (36, т. 2, с. 76—77; т. 14, с. 80).

В тот вечер были оговорены все детали действий на следующий день: уточнялось, какие части под чьим командованием и по какой улице пойдут к Сенату. Было решено, что до подхода основных войск к Сенату А. И. Якубович и А. П. Арбузов с Гвардейским морским экипажем и Измайловским полком захватят Зимний дворец и арестуют царскую семью, офицеры — члены тайного общества — с Финляндским полком захватят Петропавловскую крепость и Арсенал. Рылеев поручил Трубецкому и Штейнгелю составить текст «Манифеста к русскому народу» (известно, что в составлении «Манифеста» принимали также участие Н. А. Бестужев, Г. С. Батеньков и И. И. Пущин). Штейнгель кроме того составил манифест об отречении Николая I от престола, но сам же и уничтожил этот документ в день

разгрома восстания. На следствии Штейнгель кратко изложил суть его. В манифесте заявлялось, что Константин и Николай отказались от престола и «после такого поступка их Сенат почел необходимым задержать императорскую фамилию и созвать Великий Собор из представителей всех сословий народа, которые должны решить судьбу государства». Далее говорилось, что «имущества, как государственные, так и частные, остаются неприкосновенными, а для сохранения общественного устройства назначается Временное правление» (36, т. 14, с. 163).

В «Манифесте к русскому народу» провозглашались «уничтожение бывшего правления», т. е. самодержавия; ликвидация крепостной зависимости крестьян («уничтожение права собственности, распространяющееся на людей»), рекрутчины и военных поселений, телесных наказаний, отмена подушной подати и недоимок; прежняя армия заменялась «внутренней народной стражей» на основе всеобщей воинской повинности, причем все отслужившие 15 лет получали полную отставку; объявлялось уравнение в правах всех сословий перед законом, введение выборности центральных и местных органов власти, суда присяжных с гласным судопроизводством, свобода слова, занятий, вероисповеданий. Согласно этому манифесту, предполагалось созвать в столице Великий собор, в который должны были войти по два представителя от каждого сословия каждой губернии. Великий Собор должен был выполнить функцию Учредительного собрания: ему предстояло определить «тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным», и принять соответствующую конституцию. До этого власть в стране вручалась Временному революционному правительству (42, с. 281—282). Идея Временного революционного правительства впервые была выдвинута декабристами на петербургском совещании у Федора Глинки в начале 1820 г. Затем она неоднократно обсуждалась. Выявились две точки зрения: Пестеля и руководства Северного общества. Пестель считал, что в момент государственного переворота должно быть учреждено объявленное Сенатом Временное революционное правительство, которое в течение 10 лет будет обладать диктаторской властью. В его состав войдут члены тайного общества; ему сразу же присягают Сенат, Синод и «вся Россия». Оно «раздаст министерства», назначает на высшие командные посты в армии и «прочие начальства» членов тайного декабристского общества. Иная точка зрения на функции Временного правительства была у руководства Северного общества: до созыва Великого Собора (Учредительного собрания) Временное правительство в течение двух—трех месяцев осуществляет первые революционные преобразования, заявленные в изданном в день восстания «Манифесте к русскому народу», но основная его функция — подготовка созыва Великого собора. Пестелевский вариант вызывал особые споры во время Петербургских совещаний весной 1824 г. Ради достижения единства действий Пестель сог-

ласился на принятие варианта, выдвинутого Северным обществом. Окончательно вопрос о составе Временного революционного правительства был разработан в декабрьские дни 1825 г. В это правительство должны были войти как члены тайного общества, так и уважаемые декабристами государственные деятели. Среди последних значились М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов, А. П. Ермолов и П. Д. Киселев. Сперанский импонировал декабристам своими преобразовательными планами и как пострадавший в 1812 г. за свои убеждения. Большой популярностью пользовался Н. Н. Мордвинов («апостол либерализма», «настоящий идол тогдашнего нового поколения», как именовали его позднее историки). Он ратовал за свободный труд, говорил о «вредности рабства» (хотя и не высказывался за немедленную отмену крепостничества). Его ум, независимость взглядов и смелость суждений, особенно в условиях тогдашнего раболепия и низкопоклонства, создали ему большой авторитет. «Мордвинов заключает в себе одним всю русскую оппозицию», — говорил о нем А. С. Пушкин (187, с. 62). В Государственном совете с ужасом слышали от Мордвинова такие суждения, о которых боялись даже думать. Эти выступления расходились во множестве списков и имели большой общественный резонанс. В своих показаниях на следствии декабристы не скрывали своих симпатий к этому популярному государственному деятелю, говорили, что Мордвинов, как «не враг новостей», не отказался бы войти в состав Временного революционного правительства (194, с. 144). П. Д. Киселев и А. П. Ермолов — весьма авторитетные в военных кругах военачальники, прославившиеся боевыми заслугами, — также были известны своим горячим патриотизмом, независимым поведением, оппозиционностью, презрением к придворной камарилье. Все эти «кандидаты» во Временное революционное правительство были тесно связаны со многими декабристами, знали о существовании их тайных организаций.

Известно, что накануне восстания декабристы вели переговоры с Мордвиновым и Сперанским, хотя потом, на следствии они и пытались отрицать этот факт. Однако следствие установило, что накануне восстания, вечером 13 декабря, квартиру Сперанского посетили Г. С. Батеньков, С. Г. Краснокутский и А. О. Корнилович. По свидетельству Д. И. Завалишина, А. О. Корнилович был у Сперанского и ранним утром 14 декабря, и тот на предложение его ответил уклончиво: «Разве делают такие предложения преждевременно! Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне» (49, с. 211).

«Манифестом к русскому народу» предусматривался также и контроль за действиями Временного правительства. Для этого в его состав вводился избранный член тайного общества («правитель дел»). Первоначально на эту должность намечали Н. И. Тургенева, но в связи с отъездом его за границу в 1824 г. остановились на кандидатуре Е. П. Оболенского как члена Сервентной думы, а в последний момент — Г. С. Батенькова.

Предполагалось, что в день восстания Рылеев и Пущин в сопровождении вооруженных солдат войдут в здание Сената и принудят сенаторов обнародовать предъявленный им «Манифест к русскому народу».

В ночь с 13 на 14 декабря в Зимний дворец были вызваны члены Сената, Синода и Государственного совета для принесения присяги новому императору, а в 5 часов утра 14 декабря во дворец собрали всех генералов и полковых командиров гвардии: Николай I прочел им манифест, завещание Александра I, письма Константина об отказе от престола и приказал им привести к присяге вверенные им воинские части. Николай не считал, что присяга ему пройдет гладко. Главная сложность заключалась в том, что надо было солдатам и даже многим офицерам растолковывать «законность» переприсяги, разъяснять, что передача престола Николаю была решена самим покойным императором, а отречение Константина является его добровольным актом. В войсках не верили, что Константин отрекается от престола; неожиданная смерть Александра I рождала многочисленные слухи и легенды.

Члены тайного общества, готовя вооруженное выступление, полагали, что «до кровопролития не дойдет»: солдаты не будут стрелять в солдат, но напротив, присоединятся к восставшим и «все будет тихо» (36, т. 14, с. 164). Договорились, чтобы «стрельбы первыми не начинать, а лишь отвечать на стрельбу». В случае неудачи «ретироваться» на новгородские военные поселения или же в Кронштадт.

В ночь с 13 на 14 декабря Александр Бестужев и Александр Якубович отправились в Гвардейский морской экипаж договариваться о выступлении моряков на следующий день. С этой же целью той же ночью ездил в лейб-гвардии Финляндский полк Рылеев. В 5 часов утра наступившего рокового 14 декабря Оболенский как «начальник штаба» восстания приезжал к Рылееву «условиться о дальнейших действиях», а затем отправился в «инспекционную поездку» по гвардейским полкам узнать о положении дел. Будучи старшим адъютантом «дежурства гвардейской пехоты», Оболенский мог беспрепятственно проходить в казармы. Верхом на коне он объехал казармы Гвардейского морского экипажа, затем Измайловского, Семеновского, егерского и Московского гвардейских полков. После, оставив измученную лошадь и пересев «на извозчика», он поспешил к Преображенскому полку, а оттуда вновь к Московскому. Как видно из показаний Рылеева, он вместе с Пушиным в то утро «прежде присяги» был «у ворот» Московского полка; потом они «проезжали мимо Измайловского полка к казармам [Гвардейского] экипажа», после уже один Рылеев отправился в гренадерский полк. Но ни Рылеев, ни Пущин как штатские не смогли проникнуть в солдатские казармы.

Разработанный на квартире Рылеева план восстания начал рушиться уже с самого начала — утром 14 декабря. В ночь с

13 на 14 декабря Николаю I присягнули члены Государственного совета, Сената и Синода, а ранним утром началась присяга в войсках столичного гарнизона. Стало невозможным обнародование через Сенат «Манифеста к русскому народу». В то утро отказался совершить царевбийство Каховский. Якубович заявил о своем нежелании вести матросов Гвардейского экипажа для захвата Зимнего дворца. Однако оставалась надежда на сопротивление присяге еще неприсягнувших полков.

В 9 часов утра из квартиры Рылеева в Московский полк отправился Александр Бестужев. Он рассчитывал на содействие ротных командиров этого полка — своего брата Михаила, Д. А. Щепина-Ростовского и других, связанных с тайным обществом. Полковое начальство в тот момент готовило полк к приведению к присяге. Александр Бестужев в сопровождении брата Михаила, Щепина-Ростовского и еще двух ротных командиров, А. А. Брое и В. Ф. Волкова, вышел сначала к солдатам роты брата Михаила, затем перешел в другие роты и, обращаясь с речами к солдатам, призывал их оставаться верными присяге Константину. Он даже пошел на обман солдат, называя себя адъютантом Константина и говоря, что якобы Константин задержан по дороге из Варшавы в Петербург, взят под арест и находится «в оковах», как и его брат Михаил Павлович. Речь Александра Бестужева произвела на солдат сильное впечатление. Отовсюду раздавались их голоса: «Не хотим Николая! Ура, Константин!» Михаил Бестужев раздал своей роте боевые патроны и вывел ее на полковой двор. Туда же была выведена и рота Щепина-Ростовского. Обе роты в числе 800 (по другим данным 700) человек, захватив полковое знамя, двинулись на Фонтанку, на которой располагались казармы полка. У ворот казарм, солдатам пытались преградить путь их полковой командир генерал-майор П. А. Фредерикс и бригадный командир генерал-майор В. Н. Шеншин. Александр Бестужев навел на Фредерикса пистолет, грозя его пристрелить, а Щепин-Ростовский ударом сабли по голове поверг Фредерикса наземь, а затем сбил с ног Шеншина и нанес ему также несколько сабельных ударов. Несколько легких сабельных ран Щепин-Ростовский нанес и полковнику Московского полка П. К. Хвошинскому, также пытавшемуся задержать выходявших из казарм солдат.

С развернутым полковым знаменем, под грохот барабанов обе роты Московского полка, сопровождаемые толпой зевак, вышли на Гороховую улицу и направились к Сенатской площади. К 11 часам утра они уже были на площади. Михаил Бестужев и Щепин-Ростовский построили их в боевое каре (четырёхугольник). Под команду явившемуся вскоре А. И. Одоевскому был выделен взвод, из которого была составлена заградительная цепь вокруг каре и памятника Петру I. Восставшие полностью контролировали ситуацию на Сенатской площади, не пропуская никого, несмотря на чин и звание (например, генерала П. В. Голенищева-Кутузова, посланного Николаем I за конной гвардией,

вернули с площади, флигель-адъютанта И. М. Бибикова солдаты избili прикладами).

Николай I в Зимнем дворце с тревогой ждал донесений из полков о ходе присяги. Донесения шли успокоительные. Лишь в гвардейской конной артиллерии офицеры «оказали сомнение в справедливости присяги» и даже «неповиновение», но тотчас были взяты под арест их начальником генералом И. А. Сухозанетом.

Но около 11 часов утра к Николаю I явился начальник штаба гвардейского корпуса генерал-майор А. И. Нейдгардт с известием, что «Московский полк в полном восстании, Шеншин и Фредерикс тяжело ранены и мятежники идут к Сенату». «Меня весть сия поразила как громом, — вспоминал Николай I, — ибо с первой минуты я не видел в сем первом слушании действие одного сомнения [в правильности присяги, — В. Ф.], но, зная существование заговора, узнал в сем первое его доказательство» (61, с. 22). Далее в своих записках он отмечал: «В то же время пришел ко мне граф Милорадович и, сказав: «Дело плохо, они идут к Сенату, но я поговорю с ними», ушел, — и я более его не видел, как отдавая ему последний долг» (61, с. 23). Однако адъютант Милорадовича А. Л. Башуцкий в своих мемуарах иначе описывает «приход» своего начальника к императору: «Мундир его [Милорадовича] был расстегнут и частью вытаснен из-под шарфа, воротник был несколько оторван, лента измята, галстук скомкан и с висячим на груди концом». Как далее пишет Башуцкий, Милорадович взял Николая I «за локоть и почти оборотил его к себе лицом», сказав: «Государь, если они привели меня в такое состояние, остается только действовать силой» (43, с. 262).

Спустя час Николай I вышел из Зимнего дворца на Дворцовую площадь и отдал приказ о сборе присягнувших ему войск на Сенатской и Дворцовой площадях, а Милорадовичу поручил привести на Сенатскую площадь конную гвардию. Однако Милорадович тщетно пытался вывести из казарм конногвардейцев, которые под разными предлогами уклонялись от выполнения его приказа. В итоге Милорадович решил сам в сопровождении Башуцкого отправиться на Сенатскую площадь, надеясь силою своего красноречия воздействовать на восставших. Верхом на коне, с голубой лентой через плечо он подскакал к каре солдат Московского полка и обратился к ним с речью, в которой пытался убедить их в законности присяги Николаю. Обнажив подаренную Константином шпагу, он уверял солдат, что, несмотря на свою дружбу с Константином, он присягнул Николаю, ибо Константин действительно добровольно отрекся от престола. Милорадович умел говорить с солдатами. Обращаясь к старым воинам, он напоминал им о сражениях, в которых они участвовали под его командованием. Момент был опасен. В солдатской массе заметны были уже некоторые колебания. Оболенский и Каховский решились на крайние меры.

Схватив у солдата ружье, Оболенский потребовал от Милорадовича отъехать и в ответ на его отказ нанес ему штыковые раны в бедро и в бок, а Каховский вслед за этим выстрелил в Милорадовича из пистолета. Раны оказались смертельными. Башуцкий подхватил под руки падающего Милорадовича.

Были предприняты и другие попытки уговорить восставших солдат принять присягу Николаю. По его приказу к ним были посланы митрополиты Серафим и Евгений в сопровождении двух дьяконов. В драгоценных облачениях, надетых по случаю торжественного богослужения во дворце, с высоко поднятыми над головами крестами митрополиты направились к каре восставших. Евгений обратился с речью к ним, доказывая законность восшествия Николая на престол, укоряя их, что они «одни дерзнули восстать против сего» и тем самым пошли «против Бога, церкви и отечества». Слова эти были встречены гулом негодования и возгласами: «Какой ты митрополит, когда на двух неделях двум императорам присягнул! Ты — изменник, ты — дезертир николаевский, калугер, не верим вам, пойдите прочь!» Один из сопровождавших митрополитов, дьякон Прохор Иванов, вспоминал, как их со всех сторон окружили солдаты с ружьями, офицеры «над головами первосвященителей начали фехтовать шпагами; тогда преосвященные с дьяконами принуждены поспешно удалиться в разломанный забор, к Исаакиевскому собору, в сопровождении черни. Близ Синего моста оба митрополита сели на двух простых извозчиков, позади стали дьяконы в стихарях, и таким образом возвратились в Зимний дворец». На вопрос императрицы Марии Федоровны: «Чем нас утешите? Что там делается?» Евгений ответил кратко: «Обругали и прочь отослали» (43, с. 243).

Николай отправил на Сенатскую площадь командующего гвардейским корпусом генерала А. Л. Воинова, указав, что его прямая обязанность — привести в повиновение подчиненных ему солдат. Воинов вынужден был исполнить приказ императора. В великом страхе приблизился он к восставшим, но при попытке заговорить с солдатами был заглушен боем барабанов. Воинова чуть было не стащили с лошади, и он поспешно удался. Вдогонку ему летели камни. Не имела успеха и попытка великого князя Михаила Павловича «поговорить» с моряками. В тот момент, как он обратился к морякам с речью, И. И. Пущин предложил В. К. Кюхельбекеру выстрелом из пистолета «ссадить» с коня великого князя. Кюхельбекер спустил курок, но пистолет дал осечку. Рассказывают, что жестоко был избит солдатскими прикладами Я. И. Ростовцев, появившийся перед восставшими (151, т. 2, с. 316).

Между тем слухи о восстании молниеносно разнеслись по городу. Народ валом повалил к месту восстания, запрудил Сенатскую и Исакиевскую площади, а также прилегающие улицы и, по свидетельству очевидцев, «волновался как бурное море». Полагают, что к месту восстания собралось от 30 до 40 тыс. го-

рожан, в основном простого люда. Народ вел себя активно: разоружал и избивал полицию, пытавшуюся его разгонять, в адъютантов царя летели поленья и камни. «Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями», — вспоминает Николай I (61, с. 27). Из толпы просили восставших дать «какое-нибудь оружие», обещая «перевернуть вверх дном» весь Петербург. Окружавшая Николая свита пребывала в страхе и растерянности. Любопытные сведения о настроении царской свиты и народа приводит очевидец событий чиновник министерства финансов И. Я. Телешов. «Лицо каждого [из свиты] перед глазами государя имело принужденную на себе улыбку, — вспоминает он, — но как скоро государь не мог их видеть, то все их движения выражали не только скорбь, но даже отчаяние, чувства которого они знаками передавали друг другу». Телешов был свидетелем того, как один мужик при приближении царя попытался закричать: «Да здравствует Нико...», но в этот миг сосед «зажал рот мужику и с сердцем насмешливо сказал ему: «Погоди, брат, погоди! Еще рано кричать! Что-то будет». Все это происходило на глазах у самого царя», но «государь показал, что ничего не приметил» (43, с. 218).

По приказу Николая к Сенатской площади постепенно стягивались правительственные войска. Как вспоминает сам Николай, чтобы «выиграть время» и «дать войскам собраться», он решил «отвлечь внимание народа чем-нибудь необыкновенным». «Я начал говорить народу, спрашивая, читали ль мой манифест. Все говорили, что нет; пришло мне на мысль самому его читать. У кого-то в толпе нашелся экземпляр; я взял его и начал читать тихо и протяжно, толкая каждое слово. Но сердце замирало, признаюсь, и единый Бог меня поддерживал» (61, с. 23).

В это время шло планомерное окружение места восстания кольцом правительственных войск. Батальон Преображенского и конного полков построились против каре восставших около Адмиралтейства, роты и батальоны Измайловского, егерского и кавалергардского полков заняли Адмиралтейский бульвар (ныне Александровский сад); присягнувшая Николаю часть Московского полка вместе с двумя батальонами Семеновского и ротой гренадерского заняли позиции около стройки Исаакиевского собора, манежа и Крюкова канала (ныне бульвар Профсоюзов), роты Павловского полка заняли Галерную улицу, эскадроны конно-пионеров Английскую набережную, со стороны Невы находились эскадроны конного полка и на наплавном мосту — роты Финляндского полка. Таким образом, Сенатская площадь была полностью блокирована правительственными войсками (9 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы). Когда численность правительственных войск значительно возросла, полиция стала с их помощью действовать смелее и оттеснять толпы людей с площади. Николай I попытался разогнать восставших конницей. Было произведено две атаки конногвардейцев и кавалергардов. Казалось бы, ничего не стоило рассеять каких-нибудь 700—800 пеших

солдат вымуштрованной гвардейской конницей. Однако она действовала вяло и нерешительно. Да и сами восставшие ответили беглым огнем поверх голов атакующих. Проявившееся здесь чувство товарищеской солидарности некоторое время спустя выразилось и в прямых обещаниях со стороны солдат правительственных войск оказать поддержку восставшим. И. Д. Якушкин впоследствии свидетельствовал: «Через народ беспрестанно передавались обещания солдат полков Преображенского, Павловского и Семеновского до наступления ночи присоединиться к войскам на Сенатской площади» (85, с. 156). «Во время нашего стояния на площади, — вспоминает мичман Гвардейского экипажа А. П. Беляев, — из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам. Это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться днем» (30, с. 147). Михаил Бестужев рассказывал о депутациях кадет Морского и I кадетского корпусов, просивших его разрешить им «сражаться» в рядах восставших. «Я невольно улыбнулся, и на мгновение мысль дать им позволение промелькнула в уме, — вспоминает Бестужев. — Присутствие этих птенцов на площади, стоящих рядом с усатыми гренадерами, поистине оригинально окрасило бы наше восстание. Участие детей в бунте — единственный небывалый факт в летописях истории. Но я удержался от искушения при мысли подвергать опасности жизнь и будущность этих ребят-героев. «Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов», — ответил я им серьезно, и они удалились» (32, с. 77).

Сильные колебания происходили среди солдат Финляндского полка, в котором служили некоторые члены тайного общества и на содействие которого рассчитывали декабристы. Присяга Николаю здесь не прошла гладко. С большим трудом командиру гвардейской бригады, в которую входил Финляндский полк, Е. А. Головину и посланному Николаем I генерал-адъютанту Е. Ф. Комаровскому удалось вывести батальон полка из казарм и направить его к Исаакиевскому мосту. Солдатам приказано было зарядить ружья. При этом большая их часть перекрестилась. Из рядов слышались голоса, что они в «своего брата-солдата» стрелять не будут. Декабрист А. Е. Розен, шедший со своим взводом вторым, подал команду «Стоять!». Взвод остановился на середине моста и тем самым сковал движение всего батальона, несмотря на команды Головина и Комаровского двигаться «вперед». На этом месте Розен с солдатами простоял более двух часов, ожидая решительных действий на площади, чтобы с «тремя с половиною ротами, или восьмьюстами солдат» батальона, поддержать своих товарищей на площади. Розен вспоминает, что проходившие мимо него «люди, рабочие и разночинцы», просили его «продержаться еще часок и уверяли, что все пойдет ладно» (74, с. 126). Во время следствия над

Розеном следователи из генералов прямо ему заявляли, что он своим поступком стремился «составить решительный резерв» для восставших в наиболее критический для них момент. В приговоре суда в качестве основной вины Розена записано: «Лично действовал в мятеже, остановив свой взвод, посланный для усмирения мятежников» (36, т. 17, с. 232).

Долгое время восставший Московский полк находился один на Сенатской площади. Примерно к двум часам дня к нему с противоположных сторон подошли прорвавшиеся через войска окружения рота солдат лейб-гренадерского полка, приведенная поручиком А. Н. Сутгофом, и 1100 моряков Гвардейского экипажа под предводительством Н. А. Бестужева и А. П. Арбузова. Некоторое время спустя с пятью ротами гренадер пробился к восставшим поручик Н. А. Панов. Известно, что отряд Панова по пути к Сенатской площади зашел во двор Зимнего дворца. Панов, увидев стоявших в карауле саперов, закричал: «Ребята, это не наши, налево кругом, на Петровскую площадь. Ура!», вывел свой отряд на Дворцовую площадь и двинулся к Сенатской. Была ли это «ошибка» Панова, который вполне мог овладеть Зимним дворцом? Исследователи (А. Е. Пресняков, М. В. Нечкина) считают, что захват Зимнего дворца не входил в функции Панова, действовавшего по принятому плану (151, т. 2, с. 304; 180, с. 120).

Добавим еще, что полковой командир лейб-гренадеров полковник Н. К. Стюрлер всю дорогу до Сенатской площади следовал за своими солдатами, пытаясь уговорить их вернуться в казармы. Чтобы пресечь эти «увещевания», Каховский выстрелил в него, а Оболенский нанес два сабельных удара по голове. Рань оказались смертельными, через три дня Стюрлер скончался.

Итак, за два часа до первых картечных выстрелов 30 декабристам (24 военным и 6 штатским) удалось собрать до трех тысяч солдат и матросов. Им противостояли вчетверо превосходившие их силы правительственных войск. Однако «диктатор» восстания С. П. Трубецкой на площадь не явился и восставшие оказались без руководства. Без командира они не могли предпринимать наступательных действий и были вынуждены ограничиться активной обороной, отбивая атаки конной гвардии, защищая народ от действий полиции, поддерживая дух солдат возгласами «Ура, Константин! Ура, Конституция!», которые под конец раздавались все реже и реже. Тщетно Рылеев разыскивал Трубецкого. Тот находился в здании Главного штаба, иногда выходил на улицу посмотреть, сколько собралось сил на стороне восставших, но затем возвращался обратно. Позже он объяснял свое поведение тем, что хотел избежать «кровапролития». Появившись в каре восставших, он в силу обстоятельств должен был действовать против правительственных войск, что неизбежно привело бы к крупному вооруженному столкновению, а никакой уверенности в успехе у Трубецкого не было. В то же

время отсутствие «диктатора» восстания могло бы кончиться мирным исходом — вооруженной демонстрацией, без стрельбы и жертв. Однако случилось иначе. Впоследствии в показаниях Следственному комитету Трубецкой каялся, сожалел о произошедшем, заявлял, что в его власти было «предупредить кровопролитие», не допустив выхода на Сенатскую площадь восставших войск, и он явился «не только главным, но может быть единственным виновником всех бедствий того дня и несчастной участи злополучных моих товарищей» (36, т. I, с. 11). Но как бы то ни было, неявка Трубецкого на Сенатскую площадь объективно оказалась изменой общему делу. Так тогда трактовали этот поступок Трубецкого и все участники восстания 14 декабря.

Отсутствие командира восстания сильно осложняло положение восставших. Каждый из офицеров командовал своей частью по своему усмотрению. Большую роль в наведении порядка в рядах восставших сыграл И. И. Пущин. «Хотя он, как отставной, был не в военной одежде, но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость», — рассказывает А. Бестужев (32, с. 64). На короткое время к каре восставших подъезжал Рылеев, но вскоре уехал хлопотать о помощи. За час до картечи собралось совещание для выбора начальника над восставшими войсками. Сначала предложили «диктаторство» Николаю Бестужеву, как старшему после Трубецкого по своему чину. Однако Бестужев отказался, заявив, что он как морской офицер «на море мог бы принять начальство, но здесь, на сухом пути, он в командовании войсками совершенно не имеет понятия». Предлагались и другие кандидатуры, но наконец остановили выбор на Е. П. Оболенском — «начальнике штаба» восстания. Оболенский был представлен солдатам и морякам как их «командир». Он трижды пытался созвать военный совет, чтобы обсудить, какие предпринять меры, посылал за созываемыми на совет товарищами, но посланные, считая положение безнадежным, не выполнили его поручения. И все-таки не все еще было потеряно. С наступлением темноты восставшие могли рассчитывать на обещанную поддержку солдат правительственных войск.

Вечерело. Сгущавшиеся сумерки становились опасными для правительственной стороны. «Государь, — заявил Николаю начальник гвардейской артиллерии генерал-майор И. О. Сухозанет, — сумерки уже близки, а толпа бунтовщиков увеличиваетя. Темнота в этом положении опасна» (43, с. 251—252). Это прекрасно понимал и сам Николай. Атаки лейб-гвардии конного полка (их было произведено пять) на каре восставших оказались безуспешными. Боясь, что с приближением вечера «бунт мог сообщиться черни», Николай решил применить артиллерию. Еще ранее к Сенатской площади были доставлены артиллерийские орудия, но без зарядов. Срочно послали за зарядами картечи. Батарея из трех легких орудий была поставлена около

дома Лобанова-Ростовского и одно орудие около манежа¹, что обеспечивало перекрестный огонь по каре восставших. По свидетельству декабриста Беляева, когда стали расставлять орудия, А. О. Корнилович предложил: «Вот теперь надо идти и взять орудия». Однако, добавляет Беляев, «за отсутствием вождей никто не решился двинуть восставших на пушки» (30, с. 174).

Перед применением артиллерии Николай послал генерала Сухозанета «объявить мятежникам, чтобы они покорились». Но это требование было отвергнуто.

Тогда Николай «звонким голосом», как сообщают мемуаристы, отдал команду: «Пальба орудиями по порядку, первый фланг, начинай, первая!». Команда была повторена последовательно начальниками, и командир батареи поручик Илья Бакунин, подхватив ее, крикнул: «Первая, пли!». Но выстрела не последовало. Солдат-артиллерист замялся и не наложил пальника. На гневный вопрос подскочившего Бакунина «что ты?» он тихо ответил: «Ваше благородие — свои». Бакунин выхватил у него пальник, «сам нанес его на трубку и произвел первый выстрел». Это был предупредительный выстрел поверх каре восставших, однако и он не обошелся без жертв, поразив зевак из народа, «лепившихся между колоннами Сенатского дома и на крышах соседних домов», — вспоминает Н. Бестужев. Затем последовали один за другим еще два выстрела, теперь уже в упор в каре восставших. «Орудия наводить не было надобности, расстояние было слишком близкое» — не более 40 шагов, поэтому картечь вносила страшное опустошение в ряды восставших. «Я не слышал ни одного вздоха, не приметил ни одного судорожного движения — столь жестоко поражала картечь на этом расстоянии, — вспоминает Н. Бестужев. — Совершенная тишина царствовала между живыми и мертвыми. Другой и третий выстрелы повалили кучу солдат и черни, которая толпами собралась около нашего места». Уже после второго выстрела толпа восставших дрогнула и побежала. Некоторые бежали вдоль Английской набережной, другие через гранитную набережную бросились на лед Невы, надеясь спастись на противоположном берегу, третьи — вдоль узкой Галерной улицы. Бегущих преследовала конная гвардия. Продолжали греметь картечные выстрелы. «Картечи догоняли лучше, нежели лошади», — пишет Н. Бестужев (32, с. 42). Некоторые декабристы предпринимали попытки собрать хотя бы часть бегущих. Так, Е. П. Оболенскому, когда грянула картечь, удалось построить роту моряков у манежа. Он предложил лейтенанту А. П. Арбузову: «Соберите ваших солдат и пойдемте на Пулкову гору» (36, т. 14, с. 277). Но последующие выстрелы положили конец этой попытке. Михаил Бестужев на льду Невы остановил бегущих сол-

¹ По распоряжению Николая I было привезено 36 орудий, но 32 находились в резерве на Дворцовой площади и Адмиралтейском бульваре.

дат и начал строить колонну с намерением «идти по льду Невы до самой Петропавловской крепости и занять ее». «Если бы это удалось, — вспоминает он, — мы бы имели прекрасную точку опоры, куда бы могли собраться все наши, и откуда мы бы могли с Николаем начать переговоры при пушках, обращенных во дворец» (32, с. 79). М. Бестужев успел уже построить три взвода, как завизжало ядро из орудия, поставленного на середине Исаакиевского моста. Бестужев вспоминал: «Лед под тяжестью собравшихся людей и разбиваемый ядрами не выдержал и провалился. Солдаты бросились к берегу к зданию Академии художеств». Но попытка укрыться во дворе Академии не удалась: швейцар захлопнул ворота, а подоспевший конный отряд захватил восставших «в плен». Лишь немногим удалось укрыться в 1-м кадетском корпусе.

Наряды Павловского, Семеновского и Измайловского полков задерживали беглецов на ближайших улицах, обыскивали дома. Эскадроны улан и гусаров ловили на дорогах из столицы тех из солдат, кто пытался спастись бегством за город. Было несколько случаев, когда задерживали солдат, переодетых «в партикулярное платье». Разъезды и полиция разгоняли толпы народа на улицах. Полиции было приказано прислушиваться к толкам людей. Учитель М. М. Попов, очевидец событий, свидетельствует о бесчеловечных поступках полиции, которая вела себя трусливо в момент восстания и проявила «храбрость», когда оно было разгромлено. «Полиция и помощники в ночь с 14 на 15 пустились в грабеж, не говоря уже, что с мертвых и раненых, которых опускали в проруби, снимали платье и отбирали у них вещи, даже убежавших ловили и грабили» (43, с. 259—260).

Всю ночь при свете костров убирали раненых и убитых и обмывали с площади пролитую кровь. Тот же Попов сообщает, что по распоряжению обер-полицеймейстера Петербурга А. С. Шульгина на Неве «было сделано множество прорубей величиною как можно опустить человека, и в эти проруби к утру опустили не только все трупы, но (ужасное дело) и раненых, которые не могли уйти от этой кровавой ловли. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых из тех, которые были ранены 14 декабря» (43, с. 260). В. И. Штейнгель также подтверждает, что «тела бросали в проруби» и что «многие утоплены полуживыми».

В мемуарной литературе приводятся разноречивые сведения о числе погибших 14 декабря 1825 г. Сенатор П. Г. Дивов определяет число жертв в 200 человек, член Государственного совета Л. П. Бутенев насчитывает до 300 жертв. По официальным данным того времени, число погибших составляло 80 человек. В 1970 г. П. Я. Канн опубликовал справку чиновника Министерства юстиции. В ней приводятся такие цифры «убитого

народа» 14 декабря 1825 г.: «генералов — 1, штаб-офицеров — 1, обер-офицеров разных полков — 17, нижних чинов Московского полка — 93, Гренадерского — 69, [Морского] экипажа гвардии — 103, конного — 17, во фраках и шинелях — 39, женска пола — 9, малолетних — 19, черни — 903. Итого 1271 человек» (119, с. 114—115). Эти цифры были включены М. В. Нечкиной в книгу «День 14 декабря 1825 г.» и до сих пор используются в литературе. Несмотря на кажущуюся скрупулезность подсчета, эти цифры, по-видимому, сильно преувеличены. В самом деле, если сопоставить все показания источников, то окажется, что в течение часа (от 5 до 6 часов вечера 14 декабря) было сделано 7 картечных выстрелов из легких орудий. В каждом картечном снаряде насчитывалось по 100 пуль — итого 700. Если даже и допустить, что ни одна пуля не прошла мимо, то число жертв, даже с учетом задавленных в толпе во время бегства никак не может доходить до 1271 человека. Между тем уже давно известны более точные данные о числе убитых и раненых военных с обеих сторон, основанные на строевых ведомостях. Они приведены в статье Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 г.». С правительственной стороны было убито 2 конно-пионера, смертельно ранены 1 генерал (Милорадович), 1 полковник (Стюрлер) и 2 рядовых (1 конногвардеец и 1 павловец). Ранено 2 генерала, 2 полковника, 3 обер-офицера, 30 нижних чинов (1 кавалергард, 8 конногвардейцев, 3 москвича, 7 павловцев, 3 семеновца и 8 конно-пионеров). Итого: убито и смертельно ранено — 6 человек, ранено — 36 человек. Больше было убитых и раненых со стороны восставших. В Московском полку смертельно ранено — 2, ранены картечью — 9, контужен — 1, прострелен ружейной пулей — 1, ранены саблями или палашами — 3. Итого: убито в полку — 2, ранено — 14. В гренадерском смертельно ранен 1, ранено — 11 и избито — 2. В Гвардейском морском экипаже убито — 5, смертельно ранено — 5, ранено — 15, без вести пропало — 15. Итого зарегистрировано 13 убитых солдат и матросов (кроме того, 28 пропало без вести, условно можно их также считать убитыми), ранено или контужено 42 человека (180, с. 190—192). Из 30 офицеров и штатских, находившихся вместе с восставшими, не пострадал никто. Число убитых из гражданского населения, по-видимому, установить не удастся, но скорее всего их было больше, нежели военных. Офицеры конной гвардии подобрали на Сенатской площади 56 тел убитых (включая и военных). Сколько было подобрано в других местах, неизвестно.

Петербург имел вид завоеванного города. По улицам разъезжали конные патрули, повсюду горели бивачные огни. Об обстановке страха и растерянности, царившей в тот день в Зимнем дворце, говорится в дневнике императрицы Александры Федоровны и в письме от 19 декабря 1825 г. Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Об этом же свидетельствует в своих воспоминаниях лицейский друг Пушкина князь А. М. Горчаков (впос-

ледствии видный дипломат). «Помню весьма живо, — вспоминает Горчаков, — как в то утро императрица Александра Федоровна прошла мимо торопливыми шагами одеваться к церемонии, видел ее потом трепещущую, видели и то, как она при первом пушечном выстреле нервно затрясла головою. Эти нервные припадки сохранились у нее на всю жизнь. Видел я митрополита Серафима, возвратившегося во дворец с Петровской площади и тяжело опустившегося в кресло, трепещущего всем телом. Он полагал, что был весьма близок к гибели, и дрожал при первом воспоминании об опасности, которой избег, как он думал, совершенно случайно» (43, с. 205). Горчаков описывает и находившегося в мрачном смятении графа А. А. Аракчеева.

Разгром восстания на Сенатской площади не погасил страха Николая I и его придворных, опасавшихся повторения «бунта», на этот раз, возможно, «бунта черни» (выше уже говорилось, что «чернь» целиком была на стороне восставших). По приказу Николая I спешно укреплялся Зимний дворец. Его окружили войсками, причем сам Николай лично расставлял их по местам. Окрестности дворца превратились в военный лагерь. Всю ночь войска при кострах стояли на бивуаках. Послали священника с крестом обойти все бивуаки и кропить войска святой водой. Утром Николай объехал все войска, даже целовался с некоторыми солдатами-гренадерами. Царь опасался за благополучный исход присяги в провинции, особенно в Москве и в военных поселениях. В Москву был специально послан граф Е. Ф. Комаровский — наиболее доверенное лицо царя. По дороге ему предписывалось заехать в Новгородские военные поселения и «удостовериться в духе поселенных войск», о чем надлежало немедленно сообщить секретной эстафетой царю.

Около 7 или 8 часов вечера несколько декабристов собрались на квартире у К. Ф. Рылеева. Это было их последнее совещание, на котором, кроме Рылеева присутствовали И. И. Пущин, П. Г. Оржицкий, В. И. Штейнгель, позже подошел Г. С. Батеньков. С отчаянием они констатировали полный крах своего дела, предвидели неминуемые аресты, договаривались, как держать себя на допросах. Оржицкому, отправлявшемуся в тот же вечер во 2-ю армию, расквартированную на Украине, было поручено известить руководство Южного общества о разгроме восстания и о том, что «Трубецкой и Якубович изменили». Рылеев уничтожил наиболее компрометирующие его бумаги. Поздно вечером к нему на квартиру заехал Фаддей Булгарин, с которым Рылеев был связан по литературно-издательской работе. Рылеев передал ему рукописи своих литературных сочинений, и, надо отдать должное Булгарину, он сберег их (впоследствии они попали к историку и издателю М. И. Семевскому).

Восстание 14 декабря 1825 г. явилось кульминационным событием и как бы «итогом» декабристского движения. Оно стало и серьезным экзаменом для его руководителей и участников, проверкой их революционными возможностями. В нем словно в

«фокусе» отразились сильные и слабые стороны декабристского движения. Часто ставится вопрос: а могли ли декабристы одержать успех? Надо сказать, что фатальной неизбежности поражения восстания в тот день не было. В самом начале восстания, пока Николай I еще не собрал войска (да и ряд гвардейских полков еще не принес ему присяги), декабристы имели полную возможность захватить Зимний дворец, Петропавловскую крепость, Арсенал — опорные пункты правительства, и тем самым парализовать его деятельность; они могли даже арестовать самого Николая и его семью, воспользовавшись полной растерянностью царского генералитета. Но, ограничившись активной обороной, декабристы не решились перейти в наступление, заняли позицию выжидания, чем позволили Николаю I собрать необходимые ему воинские силы. Это были первые серьезные ошибки руководителей восстания. В ходе последующих событий дня ими был совершен и ряд других тактических ошибок. Так, был дан приказ собраться на Сенатской площади, но без точного указания, как поступать дальше, сбор войск на Сенатской площади шел недостаточно организованно. Декабристы могли, но не прибегнули к поддержке народа, который готов был «перевернуть вверх дном весь Петербург». Они не воспользовались и колебаниями солдат правительственных войск, готовых присоединиться к ним в критический момент. Была упущена возможность овладеть теми четырьмя пушками, которые в конечном счете помогли Николаю I сравнительно быстро и легко решить исход дела в свою пользу. Если рядовые артиллеристы отказывались выполнять команду стрелять «по своим», то вряд ли они могли оказать сопротивление восставшим при захвате ими орудий. Несомненно, серьезным фактором, приведшим к неудаче, было отсутствие на площади «диктатора восстания». Лишенные единого руководства, они не могли предпринять каких-либо конкретных действий. Между тем очевидно, что в критические моменты роль командира имеет решающее значение. Даже наиболее осторожные и трезво мыслящие люди того времени допускали возможность успеха декабристов в день 14 декабря. Французский посланник в Петербурге граф Ляфроннэ доносил своему правительству, что «им (декабристам.— В. Ф.) был бы обеспечен успех, если бы во главе их стоял хоть один человек, у которого было бы столько же присутствия духа, сколько у них решимости» (90, с. 103). Чиновник Министерства финансов И. Я. Телешев передает в своих воспоминаниях слова Н. М. Карамзина: «Смелые действия злодеев могли бы иметь успех самый блистательный» (43, с. 220). А вот мнение А. И. Герцена: «Попытка восстания 14 декабря не была так безумна, как ее хотят представить... заговорщиков постигла неудача, вот и все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен» (38, т. 13, с. 144).

Вероятность успеха восставших признавали и сам Николай I и члены его семьи, что следует из их мемуаров и дневниковых

записок. Николай I не был даже уверен, что в тот день, 14 декабря 1825 г., он останется в живых. Так, однажды он заметил в разговоре со своим родственником герцогом Евгением Вюртембергским: «Самое удивительное во всем этом, Евгений, так это то, что нас обоих тогда не пристрелили» (61, с. 120). Надо сказать, что царь был недалек от истины.

И все-таки победа декабристов в день 14 декабря отнюдь не гарантировала бы им победу над царизмом. Исторический опыт доказывает, что если сравнительно легко можно одержать успех в экстремальных, кризисных ситуациях, то значительно труднее удержать впоследствии власть в своих руках. Слишком неравны были силы, чтобы впоследствии декабристы смогли противостоять мощной военно-административной машине самодержавия как политической системе.

Династический кризис завершился 14 декабря 1825 г., но Николай I еще не чувствовал себя достаточно прочно на троне. Поступали донесения о брожении в армии. Еще не во всех войсках завершилась процедура присяги новому императору. Несмотря на разгром восстания 14 декабря декабристы еще не сложили оружия. Основная масса членов Южного общества и почти все члены Общества соединенных славян пока находились на свободе. Николай I боялся возможного восстания в Кавказском корпусе А. П. Ермолова, выступлений декабристов в Москве, а также на юге России, где, как он понял из донесения Дибича, оказалось «гнездо заговора». 15 декабря 1825 г. в Петербурге распространились слухи о том, что якобы «Кавказский корпус двинулся на столицу». Один из иностранных послов даже спрашивал великого князя Михаила Павловича: «Далеко ли Ермолов со своими дивизиями и когда его ожидают в Петербурге?».

Далеко не спокойной и «не в пользу правительства» была в то время ситуация в Москве, как свидетельствует в своих записках А. И. Кошелев. По его словам, в те тревожные декабрьские дни в Москве повсюду «толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе управления». Передовая московская молодежь в эти дни ждала «благоприятных известий из Петербурга». Он приводит такой характерный факт: в случае «благоприятных известий» адъютант командующего московским гарнизоном молодой офицер кн. Н. И. Трубецкой (не состоявший даже членом тайного общества декабристов) «брался доставить своего начальника связанным по рукам и ногам» (43, с. 33).

Весть о смерти Александра I была получена в Москве 29 ноября. Московская управа Северного общества провела ряд совещаний. 5 декабря в Петербург был отправлен И. И. Пущин — глава управы, оставив вместо себя С. М. Семенова. 8 декабря в Москву из своего смоленского имения приехал И. Д. Якушкин и сразу включился в работу Московской управы. С тех пор совещания московских декабристов стали особенно частыми. Они проходили в основном на квартирах М. А. Фонвизина, М. Ф.

Митькова и только что приехавшего из второй армии М. М. Нарышкина. Нарышкин уверял, что на юге все готово к восстанию, что члены Южного общества надеются на поддержку «большого количества штыков». Митьков, со своей стороны, говорил о готовности петербургских членов, также рассчитывавших на большую часть гвардейских полков. Перед декабристами-москвичами выдвигалась задача поддержать эти выступления своими наличными силами.

Вечером 15 декабря поручик гвардейской конной артиллерии А. В. Шереметев (родственник И. Д. Якушкина) привез из Петербурга письмо И. И. Пущина, адресованное С. М. Семенову и Павлу Колошину. Письмо было отправлено 12 декабря. В нем говорилось: «Когда вы получите сие письмо, все будет решено... Мы всякий день с Трубецким и много работаем... нас здесь 60 членов... Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна соблюдаться... Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов... Покажите сие письмо Михаилу Орлову» (110, с. 16—17). 13 декабря послал письмо через П. Н. Свистунова М. Ф. Орлову и С. П. Трубецкой. Содержание его неизвестно, но надо полагать, что речь шла о подготовке выступления в Петербурге. Этими двумя письмами, несомненно, преследовалась цель координации действий петербургских и московских членов тайного общества в дни, когда готовилась присяга новому императору — Николаю I. Петербургские декабристы надеялись на приезд из Москвы в Петербург М. Ф. Орлова, который, будучи в чине генерал-майора, мог бы исполнять роль «диктатора» восстания вместо С. П. Трубецкого.

В ночь с 15 на 16 декабря состоялось экстренное совещание на квартире М. Ф. Митькова, в котором помимо хозяина квартиры участвовали Якушкин, Шереметев и Михаил Фонвизин. Обсуждался план действий. Якушкин предложил отставному генералу Михаилу Фонвизину «надеть свой генеральский мундир, отправиться в Хамовнические казармы и поднять войска, в них квартирующие, под каким бы то ни было предлогом» (85, с. 57). Сам он с Митьковым брался ехать к начальнику штаба 5-го пехотного корпуса полковнику В. И. Гурко, который ранее состоял членом Союза благоденствия, и привлечь его к выступлению. Алексею Шереметеву, как адъютанту при командире 5-го пехотного корпуса графе П. А. Толстом, предлагалось отправиться к войскам, расквартированным под Москвой, с приказом идти на Москву. М. М. Нарышкин и несколько офицеров, служивших ранее в прежнем составе Семеновского полка, должны были подготовить эти войска к восстанию. Планировалось, что другие члены Московской управы декабристов выведут остальные войска из казарм, арестуют московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына и корпусного командира П. А. Толстого. Но уже в ходе обсуждения участники почувствовали не-

реальность такого грандиозного плана и поэтому порешили обратиться у Митькова на другой день и привлечь к совещанию М. Ф. Орлова.

Но совещание 16 декабря не состоялось. Утром из Петербурга прискакал генерал-адъютант граф Комаровский, чтобы провести присягу Николаю I в Москве. Он привез манифест о восшествии Николая на престол, известия о восстании в Петербурге и его подавлении, а также письмо Николая I к Д. В. Голицыну о необходимости принятия «нужных мер» для предотвращения в Москве возможного выступления членов тайного общества.

Вечером 17 декабря И. Д. Якушкин посетил М. Ф. Орлова. Там он застал только что прибывшего из Петербурга штабс-капитана Измайловского полка, давнего члена тайного общества П. А. Муханова, который рассказал о событиях 14 декабря в столице. С Мухановым Якушкин отправился к Митькову, у которого собрались М. М. Нарышкин, М. А. Фонвизин и некоторые другие члены Московской управы декабристов. Здесь Муханов повторил свой рассказ о событиях 14 декабря и предложил отправиться в Петербург, совершить покушение на Николая I и «выручить» заточенных в Петропавловскую крепость товарищей. Это явно неосуществимое предложение было отклонено участниками совещания. Кроме того, Муханов не вызывал доверия у декабристов-москвичей. М. Ф. Орлов еще ранее уклонился от участия в задумываемых Московской управой планах. 17—18 декабря Москва была приведена к присяге Николаю I. Планы декабристов-москвичей рухнули. В ожидании арестов они жгли компрометирующие их бумаги. 21 декабря первым в Москве был взят под арест Михаил Орлов. Вслед за ним были арестованы М. Нарышкин, М. Фонвизин, П. Свистунов, И. Якушкин и другие члены Московской управы декабристов. Планировавшееся ими выступление не состоялось.

На юге России события разворачивались следующим образом. Согласно принятому в 1824 г. плану восстания, намечавшемуся на лето 1826 г., Южное общество призвано было обеспечить успех восстания в Петербурге. Предполагалось, что опорой восстания на юге явится Вятский полк П. И. Пестеля и Черниговский, командование над которым примет С. И. Муравьев-Апостол, а центрами восстания, следовательно, станут Тульчин и Васильков. Пестель должен был «увлечь» части 1-й армии и двинуться на Москву, присоединяя к себе другие войска. В обязанности Сергея Муравьева входило поднять части 2-й армии, которая должна была оставаться на Украине. На 2-ю армию возлагалась задача поддержать восстание в Польше (на него очень рассчитывали декабристы), а если такового не произойдет и Константин со своим войском двинется из Польши в Россию, то противодействовать ему в этом. Кроме того, 2-я армия призвана была сыграть роль «заслона» на западной русской границе в случае интервенции европейских государств с

целью подавления революции в России. Однако смерть Александра I и междуцарствие, а также начавшиеся по доносам аресты декабристов на юге внесли существенные коррективы в действия Южного общества.

Члены Южного общества узнали о смерти Александра I значительно раньше, нежели вести об этом достигли Варшавы и Петербурга. Стало им известно и о доносах на тайное общество. В этих условиях нарушались планы Южного и Северного обществ о согласованных действиях. И Пестель принял решение о самостоятельном выступлении. Он предполагал начать восстание во 2-й армии, где больше всего было членов тайного общества, рассчитывая на содействие некоторых частей 3-го пехотного корпуса 1-й армии, в которых Васильковская управа вела интенсивную пропагандистскую работу. Вятский полк, которым командовал Пестель, должен был 1 января 1826 г. занять караул в штаб-квартире 2-й армии в Тульчине. Решено было воспользоваться этим моментом: планировалось, что Вятский полк Пестеля арестует штаб-квартиру 2-й армии, увлечет за собой 18-ю пехотную дивизию, а С. Г. Волконский поднимет 19-ю пехотную дивизию и конно-артиллерийскую роту и затем присоединится к Пестелю. В. Л. Давыдов должен был попытаться поднять Слободско-Украинские военные поселения, а Васильковская управа во главе с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым начать восстание в 3-м корпусе. В конце ноября Пестель согласовал этот план с С. Волконским и С. Муравьевым-Апостолом. Началась энергичная подготовка к восстанию. Однако военные власти, получив в первых числах декабря подробные доносы об участниках заговора на юге, сумели упредить декабристов. 13 декабря в Тульчине были арестованы П. И. Пестель и А. П. Юшневский. Тульчинская управа осталась без руководства. Каменская управа, немногочисленная по составу, не могла возглавить восстание. Поэтому вся надежда возлагалась на Васильковскую управу во главе с ее энергичными и решительными руководителями Сергеем Муравьевым-Апостолом и Михаилом Бестужевым-Рюминым. Оба в то время находились в Василькове — штаб-квартире Черниговского пехотного полка, в котором служил Сергей Муравьев-Апостол, командуя его 2-м батальоном.

Получив от Артамона Муравьева известие об аресте Пестеля, Сергей Муравьев-Апостол вместе со своим находившимся в отставке братом Матвеем 24 декабря отправился в Житомир, чтобы, как выяснило следствие, «известить всех сообщников о начале действия, предполагая начать с Черниговского полка». Житомир был штаб-квартирой 3-го пехотного корпуса, в который входил и Черниговский полк. В качестве предлога поездки было избрано якобы желание Сергея Муравьева-Апостола поздравить командира корпуса генерала лейтенанта Л. О. Рота с наступающим рождественским праздником, а также испросить у него отпуск для Михаила Бестужева-Рюмина по случаю смер-

ти его матери. Бестужев-Рюмин должен был сначала поехать в Москву, повидать своего отца, а затем отправиться в Петербург и встретиться с руководством Северного общества, несомненно для координации действий. Приехав 25 декабря в Житомир, Сергей Муравьев-Апостол узнал от сенатского курьера о событиях 14 декабря в Петербурге. Поездка Михаила Бестужева-Рюмина теряла смысл.

Тогда же в Житомире Сергей Муравьев-Апостол встретился с членом Польского патриотического общества графом П. А. Мошинским и через него передал от имени Директории Южного общества требование, согласно прежней договоренности, лишить жизни Константина Павловича. Но это требование поляки не решились выполнить.

Нанеся визит вежливости генералу Роту, С. Муравьев-Апостол с братом выехали через Троянов в Любар. В Троянов братья прибыли 26 декабря. Здесь стоял Александрийский гусарский полк, которым командовал троюродный брат Муравьевых-Апостолов Александр Захарович Муравьев. Он не был членом тайного общества, но обещал свое содействие. Утром 27 декабря братья Муравьевы-Апостолы приехали в Любар, где находился со своим Ахтырским гусарским полком член тайного общества, также их троюродный брат, Артамон Захарович Муравьев. Вскоре туда же приехал и Михаил Бестужев-Рюмин и сообщил о поступившем из Петербурга приказе об аресте обоих братьев, а также и о том, что, выполняя этот приказ, командир Черниговского полка подполковник Г. И. Гебель с двумя жандармскими офицерами были уже на квартире Сергея Муравьева-Апостола, забрали его бумаги и отправились на его розыски. Как сообщает в своих записках И. И. Горбачевский, это известие было «громовым ударом для обоих братьев и Артамона Муравьева» (39, с. 52).

Тем не менее Сергей Муравьев-Апостол решил действовать. Он предложил Артамону Муравьеву немедленно собрать Ахтырский полк, явиться в Житомир и арестовать всю корпусную штаб-квартиру. Вслед за этим он написал две записки — одну И. И. Горбачевскому, другую капитанам Пензенского пехотного полка, видным членам Общества соединенных славян М. М. Спиридову и А. И. Тютчеву. С. Муравьев-Апостол уведомлял их о начале восстания и «приглашал к содействию», назначив Житомир сборным пунктом.

Однако оба послания не были отправлены: Артамон Муравьев демонстративно сжег их в присутствии Сергея Муравьева-Апостола, отказавшись поддержать его со своим полком. Он отговаривался тем, что принял полк недавно, плохо знает офицеров и солдат, следовательно, не рассчитывает на успех; и даже изъявил намерение явиться к царю с повинной.

Не добившись помощи от Артамона Муравьева, Сергей Муравьев-Апостол с братом покинули Любар и глухой проселочной дорогой направились в местечко Павлолочь. Оттуда рано утром

28 декабря, сменив лошадей, они к середине того же дня прибыли в Трилеса, где была расквартирована 5-я мушкетерская рота Черниговского полка, которой командовал энергичный и горячо преданный делу тайного общества поручик А. Д. Кузьмин. Сам Кузьмин в это время находился в Василькове. Братья Муравьевы-Апостолы остались в Трилесах, а Бестужев-Рюмин по поручению Сергея Муравьева-Апостола направился в Новгород-Волынский, чтобы поднять там части 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады в поддержку Черниговскому полку. По его отъезде Сергей Муравьев-Апостол послал рядового 5-й мушкетерской роты Степана Савицкого к Кузьмину в Васильков с запиской такого содержания: «Анастасий Дмитриевич! Я приехал в Трилеса и остановился на вашей квартире. Приезжайте и скажите барону Соловьеву, Щепилле и Сухинову, чтобы они тоже приехали как можно скорее в Трилеса» (39, с. 60). Кузьмин, Соловьев, Щепилло и Сухинов получили записку С. Муравьева-Апостола поздно ночью 28 декабря и немедленно выехали в Трилеса.

Ранним утром 29 декабря подполковник Гебель, разыскавший с жандармами С. Муравьева-Апостола, остановился в Трилесах, чтобы обогреться и покормить лошадей. Зайдя на квартиру поручика Кузьмина, он неожиданно увидел там братьев Муравьевых-Апостолов. Расставив вокруг дома караулы, Гебель прочел Сергею и Матвею приказ об их аресте. Те приняли это спокойно и даже пригласили Гебеля к чаю, «на что он охотно согласился», как сообщает Горбачевский. Узнав от денщика Кузьмина, что выехавший из Трилес Бестужев-Рюмин должен был возвратиться в это утро в Трилеса, Гебель решил подождать его, чтобы сразу взять всех троих — братьев Муравьевых-Апостолов и Михаила Бестужева-Рюмина. Это решение чуть не стало для Гебеля роковым. На рассвете 29 декабря в Трилеса прибыли Кузьмин, Соловьев, Сухинов и Щепилло. Они вошли в дом поручика Кузьмина, где находились под арестом братья Муравьевы-Апостолы.

Далее события, как показывал С. И. Муравьев-Апостол и описывал И. И. Горбачевский, разворачивались следующим образом. Кузьмин, войдя в комнату, спросил Матвея Муравьева-Апостола, что ему делать. Тот ответил: «Ничего», а Сергей: «Избавить нас!» В эту минуту в комнату вернулся Гебель, расставлявший часовых, и набросился на приехавших офицеров, спрашивая, как и почему они посмели оставить свои части, и требуя разъехаться по местам. В ответ они потребовали объяснить, за что арестованы Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы. Получив в ответ, что это не их дело, один из прибывших, Щепилло, схватил из рук караульного солдата ружье и «пробил штыком его (Гебеля. — В. Ф.) грудь». Гебель бросился во двор, туда же за ним выскочили и черниговские офицеры. Сергей Муравьев-Апостол вышиб окно и также выскочил на улицу. Он вырвал из рук часового ружье, подбежал к тому месту, где Гебель боролся с

Кузьминым и Щепилло, и нанес ему удар штыком в живот. На все призывы Гебеля к караульным солдатам, чтобы они ко-лоли штыками возмутителей, ни один из них не двинулся с ме-ста и не взял под защиту своего полкового командира, которого ненавидели за жестокость. Израненному и истекавшему кровью Гебелю все же удалось вырваться из рук напавших, подбежать к корчме, где он нашел запряженные сани, вскочить на них и спастись (36, т. 4, с. 260; 39, с. 61—63).

Освобождение С. Муравьева-Апостола и его брата послужи-ло началом восстания Черниговского полка. С. Муравьев-Апо-стол приказал Кузьмину собрать его роту и идти в село Кова-левку, где стояла 2-я гренадерская рота, куда он поехал сам. Соловьеву и Щепилло он приказал отправиться к своим ротам, поднять их и вести в Васильков, где находились еще 3 роты Чер-ниговского полка. По его плану, Васильков должен был явиться сборным пунктом всех рот Черниговского полка и «штаб-квар-тирой» восстания. Вечером 29 декабря С. Муравьев-Апостол и Кузьмин с 5-й мушкетерской ротой прибыли в Ковалевку. Разы-гралась метель. Утром 30 декабря они с двумя ротами выступи-ли из Ковалевки и, преодолев за 6 часов 25 верст, прибыли в Васильков. По пути к ним присоединился М. Бестужев-Рюмин.

Комендант Василькова майор С. С. Трухин уже был изве-щен о приближении восставших рот Черниговского полка и при-нял соответствующие меры. Пытавшихся поднять здесь свои ро-ты Соловьева и Щепилло он взял под арест, всюду были удво-ены караулы. Но попытка Трухина оказать сопротивление под-ходившим к городу восставшим потерпела неудачу. Он был аре-стован и избит своими же солдатами, которые присоединились к восставшим. Соловьев и Щепилло были освобождены из-под стражи. Восставшие захватили полковые знамена и казну. В те-чение трех дней С. Муравьев-Апостол собрал под свою команду 5 рот Черниговского полка в составе 970 солдат при 8 офице-рах, что составляло примерно половину этого полка. В Василь-кове он получил оружие, боеприпасы, обмундирование и продо-вольствие. Началась подготовка к походу на соединение с дру-гими частями, на которые рассчитывал С. Муравьев-Апостол. Он и Михаил Бестужев-Рюмин, обращаясь к солдатам, говори-ли, что начались восстания частей в 3-м пехотном корпусе, с которыми они идут на соединение (в действительности этого не было). В день занятия Василькова к С. Муравьеву-Апостолу прибыл подпоручик 17-го егерского полка, стоявшего тогда в Белой Церкви, А. Ф. Вадковский и обещал С. Муравьеву-Апо-столу поднять если не весь полк, то непременно батальон. Но на обратном пути он был схвачен на заставе у Белой Церкви, зако-ван в кандалы и отправлен под конвоем в штаб-квартиру 1-й армии.

В ночь на 31 декабря С. Муравьев-Апостол вызвал полковых писарей, которые под диктовку его и М. Бестужева-Рюмина за-писали в нескольких экземплярах «Православный катехизис» —

обращенный к солдатам и составленный в форме вопросов и ответов программно-пропагандистский документ, напоминающий собою церковный катехизис, в котором в доходчивой форме излагались верующим основные понятия о Боге, церкви, обязанностях христианина. В этом подготовленном С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым документе на основании текстов Священного Писания отрицалась законность не только самодержавия, но и монархическая власть вообще, доказывалась необходимость замены ее властью республиканской с представительным образом правления. В духе идей «естественного права» солдатам разъяснялось, что Бог создал человека свободным, а «цари похитили свободу», говорилось о равенстве всех людей перед Богом, что «присяга царям богопротивна»; солдаты призывались «ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России». Всего было изготовлено 12 экземпляров «Катехизиса», которые стали распространяться в ближайших воинских частях, даже были посланы в Киев. Власти принимали энергичные меры к розыску и изъятию этого опасного документа (36, т. 4, с. 254—255).

М. П. Бестужевым-Рюминым кроме того был составлен и проект «Воззвания» к народу, сходный по своему содержанию и выражениям с «Православным катехизисом». В «Воззвании» говорилось: «Бог умилосердился над Россиею — послал смерть тирану нашему. Христос рек: не будьте рабами человеков, яко искуплены кровью моею. Мир не внял святому повелению сему и пал в бездну бедствий. Но страдания наши тронули Всевышнего. Днесь он посылает нам свободу и спасение. Братья! раскаемся в долгом рабелпствии нашем и поклонимся: да будет нам один царь на небеси и на земли Иисус Христос! Все бедствия русского народа происекали от самовластного правления. Оно рушилось. Смертию тирана Бог ознаменовывает волю свою, дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому. Отныне Россия свободна. Но как истинные сыны церкви не покусимся ни на какие злодейства и без распрей междуусобных установим правление народное, основанное на законе Божиим, гласящем: да первый из вас послужит вам. Российское воинство грядет восстановить правление народное., основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет. Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умолит Всевышнего о скорейшем свершении святого дела нашего. Да служители алтарей, донныне оставленные в нищете и презрении злочестивым тираном нашим, молят Бога о нас, восстанавливающих во всем блеске храмы Господни!» (36, т. 4, с. 256). Однако этот яркий агитационный документ не был распространен среди народа.

В 11 часов утра 31 декабря на центральной площади Василькова С. Муравьев-Апостол устроил смотр ротам Черниговского полка. Он обратился к солдатам с речью, в которой говорил о цели движения: «Мы, братцы, идем доброе дело делать,

избавить народ от рабства, вам службу убавить». Полковой священник Даниил Кейзер отслужил молебен и прочел муравьевский «Катехизис». Вопреки ожиданиям С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина «Катехизис» не произвел никакого впечатления на солдат. Настроенные монархически, жившие надеждами на царскую «добрую волю», солдаты не могли представить себе свободы без царя. Это было замечено С. Муравьевым-Апостолом и его товарищами. Впоследствии, во время дальнейшего похода, С. Муравьев-Апостол вынужден был действовать во имя «законного царя» Константина Павловича.

После молебна и чтения «Катехизиса» С. Муравьев-Апостол с 5 ротами Черниговского полка взял направление на Брусилов, откуда можно было, смотря по обстоятельствам, идти либо на Житомир, либо на Киев. С. Муравьев-Апостол склонялся идти на Житомир — штаб-квартиру 3-го пехотного корпуса — в надежде на присоединение полков, в которых служили члены тайного общества. Вечером 31 декабря, по пути к Брусилову, он вошел со своими ротами в село Мотовиловку, где к ним примкнула часть 1-й роты мушкетерского полка. По случаю нового года была объявлена дневка. На следующий день, 1 января 1826 г., к восставшим присоединился также со своей 2-й мушкетерской ротой поручик А. А. Быстрицкий. Из Мотовиловки С. Муравьев-Апостол направил Ф. М. Башмакова (в 1820 г. разжалованного из полковников в рядовые Черниговского полка) в Кременчугский и Алексопольский полки с предложением поддержать Черниговский полк. Однако миссия Башмакова оказалась безуспешной. Сам С. Муравьев-Апостол старался приободрить солдат. Как сообщает в своих записках И. И. Горбачевский, «на дневке С. Муравьев-Апостол осматривал все караулы, был во всех ротах, разговаривал с солдатами, ободрял их и более всего заботился об их нуждах». Примечательно, что жители Мотовиловки относились к черниговским солдатам благожелательно, «снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников» (39, с. 79—80). По-видимому, это объяснялось тем, что С. Муравьев-Апостол по пути провозглашал вольность крестьянам. Известно, что во время похода крестьяне стоявших по пути селений сопровождали черниговцев, снабжая их всем необходимым, но, как говорилось в официальных донесениях властей, не выходили из повиновения своим помещикам. Значительные крестьянские волнения в Киевской губернии (где проходил рейд Черниговского полка) прокатились уже позднее — в апреле — июле 1826 г. на почве распространившихся слухов о свободе.

Сначала власти, узнав о начавшемся восстании Черниговского полка, пребывали в смятении, и первые распоряжения их были направлены прежде всего на то, чтобы не допустить восставших в Житомир и Киев. Но с 31 декабря командование уже перехватило инициативу действий. Ненадежные Кременчугский, Алексопольский и 17-й егерский полки, в которых ранее члена-

ми тайного общества интенсивно велась пропаганда, были отведены из района восстания Черниговского полка, а их офицеры — члены тайного общества — арестованы. Властям удалось изолировать Черниговский полк и начать его планомерное окружение верными правительству частями. Характерно, что, поскольку восставшие действовали во имя «императора Константина», именно ему Николай I поручил возглавить подавление «мятежа» Черниговского полка.

Утром 2 января С. Муравьев-Апостол узнал, что Кременчугский полк, на присоединение которого он рассчитывал, отведен из Брусилова к Житомиру. Тогда С. Муравьев-Апостол принял решение идти на Белую Церковь на соединение с 17-м егерским полком. Однако посланные разведчики донесли, что и этот полк был выведен из Белой Церкви. Настроение солдат Черниговского полка стало падать. Началось дезертирство: ряды восставших покинуло в общей сложности 60 человек (9 офицеров, 5 унтер-офицеров и 46 солдат). Не дойдя 15 верст до Белой Церкви, поздно вечером 2 января С. Муравьев-Апостол остановился в селе Пологи, расставив усиленные караулы по дорогам.

Отчаянные попытки членов Общества соединенных славян помочь С. Муравьеву-Апостолу и поднять некоторые воинские части не увенчались успехом, ибо под их непосредственным командованием находились небольшие подразделения — не более роты и даже взвода. Отказали ему в содействии и видные члены тайного общества, А. З. Муравьев, С. Г. Волконский, В. К. Тизенгаузен (командиры полков), И. С. Повало-Швейковский. Восставший полк С. Муравьева-Апостола оказался в одиночестве. Против Черниговского полка было брошено 4 отряда правительственных войск, которые сжимали кольцо окружения.

Однако С. Муравьев-Апостол еще надеялся пробиться к частям, в которых служили члены Общества соединенных славян. «Не имея уже никакой цели идти на Белую Церковь, — показывал он на следствии, — я решил поворотить в Трилеса и стараться приблизиться к славянам по первому моему предположению» (36, т. 4, с. 288). Товарищи С. Муравьева-Апостола предлагали ему идти деревнями, где, как они полагали, правительственные войска не смогут пустить в дело конницу и артиллерию, да и не решатся сжечь деревни. С. Муравьев-Апостол отклонил этот совет и решил идти степью.

3 января на пути к Трилесам между селениями Устиновкой и Ковалевкой черниговцы увидели приближающийся к ним навстречу конный отряд. Они полагали, что это идет к ним на соединение конно-артиллерийский отряд М. И. Пыхачева — члена тайного общества. «Всеобщая радость» охватила восставших, вспоминает М. И. Муравьев-Апостол. Но это оказался отряд правительственных войск в составе трех эскадронов при двух орудиях под командой Ф. К. Гейсмара. За этим отрядом следовали другие карательные части.

Раздался залп, другой, третий. Несмотря на то что по рядам

черниговцев ударила картечь, С. Муравьев-Апостол привел полк в порядок, приказал солдатам не стрелять и повел их прямо на пушки. Солдаты смело двинулись в атаку, и одно время казалось, что они захватят орудия. Только после восьми залпов, когда черниговцы подошли на 200 шагов к отряду Гейсмара, они были остановлены огнем в упор. С. Муравьев был ранен в голову и потерял способность к управлению. В рядах восставших началось смятение. Конная атака гусар завершила разгром. И здесь, как и на Сенатской площади, восстание было расстреляно картечью. Над более чем 900 солдатами одержал верх конный отряд в числе немногим более 500 человек, не понесших никаких потерь. Среди черниговцев убит один офицер (Щепило), 3 ранено (среди них С. И. Муравьев-Апостол), убито 6 солдат и 20 ранено. На месте боя покончил с собой выстрелом из пистолета накануне прибывший к С. Муравьеву его младший брат двадцатилетний Ипполит. В плен было захвачено 895 черниговских солдат, которых отправили в Белую Церковь, где потом состоялся над ними суд.

Когда Николаю I 11 января 1826 г. доложили о подавлении восстания Черниговского полка, он в тот день написал Константину Павловичу: «При всей надежде на милость Божию я все же готовился к худшему» (61, с. 179). Черниговцев ожидала суровая кара: 158 солдат были прогнаны сквозь строй, 15 наказаны розгами, а затем с основной массой солдат полка сосланы в действующую армию на Кавказ.

В конце 1825 — начале 1826 г. имели место еще две попытки передовых офицеров поднять военное восстание. 24 декабря 1825 г. вне связи с другими декабристскими организациями произошло выступление в Литовском пионерном батальоне, стоявшем в Белостоке. Его возглавили члены Общества военных друзей капитан К. Г. Игельстром и поручик А. И. Вегелин. Выступление готовилось заранее. Предполагалось поднять расположенные в Белостоке и его окрестностях воинские части, при этом более всего рассчитывали на Литовский пионерный батальон, Самогитский гренадерский и Нежинский карабинерный полки, в которых тайное общество проводило свою работу.

Утром 24 декабря 1825 г. Игельстром и Вегелин явились в расположение Литовского пионерного батальона и начали разъяснять солдатам, что манифест о присяге Николаю I «несправедлив», что следует присягать Константину, который «определит им жалование по примеру польских войск и убавит срок службы». Они говорили также, что в Петербурге «все полки присягнули Константину». Когда Литовский пионерный батальон был построен для принесения присяги, солдаты по сигналу Игельстрома и Вегелина закричали: «Ура императору Константину!». Игельстром подошел к батальонному командиру подполковнику Обручеву и, грозя «опрокинуть аналой», потребовал от него прекратить церемонию присяги. Затем по команде ротных командиров, членов Общества военных друзей, солдаты взяли

ружья «на плечо» и весь батальон ушел с места присяги. Однако командованию удалось быстро изолировать возмущившийся батальон, а Игельстрома и Вегелина заключить под арест. Вслед за ними вскоре были арестованы и остальные члены этого тайного общества, затем преданы военному суду, состоявшемуся через два месяца (169, с. 49—57).

Попытка поднять солдат во имя «вольности» была предпринята 6 февраля 1826 г. в Полтавском пехотном полку членами Общества соединенных славян поручиком Е. Н. Троицким и прапорщиком С. И. Трусовым. Следует отметить, что большинство членов Общества соединенных славян вплоть до середины февраля 1826 г. еще не были арестованы. При известии о восстании Черниговского полка они рассчитывали, что его поддержит Полтавский полк, которым командовал декабрист В. К. Тизенгаузен и в котором многие из них служили. Но Тизенгаузен, как выше говорилось, отказался поддержать С. Муравьева-Апостола, а вскоре, 5 января, был арестован. Новым командиром Полтавского полка был назначен подполковник Левицкий-Лазницкий. Служившие в полку члены Общества соединенных славян решили воспользоваться моментом, когда Полтавский полк займет караулы в Бобруйске, для того чтобы поднять полк и захватить город. Такой случай представился 6 февраля. В тот день новый командир полка назначил ему смотр. По окончании смотра Трусов, выйдя из фронта с обнаженной шпагой, обратился к солдатам с призывом: «Ребята, бросайтесь в штыки! Найдем вольность и независимость, у нас государь не есть государь Николай Павлович, а тиран!» При этом Трусов «добавил» по адресу Николая I и всей царской семьи такие «выражения», которые Левицкий-Лазницкий «не посмел выразить на бумаге» в своем донесении. И. И. Горбачевский в записках сообщает, что перед строем солдат с обнаженными шпагами выступили оба декабриста — Трусов и Троицкий — и закричали: «Товарищи солдаты, за нами! Черниговцы восстали: стыдно нам от них отстать! Они сражаются за вашу свободу, за свободу России; они надеются на нашу помощь. Пособим им, — вперед, ура!» Это слышал Горбачевский от очевидца. Тот рассказывал, что «солдаты поколебались, в рядах раздался гул, и если бы хотя один из них выбежал вперед, без сомнения, он увлек бы многих... но какая-то невидимая сила держала солдат и офицеров как прикованных к одному месту» (195, с. 203—204). Трусов и Троицкий были тут же арестованы. Военный суд приговорил их к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой.

В последнее время в литературе распространилась точка зрения, что «события 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади были результатом исключительного стечения обстоятельств» (неожиданная смерть Александра I и неясность с престолонаследием, что создало обстановку междуцарствия), что восстания могло не быть» (143, с. 74—99). Но приведенные нами факты других выступлений в войсках, независимо от восстаний в

Петербурге и на Украине, — показатель того, что при наличии тайных обществ, ориентировавшихся на военное восстание, оно рано или поздно все же должно было произойти. Напомним также, что декабристы уже в 1824 г. назначили его на лето 1826 г., а «стечение исключительных обстоятельств» в декабре 1825 г. ускорило как это, так и другие выступления.

Обстановка междуцарствия и восстания декабристов в Петербурге и на Украине произвели сильное впечатление на армию. С конца 1825 г. до 1827 г. включительно, по агентурным сведениям и донесениям военных властей, в войсках шло брожение. Так, тайная агентура доносила, что солдаты Вятского полка «жалеют о своем командире» П. И. Пестеле. Непокойно было и в других полках. В начале 1827 г. Николай I получил новые сведения о том, что «в войсках 3-го пехотного корпуса, и в особенности в 3-й гусарской дивизии, не только не прекратились вредные суждения и самовольства, но даже увеличиваются». В связи с этим была проведена тщательная проверка офицеров тех полков, где действовали декабристы. В эти части были направлены специальные «расторопные чиновники», которым предписывалось «стараться секретным образом под рукою узнать все, что происходило и ныне происходит относительно существующих вредных суждений и самовольств» (195, с. 204).

Но наиболее многочисленные отклики в виде слухов и толков породили события 14 декабря 1825 г. Отношение простого люда, главным образом крестьянства, к восстанию на Сенатской площади было неоднозначным. Выше уже говорилось, что простой народ «всякого звания» в Петербурге (пришедшие на заработки крестьяне, мастеровые, прислуга и пр.), будучи на площади свидетелями и в какой-то мере участниками событий, относились к декабристам сочувственно и даже изъявляли свою готовность поддерживать их. Именно они явились источником слухов о том, что «в Питере господа бунтовали за христианскую волю», Николай I «вступил на престол усильно», а Константин «не доброй волей престол отдал». Шли толки, что Константин хотел дать волю крепостным, но новый царь, узурпировав его власть, стал насильно пригонять людей к присяге и волю спрятал, а «господа» (декабристы) хотели эту волю добыть. Зимой 1826 г. распространились слухи о том, что «повсеместный бунт в скором времени всему конец положит». Восстание 14 декабря в Петербурге связывалось у значительной части народа с ожидаемой волей и всякого рода «облегчениями». Так, стоявший на часах у Исаакиевского собора солдат Трофимов сообщил начальнику караула, что крестьяне плотницкой артели разговаривали, «будто господа царю прошения подали и законы ожидают к осени (1826 г. — В. Ф.) облегчения» (151, т. 2, с. 416—425; 198, с. 329—346). Слухи распространяли главным образом крестьяне-отходники, находившиеся на заработках в Москве и Петербурге.

Но была и иная интерпретация декабрьских событий. В ян-

варе 1826 г. в Ораниенбаумском уезде был задержан полицией крестьянин М. Кудинов за «непозволительные разговоры». У него обнаружили текст присяги от 27 ноября 1825 г. Константину, манифест от 12 декабря 1825 г. о восшествии на престол Николая I и ряд других официальных материалов, связанных с восцарением Николая I. Хотя Кудинов сам был свидетелем восстания 14 декабря, так как в это время находился на Сенатской площади, но во всех декабрьских событиях он усмотрел борьбу двух претендентов на престол и заговор со стороны «господ» — их намерение «истребить царскую фамилию». В глухой провинции темные массы крепостных крестьян воспринимали события 14 декабря как «бунт господ» против царя, намеревающегося дать крестьянам вольность; широко распространялись слухи о том, что эта вольность будет объявлена если не к весне, то по крайней мере к осени 1826 г. Говорили и о том, что царем уже подготовлен указ о вольности крестьян, но он «скрыт господами». Отсюда видно, насколько не только декабристы «были далеки от народа», но и народ, в большинстве своем не понимающий смысла событий декабря 1825 г., был далек от них. В отсутствии у декабристов объективной возможности опереться на народные массы заключалась трагедия первых русских революционеров. Тем не менее декабрьские события 1825 г., породившие в крестьянстве упорные слухи о близкой воле, явились стимулом значительного, по сравнению с предшествующими годами, подъема крестьянского движения, так что правительству Николая I пришлось 12 мая 1826 г. издать специальный манифест «О возникшем в губерниях неповиновении крестьян», в котором доказывалась ложность крестьянских слухов о близкой воле и говорилось о привлечении к ответственности «по всей строгости законов разглашателей слухов и участников волнений».

Восстание декабристов, несмотря на его поражение, произвело сильное впечатление на Николая I, его вельмож и сановников. Государь не был уверен, что подобная попытка не повторится вновь, поэтому уже в 1826 г. принял ряд мер к предотвращению нового революционного выступления: в январе 1826 г. вновь была взята подписка у военных и гражданских лиц в том, что они не состоят и впредь не будут состоять ни в каких тайных организациях и масонских ложах, 4 апреля было учреждено пресловутое III отделение собственной канцелярии царя специально для борьбы с революционным движением, усилился полицейский сыск, 10 июня того же года был издан драконовский цензурный устав, преследующий всякую независимую мысль, приняты реакционные меры в сфере просвещения.

СЛЕДСТВИЕ И СУД

Восстание 14 декабря 1825 г. позволило правительству выявить значительную часть петербургских декабристов. Сразу же после разгрома восстания некоторые из них были схвачены недалеко от Сенатской площади во время преследования, иные арестованы в ночь с 14 на 15 декабря на своих квартирах или у родственников и знакомых. Одни явились под арест сами, других выдали. Во время преследования вечером 14 декабря в ближайших от места восстания домах были схвачены Д. А. Щепин-Ростовский, М. А. Бестужев и Н. А. Сутгоф. Николай I в своих воспоминаниях указывает, что первым к нему привели в Зимний дворец Щепина-Ростовского: «Он в тогдашней полной форме и белых панталонах был схвачен сейчас после развития мятежной толпы... ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он ко мне приведен» (61, с. 28—29).

Император предполагал, что Щепин-Ростовский «был главное лицо бунта», но допрос рассеял это заблуждение. Вторым перед императором предстал Сутгоф. Он назвал 9 имен участников восстания, в том числе Е. П. Оболенского, А. И. Одоевского, Н. А. Панова, В. К. Кюхельбекера, Н. А. Бестужева и «сочинителя Рылеева» как «главного заговорщика». Вслед за Сутгофом был допрошен М. А. Бестужев, который назвал еще и С. П. Трубецкого, П. Г. Каховского, А. И. Якубовича и также указал на важную роль Рылеева как организатора восстания. Таким образом, Николай I уже из первых допросов узнал более десятка имен видных участников восстания. Выявилась ведущая роль Рылеева в организации всего дела 14 декабря. На квартиру к нему был послан флигель-адъютант Н. Д. Дурново с предписанием «привезти» его, «живого или мертвого». Рылеев был арестован в 10 часов вечера. От него Николай узнал о роли Трубецкого как «диктатора» восстания. Для ареста Трубецкого был немедленно послан флигель-адъютант А. М. Голицын. В доме Лавалей (родителей жены Трубецкого, в котором он проживал) его не оказалось. После долгих поисков Трубецкой был «обнаружен» в доме австрийского посла Людвиг Лебцельтерна, который приходился ему родственником (оба были женаты на сестрах, урожденных Лаваль). Потребовалось вмешательство министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде, чтобы Лебцельтерн выдал властям Трубецкого, которого доставили к Николаю в 3 часа ночи.

В ночь с 14 на 15 декабря были схвачены и привезены в Зимний дворец еще 20 человек. Всего 14—15 декабря в Петербурге было арестовано 56 человек, из них 18 непричастных к декабристам и вскоре отпущенных. Сами явились под арест А. А. Бестужев и А. М. Булатов, а вскоре и Н. А. Панов. Имели место факты, правда единичные, когда некоторых замешанных в заговоре выдавали их верноподданные родственники. Так, А. И. Одоевского выдал его дядя сенатор Д. С. Ланской; генерал Н. И. Депрерадович привел под арест своего сына корнета Н. Н. Депрерадовича, что вызвало удивление даже в Зимнем дворце.

Следствие выявляло все новые и новые имена. По всей стране прокатилась волна массовых арестов. Особенно большие размеры она приняла во второй половине декабря 1825 — первой половине января 1826 г., когда было взято 168 человек, т. е. более половины всех арестованных. Аресты шли в Петербурге, Москве, во многих губернских городах, в военных частях, в имениях декабристов, но особенно на Украине, где находилось наибольшее число членов тайного общества.

Все аресты производились с санкции Николая I. Брали под арест только тех лиц, на которых по доносу или в ходе следствия поступало не менее двух показаний об их принадлежности к тайному обществу. Следственный комитет делал Николаю I «представления» об этом. Николай I на основании этих «представлений» отдавал повеления: кого взять немедленно под арест, а за кем установить строгий полицейский надзор, и нередко этот надзор был подготовительным этапом к аресту. В начале следствия Николай I поставил себе задачу как можно скорее «всех захватить». В результате среди арестованных оказалось немало лиц, никакого отношения к декабристам не имевших и взятых по одному подозрению.

Д. И. Завалишин, М. А. Назимов и Ф. Н. Глинка арестовывались дважды. На первых допросах им удалось доказать свою невиновность, и они были освобождены. Более месяца находились Глинка и Назимов на свободе. Только когда Следственный комитет собрал неопровержимые данные об их активном участии в тайном обществе, они были вновь арестованы. 26 марта 1826 г. последовало повеление Николая I «более не требовать к следствию новых лиц, за исключением особо важных случаев» (194, с. 75).

Последним из декабристов был арестован М. С. Лунин (9 апреля 1826 г. в Варшаве). О Луине как деятельном члене тайного общества царю стало известно из показаний Трубецкого 23 декабря 1825 г. Царь немедленно написал цесаревичу Константину, у которого Лунин был адъютантом: «Лунин определенно принадлежит к шайке» (61, с. 168). Более трех месяцев длилась переписка Николая с Константином. Константин упорно не желал выдавать своего адъютанта, доказывал его невиновность. Но за это время следствие собрало столь серьезные

улики против Лунина, что Константин вынужден был дать согласие на его арест.

Практически все члены декабристских организаций либо были арестованы, либо взяты под строгий полицейский надзор. Никому не удалось скрыться от бдительного ока правительства, за исключением разве тех, кто краткое время состоял в Союзе благоденствия и вскоре прекратил с ним всякие связи. Из активных деятелей тайного общества лишь одному Н. И. Тургеневу, находившемуся с 1824 г. в эмиграции, удалось избежать ареста. Следствие и суд над ним велись заочно.

Неудачные попытки скрыться от властей и бежать за границу предприняли Н. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер и И. И. Сухинов. Вечером 15 декабря в Кронштадте был опознан и арестован переодетый и загримированный Н. А. Бестужев. Более месяца скрывался от властей В. К. Кюхельбекер. 19 января он был схвачен в Варшаве (10; 34). 15 февраля в Кишиневе был пойман бежавший после разгрома восставшего Черниговского полка И. И. Сухинов. Следует отметить, что попытки этих декабристов укрыться от судебного преследования могли бы увенчаться успехом, если бы не их колебания, нерешительность, а главное, остро проявившиеся в самый критический момент чувства долга и товарищества, желание не покидать товарищей по несчастью, разделить с ними общую судьбу. По этим же причинам не решились на побег и другие декабристы, вполне имевшие такую возможность. Лицейский товарищ И. И. Пущина А. М. Горчаков, служивший в Министерстве иностранных дел, 15 декабря привез ему заграничный паспорт, но Пущин, несмотря на горячие убеждения своего друга, не согласился на побег, считая «постыдным избавиться от участи, которая ожидает других членов общества» (217, с. 92). Н. В. Басаргин вспоминает, что 28 декабря он был предупрежден о предстоящем аресте своим начальником П. Д. Киселевым. Еще две недели Басаргин продолжал исполнять свои служебные обязанности в его штабе. Он мог воспользоваться находившимися в его служебных бумагах бланками заграничного паспорта, «но мысль оставить Родину, когда угрожает опасность, отделить свою судьбу от судьбы своих товарищей и навлечь подозрения на моих начальников, — все это вместе заставило меня отказаться от первого помысла и, чтобы избавиться от искушения, я тут же изорвал и сжег паспорт» (29, с. 80).

При аресте декабристов ставилась в качестве первостепенной задача — захватить бумаги арестованного. Компрометирующие документы — важная обличающая улика, вещественное доказательство «преступных замыслов», поэтому во всех приказах об арестах того или иного лица специально подчеркивалось: «взять со всеми принадлежащими ему бумагами», «непременно захватить его бумаги» и т. п. Но если властям довольно успешно удалось решить задачу ареста декабристов, гораздо труднее было захватить их конспиративные документы. Хотя при аре-

стах декабристов у них и было найдено много бумаг, но они не представляли интереса для следствия, ибо это обычно была служебная, хозяйственная и личная документация, ученые упражнения, семейная переписка. Следует отметить, что в руки следствия попало крайне мало конспиративных документов декабристов — предупрежденные об арестах, они старались заблаговременно уничтожить свои бумаги. Так поступили друзья П. И. Пестеля, узнав о прозящем ему аресте. «Всю ночь мы жгли письма и бумаги Пестеля», — вспоминает об этом его друг Н. И. Лорер. Удалось «истребить» компрометирующие бумаги Рылееву, Н. В. Басаргину, А. С. Грибоедову, И. Д. Якушкину, С. И. Муравьеву-Апостолу и многим другим декабристам. В обстановке царившей тогда паники и ожидания арестов много документов было уничтожено и теми, кто не принадлежал к тайному обществу.

Важнейшей задачей следствия в первые дни было выявление «соучастников злоумышленного общества» с целью быстрейшего их ареста. Уже вечером 14 декабря Николай I составил записку с перечислением членов создаваемого им тайного Следственного комитета. На следующий день он отдал распоряжение о подготовке указа об его учреждении. Это задание было поручено А. Д. Боровкову, который затем стал и делопроизводителем Следственного комитета. Указ был одобрен Николаем I и подписан им 17 декабря, однако не обнародован.

Следственный комитет получил название «Высочайше учрежденный 17 декабря 1825 года Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года». В него вошли военный министр А. И. Татищев (председатель), князь А. Н. Голицын, младший брат царя главный начальник артиллерии Михаил Павлович, генерал-губернатор Петербурга П. В. Голенищев-Кутузов, будущий шеф тайной полиции генерал А. Х. Бенкендорф, генералы В. В. Левашев, А. Н. Потапов, А. И. Чернышев и начальник Главного штаба И. И. Дибич. С 7 января 1826 г., когда в правительственных газетах был сообщен состав Комитета, он перестал именоваться «тайным», а 29 мая 1826 г. был переименован в Следственную комиссию.

Следственный комитет приступил к работе 17 декабря 1825 г. и действовал ровно полгода, проведя 146 заседаний; последнее заседание помечено 17 июня 1826 г. Официально он был закрыт 12 апреля 1828 г. Обычно заседания начинались в 6 часов вечера и заканчивались в 12 или в час ночи. Первые заседания Комитета (с 17 по 22 декабря) проходили в Зимнем дворце. В эти дни Комитет рассматривал захваченные при арестах декабристов бумаги, изучал протоколы первоначальных допросов, проведенных К. Ф. Толем и Левашевым, выносил «определения» об арестах вновь выявленных членов тайных обществ. С 23 декабря начались систематические допросы декабристов уже на заседаниях самого Комитета, которые из Зимне-

го дворца были перенесены в комендантский дом Петропавловской крепости: было признано «неудобным требовать мятежников в самый Комитет, помещенный во дворце» (194, с. 103).

Однако и после перенесения заседаний Комитета в Петропавловскую крепость все без исключения вновь арестованные декабристы подвергались первоначальному допросу в Зимнем дворце, а затем допрашивались уже в Следственном комитете в Петропавловской крепости, где после первого допроса арестованных размещали по казематам. Зимний дворец в это время, по меткому выражению декабристов, превратился в «съезжую».

Следствие по делу декабристов началось почти одновременно в Тульчине и в Петербурге — с середины декабря 1825 г. В Тульчине допросы арестованных П. И. Пестеля, Н. И. Лорера, И. Г. Бурцова, П. В. Аврамова, А. П. Барятинского, Н. А. Крюкова, Ф. Г. Кальма и других проводились с 16 по 25 декабря комиссией в составе командующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна, его начальника штаба П. Д. Киселева и специально присланного из столицы генерала А. И. Чернышева. Следствие в Тульчине не дало никаких результатов. Почти все допрошенные полностью отрицали свою причастность к тайной организации.

В Петербурге первые допросы снимали сначала генерал-адъютант К. Ф. Толь, а с 15 декабря — генерал-адъютант В. В. Левашев, которые и записывали первоначальные показания. В роли главного следователя выступал сам Николай I, который лично допросил почти всех более или менее значительных членов декабристских организаций. Допросы, которые вел Николай I, не зафиксированы ни в одном документе. О характере их мы знаем лишь из воспоминаний декабристов. Этот «виртуоз в деле выпытывания откровенных показаний», по меткому определению историка декабристов М. В. Довнар-Запольского, показал незаурядные способности следователя и тюремщика. На одних он кричал и топал ногами, грозил смертью, других уговаривал, обещая полное прощение за «откровенные» показания, третьих стыдил, четвертым старался внушить, что он и есть тот правитель, который стремится ко благу России, даже мог «прослезиться», говоря о «бедах России».

Декабристов «изумляли неутомимость и терпение» царя-следователя. «Он не пренебрегал ничем, — вспоминал А. С. Гангеблов, — не разбирая чинов, снисходил до личного, можно сказать, собеседования с арестованными, старался уловить истину в самом выражении глаз, в самой интонации слов ответчика. Успешности этих попыток много, конечно, помогала и сама наружность государя, его величавая осанка, античные черты лица, особенно его взгляд: когда Николай Павлович находился в спокойном, милостивом расположении духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость, но когда он был в гневе, те же глаза метали молнии» (37, с. 119—120). Актерские способно-

сти «царя-лицедея» вкуже с его угрозами, посулами, обещаниями многих могли ввести и вводили в заблуждение.

Император стремился выяснить «причины недовольства», «доискаться» до самых его «корней», чтобы знать, откуда грозила опасность самодержавному строю. Расследование этого было одной из важных задач следствия, и декабристы в своих показаниях и письмах на имя царя и Следственного комитета старались раскрыть причины «неустройства» в России. На основе писем и показаний декабристов правитель дел Следственного комитета по указанию царя составил для него «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». Эти же цели преследовал предлагаемый каждому декабристу специальный вопросник «о воспитании». Декабрист должен был ответить, откуда он «заимствовал свободный образ мыслей, от чтения книг или сочинений в рукописях, и каких именно», где «воспитывался», в каких учебных заведениях или «у родителей и родственников», кто были его учителя и наставники.

Арест правительством не только почти всех членов тайных декабристских обществ, но также и лиц, так или иначе связанных с ними, произвел удручающее впечатление на декабристов. Осознание полной победы самодержавия, отсутствие за стенами Петропавловской крепости соратников, которые могли бы продолжить их дело, привели многих находившихся под следствием декабристов в состояние пессимизма, отчаяния, психического надлома. Это обстоятельство нельзя не учитывать при оценке их поведения на следствии.

Декабристам упорно внушалась мысль, что своими «откровенными показаниями, признаниями и «раскаванием» они заслужат «милосердие» царя. Это был наиболее распространенный прием Следственного комитета и самого Николая I. Однако подробные и «откровенные» показания, которые были вырваны у подсудимых путем обещаний, шантажа и угроз, несколько впоследствии не способствовали смягчению их участи.

У самодержавия был вековой опыт сыска и дознания, испытанные средства и способы добиться от подсудимых «чистосердечного признания», «откровенного покаяния», «раскавания», оговора себя и других. К ним применялась целая система физического и морального воздействия, но пыток, к которым прибегали при дознаниях в XVIII в., не было.

«Хотя физических пыток не было, — свидетельствует А. Е. Розен, — но надевали наручники, кандалы, на некоторых и то и другое одновременно, уменьшали пищу; беспрестанно тревожили сон их, отнимали последний слабый свет, проникающий через амбразуру крепостной стены в окошечко с решеткою из частого переплета и железных пластинок...» (74, с. 185). «За упорное запирательство» или за проявленную на допросах «дерзость» (а также смотря и по степени вины узников) 23 декабриста были закованы «в железа». В кандалах их содержали от

двух до четырех месяцев. Заметим, что заковывание в кандалы было нарушением Жалованной грамоты дворянству 1785 г. и тоже являлось своего рода физической пыткой, весьма эффективным средством добиться от узника «откровенных» показаний. Так, Я. М. Андреевич на первом допросе 13 февраля не только проявил «упорство», но доказывал правоту своего дела и благородного подвига С. И. Муравьева-Апостола. 18 февраля на Андреевича были наложены оковы, которые удручающе действовали на его душевное и физическое состояние. Спустя три месяца он обратился к царю с просьбой о снятии оков, но ответа не последовало. Лишь после откровенных признаний Андреевича Николай I повелел: «Расковать во уважение замеченного в нем Комитетом о злоумышленном обществе раскаяния и откровенности» (36, т. 16, с. 102, 105). Длительное содержание в оковах сломило и других декабристов, проявлявших «упорство» на допросах, например Н. С. Бобрищева-Пушкина, С. М. Семенова, Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева. Угроза заковать в кандалы заставила дать откровенные показания С. Г. Волконского (12, 35).

Сильное воздействие на узников оказывали условия содержания в одиночных камерах. В мемуарах декабристов много говорится о том, насколько удручающе действовал на них резкий переход к полной изоляции. А. П. Беляеву его каземат казался «немного более гроба». «Страшно подумать об этом заключении, — писал он. — Куда деваться без всякого занятия со своими мыслями. Воображение работает страшно. Каких страшных, чудовищных помыслов оно не представляло. Куда уносились мысли, о чем передумал ум, и затем все еще оставалась целая бездна, которую надо было чем-нибудь заполнить» (30, с. 183). Для М. А. Бестужева сама процедура облачения его в арестантскую форму и помещение в одиночное заключение представлялись как «похоронный обряд погребения, когда покойника наряжают, чтоб уложить в гроб» (32, с. 134). Н. И. Лорер признавался, что, попав в одиночный каземат, он даже заплакал, оправдывая свою слабость тем, что «человек всегда остается человеком» (59, с. 93). «Тот, кто не испытал в России крепостного ареста, — писал декабрист Н. В. Басаргин, — не может вообразить того мрачного, безнадежного чувства, того нравственного упадка духом, скажу более, даже отчаяния, которое не постепенно, а вдруг овладевает человеком, переступившим порог каземата. Все его отношения с миром прерваны, все связи разорваны. Он остается один перед самодержавной, неограниченной властью... Спереди ожидает его постепенное нравственное и физическое изнурение; он расстается со всякой надеждой на будущее, ему представляется ежеминутно, что он погребен заживо, со всеми ужасами этого положения. После тридцати лет ссылки, исполненных множеством испытаний, я до сих пор без содрогания не могу вспомнить о первом дне, который я провел в каземате Петропавловской крепости» (29, с. 85). Н. В.

Басаргин был человеком не робкого десятка, обладал твердым характером и сильной волей.

Николай I, определяя режим заключения каждого узника (сохранилось 150 записок об этом коменданту Петропавловской крепости А. Я. Сукину), старался повлиять на его состояние и поведение, несколько улучшая или, наоборот, усугубляя условия заточения. Например, Якушкина он приказал «заковать так, чтобы пошевелиться не мог, и содержать не иначе, как злодея», «злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистроже», тогда как сенатора С. Г. Краснокутского царь велел «поместить в квартире офицерской, не арестовывая, и позволить ходить по крепости, но не отлучаться, а за ним иметь присмотр». П. Г. Каховского, в надежде получить от него «чистосердечные признания», Николай I приказал «содержать хорошо, давать ему чай и прочее» (194, с. 160). В отдельной квартире комендантского дома содержался М. Ф. Орлов, которому были разрешены свидания с его старшим братом Алексеем — фаворитом императора.

В «награду» за откровенные показания император разрешил некоторым узникам вести переписку и даже иметь свидания с родственниками. Каждое такое разрешение давалось не иначе как по специальному письменному повелению царя.

По повелению Николая I «для увещевания при допросах мятежников, содержащихся в крепости», в казематы были посланы «духовные наставники». К узникам православного вероисповедания первоначально был направлен протоиерей Петропавловского собора Стахий Колосов, как «священник опытный и честный правил». Но, по-видимому, его опыта оказалось недостаточно и его вскоре сменил умный и ловкий проповедник — протоиерей Казанского собора Петр Мысловский. Узников «лютеранского вероисповедания» (таковых было 14) «напутствовал» пастор Рейнбот.

Духовный регламент Петра I (1721 г.) прямо требовал от священников сообщать властям о государственных преступлениях, если верующие рассказывают их на исповеди. Этот закон, не только освобождал священнослужителей от ответственности за нарушение тайны исповеди, но и обязывал их идти на такое нарушение. Мы не располагаем данными, нарушали ли Мысловский и Рейнбот тайну исповеди, передавали ли они следствию сведения, полученные «вне исповеди», т. е. во время доверительных бесед с узниками. Если это и имело место, то, по понятным причинам, не было зафиксировано в документах. Главная задача, которая была поставлена перед духовными лицами, заключалась не в том, чтобы во время доверительных бесед с арестованными или на исповеди добыть какие-либо сведения для следствия, а в том, чтобы морально подготовить узников к «чистосердечным» показаниям на допросах Следственного комитета. Эта задача особенно успешно была выполнена Мысловским. А. И. Татищев в своем представлении императору о на-

градах членам Следственного комитета по окончании его работы писал: «Не могу также умолчать о протоиерее Петре Мысловском, который, будучи употреблен для увещания преступников, с помощью евангельского просвещения и христианской твердости направлял заблудших на путь истины, а отступников возвращал церкви». За успешное выполнение своей миссии Мысловский был награжден орденом Св. Анны второй степени.

О П. Н. Мысловском существуют самые противоречивые мнения как среди декабристов, так и исследователей. Одни видели в нем чуть ли не «правительственного шпиона» (Н. В. Барсаргин, М. С. Лунин, П. А. Муханов), другие сохранили о Мысловском самые лучшие воспоминания, и с некоторыми из них (например, с Е. П. Оболенским и И. Д. Якушкиным) он вел дружескую переписку до самой своей смерти. Мемуарные свидетельства декабристов не оставляют никаких сомнений, что Мысловский был послан не только для одних «душеспасительных» бесед с узниками. Фаленберг вспоминает слова Мысловского, обращенные к нему: «Юный монарх наш с прискорбием взирает на многие жертвы и не ищет обвинения. Он только хочет, чтобы чистосердечным раскаянием вы дали ему случай к милосердию и облегчению вашей участи» (35, т. 1, с. 232). По свидетельству И. Д. Якушкина, Мысловский посещал его регулярно «и в наших разговорах не было и речи о религии». Мысловский, например, сообщал Якушкину о работе Следственного комитета, даже о характере допросов, которые там велись, приносил Якушкину тайно письма от родных, и при этом «действовал ловко и решительно», рискуя подвергнуться взысканию за нарушение тюремного режима. Тем самым он так расположил к себе Якушкина, что тот даже советовался с ним, как вести себя на допросах (85, с. 68—70, 75). Политические разговоры «о конституции» протоиереев вел с В. Ф. Раевским и А. С. Гангеловым. Нельзя также не отметить и того факта, что честность, самоотверженность, благородство узников, с которыми общался Мысловский, оказали большое нравственное влияние и на него самого. С. П. Трубецкой и М. А. Бестужев впоследствии в беседе с редактором «Русской старины» М. И. Семевским (собиравшим и издававшим декабристские материалы) вспоминали, что Мысловский сначала смотрел на заключенных недоброжелательно, но затем его более близкое знакомство с ними, а впоследствии приговор и казнь произвели переворот в его отношении к узникам. В день казни, 13 июля 1826 г., Мысловский отслужил панихиду по пяти казненным декабристам.

Не менее ловким и опытным проповедником был пастор Рейнбот. По свидетельству А. Е. Розена, Рейнбот вел умные, назидательные и занимательные беседы, которые обычно «отклонялись от предмета духовного и переходили к политическому». Розен вспоминает, что Мысловский и Рейнбот, «оба отличнейшие витии, представляя гибельные последствия от либераль-

ных идей и насильственных переворотов... ссылались на Францию, припоминали все совершившиеся там ужасы в конце прошлого столетия и выводили, что она после многих искушений и страданий опять прибегла поневоле к королю и довольствуется Людовиком XVIII» (74, с. 168).

Большое психологическое воздействие на декабристов оказывала также сама обстановка устных допросов в Следственном комитете. Ночью узника поднимали с постели, завязывали ему глаза или набрасывали на него покрывало, затем многочисленными коридорами и переходами вели за руку в комендантский дом, где заседал Следственный комитет. Из дальних казематов заключенного везли на допрос в санях. На месте заседания с него снимали повязку, и он оказывался в ярко освещенном зале, где за столом, покрытым красным сукном, в парадных мундирах, при лентах и орденах восседали члены Следственного комитета. По признанию декабристов, это производило сильный эффект на узника, на которого сразу же «градом сыпались» вопросы, нередко провокационного характера, чтобы сбить его с толку. М. А. Фонвизин вспоминал, что «по снятии с него покрывала члены Комиссии делали ему вопросы не на жизнь, а на смерть и, не давая времени образумиться, с грубостью требовали ответов мгновенных и положительных; царским именем обещали помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами» (81, с. 197). Недостойные приемы следствия, его противозаконные действия глубоко возмущали декабристов.

После устного допроса в Комитете узнику по возвращении его в каземат доставляли листы бумаги с «вопросными пунктами», на которые он письменно же должен был ответить. Впоследствии на суде письменные ответы на вопросы служили практически единственными документами для определения «силы вины» и назначения наказания, ибо иных «улик», вещественных доказательств или свидетельских показаний других лиц в судебном процессе над декабристами не существовало.

Уже в начале расследования Следственный комитет располагал значительным материалом из доносов и первых показаний — многими именами членов тайных организаций, сведениями об их роли в этих организациях. Поэтому «вопросные пункты», в которых подробно и точно указывалось, что следствию известно то или иное совещание, нередко приводилось даже содержание разговоров на них и назывались присутствующие на совещаниях лица, ошеломляюще действовали на допрашиваемых. Под конец следствия «вопросные пункты» вырастали в обширное изложение обстоятельств события, о котором шел допрос, с указанием многих участвовавших в нем лиц. Допрашиваемые поражались осведомленности Следственного комитета. В связи с этим у М. П. Бестужева-Рюмина вырвалось такое признание, записанное им в ответе Комитету: «Видя, с какою

подробностию Комитет знает малейшие обстоятельства, должно быть полным дураком, чтобы хотеть что-либо утаить» (15, л. 14).

Град предъявляемых «улик», очные ставки, перекрестные допросы заставляли в конце концов многих упорствовавших декабристов дать нужные показания. Нельзя не согласиться с историком М. В. Довнар-Запольским, что «при таких условиях трудно бросить обвинение в излишней словоохотливости подсудимых... хотя некоторые из них и погрешили излишнею словоохотливостью, но нельзя не признать того обстоятельства, что для огромного большинства из них эта откровенность имеет оправдание» (110, т. 9, 11).

Декабристы вели себя на следствии по-разному: одни упорно держались до конца, все отвергая, иные на первом же допросе давали следствию ценную для него информацию, другие старались по возможности скрыть намерения и замыслы тайного общества и свою роль в нем, некоторые пытались просто объяснить причину своего участия в обществе и потому рассказывали о бедах и язвах России, о своих благородных стремлениях. Столкнувшись с мощной репрессивной машиной самодержавия, находясь в экстремальных условиях одиночного содержания, многие декабристы не смогли проявить достаточной стойкости: пали духом, «каялись», молили о пощаде, давали «откровенные» и «чистосердечные» показания, вредившие их товарищам. Позже, находясь на каторге, все декабристы условились не позволять себе ни малейших замечаний или упреков в том, кто как вел себя на следствии, хотя многие понесли тяжкие наказания вследствие «неосторожных показаний или недостатка твердости кого-либо из товарищей» (29, с. 131).

Изучение материалов следствия позволяет сделать вывод, что наиболее «откровенные» показания были получены от декабристов в конце следствия — в тот момент, когда подследственный под тяжестью собранных против него многочисленных «улик», после очных ставок принужден был во многом «признаваться». Однако до этого момента он по мере возможности старался скрыть наиболее опасные и особо «криминальные» факты своей деятельности в тайном обществе, а в начале допросов обычно отрицал и саму причастность к нему. В большинстве протоколов первых допросов, снятых Левашевым, зафиксирован такой стандартный ответ допрашиваемого: «К тайному обществу не принадлежал и о существовании оного не знал». Обычно такой ответ был характерен для «рядовых» членов тайных обществ, полагавших, что против них нет веских улик. Труднее было отрицать этот факт руководителям тайных обществ ввиду очевидности для следствия их роли в этих обществах.

Сложившееся мнение о том, что все декабристы на первых же допросах спешили выдать своих товарищей, неверно. Достаточно обратиться к протоколам этих допросов, чтобы убедиться

в обратном. Это обстоятельство подчеркивал и правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков, который писал в своих воспоминаниях: «Главное упорство большей части допрашиваемых состояло в сокрытии соумышленников; но когда им показали бывшие в Комитете списки членов их обществ, когда сказали им, что все они уже забраны, тогда они стали чистосердечнее» (31, с. 354).

Известно немало примеров стойкости и настоящего героизма декабристов, проявленных на следствии. М. С. Лунин, отвечая на присланную 8 апреля в Варшаву вопросную анкету, смело написал: «Я никем не был принят в число членов тайного общества, но сам присоединился к оному... Основателей же оного я не могу назвать, ибо это против моей совести и правил... Я поставил себе неизменным правилом никого не называть поименно» (36, т. 3, с. 115—117). Не отрицая своего активного участия в тайном обществе, даже плана царевубийства в 1816 г., Лунин стойко держался принятой линии не давать опасной для товарищей информации. Член Общества соединенных славян А. И. Борисов в своих показаниях нисколько не скрывал своей антиправительственной деятельности, обвиняя несправедливый политический строй и его неправо законы, хотя прекрасно сознавал, какая участь его ожидала. Член того же тайного общества, уже ранее упоминавшийся Я. М. Андреевич, в заключение одного из своих показаний бесстрашно бросил следователям: «Желая блага своему отечеству, видя его угнетаемо несправедливостями, решился на все, решился отыскать причину злополучия моих соотечественников и, найдя, истребить оную, хотя бы самому стоило жизни» (36, т. 5, с. 388).

Следователей поражала твердость и убежденность в правоте своего дела руководителя восстания Черниговского полка С. И. Муравьева-Апостола. Генерал К. Ф. Толь, снимавший с него первый допрос в Могилеве, писал 15 января 1826 г. И. И. Дибичу: «В разговоре с подполковником Сергеем Муравьевым усмотрел я большую закоснелость зла». 19 января тяжело раненого, отягченного оковами С. И. Муравьева-Апостола доставили в Петербург, а на следующий день его допросил сам Николай I. Мужество декабриста поразило монарха. Во все время следствия Сергей Муравьев-Апостол не проявил ни «раскаяния», ни сомнения в правоте своего дела. В «Журнале» Следственного комитета от 5 апреля 1826 г. записано: «Принимал на себя все то, в чем его обвиняют другие, не желая оправдываться опровержением их показаний, в заключение изъявил, что раскаивается только в том, что вовлек других, особенно нижних чинов, в бедствие, но намерение свое почитает благим и чистым, в чем Бог один его судить может и что составляет единственное его утешение в тепершнем положении» (36, т. 16, с. 158).

Некоторые декабристы не побоялись высказать неместные слова в адрес самих членов Следственного комитета. По сви-

детельству Е. И. Якушкина (слышавшего об этом от ссыльных товарищей его отца И. Д. Якушкина в Ялutorовске), Пестель в ответ на обвинение его в цареубийстве заявил следователям: «Я еще не убил ни одного царя, а между моими судьями есть цареубийцы» (194, с. 196). Это был явный намек на П. В. Голенищева-Кутузова, участника убийства Павла I. Рассказывают также, что, когда тот же Голенищев-Кутузов спросил Н. А. Бестужева: «Скажите, капитан, как вы могли решиться на такое гнусное покушение?» — тот хладнокровно ему возразил: «Я удивляюсь, что это *Вы* мне говорите». «Бедный Кутузов почти остолбенел», — вспоминал об этом А. В. Поджио (63, с. 232). «Намек» на мартовские события 1801 г. сделал своим следователям в одном «дополнительном показании» и В. И. Штейнгель (62, с. 208).

Уже первые допросы в ночь с 14 на 15 декабря 1825 г. показали Николаю I широту политического заговора, раскрыли длительность его существования, детальность и обдуманность планов восстания. Уже тогда императору стало ясно, что восстание 14 декабря 1825 г. не было связано с династическим кризисом, послужившим лишь удобным предлогом для выступления декабристов. 15 декабря царь писал Константину Павловичу: «Показания Рылеева, здешнего писателя, и Трубецкого раскрывают все их планы, имеющие широкие ответвления внутри страны. Всего любопытнее то, что перемена государя послужила лишь предлогом для этого взрыва, подготовленного с давних пор и с целью умертвить нас всех, чтобы установить республиканское конституционное правление» (61, с. 146).

Дальнейшие аресты и допросы заключенных открывали Николаю все новые имена участников заговора, неизвестные ранее тайные организации и их связи, новые детали. «И этот заговор длится уже 10 лет! — с тревогой и удивлением писал Николаю Константин 20 декабря. — Как это случилось, что его не обнаружили тотчас или уже давно?» (61, с. 166). В своем ответе Константину (от 22 декабря) император указывал, что, по видимому, взяты под арест пока второстепенные члены тайной организации («исполнители»), а главные «остались еще сокрытыми» (61, с. 167). В этой связи перед следствием ставилась задача «обнаружения наиболее значительных лиц в заговоре», в причастности к которому Николай подозревал и некоторых «высших государственных лиц» — генералов П. Д. Киселева и А. П. Ермолова, известных государственных деятелей М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова. В письме от 23 декабря Николай писал Константину: «У меня основательные подозрения, чтобы быть уверенным, что все это восходит до Государственного совета, именно до Мордвинова...» (61, с. 168). Именно в этот день были получены показания А. Н. Андреева о надежде декабристов на Мордвинова. 24—26 декабря фамилии Мордвинова и Сперанского, которых декабристы намеревались ввести в состав Временного революционного правительства, прозвучали в пока-

заниях Рылеева, Каховского и Трубецкого. В первых числах января 1826 г. начались интенсивные допросы «главных лиц заговора», которых спрашивали о причастности Сперанского и Мордвинова к заговору. В первую очередь были допрошены те, которые общались со Сперанским по долгу службы, — Г. С. Батеньков, служивший у него и живший в его доме, а также служившие в Сенате С. Г. Краснокутский и А. О. Корнилович. Следствию стало известно о посещении этими тремя лицами — членами Северного общества — накануне восстания 13 декабря Сперанского. Данный факт рассматривался как важная «улика», свидетельствующая о причастности Сперанского к декабристам. Наиболее сильный нажим был сделан на Г. С. Батенькова, как «по особенной близости» его к Сперанскому, так и на основании показаний Рылеева, Сутгофа и других, сообщивших: «Сперанский наш, мы на него действуем через Батенькова» (36, т. 1, с. 159; т. 2, с. 127). Однако все усилия следствия в отношении Батенькова оказались тщетными. Он, говоря о Сперанском как о своем «благодетеле», показывал, что все связи с ним носили чисто служебный характер. Допрошенные 2—8 января другие члены Северного общества — В. И. Штейнгель, Н. А. Бестужев, А. Н. Сутгоф и А. Н. Андреев, которым задавали вопросы о Сперанском, равно как и о Мордвинове, стремились доказать, что члены тайной организации лишь будто бы надеялись на то, что ни Сперанский, ни Мордвинов не откажутся войти в состав Временного революционного правительства, но сами эти государственные деятели не были поставлены о том в известность и нисколько не были связаны с тайным обществом. В своих показаниях декабристы, однако, не скрывали своих симпатий к ним.

Дальнейшее расследование по делу Сперанского и Мордвинова велось по распоряжению Николая I уже помимо Следственного комитета, сверхсекретным образом. Оно было поручено А. Х. Бенкендорфу — члену Следственного комитета и одному из наиболее приближенных к Николаю лиц. А. Х. Бенкендорф, как вспоминает С. П. Трубецкой, лично являлся в камеры к декабристам (в том числе и к Трубецкому) расспрашивать их о Сперанском. О сверхсекретном расследовании о Сперанском и Мордвинове свидетельствует и правитель дел Следственного комитета А. Д. Боровков: «Я сам собственноручно писал дело-производство и хранил [его] у себя отдельно, не вводя в общее дело» (31, с. 348). Материалы этого расследования были уничтожены по приказу Николая I. Была признана непричастность Сперанского и Мордвинова к заговору декабристов, но и это официальное признание хранилось в тайне. В «Секретном приложении к докладу Следственной комиссии» на вопрос: «Не были ли с ними (заговорщиками. — В. Ф.) в сообщничестве люди значительные по сану своему или по местам, в государстве занимаемым?» — Комиссия дала отрицательный ответ. Однако сам Николай I и его ближайшее окружение были убеждены в

обратном. По сведениям, полученным от графа Д. Н. Блудова¹, Николай I говорил Н. М. Карамзину: «Около меня, царя русского, нет ни одного человека, который бы умел писать по-русски, то есть был бы в состоянии написать, например, манифест. А Сперанского не сегодня, так завтра, может быть, придется отправить в Петропавловскую крепость» (194, с. 146). Хорошо осведомленный мемуарист Ф. Ф. Вигель свидетельствовал, что тесные связи Сперанского с декабристами, в особенности с Батеньковым, «ни для кого не были тайной». Николай I счел целесообразным прекратить расследование о Сперанском и Мордвинове и «простить» их, вероятно потому, что эти видные государственные деятели были «нужны» ему, а главное — они были далеко не «рядовыми» членами Государственного совета, их арест и следствие над ними явились бы большим «скандалом», показывая широту заговора декабристов, в который были вовлечены наиболее авторитетные государственные сановники. К сожалению, мы не располагаем данными о том, велось ли расследование о причастности к декабристам генералов А. П. Ермолова и П. Д. Киселева, безусловно знавших о существовании тайных декабристских обществ и общавшихся со многими их членами. Предполагают, что сведения о них собирались «окольным путем», через секретную агентуру.

Вопрос о связях Сперанского и Мордвинова, а также Киселева, Ермолова и других сановников с декабристами давно интересует исследователей. Совокупность всех данных, взятых из показаний членов тайных обществ, их мемуаров и свидетельств современников, при тщательном их анализе, сопоставлении и проверке свидетельствует в пользу предположения о длительном общении декабристов с названными государственными деятелями. С большой долей вероятности можно утверждать также, что Сперанский и Мордвинов (как Киселев и Ермолов) знали о тайной организации, о готовившемся государственном перевороте, а также о той роли, которая предназначалась им декабристами в будущем Временном революционном правительстве.

С конца декабря 1825 г. Следственный комитет занялся выявлением связей декабристских организаций, в первую очередь Южного общества, с Польским, Малороссийским и Кавказским тайными обществами, равно как и поисками данных об этих и других тайных организаций на территории России.

О контактах Южного общества с Польским и Кавказским сообщал в своем докладе А. И. Майборода. 22 декабря в Тульчине Следственная комиссия специально допрашивала об этом Пестеля, который все категорически отрицал. 23 декабря Трубецкой на допросе в Следственном комитете уже определенно

¹ Один из учредителей литературного кружка «Арзамас», автор «Донесения Следственной комиссии» по делу декабристов, впоследствии министр внутренних дел при Николае I.

свидетельствовал о наличии у Южного общества таких связей. Пестель, доставленный в Петербург, на допросе 4 января после предъявленных ему показаний других членов тайного общества о его активной роли в декабристском движении дал пространные показания и сообщил в том числе о контактах Южного и Польского обществ.

В начале января 1826 г. практически у всех находившихся под арестом членов Южного общества запрашивали о связях его с Польским. Почти никто не отрицал таких связей и все указывали на М. П. Бестужева-Рюмина как на посредника в переговорах между двумя обществами. Бестужев-Рюмин был привезен в Петербург 19 января и в своих показаниях дал ценные для следствия сведения по данному вопросу.

Следственным комитетом на основании показаний членов Южного общества были выявлены и взяты под арест наиболее видные деятели польской организации. Они затем были отправлены в Варшаву, где 9(21) февраля 1826 г. был учрежден особый следственный комитет под председательством великого князя Константина Павловича. И петербургский и варшавский Следственные комитеты действовали в тесном контакте между собой. Петербургский в значительной мере даже определял направления работы Следственного комитета в Варшаве: сообщал сведения о членах Польского тайного общества и направлял материалы допросов тех из них, которые предварительно были допрошены в Петербурге, а затем отосланы в Варшаву, делал запросы и о связях польских революционеров с русскими, требовал отправления в Петербург выявленных следствием участников «русского заговора», находившихся в Варшаве (например, М. С. Лунина). Николай I вел сам интенсивную переписку по всем вопросам с Константином Павловичем.

Константин не был склонен раздувать дело о политическом заговоре в своем наместничестве. Выступление в Литовском пионерном батальоне 24 декабря 1825 г. он квалифицировал как «частный» инцидент, не связанный с общим политическим заговором в России. Он пресекал все попытки Следственной комиссии в Белостоке выявлять какие-либо связи открывшегося «Общества военных друзей» с декабристскими организациями (вопрос о наличии таких связей из-за недостатка документов до сих пор остается спорным и невыясненным). Как уже отмечалось, в течение четырех месяцев Константин не выдавал Николаю своего адъютанта Лунина, имя которого как давнего и «опасного» члена тайного общества было названо уже в самом начале следствия. Какими мотивами руководствовался Константин, до сих пор остается неясным, в литературе высказываются лишь предположения о каких-то тайных замыслах Константина, для которых мог пригодиться Лунин.

Со следствием по делу Польского тайного общества было связано и расследование о Малороссийском обществе. Впервые о нем упомянул в своих показаниях доносчик А. И. Майборода

при допросе его в Тульчине 25 декабря 1825 г. В январе 1826 г. о Малороссийском обществе спрашивали на допросах многих членов Южного общества, но никто из них не мог сообщить о нем каких-либо определенных сведений, хотя факт существования этого общества ими и не отрицался. С. И. Муравьев-Апостол в своем письме от 25 января 1826 г. на имя Николая I указывал, что так называемое «Малороссийское общество», «основанное на умозрительных фантазиях», не имело какого-либо значения и сводилось «исключительно к кружку Лукашевича». В конце января в Полтаве был арестован и 3 февраля доставлен в Петербург предполагаемый «глава» этого общества предводитель дворянства Переяславского уезда В. Л. Лукашевич. На допросах он категорически отрицал наличие Малороссийского общества и свою принадлежность к какому бы то ни было тайному обществу вообще. Он признал лишь, что некогда был членом масонской ложи, учрежденной в Полтаве, но вышел из нее после указа 1822 г. о запрещении масонских лож и тайных обществ. Были допрошены и члены этой ложи Д. И. Алексеев и С. М. Кочубей, но они, не отрицая факта своего участия в данной ложе, заявили, что ни о каких тайных обществах «не слышали». Следствию не удалось собрать данных о Малороссийском обществе и выявить кого-либо из его членов. Оно пришло к выводу, что показания об этом обществе «были основаны на одних догадках» и «общество сие вовсе не существовало и никогда не заводилось». Впоследствии исследователям также не удалось собрать сколько-нибудь определенных данных о существовании этой организации.

Детальное расследование велось также и о Кавказском тайном обществе. Как уже указывалось, Николай I в тревожные для него дни восшествия на престол был особенно обеспокоен «кавказскими делами». Именно тогда он заподозрил наместника Кавказа генерала А. П. Ермолова, пользовавшегося большой популярностью в войсках, в причастности к тайному обществу. У Николая не было также никаких сомнений в том, что Ермолов был хорошо осведомлен и о существовании других тайных организаций в России. На основании некоторых, хотя и неясных, показаний Трубецкого и Пестеля у императора возникло подозрение, что Ермолов мог быть руководителем Кавказского тайного общества. Поскольку и Трубецкой, и Пестель в своих показаниях ссылались на С. Г. Волконского и А. И. Якубовича, то эти декабристы были подвергнуты основательному допросу. Волконский показывал, что во время своей поездки в 1824 г. на кавказские минеральные воды он имел ряд встреч с Якубовичем, который сообщил ему о существовании Кавказского тайного общества, хотя и не назвал ни одного из его членов. Якубович категорически отрицал показание Волконского, уверяя следствие, что он тогда в разговоре с Волконским ввел его в заблуждение, «брехал вздор», в действительности же никакого тайного общества на Кавказе не существовало. Допросы дру-

гих декабристов также не дали ничего. Следствие назвало таковое общество «мнимым».

С «кавказской проблемой» и «ермоловским вопросом» было связано и следственное дело А. С. Грибоедова. Оно тщательно изучено М. В. Нечкиной, специально посвятившей этому монографию (160). После того как была установлена принадлежность Грибоедова к тайному обществу, следствие начало было собирать сведения, проясняющие его роль как вероятного посредника между Южным и Кавказским тайными обществами (в связи с обнаруженным фактом поездки Грибоедова в Киев в июне 1825 г. для свидания с некоторыми членами Южного общества). Но на этом моменте следствие над Грибоедовым было приостановлено, равно как и расследование о Кавказском обществе, которое было признано несуществующим. М. В. Нечкина тщательно проанализировала все данные по этому вопросу в названной выше монографии и пришла к следующему, заслуживающему внимания, выводу: «Полагаю, что именно вопрос о Ермолове и решил грибоедовское дело, причем вовсе не потому, что Ермолов был сочтен невинным, а Кавказское общество — несуществующим. Николай I счел опасным вести следствие о Ермолове в обычном порядке и повел дознание особым, секретным путем. У него в руках было более чем достаточно данных для ареста и допроса Ермолова. Но Ермолов был слишком крупной военной и политической фигурой, к тому же единственный в числе всех кандидатов в революционное правительство, обладавший реальной военной силой. Николай I разработал в дальнейшем план дискредитации Ермолова по военной линии, снятия его с постов и его отставки» (160, с. 90). В марте 1827 г. Ермолов был освобожден от всех постов, а вместе с ним уволены и его ближайшие сослуживцы («ермоловцы»), признанные вредными. Ни для кого не были тайной истинные причины смещения Ермолова.

Важной задачей, поставленной Николаем I перед следствием, было раскрытие «заграничных влияний и связей» русских тайных обществ. И дело заключалось не только в том, что царь стремился представить политический заговор в России как «заразу, извне к нам принесенную», о чем уже с самого начала публично заявлялось в официальных сообщениях. Он допускал возможность «интриг» иностранных дворов и верил в связи русских заговорщиков с зарубежными «карбонарами», «иллюминатами» и т. д.

В первую очередь надо было установить, «не имели ли влияния на действия и планы злоумышленников державы иностранные» (36, т. 17, с. 65) (имелись в виду главным образом Австрия и Англия). Первоначально подозрение пало на австрийское посольство в Петербурге, а конкретно — на австрийского посланника Людвигу Лебцельтерна, находившегося в близких родственных отношениях с одним из «главных заговорщиков», С. П. Трубецким. «Слух о соучастии его (Лебцельтерна. —

В. Ф.) разрастался с каждым днем и окончательно укрепился в русском обществе», — писал впоследствии хорошо осведомленный историк и дипломат С. С. Татищев. Повод для подозрения царю подавали как сам посланник, так и некоторые советники австрийского посольства в Петербурге. Николай I имел агентурные сведения, что еще накануне восстания 14 декабря Лебцельтерн говорил о возможном революционном взрыве в России. Другие сообщения свидетельствовали, что первый секретарь австрийского посольства Гуммлауэр был связан с тремя членами тайного общества. Второго секретаря посольства Шварценберга якобы видели «дружески беседовавшим» с восставшими в день 14 декабря. На первом же допросе Трубецкого Николай I в первую очередь добивался сведений о связи австрийского двора с русскими заговорщиками. Трубецкой отрицал эти связи, равно как и связь австрийского посольства с членами декабристского тайного общества, однако привел слова Лебцельтерна, сказанные им под впечатлением разгрома восстания 14 декабря: «Черт возьми, если хотели сделать революцию, то за это дело не так надо было браться» (там же). Эти слова вызвали новые подозрения у следователей: не хотела ли Австрия воспользоваться происшедшими в России в дни междуцарствия событиями?

В недавно опубликованных воспоминаниях жены Лебцельтерна Зинаиды Лебцельтерн, сестры Е. И. Трубецкой, содержатся положительные сведения о том, что Людвиг Лебцельтерн, действительно, знал о готовившемся восстании декабристов. Она вспоминает, что ее муж, «будучи опытным дипломатом, еще прежде почувствовал, что последние три недели (до 14 декабря. — В. Ф.) происходило что-то необычное, и предупреждал об этом графа Нессельроде, который не пожелал прислушаться к этому и, вероятно, не поверил» (52, с. 183—184). На следующий день после ареста Трубецкого (напомним, что он был арестован на квартире австрийского посла) Лебцельтерн отправился к Нессельроде «посоветоваться, как теперь ему быть». Тот рекомендовал ему «объясниться» с императором. Хотя такое «объяснение» и состоялось, но Лебцельтерн остался «на подозрении» у царя. По указанию Николая I Нессельроде передал Лебцельтерну, что русскому императору неуютно его дальнейшее пребывание в Петербурге. В мае 1826 г. Лебцельтерн выехал из России.

Подозрения о причастности Англии к заговору возникли в связи с показаниями Пестеля и М. И. Муравьева-Апостола. Пестель свидетельствовал, что Польское общество «было в сношении с английским правительством», которое материально поддерживает поляков. М. И. Муравьев-Апостол сообщил следствию: «Когда лорд Странгфорд (Стратфорд Каннинг. — В. Ф.) ехал из Петербурга, он виделся в Дрездене с генералом Княжевичем (членом Директории Польского общества. — В. Ф.) и он [Каннинг] ему сказал, что коль скоро Польша начнет что-нибудь

против России, Англия ей поможет деньгами» (36, т. 4, с. 270; т. 9, с. 54, 233). Был арестован и привезен в Петербург Княжевич, который на допросе категорически отрицал какую-либо связь с лондонским кабинетом, равно как и свою принадлежность к Польскому тайному обществу. Ничего не дал и «разбор бумаг», захваченных у генерала. По личному распоряжению Николая I Княжевич был освобожден и бумаги ему возвращены.

В «закрытии дела» о расследовании связей лорда Каннинга с представителями Польского тайного общества немалую роль сыграл Константин Павлович, с которым Следственный комитет вел об этом специальную переписку. Константин ответил Следственному комитету, что «это ложь», ибо ему, как наместнику царя в Варшаве, через агентуру «были известны все поступки, все шаги г. Стратфорда Каннинга в кратковременное пребывание его в Варшаве». В секретном приложении к донесению Следственной комиссии на основании этих слов Константина был сделан вывод: «Участие Англии — выдумка депутатов Польского общества, имевших сношения с Южным» (36, т. 17, с. 66).

Расследование связей декабристов с представителями тайных обществ за границей также ничего не дало. Так, следствие упорно добивалось от М. Д. Лаппы сведений о некоем «итальянце Жильи» (или Джильи), в свое время принявшем Лаппу в Союз благоденствия, но давно умершем. Жильи значился «карбонарием», вступившим в Союз благоденствия. О нем специально запрашивали Оболенского, Рылеева, Пущина, Трубечкого, но все они отрицали принадлежность его к русскому тайному обществу.

Уже после завершения следствия и суда над декабристами Следственная комиссия из-за поступивших в нее доносов вновь вернулась к расследованию вопроса о связях декабристов с иностранными тайными обществами. В конце июля 1826 г. находившемуся в Москве Николаю I был подан донос о связях декабристов с баварским обществом иллюминатов. В качестве «посредника» между ними был назван профессор Э. Раупах, посланный в 1822 г. из России «за вредное либеральное влияние». В доносе говорилось, что Никита Муравьев в свое время брал «уроки прагматической истории» у Раупаха и был с ним «в тесной связи», поэтому мог быть посредником между декабристской организацией и обществом иллюминатов. Председателю Следственной комиссии А. И. Татищеву было передано повеление Николая I тщательно расследовать это обстоятельство. Татищеву дана была инструкция «поощрить» Н. Муравьева «к совершенно искреннему и точному признанию» обещанием от имени царя смягчить его участь, а в случае важных показаний — полного прощения «в воздаяние важной услуги, которую он государству своим чистосердечием оказать может» (194, с. 120). Но расследование не дало ожидаемых результатов. В своем до-

несении об этом Татищев писал: «Истощив всевозможные средства растрогать сердце Муравьева, возбудить его к чистосердечию и, так сказать, проникнуть в его душу, я не мог не убедиться в том, что он не принадлежал к иллюминатам» (194, с. 121). Н. Муравьев клятвенно заверял, что он давал следствию откровенные показания о важных обстоятельствах заговора и, конечно, не утаил бы от правительства ничего, если бы знал об «иллюминатских связях». При этом Н. Муравьев сослался на В. Л. Давыдова, который мог бы дать об этом какие-то сведения. Решено было допросить Давыдова, уже отбывавшего каторжные работы в Благодатских рудниках. Давыдов был доставлен в Иркутск для обстоятельного допроса. Ему также обещали не только «облегчение», но и полное «прощение и возвращение в недра сетующего семейства». В своем пространном показании Давыдов клятвенно заверял, что ничего не может открыть следствию, ибо об иллюминатах знает «только по книгам». В заключение он писал: «Здравый смысл подсказывает, когда все замыслы и намерения общества рушились безвозвратно, запирательство бесполезно» (194, с. 122). Этим он подчеркивал искренность своих показаний.

В августе 1826 г. началось новое следствие над Д. И. Завалишиным по обвинению его в «государственной измене» и в связях с заграничными революционными организациями. На него подал донос его младший брат Ипполит, который писал, будто бы Дмитрий находился «в сношениях с иностранными правительствами» и получал от них значительные суммы «для произведения смут в России». Следствие велось до 30 ноября 1826 г. В ход были пущены «увещевания», угрозы, обещания «облегчения» участи его, если откроет политическое влияние какой-либо иностранной державы на Россию». По делу Д. И. Завалишина были допрошены находившиеся с ним в заграничном плавании П. С. Нахимов, И. П. Бутенев, Е. В. Путятин (впоследствии известные флотоводцы), М. Д. Анненков, А. А. Домашенко. Был сделан запрос о Завалишине и его начальнику, адмиралу М. П. Лазареву. Все они показали, что не заметили какого-либо обстоятельства, по которому можно было бы заподозрить Завалишина в связях с «иностранными державами». В. В. Левашев, который вел следствие по этому делу, пришел к выводу: «Теперь можно утвердительно сказать, что Завалишин не был ни агентом, ни под влиянием какой-либо иностранной державы или партии и что он сделался злодеем уже в России» (там же).

Последнее расследование об иностранных связях декабристов проводилось в феврале 1828 г. по доносу Фаддея Булгарина, который сообщал, что хотя английское и французское правительства и не участвуют в распространении революционных идей в России, но их частные клубы действуют через русских «либералов». Доносчик указывал, что осужденные Верховным уголовным судом А. О. Корнилович и П. А. Муханов были знакомы с английским купцом Томпсоном, который «снабжал их

запрещенными либеральными газетами и брошюрами», собирал сведения о России. Он писал также, что секретарь австрийского посольства в Петербурге Гуммлауэр был тесно связан с Корниловичем, через которого собирал сведения о России. В середине февраля 1828 г. Корнилович был привезен из ссылки в Петербург, заточен в Петропавловскую крепость и подвергнут подробному допросу. В своих подробных показаниях Корнилович отверг все выдвинутые против него обвинения. Однако декабриста продолжали держать в Петропавловской крепости в надежде, что он что-нибудь «вспомнит». 12 апреля Николай I приказал «дозволить ему писать, что хочет». От Корниловича поступили записки по экономическим, торговым, военным и административным вопросам, к сожалению не сохранившиеся (208, с. 293—342).

Предпринятые расследования свидетельствуют, насколько Николай I был обеспокоен возможными контактами декабристов с иностранными тайными организациями. Однако самый дотошный и тщательный розыск не смог установить наличия таковых связей, которых, по-видимому, и не существовало.

К концу декабря — началу января в распоряжении следствия находился уже достаточный материал, позволявший выявить основные контуры заговора и выработать более конкретный круг вопросов, предъявленных подследственным. В начале января 1826 г. Следственный комитет приступил к расследованию «замыслов и планов цареубийства». Дальнейшее дознание было практически сведено к раскрытию этих замыслов и к выяснению всех их деталей.

Стремление Николая I и Следственного комитета представить декабристов как «обыкновенных цареубийц» преследовало двоякую цель: во-первых, необходимо было убедить различные общественные круги и народные массы, настроенные в основном монархически, что речь идет лишь о «заговорщиках-цареубийцах»; во-вторых, надо было в глазах русского и западноевропейского общественного мнения оправдать действия самодержавия, якобы вынужденного покарать «ничтожную кучку мятежников и цареубийц». Обвинение членов тайных организаций в разработке ими планов цареубийства и мятежа давало самодержавию как бы основание для их сурового наказания, ибо цареубийство и «мятеж воинский» рассматривались в тогдашнем уголовном законодательстве как «два первых пункта государственных преступлений» (т. е. наиболее тяжких), на которые не распространялись указы Елизаветы Петровны и Павла I об отмене смертной казни.

От общественного мнения были скрыты подлинные цели декабристов, их благородные идеалы. Если Следственный комитет и занимался выяснением содержания программных документов тайных обществ и розысками этих документов, то лишь с целью выявления в них тех положений, которые предусматривали лик-

видацию монархии и введение республики, а в связи с этим «истребление» царя и царствующей фамилии.

Первые сведения о разрабатывавшихся декабристами планах цареубийства Следственный комитет получил 4 января 1826 г. из показаний Пестеля. Выявлены были имена Якушкина М. И. и С. И. Муравьевых-Апостолов, А. Н. и Н. М. Муравьевых, М. А. Фонвизина, позже — Ф. П. Шаховского.

13 января также из показаний Пестеля следствие узнало о «бобруйском» (1823 г.) и двух «белоцерковских» (1824 и 1825 гг.) заговорах, участники которых, члены Южного общества, предполагали «начать действия» с ареста и убийства Александра I. Эти «открытия» произвели сильное впечатление на Николая.

Дальнейший ход расследования был направлен на выявление «сообщников» открытых следствием заговоров против особы императора. От подследственных настойчиво добивались сведений обо всех деталях планов цареубийства и попытках их осуществления еще до восстания 1825 г., их заставляли «вспомнить» все фразы и даже «восклицания» участников совещаний, на которых обсуждались эти планы, а также содержание частных бесед с глазу на глаз. Так, следователи, основываясь на показаниях А. В. Поджио, упорно добивались от Пестеля признания, действительно ли он в разговоре с Поджио «считал по пальцам число жертв императорской фамилии», предназначенных «к истреблению» (36, т. 4, с. 143). Члены Северного общества, связанных с Якубовичем, дотошно допрашивали о том, «скрежетал ли зубами от досады» Якубович, узнав, что он не сможет осуществить свой план мести Александру I вследствие естественной смерти императора. Знаменитая фраза Н. И. Тургенева, произнесенная им на совещании в 1820 г. у Ф. Н. Глинки («президент без дальних толков»), обошла десятки следственных дел декабристов и явилась важным криминалом при определении «силы вины» Тургенева. Все эти детали, выяснением которых так скрупулезно занимался Следственный комитет для усугубления «вины» и дискредитации декабристов, затем полностью вошли в текст его донесения императору.

Применяя очные ставки, дополнительные «вопросные пункты» и другие методы, следствие добивалось у руководителей и наиболее активных членов Южного общества даже самых незначительных подробностей о плане цареубийства, логически вытекающем из принятой обществом республиканской программы: «кто первый предложил» и «что предложил» (только ли убить одного императора, или «истребить всю августейшую фамилию»), где и когда было «сделано предложение» (на киевских контрактах или в Каменке в 1822 г.), кто при этом присутствовал, кто «одобрял», «кто возражал» и т. д. Многие члены Южного общества и почти все члены Общества соединенных славян были спрошены о «когорте обреченных», составленной в сентябре 1825 г. М. П. Бестужевым-Рюминым из членов Обще-

ства соединенных славян для «нанесения удара» Александру I в Таганроге.

В числе «вопросных пунктов», предъявляемых большинству подследственных декабристов, неизменно стояли вопросы об участии в разработке (или о знании) планов покушения на царя в 1817, 1823, 1824 и 1825 гг. Ставилась задача не только выявить круг причастных к этим планам, но и определить степень «виновности» каждого. «Криминалом» считались не только инициатива в подготовке царевубийства, т. е. непосредственное участие «в умысле на царевубийство» или даже «согласие» с этим «умыслом», но и само «знание об умысле на царевубийство» и недонесение о нем властям. Для следствия, ведущего процесс «царевубийц», очень важно было «уличить» как можно большее число подследственных в причастности к замыслам царевубийства. Но именно в этом пункте оно встретило упорное «запирательство» многих декабристов, отлично сознающих опасность для себя и своих товарищей этого признания, которого так настойчиво добивалось следствие. У многих подследственных удалось вырвать это признание только в конце расследования. Конец апреля — начало мая 1826 г. в этом отношении были самыми критическими днями для декабристов. Именно в тот период следствие, будучи во всеоружии собранных многочисленных улики и фактов, полученных путем перекрестных допросов, очных ставок, психологического нажима, вынудило многих заключенных сделать признание либо о личном участии «в умысле на царевубийство», либо о знании этого «умысла».

В начале февраля 1826 г. шло специальное расследование о собрании членов Союза благоденствия в 1820 г. на квартирах Федора Глинки и Ивана Шипова, где впервые декабристами была принята республиканская программа и поставлен вопрос о царевубийстве. Эти совещания Следственный комитет квалифицировал как «источник всех возникших впоследствии злодейских намерений», как важную грань в истории тайных организаций, деятельность которых с этого момента приняла особо «преступный» характер.

В ходе следствия были выявлены и другие планы царевубийства: замысел М. С. Лунина совершить покушение на Александра I в 1816 г. «с партией в масках ночью на Царскосельской дороге», «злоумышление» Ф. Ф. Вадковского и П. Н. Свистунова в 1824 г. «застрелить из духового ружья» императора «на придворном бале», замысел А. И. Якубовича убить Александра I во время «петергофского праздника» (1826 г.), намерение А. В. Поджио совершить покушение уже на Николая I во время его коронации, «московский заговор» декабря 1825 г. с целью освободить арестованных товарищей, потерпевших поражение 14 декабря (убить Николая I и тем «спасти виновников происшествия 14 декабря»).

Следствие над декабристами практически было завершено к началу мая 1826 г. С этого момента началось подведение ито-

гов работы Следственного комитета и непосредственная подготовка к Верховному уголовному суду, хотя отдельные расследования в Следственном комитете продолжались до середины июня. Для предстоявшего судебного процесса заранее готовились сводки данных о каждом декабристе — «записки о силе вины».

Отметим, что еще 29 января 1826 г. Следственный комитет принял решение приступить к составлению «записок из показаний злоумышленников для окончательного определения вины каждого». Эта ответственная работа была поручена правителю дел Следственного комитета А. Д. Боровкову и велась им с начала февраля до конца апреля. Впоследствии «записки» были представлены в Верховный уголовный суд и оглашены на первых его заседаниях, а затем приобщены к следственным делам декабристов.

В начале февраля Боровкову было поручено также подготовить первоначальный вариант доклада Следственного комитета императору об итогах работы следствия. Но поскольку Боровков был всецело занят составлением «записок о силе вины» каждого декабриста и, как он вспоминает, «не имел досуга», то предложил кандидатуру Д. Н. Блудова, который 26 февраля по рекомендации Н. М. Карамзина был «прикомандирован» к Следственному комитету «для составления журнальной статьи о ходе и замыслах тайных обществ в России». В подготовке этой статьи Блудову помогал Боровков, предоставляя ему необходимые материалы. Решено было подготовленную Блудовым статью «обратить в донесение» Следственного комитета, внося в нее необходимые дополнения. Текст донесения был представлен Блудовым ко 2 мая 1826 г., заслушан на заседании Комитета 4 мая и отдан на предварительное рассмотрение Николаю I 10 мая. 15 мая последовало распоряжение императора об изъятии из донесения некоторых положений и перенесении их в особое «секретное приложение». Николай счел неудобным оставлять в донесении, которое после предназначалось к опубликованию, основные требования декабристов: об отмене крепостного права и наделении крестьян землей, убавлении срока службы солдатам, а также о причастности «высших государственных лиц» к заговору и щекотливый вопрос о подозрении на «иностранные державы». В «секретном приложении» к донесению довольно откровенно говорилось о мотивах изъятия указанных пунктов, «кои, сделавшись известными, могли бы обратиться в орудие зложелательства, дать повод к нежелательным толкам или быть причиною какого-либо, даже самого малейшего, волнения в умах непросвещенных, наипаче же в низших состояниях» (36, т. 17, с. 257).

Окончательный вариант доклада Следственного комитета и «секретные к оному приложения» были заслушаны и подписаны на заседании Комитета 28 мая, а 30 мая представлены императору.

Доклад Следственного комитета (с 29 мая — Следственной комиссии) являлся не только отчетом об итогах следствия, но, предназначенный для публикации, ставил своей целью распространить в общественном мнении России и Западной Европы официальную оценку причин и сущности движения декабристов. Этот доклад служил и официальным «обвинительным заключением» по делу декабристов в Верховном уголовном суде. Николай I рассматривал его как важный документ, оправдывавший принятие строгих мер к декабристам и их последователям.

Донесение Следственной комиссии было опубликовано 12—13 июня 1826 г. в приложениях к официальным газетам. В том же году оно несколько раз было издано отдельной брошюрой и переведено на французский, немецкий, английский и испанский языки.

Завершающим актом следствия было отданное 29 мая 1826 г. Николаем I распоряжение А. И. Татищеву: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи» (36, т. 17, с. 217). Однако некоторые из них были написаны на листах, содержащих важные показания подсудимых, — таковые стихи тщательно вымарывались Татищевым. Лишь в 1950 г., с применением современных технических средств, их удалось прочесть и опубликовать.

В начале 1827 г. А. Д. Боровкову было поручено составить несколько документов, имевших большое практическое значение для Николая I и шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа. Важнейшим из них был «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17 декабря 1825 года Следственной комиссиею». В него были включены 545 лиц — не только, по словам Боровкова, «все прикосновенные к этому делу, но даже и те, которые не были требованы к допросу в Комитет и о коих разбор и суд производился на местах их служения и жительства» (31, с. 348). Один экземпляр этого «черного списка» находился у Бенкендорфа, другой — у Николая I. К «Алфавиту» было приложено составленное Боровковым «Краткое описание различных тайных обществ, коих действительное или мнимое существование обнаружено Следственной комиссиею». Здесь были перечислены с краткой характеристикой 20 как открытых, так и «мнимых» (не раскрытых) тайных организаций, полулегальных «управ» (связанных с декабристами), некоторых кружков. Наконец, для Николая I был по его приказу подготовлен тем же Боровковым «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства», куда вошли извлечения из писем и показаний Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, А. А. Бестужева и Г. А. Перетца. К этому документу царь впоследствии не раз обращался.

Уже в январе 1826 г. Николай I начал разрабатывать план суда над декабристами. Вначале он хотел предать наиболее активных участников восстания 14 декабря 1825 г. военному суду. Но в ходе следствия выявились новые участники «заго-

вора» и «мятежа», даже еще более опасные, поэтому царь оставил свое намерение провести «военный суд в 24 часа» до раскрытия всех деталей заговора.

С конца апреля 1826 г. началась непосредственная подготовка к суду. Следствие подходило к концу, и Николай I полагал, что оно будет завершено к середине мая. Составление манифеста и других актов об учреждении и программе деятельности суда над декабристами было поручено М. М. Сперанскому. Он энергично взялся за дело, и уже 5 мая им подготовлены были проекты как самого манифеста, так и другие документы: указ Сенату о составе суда, акты, определявшие его процессуальную сторону.

1 июня 1826 г. Николай I подписал составленные Сперанским манифест об учреждении Верховного уголовного суда (официальное название «Высочайше утвержденный Верховный уголовный суд для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года»), указ Сенату о поименном составе суда, рескрипт министру юстиции Д. И. Лобанову-Ростовскому о его обязанностях как генерал-прокурора суда, утвердил «Дополнительные статьи к обряду в заседаниях суда» и «Приложения» к ним. На следующий день манифест и указ Сенату были опубликованы «во всеобщее сведение». Остальные документы было решено не предавать гласности. В состав Верховного уголовного суда были назначены 72 человека: 18 членов Государственного совета (в том числе М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов), 36 членов Сената, 3 представителя Святейшего Синода (митрополиты — Новгородский и Петербургский Серафим, Киевский и Галицкий Евгений, архиепископ Ярославский и Ростовский Авраам) и 15 высших военных и гражданских чинов. В Верховный уголовный суд вошли за некоторыми исключениями особо доверенные и приближенные к императору лица, в основном представители титулованной знати и высшей бюрократии. В составе суда было восемь князей, один барон и семь генералов. Двое судей (В. И. Болгарский и И. В. Гладков), впоследствии ставшие осведомителями шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, регулярно сообщали ему о содержании прений в суде (26; 27; 53).

«Обряд заседаний» суда (регламент работы) был заимствован Сперанским из политических процессов в России второй половины XVIII в. Но применительно к судебному процессу над декабристами он разработал еще вышеуказанные «Дополнительные статьи», которые, однако, определяли ход процесса не «дополнительно», а целиком, — в соответствии с этими «статьями» процессуальная сторона фактически сводила на нет самостоятельность суда. Порядок прохождения в суде бумаг и характер обсуждаемых вопросов строго регламентировались, при этом суду «подсказывалось», какие решения он должен был принять по тому или иному вопросу. По сути дела, Верховный уголовный суд учреждался не для рассмотрения дела по существу и принятия самостоятельного, не зависящего от верховной власти

решения, а для вынесения подсудимым уже заранее определен-ного этой властью приговора.

Учреждением Верховного уголовного суда, «согласно преж-ним примерам», самодержавие стремилось придать внешнюю «законную» форму расправе над декабристами. Сами подсуди-мые неоднократно подчеркивали видимость суда над ними. Дей-ствительно, в нем не были соблюдены даже нормы дореформен-ного суда: не было судебных заседаний с допросами подсуди-мых и вызовом свидетелей; кроме собственных показаний под-судимых, суд не располагал против них практически никакими другими уликами, обвиняемым не было предоставлено «послед-него слова». От них тщательно скрывали даже сам факт преда-ния их суду — об этом они узнали лишь в момент объявления приговора. «Он [суд] судил и осудил нас, не выдав нас и не вы-слушав», — с горечью вспоминал А. М. Муравьев (63, с. 134). Когда 12 июля 1826 г. декабристов привели из казематов в ко-мендантский дом Петропавловской крепости для объявления им приговора, они удивленно спрашивали друг друга: «Как, разве нас судили?» Им отвечали: «Уже осудили». Да и сам Верхов-ный уголовный суд в полном своем составе увидел подсудимых только в момент объявления им приговора.

Фактически высшим судьей над декабристами был сам им-ператор, который подобрал и назначил угодных ему судей и че-рез начальника Главного штаба И. И. Дибича передавал суду свои распоряжения. От воли царя зависело, кого предать суду, кого подвергнуть только административному наказанию (при этом он сам назначал и меру наказания), кого освободить сов-сем от наказания. Сам факт наказания многих декабристов без суда, в административном порядке, — свидетельство личного произвола монарха, ибо любая мера наказания (или оправда-ния) должны были быть определены только судом.

Волю императора облекал в «юридические нормы» М. М. Сперанский, который играл в Верховном уголовном суде над декабристами весьма значительную роль. О деятельности Спер-анского в суде над декабристами много писалось в декабри-стоведческой литературе. Этому сюжету посвятили свои специ-альные исследования П. Е. Щеголев и Н. В. Голицын, которые пришли к выводу, что этот государственный деятель хотя и ста-рался «держаться в тени» в качестве «рядового» члена суда, но был его «движущей пружиной», «тем скрытым маховым коле-сом, которое приводило в движение весь сложный механизм это-го высочайшего судилища» (210). Ревностно исполняя волю мо-нарха и превращая ее в юридические документы, Сперанский детально разработал всю процессуальную сторону суда, про-грамму его деятельности, подвел юридический фундамент под вынесенным декабристам приговором, собрав все прецеденты, пункты и статьи из старых указов и законов, начиная с «Уло-жения» царя Алексея Михайловича 1649 г. Практически ни од-на бумага не миновала рук Сперанского: царские манифесты,

указы, рескрипты и прочие распоряжения по суду, программы судебных заседаний, ответы председателя суда П. В. Лопухина и генерал-прокурора суда Д. И. Лобанова-Ростовского на запросы и предписания Николая I, отчеты и доклады суда — все было составлено Сперанским.

Сначала Николай I, по собственному его признанию, настоятельно относился к Сперанскому. Спустя много лет после смерти Сперанского Николай I признался М. А. Корфу: «Сперва я и сам в этом (подозрениях на Сперанского. — В. Ф.) более всех, может статья, против него грешил, мне столько было наговорено о его превратных идеях и замыслах. Но потом время и опыт уничтожили во мне действие этих наговоров. Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу, с огромными сведениями, с огромной опытностью, с неустававшею никогда деятельностью» (127, т. 2, с. 306).

По ордерам на арест удалось установить, что всего было арестовано в Петербурге и вне его 316 лиц. Среди арестованных оказались десятки лиц, не причастных к декабристам и взятых случайно. Их освободили с «оправдательными аттестатами» после первых же допросов. Однако были освобождены с выдачей таковых же «аттестатов» и некоторые члены тайных обществ: корнет А. А. Суворов (внук А. В. Суворова; рассказывают, что Николай I, отпуская его, сказал: «Внук Суворова не может быть изменником»), ротмистр Л. П. Витгенштейн (сын фельдмаршала П. Х. Витгенштейна), поручик А. Г. Вилламов (сын личного секретаря императрицы Марии Федоровны), А. С. Грибоедов (благодаря заступничеству влиятельных родственников при дворе). Всего было выдано 64 «оправдательных аттестата». В отношении многих лиц, оказавшихся причастными к тайным обществам, следствие велось заочно и они не были подвергнуты аресту. Это — либо члены Союза благоденствия, вышедшие из него еще до его роспуска в 1821 г. (следствие составило список на 42 человека, которых решено было «оставить без внимания»), либо отошедшие от тайного общества после 1821 г., хотя и вступавшие во вновь образованные Северное и Южное тайные общества. Из числа лиц, находившихся к моменту окончания следствия под арестом, а также и тех, следствие о которых велось заочно, были признаны виновными 289 человек. Из них 121 был предан суду (61 из Северного, 37 из Южного обществ и 23 из Общества соединенных славян). Решено было не предавать суду: бывших членов Союза благоденствия, которым не была известна его сокровенная цель; тех, которые хотя и знали эту цель, но отстали от общества после роспуска Союза благоденствия в 1821 г.; знавших о существовании тайного общества и подготовке восстания, но не донесших. 120 человек, не привлекавшихся к суду, понесли наказания в административном порядке: они были заключены в крепости на срок от полугода до четырех лет, разжалованы в солдаты, высланы, отданы под надзор полиции.

Верховный уголовный суд открыл свои заседания 3 июня 1826 г. в помещении Сената под усиленным караулом снаружи и внутри здания. Работа суда продолжалась 40 дней — до объявления приговора 12 июля 1826 г. В полном своем составе суд заседал 17 дней. Остальное время работали избранные из его состава три комиссии: 8—9 июня — Ревизионная, 11—27 июня — Разрядная и 7 июля — комиссия для составления доклада (приговора) суда для представления на конфирмацию императору.

Первые заседания суда 3—7 июня были отведены на чтение манифеста и указа об учреждении суда, документов процессуального характера, донесения Следственной комиссии и «записок о силе вины» преданных суду декабристов. 7 июня была избрана Ревизионная комиссия, в задачу которой входило «удостоверение» («ревизия») материалов предварительного следствия: выяснение у вызываемых в нее поодиночке подсудимых «добровольности» данных ими в ходе следствия показаний, подлинность подписей под показаниями, наличие очных ставок на следствии, а главное, требование от подсудимых следующих стандартных расписок: «Ответы на допросы Комиссии, мне в присутствии показанные, за моею подписью и составлены добровольно, равно утверждаю, что мне были даны очные ставки и оные подписаны мною собственноручно». К этому, собственно, и сводилось все «судоговорение». Иные вопросы со стороны членов Ревизионной комиссии задавать подсудимым было строго запрещено.

10 июня Верховный уголовный суд, заслушав донесения Ревизионной комиссии и трех ее отделений, избрал в составе 9 человек «Комиссию для установления разрядов степеней виновности государственных злоумышленников», иначе говоря, Разрядную комиссию, которой поручалась самая ответственная работа суда — выработка «оснований для разрядов», установление числа этих разрядов, определение степени виновности каждого подсудимого и отнесения его к тому или иному разряду. Председателем этой комиссии был назначен П. А. Толстой, но ведущую роль в ней играл М. М. Сперанский, который не только детально разработал программу деятельности комиссии, но и составил все ее официальные бумаги. Николай I придавал большое значение работе данной комиссии. «Это будет наиболее трудной, но и наиболее важной работой из всего дела», — писал он матери Марии Федоровне (61, с. 205).

Разрядная комиссия работала 17 дней. Ежедневно она проводила два заседания. На первом из них было решено «первоначально рассмотреть все подлинные акты (следственные дела на 121 декабриста, переданные в комиссию. — В. Ф.)... и сделать из них краткие извлечения о существенных обстоятельствах, до каждого лица относящихся и обнаруживающих род преступления и степень виновности каждого, а потом уже сделать из них свод по сходству и равносильности их преступле-

ний для установления предполагаемых разрядов» (194, с. 231). На основе извлечений о «преступлениях» каждого подсудимого составлялись «записки о силе вины», но уже по иному плану, нежели записки А. Д. Боровкова. Подробный план этих «записок» был также разработан Сперанским. Каждая из них состояла из двух частей: в первой суммировались все данные, доказывающие виновность подсудимого и определяющие ее степень, во второй — «смягчающие вину обстоятельства». В силу вины входили: учреждение тайного общества, участие в его учреждении, привлечение в него других лиц, произнесение «возмутительных речей» на его заседаниях, составление конституций, планов, уставов, правил и других «сочинений возмутительных», «возбуждение к мятежу словами или письменное», «деятельное участие в возмущении», «участие без действия советами и планами», «знание о предстоящем возмущении и недонесение об оном», «умысел на истребление императорской фамилии», «вызов (т. е. заявление о своем желании. — В. Ф.) на совершение цареубийства», подговор или «наряд» (назначение) других на цареубийство, «знание об умысле [цареубийства] без деятельного участия», «совершение убийства» (должностных лиц), «умысел на совершение убийства», «участие в тайном обществе», «знание цели общества во всем его пространстве», «знание неполитической цели общества во всем его пространстве». Обстоятельствами, смягчавшими вину подсудимого, считались: «Юность при вступлении в общество» (если вступившему в тайное общество не исполнилось 21 года), кратковременность пребывания в нем, если это не было «сопряжено с умыслом цареубийства, участием в мятеже, возбуждением других к убийству и мятежу»; «знаки раскаяния», «советы, смягчающие жестокие намерения и решения общества», «скорое и добровольное признание на следствии» (36, т. 17, с. 265—266). Сперанский сам составил по этой схеме в качестве образцов обвинительные записки о пяти подсудимых.

23 июня Разрядная комиссия приступила к определению числа разрядов и отнесению подсудимых по степени их виновности к тому или иному разряду. Это ответственное дело возглавлял не председатель комиссии П. А. Толстой, а М. М. Сперанский, который сам же определил «основания для разрядов» и установил число разрядов. Для «основания разрядов» и отнесения подсудимых к тому или иному разряду Сперанский выделил три «рода» преступлений: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) мятеж воинский. Каждый из них подразделялся им на «виды» или степени виновности подсудимого. Например, по первому «роду преступлений» — самым тяжким «видом» (степенью) преступления являлся «вызов к совершению» цареубийства; следующая степень — «согласие» на цареубийство, третья — знание о замыслах цареубийства, согласие с этими замыслами или «произнесение дерзостных слов, относящихся к цареубийству». Также и другие два «рода» преступлений подразделялись на «виды» —

личное участие в мятеже и бунте «с возбуждением других», «знание» о замыслах бунта и мятежа и т. д. В общей сложности определялось до 20 градаций степени вины по «родам» и «видам» преступлений. По степени виновности подсудимые подразделялись на 11 разрядов. Кроме того, была выделена «вне-разрядная» группа, к которой были отнесены Пестель, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин и С. М. Муравьев-Апостол, «кои, превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимости злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровною готовностью к кровопролитию, стоят вне всякого сравнения» (36, т. 17, с. 103—110).

27 июня состоялось последнее заседание Разрядной комиссии, на котором было утверждено ее донесение Верховному суду, составленное Сперанским. 28 июня Верховный уголовный суд возобновил свои заседания. На этом, завершающем, этапе работы суда предстояло определить меры наказания подсудимым и вынести приговор. М. М. Сперанский разработал подробный календарный план заседаний суда на заключительном его этапе. По этому плану судебный процесс должен был завершиться к 9 июля, а заседания по велению царя проводились дважды в день. Николай I торопился завершить суд над декабристами до своей коронации, назначенной на август 1826 г. Каждому члену суда был разослан составленный Сперанским и напечатанный в сенатской типографии «вопросник», в котором уже заранее формулировались и меры наказания, определенные для каждого разряда, за исключением вне-разрядной категории и лиц, отнесенных к первому разряду (им предусматривалась смертная казнь).

Заседание суда 28 июня было отведено на чтение обширного донесения Разрядной комиссии. На утреннем заседании суда 29 июня было утверждено предложение Разрядной комиссии о разделении подсудимых на 11 разрядов, выделении вне-разрядной группы, определении меры наказания для этой группы и для лиц, помещенных в первые два разряда. Подавляющим большинством голосов суд вынес решение применить к вне-разрядной группе смертную казнь «четвертованием» («четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и на тех местах сжечь»), к лицам первого разряда — «казнить смертью отсечением головы», второго — «казнить смертью». Лишь один член суда, Н. С. Мордвинов, высказался против применения смертной казни. В специальной записке, поданной в Верховный уголовный суд, он писал: «По древним российским узаконениям [они] заслуживают смертную казнь, но, сообразуясь с указами императрицы Елисаветы 1753-го апреля 29-го, 1754-го сентября 30-го, а также с наказом императрицы Екатерины Великия и с указом императора Павла 1779-го апреля 30-го, я полагаю: лиша чинов и дворянского достоинства и положив голову на плаху, сослать в каторжную работу» (22, т. 2, л. 17).

На вечернем заседании суда 29 июня обсуждались меры наказания для подсудимых остальных разрядов. 34 голосами против 33 (на заседании присутствовало 67 членов суда) подсудимым 3-го разряда была определена смертная казнь. При этом пять членов суда требовали «четвертования» и для подсудимых этого разряда. Таким образом, 55 подсудимым из 121 назначалась смертная казнь. Подсудимым 4-го разряда была определена «ссылка в каторжную работу от 10 до 20 лет, а потом на поселение». При этом 15 членов суда требовали пожизненной каторги, семь — «отсечь голову», шесть — «повесить», пять — просто «смертную казнь», один — «расстрелять». Отнесенным к 5-му разряду была уготована ссылка на каторгу сроком от 2 до 15 лет с последующим поселением в Сибири, к 6-му — каторга от 3 до 10 лет с последующим поселением, к 7-му — каторга от 2 до 5 лет и также пожизненная после каторги ссылка. Подсудимым 8—10-го разрядов была назначена одинаковая мера наказания — лишение чинов и дворянства и «написание в солдаты», 11-го — то же самое, но «написать в солдаты с выслугою». Некоторые из членов суда требовали смертной казни подсудимым до 7-го разряда включительно.

Сперанский считал достаточным ограничиться назначением мер наказания по разрядам. Но суд решил назначать меры наказания не только по разрядам, но и каждому подсудимому лично. Тем самым голосование в суде о мерах наказания происходило дважды — по разрядам и поименно. К поименному голосованию при определении мер наказания подсудимым суд приступил на утреннем заседании 30 июня. Здесь единогласно (Мордвинов отсутствовал «за болезнью») пятерым декабристам, поставленным «вне разрядов», была назначена «смертная казнь четвертованием». На вечернем заседании 30 июня к «смертной казни отсечением головы» приговорили семь подсудимых 1-го разряда — С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, М. И. Муравьева-Апостола, братьев А. И. и П. И. Борисовых, И. И. Горбачевского и М. М. Спиридова.

подавляющему большинству подсудимых (105 из 121) приговоры были вынесены 2—3 июля. 4 июля были вынесены приговоры подсудимым, «не учинившим собственного признания»: Н. И. Тургеневу, Ф. П. Шаховскому, Н. Р. Цебрикову. Наказание О. В. Горскому не было определено.

В результате Верховный уголовный суд приговорил почти треть подсудимых (36 человек) к смертной казни, 19 — к пожизненной каторге, 38 — к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет с последующим пожизненным поселением в Сибири, 18 — к пожизненной ссылке. Только 9 подсудимых были приговорены к относительно «легкому» наказанию — разжалованию в солдаты, хотя солдатская служба при Николае I мало чем отличалась от каторги.

5 июля суд собрался для подписания так называемого «решительного протокола» — общего приговора, «составленного из

частных приговоров», вынесенных каждому подсудимому в отдельности ранее (30 июня — 4 июля).

Под приговором декабристам отсутствуют подписи трех духовных особ — членов суда. 5 июля они представили председателю суда П. В. Лопухину заявление: «Слушав в Верховном уголовном суде следствие о государственных преступниках Пестеле, Рылееве и других их сообщниках, умышлявших на царубийство и введение в России республиканского правления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая будет сентенция, от оной не отрицаемся, но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем» (36, т. 17, с. 214).

5 июля Верховный уголовный суд избрал «Комиссию для составления всеподданнейшего доклада Верховного уголовного суда» императору. Председателем Комиссии был назначен М. М. Сперанский. Текст доклада суда, составленного на основе протокола суда от 5 июля, был представлен 8 июля на конфирмацию императору. К докладу был приложен и список осужденных, разделенных на разряды, с указанием против каждого подсудимого, в чем он обвиняется, а для каждого разряда указана и мера наказания, вынесенная судом.

9 июля Дибич передал председателю суда Лопухину волю императора: «Государь император соизволил отозваться, что доклад и все приложения просмотрит и даст по оному повеление, но тут же присовокупил, что если неизбежная смертная казнь кому надлежать будет, то государь сам ее не утвердит, а уполномочит Верховный уголовный суд окончательно разрешить тот предмет» (36, т. 17, с. 277).

Ознакомившись с докладом Верховного уголовного суда, Николай I выразил свое полное удовлетворение. «Он хорошо составлен и дал мне возможность моим правом убавить немного степень наказания, за исключением пяти лиц», — писал он 10 июля императрице Марии Федоровне. Сам суд своими необычайно суровыми, средневековыми мерами наказания («четвертование», «отсечение головы», «вечная каторга» с предварительным «положением головы на плаху») давал возможность монарху «проявить милость» и в то же время жестоко покарать «преступников». 25 подсудимым 1-го разряда смертная казнь заменялась «вечной каторгой», остальным подсудимым этого разряда вследствие их «чистосердечного раскаяния» на следствии определена 20-летняя каторга с последующим пожизненным поселением. Пожизненную каторгу осужденным по 2-му разряду царь заменил 20-летней. Но эта «милость» не распространялась на Михаила и Николая Бестужевых, против которых он написал: «вечная каторга». Осужденным по 3-му разряду Штейнгию и Батенькову пожизненная каторга была заменена 20-летней. Батеньков провел все эти 20 лет в одиночном каземате Пет-

ропавловской крепости, так что в действительности тяжесть наказания ему была даже усилена. Причины столь сурового наказания Батенькова до сих пор еще не выяснены исследователями. 16 подсудимым 4-го разряда срок каторги был сокращен с 15 до 12 лет, двум 5-го разряда (М. К. Кюхельбекеру и Н. П. Репину) — с 10 до 8 лет, одному (М. А. Бодиско) каторга заменена «крепостными работами», двум (А. Е. Розену и М. Н. Глебову) десятилетний срок каторги император оставил в силе. Осужденному по 6-му разряду на 6 лет каторги А. Н. Муравьеву Николай I определил «во уважение совершенного и чистосердечного раскаяния» ссылку в Сибирь. Для 15 осужденных по 8-му разряду приговор был оставлен в силе, за исключением Б. А. Бодиско, которого царь приказал разжаловать из мичманов в матросы. Для приговоренных по 9-му разряду к ссылке в Сибирь Н. П. Коновницына, Н. П. Кожевникова и Н. П. Оржицкого она заменялась определением «в солдаты в дальние гарнизоны», что вряд ли могло быть для них облегчением.

Участь пяти осужденных, поставленных вне разрядов, Николай предоставил решить Верховному уголовному суду (36, т. 17, с. 277). Тем самым Николай снимал с себя формальную ответственность за утверждение смертного приговора, перекладывая ее на суд.

Но, устранившись от утверждения смертных приговоров, одновременно Николай I подсказывал суду, какой род казни следует назначить для осужденных вне разрядов. 10 июля Дибич передал председателю суда Лопухину следующую волю царя: «На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть соизволил предварить Верховный суд, что его величество никак не соизволяет не только на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную» (36, т. 17, с. 246). Суд понял, на какую смертную казнь «без пролития крови» намекал император, и в окончательном приговоре, вынесенном 11 июля, определил: «Сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных, Верховный уголовный суд по высочайше предоставленной ему власти приговорил вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить» (36, т. 17, с. 247).

Николай I определил и сам детально расписал «обряд» казни. 11 июля он писал Дибичу: «Я полагаю назначить час вам вместе с Кутузовым (петербургским военным генерал-губернатором. — В. Ф.). Я щитаю, в 4 часа утра, так чтобы от 3 до 4 часа могла закончиться обедня и их можно было причастить».

Сохранилась и записка-инструкция царя, как проводить церемонию казни: в каком порядке выводить приговоренных к смерти, где каким войскам стоять, когда бить в барабан и т. д.

Объявление приговора декабристам происходило 12 июля с 12 часов дня в комендантском доме Петропавловской крепости. Членов суда с 10 утра собрали в здании Сената, а затем в каретах отправили в Петропавловскую крепость для объявления приговора осужденным. Зал заседания в крепости охранялся батальоном лейб-гвардии Павловского полка. Осужденных вызывали «партиями» по разрядам и под конвоем гренадер вводили в зал, где каждому в отдельности читали «о содеянном им преступлении и к чему он приговорен с высочайшего утверждения» (55, с. 255—256). Декабрист Н. И. Лорер так впоследствии описывал эту процедуру: «Глазам нашим представилось необыкновенное зрелище. Огромный стол, накрытый сукном, стоял покоем. В середине его сидели четыре митрополита (Лорер ошибся — их было три. — В. Ф.), а по фасам Государственный совет и генералитет. Кругом всего этого на лавках, стульях амфитеатром — сенаторы в красных мундирах. На пюпитре лежала какая-то огромная книга, при книге стоял чиновник, при чиновнике сам министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский в андреевской ленте. Все были в полной парадной форме. Нас поставили в шеренгу лицом к ним» (59, с. 108).

Официальные документы об объявлении приговора не зафиксировали имевшие место протесты заключенных в момент объявления им приговора. Но об этом говорится в декабристской мемуарной литературе. Н. В. Басаргин в своих мемуарах писал: «Николай Бестужев хотел что-то говорить, но многие из присутствовавших (судей. — В. Ф.) зашикали и нас поспешили вывести в противоположные двери» (29, с. 102). Была пресечена и попытка И. И. Пущина сделать свои заявления суду. «И. И. Пущин, — вспоминал П. Н. Свистунов, — просил позволения говорить, но Лобанов, министр юстиции, зашикал и приказал увести весь первый разряд, в коем он находился» (35, т. 2, с. 294).

В соседней с залом заседания суда комнате находились лекари с инструментами, чтобы «пустить кровь» тем, кому по выслушании сурового приговора «станет дурно», но, по словам декабристов, «их человеколюбивой помощи не потребовалось». Как вспоминал П. И. Фаленберг, «не отчаяние, не ослабление сил обнаружилось в осужденных, но возвышенность духа» (35, т. 2, с. 238). Они выслушали приговоры спокойно и с достоинством, что поразило и самих судей.

Настроение осужденных декабристов хорошо передал в своих воспоминаниях Н. В. Басаргин, приговоренный к каторге: «Мы так еще были молоды, неопытны, что приговор наш к двадцатилетней каторжной работе в сибирских рудниках не сделал на нас большого впечатления. Правду сказать, что он так был несообразен с нашею виновностью, представлял такое неспра-

ведливое к нам ожесточение, что как-то возвышал нас даже в собственных наших глазах. С другой стороны, он так отделял нас от прошедшего, от прежнего быта, от всего, что было дорого нам в жизни, что необходимо вызвал в каждом из нас все силы нравственные, всю внутреннюю твердость для перенесения с достоинством этого перехода. Я теперь даже уверен, что если бы правительство вместо того, чтобы осудить нас так жестоко, употребило меру наказания более кроткую, оно бы лучше достигло своей цели и мы бы больше почувствовали ее, даже, может быть, больше бы сожалели о той доле значения в обществе и преимуществе нашего положения, которое теряли. Лишив же нас всего и вдруг поставив на самую низкую, отверженную ступень общественной лестницы, оно давало нам право смотреть на себя как на очистительные жертвы будущего преобразования России; одним словом, из самых простых и обыкновенных людей делало политических страдальцев за свои мнения, этим самым возбуждало всеобщее к нам участие, а на себя принимало роль ожесточенного, неумолимого гонителя» (29, с. 102—103).

Слухи о вынесенном декабристам приговоре и предстоящей казни широко распространились в городе. 12 июля уже все знали, что «завтра будут вешать». На имя Николая I поступали полные отчаяния письма родственников осужденных. Сестра С. И. Муравьева-Апостола Екатерина Ивановна Бибикова отправилась в Царское Село и там вручила Дибичу письмо для передачи императору. Она просила «одной милости»: если смертный приговор все же будет приведен в исполнение — приказать выдать ей «смертные останки» брата. Николай I разрешил лишь свидание с братом, но категорически отказал в просьбе выдать его тело после казни. Свидание состоялось вечером 12 июля в доме коменданта Сукина. Бибикова, увидев изнуренного и обросшего брата, залилась слезами и упала без чувств. Сам С. И. Муравьев-Апостол держался с большой твердостью и присутствием духа: он привел в чувство и успокаивал сестру, прося позаботиться о брате Матвее.

С 3 часов утра 13 июля 1826 г. над осужденными декабристами начался «обряд разжалования» (исполнения приговора). Первоначально во двор крепости вывели 97 осужденных по 1—11-му разрядам и поместили в окружении войск, в составе которых были вызваны по два взвода от 10 гвардейских полков столичного гарнизона (общей численностью 2 тыс. человек). Осужденных разделили на 4 «отделения»: 1-е состояло из бывших офицеров полков 1-й гвардейской дивизии, 2-е из офицеров 2-й гвардейской дивизии, 3-е составили армейские офицеры и 4-е — штатские чины. Во всех «отделениях» осужденных вызывали «по старшинству разрядов» (начиная с первого), вновь читали каждому из них приговор суда и «пошады» по царской конфирмации, затем ставили на колени и профос ломал над головой осужденного подтиленную шпагу в знак «разжалования». Делалось это неловко — несколькими поранили голову. Так, про-

фос грубо «прикоснулся» к пробитой пулей голове Якубовича. С осужденных срывали мундиры и знаки отличия и бросали в пылающие костры. После этого их облачили в арестантские одежды и разместили уже по другим казематам Петропавловской крепости.

«Обряд экзекуции» над 15 офицерами-морьяками был совершен на Кронштадском рейде. Местом «экзекуции» был избран флагманский корабль «Князь Владимир». Церемония продолжалась полчаса — с 8 до половины девятого утра. На корабле был поднят черный флаг. Над головами осужденных были переломлены сабли, оторванные эполеты и мундиры были брошены за борт. Затем на шхуне «под крепким караулом» в ночь на 14 июля моряков возвратили в Петропавловскую крепость.

После того как во дворе Петропавловской крепости был совершен «обряд экзекуции» над 97 осужденными декабристами, в 4 часа утра приговоренных судом к повешению вывели на казнь. Виселица была устроена на предместном укреплении кронверкского вала (ныне там находится памятный обелиск). Некоторые из декабристов из окон своих казематов видели, как в полночь сооружалась эта виселица, но у них еще сохранялась надежда, что смертная казнь не состоится.

Утро 13 июля было пасмурным и дождливым. По распоряжению царя пятеро осужденных на смерть были заживо отпеты в крепостной церкви, затем их повели к месту казни. Они были сильно изнурены, но держались спокойно и мужественно. Очевидцам запомнились «длинные белые рубахи», или «саваны», в которые были облачены осужденные, «черные доски» на груди у каждого из них с написанными мелом словами «государственный преступник». На руках и ногах осужденных были надеты кандалы, которых не сняли и во время исполнения казни. Место казни было окружено солдатами лейб-гвардии Павловского полка. Во время исполнения казни били барабаны и играла музыка. В отдалении собралась небольшая толпа народа, которую не подпускала к месту казни полиция. К концу казни толпа заметно увеличилась, однако ее держали на почтительном расстоянии.

«Высочайший приказ» исполнить казнь к 4 часам утра не был выполнен: в 4 часа виселицу еще «ставили». На осужденных накинули колпаки, руки стянули назад ремнями. Когда выбили скамьи из-под ног, то трое (Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол) сорвались и рухнули в яму, пробив телами настланные над нею доски. В многочисленных рассказах о казни декабристов содержится немало противоречивых версий и легенд об этом моменте: приводятся разные имена сорвавшихся с виселицы, слова, произнесенные ими. Четверть часа сорвавшиеся с виселицы ожидали своей «второй смерти». «Операция была повторена» и на этот раз «совершенно удачно». Спустя некоторое время доктора засвидетельствовали смерть, трупы казненных сняли с виселицы, сложили на большую телегу, покрыв холстом,

но поскольку уже совсем рассвело (казнь завершилась к 6 часам утра), тела казненных были отвезены в ближайшее здание торгового мореплавания, откуда с наступлением следующей ночи вывезены на ломовом извозчике и тайно похоронены на одном из островов в устье Невы.

14 июля 1826 г. Николай I устроил «очистительное молебствие» в Петербурге, «на самом месте бунта». На Сенатской площади, возле памятника Петру I, была сооружена «походная церковь». Выведенные на площадь войска расставили так, как они стояли в день 14 декабря 1825 г. По окончании молебствия и «поминок» по павшим в «день бунта» на Сенатской площади был зачитан приказ по войскам, в котором говорилось: «Ныне суд над ними (участниками заговора. — В. Ф.) и казнь, им подлежащие, исполнены и очищены верные полки наши от заразы, нам и всей России угрожавшей» (205, т. 1, с. 458). Торжествуя свою победу, Николай I все же не мог скрыть тревогу перед возможностью новых «вспышек и возмущений». «Не подумайте только, — писал он Константину в тот же день 14 июля, — что я считаю возможным успокоиться в эту минуту, совсем наоборот: я каждому проповедую удвоить внимание, чтобы избежать вспышек и покушений, нужно быть постоянно настороже» (61, с. 198). «Очистительное молебствие» было устроено 19 июля и в Москве. Свидетелем этой церемонии был юный А. И. Герцен. «Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить за [казненных] и обрекал себя на борьбу с этим тронem, с этим алтарем, с этими пушками», — писал он в «Былом и думах» (38, т. 8, с. 62).

Судебная расправа над декабристами вызвала большой общественный резонанс. Казнь 13 июля 1826 г. пяти их руководителей, по словам Н. И. Лорера, «заставила содрогнуться всю Россию» (59, с. 109). А. И. Кошелев свидетельствовал об «ужасе» и «глубоком унынии», охвативших жителей Петербурга и Москвы при известии о «страшном приговоре» и его исполнении (51, с. 18). Реакционные круги торжествовали. Агентура III отделения сообщала, что «высшие сословия», «порядочная публика» говорили о «справедливости» и «необходимости» суровых мер, примененных к заговорщикам. Впоследствии Герцен клеймил эту реакционную часть «общества», которая заявляла свое «негодование» открывшимся заговором против правительства, раболепствовала перед монархом, оправдывая его жестокую расправу над декабристами. А передовая Россия глубоко сочувствовала участникам восстания и восхищалась их самоотверженным подвигом. Те же чувства, что и юный Герцен, испытал и присутствовавший на «очистительном молебствии» и коронации в Москве 20-летний Д. Н. Толстой (будущий историк и богослов). Видя «праздничную суматоху», он представлял себе «пять виселиц и тех несчастных, которые на них погибли за

благо русского народа». Вся эта «блистательная иллюминация» казалась ему «отвратительной», а «шум и толкотня ликующего народа — кукольной забавой, неизъяснимым, непростительным дурачеством». Он отмечает в своих воспоминаниях, что известия о приговорах и казни декабристов произвели в Москве удручающее впечатление (97, с. 25—26). Княгиня Е. А. Шаховская под впечатлением полученных известий о смертной казни декабристов записала в своем дневнике 29 июля 1826 г.: «Их намерения были чисты, и во всем, что они предприняли, они желали лишь счастья родине, основанного на твердых законах, а не на произволе единого деспота» (83, с. 110).

Тайная агентура III отделения доносила А. Х. Бенкендорфу о сочувствии простого люда и солдат казненным декабристам. Агенты сообщали, что во время «очистительного молебствия» в Петербурге солдаты Измайловского, Московского и Финляндского полков «со слезами» говорили «о предсмертных муках» упавших с виселицы, добавляя: «...они не заслужили этого, с ними поступили жестоко».

Начальник канцелярии III отделения М. М. фон Фок писал 9 августа 1826 г. Бенкендорфу о «частных кружках» жен декабристов М. Н. Волконской и А. И. Коновницыной, которые «служат средоточием всех недовольных, и нет брани злее той, какую они извергают на правительство и его слуг» (194, с. 272—273).

Число репрессированных декабристов не ограничилось судившимися Верховным уголовным судом. Как упоминалось выше, до 120 декабристов были наказаны без суда, в административном порядке, при этом некоторые из них понесли даже более суровые наказания, чем по суду те лица, которые отнесены к последним разрядам.

Многие члены тайных декабристских организаций подверглись судебным разбирательствам в провинциальных военно-судебных комиссиях и при полках. 12 июля 1826 г. Николай I утвердил приговор офицерам, участникам восстания Черниговского полка. Среди них значились и трое погибших в день восстания — Г. Р. Кузьмин, М. А. Щепилло и Ипполит Муравьев-Апостол. В решении суда о них было записано: «Поставя виселицу, к вечному их посрамлению, прибить под оною имена их» (42, с. 465). В. Н. Соловьева, И. И. Сухинова и Н. О. Мозалевского суд приговорил к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой, А. А. Быстрицкого — к пожизненной каторге, 9 офицеров — к разжалованию в рядовые и ссылке в дальние гарнизоны или к содержанию в крепости в течение полугода с последующим определением на службу под строгий надзор начальства.

21 января 1826 г. в Белостоке открылся военный суд над членами Общества военных друзей, предпринявшими 24 декабря 1825 г. попытку поднять восстание Литовского пионерного батальона. Суду было предано 39 человек, из них 13 были приговорены к смертной казни (в том числе руководители общест-

ва — А. И. Вегелин и К. Г. Игельстром), замененной потом по конфирмации 15 апреля 1826 г. различными сроками каторжных работ, остальные — к ссылке в Сибирь, разжалованию в солдаты или были отданы под надзор полиции.

15 октября 1827 г. была окончательно решена судьба «первого декабриста» В. Ф. Раевского после продолжительного (с февраля 1822 г.) судебного процесса над ним. По распоряжению Николая I, утвердившего «мнение» великого князя Михаила Павловича, Раевский был отправлен в пожизненную ссылку в Сибирь.

Суровым карам подверглись те из солдат, которые активно содействовали офицерам-декабристам. Так, унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка Александр Луцкий и рядовой того же полка Николай Поветкин были приговорены к наказанию кнутом и пожизненной каторге. Солдаты лейб-гвардии Гренадерского полка Пантелей Долговязов, Трофим Федотов, Федор Трофимов, Семен Рытов, Даниил Соловьев были от шести до восьми раз прогнаны сквозь строй через тысячу человек и сосланы «в вечную каторгу».

Дело восставших солдат Черниговского полка и «вовлеченных в заговор» бывших солдат лейб-гвардии Семеновского полка, помогавших декабристам вести революционную пропаганду среди нижних армейских чинов, рассматривала специальная военно-судная комиссия в Белой Церкви. Из «черниговцев» фельдфебель Михай Шутов, унтер-офицер Прокофий Никитин и рядовой Алимпей Борисов были приговорены к прогнанию сквозь строй через тысячу человек 12 раз и к последующей «вечной каторге». 52 унтер-офицера и 103 солдата приговаривались к прогнанию сквозь строй через тысячу человек от одного до шести раз с последующей ссылкой на Кавказ в действующую армию. Туда же были отправлены и 15 солдат, получившие по приговору по 200 «лозанов» (розог). Разжалованный ранее из полковников рядовой того же полка Федор Башмаков (он судился в Могилеве) был сослан в Сибирь на поселение.

Кроме указанных 174 черниговцев Белоцерковская военно-судная комиссия судила 177 вовлеченных в заговор солдат, в том числе 110 — бывшего Семеновского полка, расскассированных по полкам 1-й армии. По приговору суда семеновцы Федор Анойченко, Федор Николаев и Петр Малафеев, содействовавшие С. И. Муравьеву-Апостолу в агитации среди солдат, были 12 раз прогнаны сквозь строй через тысячу человек. Еще 44 солдата были прогнаны сквозь строй через тысячу человек от одного до шести раз. 45 солдат, оказавшихся по результатам следствия невиновными, были оставлены «в подозрении». Остальные получили «по триста лозанов» и сосланы на Кавказ.

Отметим также, что из солдат, участвовавших в восстании на Сенатской площади и на Украине, был сформирован сводный гвардейский полк в составе 4 тыс. человек и отправлен в действующую армию на Кавказ.

Следствие и суд над декабристами — первый в истории России широкий политический процесс, вызвавший значительный общественный резонанс как в самой стране, так и за рубежом. Впервые по обвинению в политических преступлениях предстали не отдельные лица, а целая революционная организация, подготовившая вооруженное восстание против самодержавия и крепостничества.

Находясь в тяжелейших условиях закрытого следствия и судебного разбирательства, лишённые защиты, подсудимые декабристы день за днем вели неравную борьбу с царскими следователями, вооружёнными обширным арсеналом средств как морального, так и физического воздействия на подсудимых. Не все заключённые смогли выдержать массивное давление следствия, которое уже в начале расследования располагало значительным материалом почти о каждом участнике тайных обществ. Поведение первых дворянских революционеров, с присущими им колебаниями, сомнениями и даже надеждами на «просвещённого монарха», с отсутствием опыта профессиональной революционной работы, отличалось от поведения в аналогичной ситуации последующих поколений русских революционеров. На процессе декабристов было немало «откровенных» и «чистосердечных» признаний, «раскаяния», просьб о помиловании. Именно на этих моментах в поведении декабристов больше всего акцентировали внимание многие исследователи. Отсюда в сознании читателя создавалось одностороннее представление о декабристах, которые будто бы стали сразу выдавать следствию все и вся и якобы даже отречься от своих идеалов, осуждать свое участие в тайных обществах. Как мы видели, такая оценка поведения декабристов далека от действительности.

Не вызывает сомнения и тот факт, что на правящие круги глубокое впечатление произвели не только само восстание декабристов, но и весь политический процесс над ними. Следствие раскрыло картину глубоких социальных язв разлагающейся феодально-крепостнической системы, выявило наличие опасного политического заговора, направленного на ликвидацию феодально-абсолютистских порядков в России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Восстание 1825 г. завершает собой движение декабристов, но не декабризма как идеологии, которая продолжала развиваться и после поражения восстания. После 1825 г. декабристами на каторге и в ссылке была проделана огромная работа по «подведению итогов», осмыслению опыта своего «дела», его сильных и слабых сторон, исторического места и значения для последующих поколений русских революционеров. Следует подчеркнуть, что декабристы после поражения восстания 1825 г., брошенные в «каторжные норы Сибири», поставленные царизмом как бы вне политического бытия, все же и в последующие десятилетия не сошли со сцены общественно-политической жизни России. Самодержавию не удалось изолировать как декабристов от передовой России, так и передовую Россию от декабристов. Тысячью нитей связанные с Россией, они были в курсе всех политических событий, происходивших не только в ней, но и за рубежом, проявляли большой интерес к распространявшимся в то время новым философским и общественно-политическим течениям и направлениям, о чем свидетельствуют труды М. А. Фонвизина, Г. С. Батенькова, В. И. Штейнгеля, Н. В. Басаргина и других декабристов. Декабристы не изменили своим благородным идеалам. Их публицистические сочинения, художественная литература, мемуары, написанные во время сибирской ссылки, широкая просветительская деятельность явились органичным продолжением той борьбы за свободу и справедливость, которую они вели до 1825 г. Хорошо известны и акты открытого протеста против самодержавия сосланных в Сибирь декабристов: предпринятая в 1828 г. И. И. Сухиным попытка поднять восстание ссыльнокаторжных в Нерчинских рудниках; «действия наступательные» М. С. Лунина, выразившиеся в составлении и распространении им в конце 30-х годов политических писем и серии публицистических статей, обращенных против царизма. Эти наиболее яркие проявления благородного мятежного духа декабристов *после 1825 года*, в экстремальных условиях каторги и ссылки, были беспощадно пресечены. Приговоренный военным судом к смертной казни, Сухинов предотвратил исполнение приговора, покончив жизнь самоубийством. По доносу провокатора ссыльный Лунин подвергся вторичному заточению — на этот раз в самую страшную тюрьму того времени, Акатуй, где в 1845 г. погиб при неясных обстоятельствах.

Имели место и факты протеста ссыльных декабристов против несправедливости и произвола местной администрации. Она ответила усилением гонений, ухудшением положения ссыльных. Заявлявших протест декабристов переводят в более отдаленные и глухие места: например, А. Ф. Бриггена — из Кургана в Туринск, В. И. Штейнгеля — из Тобольства в Тару.

Из числа осужденных Верховным уголовным судом только 43 декабриста дожили до амнистии, объявленной в день коронации Александра II 26 августа 1856 г. Однако коронационный манифест, возвращавший декабристов из тридцатилетней ссылки, не давал им полного «прощения». Им запрещалось проживать в Москве и Петербурге, за ними был установлен секретный полицейский надзор. Лишь спустя 6—7 лет «амнистированным» декабристам удалось освободиться от этих позорных стеснений.

Те декабристы, которым довелось дожить до амнистии, явились участниками бурных событий рубежа 50—60-х годов XIX века — общественно-политического подъема, отмены крепостного права и проведения других буржуазных реформ. Пусть реформы проводились сверху, самодержавной властью, непосредственно и со многими ограничениями, но, казалось, сбывалась мечта первых русских революционеров о социально-политических преобразованиях в России. Большинство вернувшихся из ссылки нашло в себе силы включиться в общественно-политическую деятельность: некоторые сотрудничали в тогдашних газетах и журналах, или были корреспондентами вольной русской прессы Герцена за границей, иные стали членами губернских комитетов «по крестьянскому делу» или мировыми посредниками при подготовке и проведении крестьянской реформы 1861 г., другие — присяжными заседателями в новых судах, земскими гласными в земских учреждениях — выборных органах местного управления.

Значителен вклад декабристов в развитие передовой русской культуры. Их идеи оказали опромное воздействие на творчество А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, П. А. Вяземского, которых с декабристами связывали тесные дружеские узы. Среди самих декабристов было немало одаренных людей: поэты Кондратий Рылеев, Александр Бестужев, Александр Одоевский, Федор Глинка, Вильгельм Кюхельбекер, Владимир Раевский, Павел Катенин, писатель и ученый Николай Бестужев, художник-медальер Федор Толстой, экономисты и публицисты Николай Тургенев и Михаил Орлов, историки Александр Корнилович и Василий Сухоруков, авторы интересных философских сочинений Михаил Фонвизин и Гавриил Батеньков. А. И. Герцен писал, что после разгрома восстания декабристов «умственная температура значительно понизилась»: самодержавием был нанесен сильнейший удар не только по русскому освободительному движению, но и по передовой русской культуре, ибо была изъята и брошена в каторжные казематы наиболее образованная часть русского общества.

Движение декабристов — важное звено в общемировом революционном процессе конца XVIII — начала XIX в. Восстание декабристов против царизма — одного из главных «жандармов Европы» — приобрело международное значение и получило значительный отклик в странах Западной Европы. Так, французский журнал «Меркурий XIX века» в начале 1826 года писал: «Мы с удивлением увидели сидящей на вулкане эту Россию, про которую думали, что она терпеливо несет ярмо самодержавной власти» (90, с. 115). Французский историк Поль Ангран отмечает: «Декабристы, которые «разбудили» русскую политическую мысль, возвестили зарю освобождения русского народа, помогли и французскому либеральному движению развернуть контрнаступление против [своего] правительства эмигрантов и ультрароялистов» (90, с. 97). Декабристы своим выступлением нанесли серьезный удар по всему зданию реакционного «Священного союза». Это был удар с той стороны, с какой менее всего ожидала его международная реакция. Несомненно, победа декабристов сыграла бы громадную роль в разворачивании революционного движения в Европе. Это хорошо понимали и Николай I, и другие европейские монархи, и реакционные политические деятели. Николай I в беседе с французским послом в Пруссии графом Сен-При заявил: «Я думаю, что оказал услугу всем правительствам». Сам Сен-При доносил своему двору, что если бы поднявшим в декабре 1825 г. восстание русским офицерам удалось одержать успех, то «весь общественный порядок (т. е. «порядок», охраняемый «Священным союзом». — В. Ф.) был бы поколеблен в основании и вся Европа покрылась бы его обломками» (90, с. 103). Европейские монархи, поздравляя Николая I с победой над декабристами, писали, что тем самым он «заслужил признательность всех иностранных государств и оказал самую большую услугу делу всех тронов» (205, с. 400).

Хотя восстание декабристов и потерпело поражение, но «их дело не пропало», писал В. И. Ленин, подчеркивая большое историческое значение и тех революционных выступлений, которые терпели поражения. Говоря о «величайшем самопожертвовании» русских революционеров, начиная с декабристов, он указывал, что «эти жертвы пали не напрасно», что «они способствовали — прямо или косвенно — последующему воспитанию русского народа» (1, с. 261; 5, с. 315).

«Не подлежит сомнению тот факт, — писал декабрист П. Н. Свистунов, — что люди, замышлявшие переворот в России, подвергались неминуемой потере всех преимуществ, какими пользовались вследствие положения своего в обществе, поэтому ни в корысти, ни в честолюбии оподозрены быть не могут. Лишь пламенная любовь к отечеству и желание возвеличить его, доставив ему все блага свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью. При несоразмерности способов с предназначаемою целью люди практически вправе

назвать такое предприятие безрассудной мечтой, но чистоту намерений не имеют права оспаривать» (35, т. 2, с. 255). С этим высказыванием декабриста созвучны и слова Марии Волконской — одной из тех замечательных «русских женщин», отправившихся в добровольное изгнание за своими мужьями в ссылку и тем обессмертивших себя: «Если даже смотреть на убеждения декабристов как на безумие и политический бред, все же справедливость требует признать, что тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело свое» (43, с. 24). «Дело» декабристов — пример высокой нравственности и исполнения патриотического долга для нас, их потомков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации.

Фонд 48, опись 11. (Дела Следственной комиссии и Верховного суда над декабристами), опись 11.

1. Дело 1 (Официальная переписка об учреждении Следственной комиссии и Верховного уголовного суда).
2. Дело 3 (Доносы на декабристов).
3. Дело 5 «О совещании Коренной Думы в 1820 году и о членах Коренного Совета Союза благоденствия».
4. Дело 6 «О существовании (мнимого) тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе».
5. Дело 7 «Справки о тайных обществах Симбирском, Пензенском, Казанском и других».
6. Дело 28 (Списки членов тайных обществ, с резолюциями Николая I о мерах наказания), часть 11.
7. Дело 29 (Списки членов тайных обществ, с резолюциями Николая I о мерах наказания), часть 2.
8. Дело 30 (Переписка об аресте декабристов), часть 1.
9. Дело 31 (Переписка об аресте декабристов), часть 2.
10. Дело 34 «О поимке коллежского асессора Кюхельбекера».
11. Дело 35 «О заковывании в железа некоторых арестованных лиц и о снятии оных».
12. Дело 80 (Следственное дело И. П. Гудимы).
13. Дело 82 (Следственное дело Ф. Н. Глинки).
14. Дело 87 (Следственное дело И. Н. Хотянцева).
15. Дело 88 (Следственное дело И. П. Жукова).
16. Дело 106 (Следственное дело П. Х. Граббе).
17. Дело 189 (Следственное дело М. Н. Муравьева).
18. Дело 198 (Следственное дело Н. Д. Сенявина).
19. Дело 274 (Следственное дело фейерверкера Белоусова).
20. Дело 316 «О тайных злоумышленных обществах, существующих в Польше».
21. Дело 454 «Производство Верховного уголовного суда», части 1—3.
22. Дело 456 «Журналы заседаний Верховного уголовного суда для определения наказаний подсудимым», части 1—2.
23. Дело 459 «Черновые краткие извлечения из следственных дел о преступниках».
24. Дело 463 «Бумаги действительного тайного советника графа Михаила Михайловича Сперанского по Верховному уголовному суду», части 1—3, фонд 109 (III отделение собственной его императорского величества канцелярии).
25. 1-я экспедиция, 1826 г. Дело 61 «О государственных преступниках, подвергнутых исправительному наказанию за прикосновенность к делу о злоумышленных обществах», части 1—254.
26. Секретный архив III отделения. Оп. 3. Д. 3173 (агентурные донесения за июль 1826 г.).
27. Секретный архив III отделения. Оп. 3. Д. 3174 (агентурные донесения за июль 1826 г.).

28. Архив братьев Тургеневых. Спб.-Пг. 1911—1922. Вып. I—VII.
29. *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988.
30. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Спб., 1882.
31. *Боровков А. Д.* Автобиографические записки//Русская старина. 1898. № 11.
32. Воспоминания Бестужевых. М., 1931; М.; Л., 1951.
33. *Васильчиков А. И.* Воспоминания//Русский архив. 1875. № 1.
34. *Волконский С. Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского. Спб., 1902.
35. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, 1933. Т. 1—2.
36. Восстание декабристов: Материалы. Документы. М.; Л., 1925—1986. Т. 1—18.
37. *Гангелов А. С.* Воспоминания декабриста. М., 1888.
38. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1959.
39. *Горбачевский И. И.* Записки, письма. М., 1963.
40. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М., 1990.
41. Декабристы и их время: Сб. ст. и мат. М., 1925; М.; Л., 1951.
42. Декабристы: Отрывки из источников. М.; Л., 1926.
43. Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988.
44. Декабристы-литераторы. Т. 1—2. Серия: Литературное наследство. Т. 59—60. М., 1954, 1956.
45. Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.; Л., 1951.
46. Декабристы: Тайные общества. Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевского. М., 1907.
47. Декабристы: Тайные общества. Следствие. Суд. Приговор. Амнистия. Официальные документы. М., 1906.
48. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Спб., 1902. Т. 12.
49. *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. Спб. 1906.
50. Записки декабристов. Лондон, 1861—1863. Вып. I—III.
51. Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884.
52. Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. Спб., 1906.
53. К истории суда над декабристами/Публ. М. Д. Рабиновича//Советские архивы. 1963. № 1.
54. *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. Спб., 1866.
55. *Комаровский Е. Ф.* Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1914.
56. *Кюхельбекер В. К.* Драматические произведения. М., 1939.
57. *Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Л., 1939.
58. *Лебцельтерн З. И.* Записки//Звезда. 1975. № 12.
59. *Лорер Н. И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984.
60. *Лукин М. С.* Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988.
61. Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.
62. Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981.
63. Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1983.
64. *Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний//Исторический вестник. 1890. № 10.
- 64а. *Одоевский А. И.* Полное собрание стихотворений и писем. М., 1934.
65. *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.
66. Памяти декабристов: Сборник материалов. Вып. 1—3. М., 1926.
67. *Пантелеев Л. Ф.* Памяти В. И. Семева//Голос минувшего. 1917. № 9—10.
68. *Пестель П. И.* Русская Правда. Наказ Временному Верховному Правлению. Спб., 1906.
69. «Полярная Звезда» издания А. Бестужева и К. Рылеева. М.; Л., 1960.
70. Процесс декабристов: Донесение. Следствие. Приговор. М., 1905.
71. *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1969.
72. *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988.

73. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980. 1983. Т. 1—2.
74. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
75. Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М., 1906—1907. Т. 1—2.
76. Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934.
- 76а. Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12 т. М., 1911. Т. 12.
77. Толстой Д. Н. Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого//Русский архив. 1885. № 9.
78. Толь К. Ф. Журнал генерал-адъютанта о декабрьских событиях 1825 года. Спб., 1910.
79. Грубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983, 1987. Т. 1—2.
80. Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. 1: Записки изгнанника. М., 1915.
- 80а. Уничтожение масонских лож в России и доносы на арзамассцев и лицейстов//Русская старина. 1877. № 4. С. 657.
81. Фоназизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979, 1982. Т. 1—2.
- 81а. Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1—3.
82. Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1913—1914. Т. 1—2.
- 82а. [Чичерин Б. Н.] Мысли вслух об истекшем тридцатилетии//Голоса из России. Лондон, 1856. Вып. 1. Факсимильное издание 1974 г.
83. Шаховская Е. А. Дневник Е. А. Шаховской//Голос минувшего. Пг., 1920—1921.
84. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки и письма. Иркутск, 1985.
85. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951.

Литература

86. Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов//Декабристы-литераторы. М., 1954. Т. 1.
87. Алданов М. А. Памяти декабристов//Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2(15).
88. Алданов М. А. Сперанский и декабристы//Современные записки. Париж, 1925. Т. XXVI.
89. Алексеев М. П. Английские мемуары о декабристах//Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
90. Ангран П. Отголоски восстания декабристов во Франции//Вопросы истории. 1952. № 12.
91. Артемьев С. А. Следствие и суд над декабристами//Вопросы истории. 1970. № 2—3.
92. Афанасьев В. В. Рылеев: Жизнеописание. М., 1982.
94. Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский. М.; Л., 1949.
95. Базанов В. Г. Вольное общество любителей русской словесности. Петрозаводск, 1949.
96. Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964.
97. Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954.
98. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России его времени. Спб., 1871. Т. VI.
99. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения 1815—1832. М., 1975 (Гл. 10. Декабристы и Америка).
100. Буларчук Ф. Ф. Владимир Раевский. М., 1987.
101. Великая французская революция и Россия: Сб. ст. М., 1989.
102. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М., 1958.
- 102а. Вульфсон Г. Н. Глашатай свободы. Казань, 1984.
103. Гершензон М. О. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914.
104. Гершензон М. О. Г. С. Батеньков//Русские пропилеи. М., 1916. Т. 2.
105. Гершензон М. О. История молодой России. М.; Пг., 1923.
105. Гордин Я. А. Мятёж реформаторов 14 декабря 1825 года. Л., 1989.
107. Грумм-Гржимайло А. Г., Сорокин В. В. «Общество громкого смеха»: К

- истории вольных обществ Союза благоденствия//Декабристы в Москве. М., 1963.
108. *Довнар-Запольский М. В.* Декабристская революция//Голос минувшего. 1917. № 7—8.
109. *Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. М., 1907.
110. *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. М., 1906.
111. *Довнар-Запольский М. В.* Тайное общество декабристов. М., 1906.
112. *Додолев М. А.* Россия и испанская революция 1820—1823 гг.//История СССР. 1969. № 1.
113. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
114. *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.
115. *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX в.//Русская старина. 1898—1901 и 1904 гг.
116. *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979.
117. *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Н. А. Бестужев. М., 1977.
118. *Иовва И. Ф.* Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1986.
119. *Канн П. Я.* О числе жертв 14 декабря 1825 г.//История СССР. 1970. № 6.
120. *Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965.
121. *Кизеветтер А. А.* Спорные вопросы в истории декабристов//Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2(15).
122. *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 5.
123. *Коваль С. Ф.* Декабрист В. Ф. Раевский. Иркутск, 1951.
124. *Ковальская М. И.* Итальянские карбонарии и передовая Россия//Вопросы истории. 1967. № 8.
125. *Королева Н. В.* Декабристы и театр. Л., 1975.
126. *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. Спб., 1857.
127. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861. Т. 2.
128. *Крестова Л. В.* Движение декабристов в освещении иностранной публицистики//Исторические записки. М., 1942. Т. 13.
129. *Куйбышева К. С., Сафонова Н. И.* Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. М., 1986.
130. *Ланда С. С.* «Дух революционных преобразований...»: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975.
131. *Лисенко М. М.* Декабристский рух на Україні. Київ, 1954.
132. *Ляшенко К. Г.* Листовки РСДРП о восстании декабристов//Вопросы истории. 1975. № 12.
133. *Макаров В. Б.* Декабрист Иван Григорьевич Бурцов. Саратов, 1981.
134. *Медведская Л. А.* Павел Иванович Пестель. М., 1967.
135. *Медведская Л. А.* Сергей Иванович Муравьев-Апостол. М., 1970.
136. *Медведская Л. А.* Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество//Очерки из истории движения декабристов. М., 1954.
137. *Мейлах Б. С.* Декабристы и Пушкин: Страницы героико-трагической истории. Иркутск, 1987.
138. *Мейлах Б. С.* Пушкин в литературных объединениях декабристов//Красная новь. 1936. № 1.
139. *Мейлах Б. С.* Пушкин и литературная борьба декабристов//Литературный современник. 1935. № 10.
140. *Мельгунов С. П.* Дела и дни декабристского времени. Берлин, 1923.
141. *Мельгунов С. П.* Идеализм и реализм декабристов//Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2(15).
142. *Мироненко М. П.* Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив»//Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976.
143. *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX в. М., 1990.
144. *Миронова И. А.* Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. М., 1987.
145. *Михайлов В. А.* Отголоски декабристского движения во французской литературе. М., 1911.
146. *Модзалевский Б. Л.* К истории «Зеленой Лампы»//Декабристы и их время. М., 1928. Т. I.

147. *Мякотин В. А.* Пушкин и декабристы. Берлин, 1923.
148. *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985.
149. *Нечкина М. В.* Восстание Черниговского полка//Каторга и ссылка. 1925. № 8.
150. *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1947; М., 1951; М., 1977.
151. *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1—2.
152. *Нечкина М. В.* Декабристы. М., 1930; М., 1975; М., 1982; М., 1985.
153. *Нечкина М. В.* Декабристы во всемирно-историческом процессе//Вопросы истории. 1975. № 12.
154. *Нечкина М. В.* Декабристы и проблема трех революций//История СССР. 1976. № 2.
155. *Нечкина М. В.* «О нас в истории страницы напишут»: Из истории декабристов. Материалы и исследования: Сб. ст. Иркутск, 1982.
156. *Нечкина М. В.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях//Каторга и ссылка. 1930. Кн. 4.
157. *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. М., 1927.
158. *Нечкина М. В.* Пушкин и декабристы//Историк-марксист. 1937. № 1.
159. *Нечкина М. В.* Священная Артель Александра Муравьева и Ивана Бурцова 1814—1817 гг.: (Материалы к предыстории декабризма и мировоззрения молодого Пушкина)//Декабристы и их время. М., 1951.
160. *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1945; М., 1982.
161. *Нечкина М. В., Сказин Е. В.* Семинарий по декабризму. М., 1925.
162. *Никандров П. Ф.* Революционная идеология декабристов. Л., 1976.
163. *Оганян Л. Н.* Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX века. Кишинев, 1974. Ч. 1—2.
164. *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л., 1952; Л., 1985.
165. *Окунь С. Б.* История СССР. Ч. 2: 1812—1825 гг., Л., 1978.
166. *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
167. *О'Мара П. К. Ф.* Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989.
168. *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975.
169. *Орлова Н. К.* Общество «Военных друзей» в Отдельном Литовском корпусе (1825 г.)//Вестн. Моск. ун-та. Сер.: История. 1982. № 1.
170. Очерки из истории движения декабристов: Сб. ст. М., 1954.
171. *Павлов-Сильванский Н. П.* Декабрист П. И. Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов-на-Дону, 1907.
172. *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964.
173. *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России 1783—1883 гг. М., 1986.
174. *Парадизов П.* Очерки по историографии декабристов. М.; Л., 1929.
175. *Пигарев К. В.* Жизнь Рыльева. М., 1947.
176. *Плеханов Г. В.* 14 декабря 1825 года. М., 1923.
177. *Покровский М. Н.* Декабристы: Сб. ст. М.; Л., 1927.
178. *Покровский М. Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. М., 1924.
179. *Порох В. И. И. Д.* Якушкин в процессе декабристов//Освободительное движение в России. Саратов, 1977. Вып. 6.
180. *Пресняков Е. А.* Восстание 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926.
181. *Пугачев В. В.* О специфике декабристской революционности (некоторые спорные вопросы)//Освободительное движение в России. Саратов, 1971, 1973. Вып. 1—2.
182. *Пушкин Б. С.* Арест декабристов//Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2.
183. *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. Спб., 1900.
184. *Романова С. Н.* Декабристы и революционная мысль в Западной Европе в 20-х гг. XIX в.//Вестн. Моск. ун-та. Сер.: История. 1975. № 11.
185. *Семевский В. И.* Декабристы-масоны//Минувшие годы. 1908. № 2—3, 5—6.

186. *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909.
187. *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.
188. *Семенова А. В.* Декабристы и французская революция конца XVIII в.// Новая и новейшая история. 1989. № 3.
189. *Семенова А. В.* К истории Союза благоденствия (по неопубликованным следственным делам декабристов)//Советские архивы. 1985. № 6.
190. *Сверст А. А.* Тайное общество военных друзей (1825)//Дела и дни. 1920. Кн. 1.
191. *Сохвадзе Б. К.* Декабристское движение и грузинская общественность. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
192. *Сыроечковский Б. Е.* Из истории движения декабристов. М., 1969.
193. *Троцкий И. М.* Ликвидация Тульчинской управы Южного общества//Былое. 1925. № 5(33).
194. *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988.
185. *Федоров В. А.* Солдатское движение в годы декабристов. 1816—1825. М., 1963.
196. *Хотунцев Н. А.* Декабристы и музыка. М., 1975.
197. *Цявловский М. А.* Заметки о Пушкине//Звенья. М.; Л., 1936. Т. 6.
198. *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма. Саратов. 1960.
199. *Шатрова Г. П.* Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973.
200. *Шатрова Г. П.* Декабрист Д. И. Завалишин. Красноярск, 1984
201. *Шебунин А. Н.* Движение декабристов в иностранной публицистике// Бунт декабристов. Л., 1926.
202. *Шешин А. Б.* Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ, 1980.
203. *Шешин А. Б.* Декабристское общество в гвардейском морском экипаже // Исторические записки. М., 1975. Т. 96.
204. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Спб., 1898. Т. IV.
205. *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. I.
206. *Щеголев П. Е.* Грибоедов и декабристы: По архивным материалам. Спб., 1905.
207. *Щеголев П. Е.* Декабристы: Сб. ст. М., 1926.
208. *Щеголев П. Е.* «Зеленая Лампа»//Из жизни и творчества Пушкина. М., 1931.
209. *Щеголев П. Е.* Из резолюции Николая I о декабристах//Голос минувшего. 1913. № 11.
210. *Щеголев П. Е.* Император Николай I и М. М. Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами. Пг., 1919.
211. *Щеголев П. Е.* Первый декабрист В. Ф. Раевский//Из истории общественного движения в России в первой четверти XIX века. Спб., 1905.
212. *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей: Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975; М., 1983.
213. *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М., 1970.
214. *Эйдельман Н. Я.* Обреченный отряд. М., 1987.
215. *Эйдельман Н. Я.* Первый декабрист: Повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе Владимира Раевского. М., 1990.
216. *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. М., 1979.
217. *Якушкин В. Е.* Декабристы на поселении. М., 1907.
218. *Яхин Р. X.* Политические и правовые взгляды декабристов Северного общества. Казань, 1964.
219. *Adams A. E.* The character of Pestel's thought//Amer. Slavic and East European Review. 1953. N 2. P. 153—161.
220. *Baumgarten L.* Dekabrysci i Polska. Warszawa. 1952.
221. *Hollingsworth B. A. P.* Kunitsyn and the social movement in Russia under Alexander I.//Slavonic and East European Review. L., 1964. Vol. 42. N 100. P. 115—129.

222. *Chijitchi A.* Ryleey. Bucuresti, 1966.
223. *Le 14 Décembre 1825. Origine et Héritage du Mouvement des Décembristes.* Paris, 1980.
224. *Lemberg H.* Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köln; Graz, 1963.
225. *Luciani G.* La société des slaves unis (1823—1825). Bordeaux, 1963.
226. *Mauri A.* La conspiration des décembristes. Paris, 1964.
227. *Mazour A. G.* The first Russian revolution 1825: The Decembrist movement. Its origins, development and significance. Stanford, 1963.
228. *O'Meara P. J. K. F.* Ryleev (1795—1826): A political biography of the Decembrist Poet, Princeton, 1984.
229. *Miliukov P. N.* La place de Décembrisme dans l'évolution de l'intelligencija russe//Le Monde Slave. 1925. T. XII.
230. *Mirkin-Guetzevitch B.* Les idées politiques Décembristes et l'influence française//Le Monde Slaves. 1925. T. XII.
231. *Pamietniki Dekabrystów.* Warszawa, 1960. T. I—III.
232. *Raeff M.* The Decembrist movement. N. Y. 1966.
233. *Seide G.* Das Russische Interregnum des Jahres 1825 im Spiegel der Akten des Wiener Haus-Hof und Staatsarchivs//Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 1969. Bd 17. N 4.
234. *Tourgenev N. I.* La Russie et les Russes. Paris, 1847. T. 1—3.
235. *Venturi F.* Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino, 1956.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Литература и источники о декабристах	7
<i>Глава II.</i> Формирование общественно-политических воззрений декабристов	37
<i>Глава III.</i> Ранние декабристские организации: Союз спасения и Союз благоденствия	52
<i>Глава IV.</i> «Переломные» годы (1820—1822)	77
<i>Глава V.</i> Конституционные проекты декабристов: «Русская Правда» П. И. Пестеля и Конституция Н. М. Муравьева	104
<i>Глава VI.</i> Декабристские организации в 1823—1825 гг.	139
<i>Глава VII.</i> «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...»	181
<i>Глава VIII.</i> Следствие и суд	218
Заключение	260
Библиография	264

Научное издание

ФЕДОРОВ Владимир Александрович

ДЕКАБРИСТЫ И ИХ ВРЕМЯ

Зав. редакцией
Г. М. Степаненко
Редактор
И. А. Барам
Художественный редактор
Ю. М. Добрянская
Художник
Б. С. Казаков
Технический редактор
Т. А. Корнеева
Корректоры
Е. Н. Павлова, Т. И. Алейникова

ИБ № 4362

Сдано в набор 17.08.92.

Формат 60×90¹/₁₆.

Высокая печать.

Бумага тип. № 2.

Усл. печ. л. 17,00.

Подписано в печать 5.11.92.

Гарнитура литературная.

Уч.-изд. л. 19,11.

Тираж 2400 экз. Заказ № 363 Изд. № 2043

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы.

